

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В. С. ДЯКИН

**ДЕНЬГИ
ДЛЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА
1892–1914 гг.**

**Аграрный кредит
в экономической политике царизма**

Издательство Санкт-Петербургского университета
1997

Paul D.

ББК 63.3(2)5
Д99

С е р и я Библиотека журнала «Новый Часовой»

Дякин В. С.

Д99 Деньги для сельского хозяйства. 1892–1914 гг.: (Аграрный кредит в экономической политике царизма). — СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1997. — 356 с.

ISBN 5-288-02017-5

Предлагаемая читателям монография Валентина Семеновича Дякина является последней книгой ученого, подготовленной им к печати в 1993 г. Работа посвящена разбору финансово-экономической политики правительства в сельском хозяйстве России 1892–1914 гг. Автор полагает, что финансирование сельского хозяйства не могло существенно изменить в лучшую сторону положение русской деревни. В. С. Дякин исследует как политику С. Ю. Витте, не желавшего «давать» деньги для сельского хозяйства, так и реформу П. А. Столыпина, проводившуюся без необходимого финансового «подкрепления». В результате автор приходит к заключению, что сельскохозяйственный кризис второй половины XIX в. в начале века нынешнего в принципе не мог быть преодолен.

Книга предназначена историкам, а также всем, интересующимся прошлым нашего Отечества.

Издание публикуется в авторской редакции.

Без объявл.

ББК 63.3(2)5

© В. С. Дякин, 1997

© Издательство С.-Петербургского
университета, 1997

ISBN 5-288-02017-5

*Издательство С.-Петербургского университета
выражает искреннюю признательность
Вице-губернатору Санкт-Петербурга,
Председателю комитета по культуре
Владимиру Петровичу Яковлеву
и фонду «Реформа и политика»
за финансовую поддержку издания.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Выпускаемая Издательством Санкт-Петербургского государственного университета книга известного российского историка Валентина Семеновича Дякина (24.VII.1930–10.I.1994) «Деньги для сельского хозяйства» является последней законченной монографией ученого. Незадолго до кончины Валентин Семенович внес в рукопись последние исправления. В конце 1993 г., на заседании отдела Новой истории России Санкт-Петербургского филиала Института Российской истории РАН, рукопись была рекомендована к печати. Однако, увы, работа по целому ряду причин так и не вышла в свет. Можно сказать, что университетское издательство, публикуя монографию «Деньги для сельского хозяйства», наконец реализует эту рекомендацию. В этом усматривается определенная логика: ведь формирование Валентина Семеновича как историка началось именно в стенах университета, на историческом факультете которого он учился с 1947 по 1952 г. Закончив обучение, Валентин Семенович некоторое время преподавал в 3-м Ленинградском педагогическом институте, затем (в 1953 г.), поступил в московскую аспирантуру Института истории АН СССР. Начиная он как новист, занимался новейшей историей Германии 1920-х годов. Этой теме и была посвящена его кандидатская диссертация, защищенная в 1956 г. В том же году Валентин Семенович был зачислен в штат научных сотрудников Института истории АН, вскоре добившись перевода из столицы в Ленинградское отделение Института (ЛОИИ). Там Валентин Семенович проработал всю свою жизнь, пройдя путь от младшего до главного научного сотрудника и получив широкую известность среди отечественных и зарубежных исследователей как один из самых квалифицированных специалистов по предреволюционной

истории России, экономическими и социально-политическими проблемами которой он стал заниматься со второй половины 50-х г. В течение многих лет Валентин Семенович систематически и скрупулезно работал в архивах, сумев на основе ранее малоизвестного или же вовсе незнакомого исследователям материала воссоздать реальную картину социально-экономического положения России конца XIX — начала XX столетия. В 1967 г. вышла его книга «Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны 1914–1917», тогда же защищенная им в качестве докторской диссертации; в 1971 г. монография «Германские капиталы в России. Электроиндустрия и электрический транспорт». В начале 1970-х годов ученый был руководителем большого коллектива историков (в качестве ответственного редактора), подготовивших 1-й том «Истории рабочих Ленинграда» (Л., 1972). За эту работу он, наряду с другими авторами, получил Государственную премию. Дальнейшие годы деятельности Валентина Семеновича были посвящены исследованию столыпинской реформы. Результатом этих исследований стал ряд новых работ ученого, среди которых необходимо отметить и монографию «Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг.» (Л., 1978). В 1984 г. в Ленинграде был издан коллективный труд «Кризис самодержавия в России. 1895–1917», ответственным редактором которого, а также автором почти половины всех текстов был Валентин Семенович.

Продолжая свои исследования, в 1988 г. он выпустил новую книгу «Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг.». Занимаясь изучением вопроса о политической состоятельности самодержавной власти накануне ее крушения, Валентин Семенович постоянно обращался и к проблеме ее (власти) финансовой состоятельности, уделяя серьезное внимание изучению хода и динамики экономических процессов, имевших место в Российской империи конца XIX — начала XX столетий. В этой связи выглядит вполне понятным проявленный Валентином Семеновичем интерес к вопросу о финансово-экономической политике правительства в сельском хозяйстве России 1892–1914 гг. Именно в этот период времени, начиная с голода 1891–1892 гг. и до первой мировой войны (включительно), правительство столкнулось с жесткой

необходимостью реформировать сельское хозяйство. По мнению Валентина Семеновича, финансирование сельского хозяйства не могло существенно изменить в лучшую сторону положение русской деревни, а это неминуемо должно было сказаться (и сказалось) на политическом будущем страны.

Таким образом, предлагаемая вниманию читателя книга является продолжением (и, к сожалению, вынужденным завершением) многолетних исследований В. С. Дякина, посвященных истории России конца XIX — начала XX столетий.

Особую признательность хочется выразить ученику Валентина Семеновича — И. В. Лукоянову, проделавшему большую работу по подготовке этой книги, а также главному редактору журнала «Новый Часовой» А. В. Терещуку.

**СПИСОК НАУЧНЫХ РАБОТ
ВАЛЕНТИНА СЕМЕНОВИЧА ДЯКИНА**

Коммунистическая партия Германии в борьбе за единый фронт: (1925–1926). Автореф. канд. дис. М., 1956. 1 л.

Рец. на книги: W. Liebe. DNVP: 1918–1924. Düsseldorf, 1956 // Новая и новейшая история. № 2. 1958. 0,6 л.; K. Heinz. Kampf der deutsche Arbeiterklasse für Enteidigung der Fürsten. Berlin, 1956 // Там же. № 5. 1958. 0,2 л.

Коммунистическая партия Германии и проблема единого фронта в годы относительной стабилизации капитализма 1924–1928 гг. Мон. М.; Л., 1961. 9 л.

Западно-германские буржуазные историки о падении Веймарской республики // Критика новейшей буржуазной историографии. М.; Л., 1961. 1,9 л.

Из истории проникновения иностранных капиталов в электротехническую промышленность России // Монополии и иностранный капитал в России. М., 1962. 2 л.

Рец. на книги: H. Hofman. Der Hitler-putsch. München, 1961 // Новая и новейшая история. № 4. 1962. 0,3 л.; Я. И. Лившин «Монополии в экономике России». М., 1961 // История СССР. № 4. 1963. 0,5 л.; И. С. Кремер «Германский пролетариат в борьбе за мир с Советской Россией». М., 1963 // Новая и новейшая история. № 6. 1963. 0,3 л.; «Классовые битвы сотрясают мир капитала». М., 1962 // Вопросы истории. № 7. 1963. 0,3 л.

Иностранные капиталы в русской электротехнической промышленности в 1890–1900-х гг. // Об особенностях империализма в России. М., 1963. 1 л.

Первая мировая война и мероприятия по ликвидации так называемого немецкого засилья // Научная сессия по истории Первой мировой войны. Тезисы. М., 1964. 0,3 л.

Финансово-капиталистические группировки в электроиндустрии и электрическом транспорте России в период предвоенного промышленного подъема и Мировой войны // Исторические записки. Т. 75. М., 1965. 3,5 л.

Место германских капиталов в электроиндустрии России // Jahrbuch für Geschichte der UdSSR. Берлин, 1966. 1,8 л.

Рец. на книгу: А. А. Фурсенко. «Нефть и мировая политика». М.; Л., 1965 // Новая и новейшая история. № 4. 1966. 0,3 л.

Международный коммерческий банк // Советская историческая энциклопедия. Т. 9. М., 1966.

Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны. Мон. Л., 1967. 25 л.

«Век масс» и ответственность классов: (Вопрос о классовой сущности фашизма в западногерманской историографии) // Критика новейшей буржуазной историографии. Л., 1967. 1,6 л.

Критика новейшей буржуазной историографии. (Чл. редкол.). 27 л.

К вопросу о «заговоре царизма накануне Февральской революции» // Внутренняя политика царизма. Л., 1967. 2,6 л.

Буржуазия и царизм накануне Февральской революции: (Кризис верхов) // Научная сессия, посвященная пятидесятилетию свержения самодержавия в России. Тезисы. М.; Л., 1967. 0,3 л.

Провал попыток создания массовой опоры либеральной буржуазии в рабочем движении в годы Мировой войны 1914–1917 гг. // Пролетариат России на пути к Октябрю 1917 года. Тезисы. Одесса, 1967. 0,3 л.

Рец. на книгу: Л. И. Гинцберг. «Тень фашистской свастики. Как Гитлер пришел к власти». М., 1967 // Новая и новейшая история. № 3. 1968. 0,3 л.

Первая Мировая война и мероприятия по ликвидации так называемого немецкого засилья // Первая Мировая война. М., 1968. 0,8 л.

В. И. Ленин и русская общественно-политическая мысль XIX — начала XX в. (Чл. редкол.). Л., 1969. 26 л.

Крах контрреволюционного похода генерала Иванова // Вопросы истории. № 3. 1969. 0,5 л.

Германия в 1924–1929 гг. // Германская история в новое и новейшее время. М., 1970. Т. 2. 2 л.

Что такое «прогрессивный блок»? // Вопросы истории. № 1. 1970. 0,6 л.

Сибирский торговый банк // Советская историческая энциклопедия. Т. 13.

Рец. на книгу: И. Май. «Das deutsche Kapital in Russland». Berlin, 1970 // Вопросы истории. № 4. 1971. 0,5 л.

Германские капиталы в России. Мон. Л., 1971. 16 л.

Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. (Чл. редкол.). Л., 1972. 26 л.

Столыпин и дворянство: (Провал местной реформы) // Там же. 3 л.

К оценке русско-германского договора 1904 г. // Проблемы истории международных отношений. Л., 1972. 2 л.

История рабочих Ленинграда. Т. 1. (Отв. ред.). Л., 1972. 43 л.

Там же. Т. 1: Введение. Заключение. Л., 1972. 0,7 л.

Рец. на книгу (совместно с Н. Е. Носовым и Г. Л. Соболевым): «История Сибири». // Коммунист. № 4. 1974. 1 л.

Рабочие Ленинграда: 1703–1975. Краткий исторический очерк. (Чл. редкол.). Л., 1975. 27 л.

Чрезвычайно-указное законодательство в России. 1906–1914 // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. VII. Л., 1976. 2 л.

Сфера компетенции указа и закона в третьеиюньской монархии // Там же. Т. VIII. Л., 1976. 2 л.

Царизм перед крахом // Звезда. № 10. 1977. 2,7 л.

Aus der Geschichte der russisch-deutschen Wirtschaftsbeziehungen: (Deutsches Kapital in der Industrie Russlands) // Deutschland und Russland im Zeitalter des Kapitalismus: 1861–1914. Wiesbaden, 1978. 0,6 л.

Начало поворота: Смерть Л. Толстого и студенческие демонстрации. (Совместно с В. Г. Савельевой) // Звезда. № 8. Л., 1978. 0,4 л.

Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Мюн. Л., 1978. 17,7 л.

Л. Е. Шепелев. «Царизм и буржуазия во второй половине XIX века: Проблемы торгово-промышленной политики». (Отв. ред.). Л., 1981. 19,5 л.

Кризис верхов в России накануне Февральской революции // Вопросы истории. № 3. 1982. 1,5 л.

Земство и самодержавие в третьеиюньской монархии // Вопросы истории России XIX — начала XX века. Л., 1983. 1 л.

Из истории экономической политики царизма в 1907–1914 гг. // Исторические науки. Т. 109. М., 1983. 3 л.

Кризис самодержавия в России: 1895–1917. (Отв. ред.). Л., 1984. 55 л.

Там же. Введение. Главы: «Самодержавие после третьеиюньского переворота»; «Столыпинская земельная реформа»; «Экономическая политика царизма в 1907–1914 гг.»; «Борьба течений в правящих верхах по вопросам внутренней политики: (1907–1909)»; «Обострение классовых противоречий в России. Провал столыпинского «успокоения»: (1909–1911)»; «Начало войны. Политический кризис лета 1915 г.»; «Царизм и оппозиция: (1915–1916)»; «Обострение продовольственного вопроса»; «Царизм накануне свержения». Заключение. Л., 1984. 21 л.

Кризис самодержавия в России... Глава (в соавторстве с Б. Б. Дубенцовым): «Разложение третьеиюньской системы: (1911–1914 гг.)». Л., 1984. 4 л.

Кризис верхов в России накануне Февральской революции // Soviet Studies of History. Sammer, 1984. Vol. 23. № 21. P. 10–38. The Russian Revolutions of 1917 in the eyes of Soviet Historians Orthodoxi versus a new Flexibility. 1,5 л.

Парламентаризм и политические партии в России до 1914 г. (В соавторстве с К. В. Гусевым и В. А. Шишкиным). На русском и немецком языках // Национальный комитет историков Советского Союза: К XVI Международному конгрессу исторических наук. М., 1985. 1,5 л.

Parlamentarismus und politische Parteien in Russland vor 1914. (В соавторстве с К. В. Гусевым и В. А. Шишкиным) // Comité International des Sciences Historiques. XVI Congrès International des Sciences Historiques. Rapport II. Stuttgart. 1985. 0,4 л.

Рец. на книгу: Н. В. Бабилунг. «Промышленность Бессарабии в конце XIX — начале XX вв.: Очерк капиталистической эволюции». Кишинев, 1985. На русском и румынском языках // Вечерний Кишинев. 1985. 5 сен. 0,2 л.

Общественная мысль в России XIX века // Труды Ленинградского отделения Института истории АН СССР. Т. 16. (Чл. редкол.). Л., 1986. 19 л.

Земство в третьейюньской монархии: (Структура избирателей и гласных) // Исторические записки. Т. 115. М., 1987. 3 л.

Л. Е. Шепелев. «Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг.» (Отв. ред.). Л., 1987. 20,3 л.

Витте и двухтомник «Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны народного хозяйства» // Монополии и экономическая политика царизма в конце XIX — начале XX в. Л., 1988. 1 л.

Там же. (Чл. редкол.). Л., 1988. 12,3 л.

Рец. на книгу: К. Ф. Шаццлло. «Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг.» // Вопросы истории. № 2. 1988. 0,3 л.

Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг.: (Разложение третьейюньской системы). Мон. Л., 1988. 17 л.

Рец. на книгу: А. П. Корелина. «Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX — начале XX вв.» // История СССР. № 2. М., 1989. 0,3 л.

Был ли шанс у Столыпина? // Звезда. № 12. Л., 1990. 1,5 л.

III Государственная Дума // Народный депутат. № 16. М., 1990. 1 л.

IV Государственная Дума // Там же. № 18. М., 1990. 1 л.

Рец. на книгу: И. В. Алексеева. «Агония сердечного согласия» // История СССР. № 1. М., 1991. 0,3 л.

Когда мы проскочили поворот? // Знание — Сила. № 2. М., 1991. 1,5 л.

Деньги для сельского хозяйства: (Выбор пути экономического развития России. 1892–1914 гг.) // История СССР. № 3. М., 1991. 1,5 л.

И парламентская республика, и сильный президент // «Конституционный вестник» Верховного Совета РСФСР. № 5. М., 1991. 0,2 л.

Из истории сельскохозяйственной политики царизма в конце XIX — начале XX вв. // Проблемы социально-экономической истории России. Л., 1991. 1 л.

Реформы или революция? Россия 1981–1917. (Отв. ред.). СПб., 1992. 27 л.

Выбор пути экономического развития России: (конец XIX — начало XX вв.) // Там же. 0,8 л.

[Пять выступлений на коллоквиуме в июне 1990 г.] // Там же. 0,4 л.

Амальрик Андрей. «Распутин. Документальная повесть» (Предисловие). М., 1992. 1 л.

Рец. на книгу: А. Каппелер. «Россия как многонациональное государство: Возникновение. История. Падение». Мюнхен, 1993 // Отечественная история. № 6. М., 1994. 0,4 л.

Национальный вопрос во внутренней политике царизма // Вопросы истории. № 9. М., 1995. 1 л.

Национальный вопрос во внутренней политике царизма. (Заключение) // Там же. № 11/12. М., 1996. 1 л.

Николай, Александра, Распутин и Камарилья // Новый Часовой. № 3. 1995. 2 л.

Церковь и государство в период третьеиюньской монархии // Там же. № 4. 1996. 0,8 л.

О рукописи В. Пикуля «Нечистая сила» // Там же. № 5. 1997. 1 л.

Национальный вопрос в России XIX — начала XX в. // Национальная политика России: история и современность. Кол. мон. М., 1997. 2 л.

Власть и реформы: От самодержавной к советской России. СПб., 1996. 10 л. Кол. мон. Ч. 7: «Третьеиюньская система. Крушение империи», главы: «Третьеиюньская система»; «Реформы П. А. Столыпина» (кроме сюжета (с. 601–607) о реорганизации местной администрации и проектах учреждения административной юстиции).

В. С. ДЯКИН

**ДЕНЬГИ
ДЛЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА
1892–1914 гг.**

**Аграрный кредит
в экономической политике царизма**

ВВЕДЕНИЕ

Основное направление экономического развития России объективно вытекало из общих тенденций мирового народного хозяйства и из геополитических целей царизма. Крымская, а затем русско-турецкая войны показали необходимость создания транспортной инфраструктуры и собственной тяжелой промышленности для сохранения статуса России как великой державы. Развитие промышленности диктовалось и интересами государственных финансов — как для поддержания внешнеторгового баланса, так и для увеличения налоговых поступлений казны. В то же время сохранение крепостнических пережитков в деревне, понижая доходность сельского хозяйства, сокращало стимулы к вложению капиталов в частное землевладение и практически препятствовало включению крестьянских хозяйств в сферу действия кредитного капитала. Одновременно промышленное развитие в России, как и в других странах на соответствующем этапе, происходило, в частности, за счет средств, изымаемых из сельского хозяйства с помощью таможенного протекционизма и налогового обложения. На положении сельского хозяйства отрицательно сказывался также в 1870–1890-х гг. мировой аграрный кризис, вызвавший значительное понижение хлебных цен.

С 1890-х гг. диспропорция состояния и тенденций эволюции промышленности и сельского хозяйства вызвала в правящих кругах полемику о направлении дальнейшего экономического развития страны. Отставание сельского хозяйства, переходящее в его кризис, по-разному проявлялось в дворянско-помещичьем и крестьянском секторах. Соответственно проблема преодоления этого кризиса вставала перед правящими кругами в первую очередь в своей социально-политической форме — как дворянский и крес-

тынский вопросы. Претензии поместного дворянства, выступившего с требованием пересмотреть политику покровительства промышленности, предоставить дополнительные льготы по ипотечной задолженности и вообще принять меры по укреплению политического и экономического положения сословия, отражали как общую озабоченность ростом капиталистических отношений в стране и увеличением удельного веса буржуазных элементов в экономике, так и беспокойство в связи с ускоряющимся темпом сокращения дворянского землевладения, пик которого пришелся в пореформенный период на середину 90-х гг. К концу 90-х гг. на первый план выступает проблема крестьянского «малоземелья» — невозможности предотвратить массовую пауперизацию крестьян при существующих размерах землепользования и данной системе ведения хозяйства. Поскольку для царизма был исключен путь дополнительного земельного наделения крестьян (не говоря уже о временности решения проблемы за счет экстенсивного расширения крестьянского землепользования), все большую актуальность приобретала задача интенсификации их хозяйства. Только на путях интенсификации производства мог быть решен и вопрос о повышении доходности дворянского землевладения, несмотря на неизбежное сокращение его площади.

Проблема интенсификации сельскохозяйственного производства, крайне важная для царизма в народнохозяйственном отношении и с точки зрения укрепления основ существующего строя, упиралась в отсутствие у большинства поместного дворянства и тем более крестьянства средств не только для долгосрочного инвестирования, но и на оборотные капиталы. Поэтому полемика о предпочтительно промышленном или предпочтительно сельскохозяйственном развитии экономики России и о методах покровительства промышленности, применявшихся С. Ю. Витте, продолжаясь и в третьиюньский период, все больше трансформировалась в спор о способах и масштабах привлечения капиталов к сельскому хозяйству. В России, с ее обширным казенным хозяйством и ее традициями активного вмешательства государства в частнохозяйственные отношения, речь могла идти и шла о прямом финансировании за счет казны государственных

работ, направленных на улучшение условий сельского хозяйства и сбыта его продукции. Однако, независимо от конкретных обстоятельств, помешавших сколько-нибудь серьезному развертыванию таких работ, в обществе, построенном на отношениях частной собственности, путь государственных инвестиций в сельское хозяйство не мог быть основным.

Выход заключался в создании системы сельскохозяйственного (мелиоративного и краткосрочного) кредита, с помощью которой часть средств денежного рынка была бы обращена на нужды сельского хозяйства. Но уже отмеченная низкая его доходность в России и незалогоспособность крестьянских наделных земель предопределяли необходимость государственных гарантий эмиссии ценных бумаг сельскохозяйственного назначения. Тем самым такие бумаги оказывались на денежном рынке конкурентами других государственных и гарантированных государством займов. Особую остроту эта проблема приобрела в годы столыпинской земельной реформы, социально-политические цели которой могли быть достигнуты только при соответствующем финансово-экономическом обеспечении. Уже мобилизация необходимого для осуществления реформы земельного фонда вызвала значительный приток на денежный рынок ипотечных бумаг. Выпуск не меньшего количества облигаций сельскохозяйственного кредита мог по мнению Министерства финансов нанести ущерб государственному кредиту и затруднить приток инвестиций в промышленность. Министерство внутренних дел и Главное управление землеустройства и земледелия готовы были на это пойти. Предметом разногласий в правящих кругах становилось, таким образом, место сельскохозяйственной кредита в общей финансовой и экономической политике царизма.

Обозначенный круг проблем не был предметом специального исследования в советской историографии. Отдельные его аспекты затрагивались в работах, посвященных финансовой и торгово-промышленной политике правящих кругов России, дворянскому и крестьянскому вопросам. Обзор имеющейся литературы по этой проблематике невозможен в рамках введения к данной книге, да я и не взял бы на себя смелость судить о работах коллег, занимающихся смежными со мною темами.

В формировании моих представлений о финансовой политике России и, в частности, об экономической программе Витте значительную роль сыграли исследования Б. А. Романова,¹ И. Ф. Гиндина,² А. Л. Сидорова,³ Б. В. Ананьича⁴ и Л. Е. Шепелева.⁵ При этом наиболее взвешенной и многосторонней оценкой экономической политики Витте мне представляется оценка, данная Б. В. Ананьичем. Характеристики Витте, содержащиеся в работах И. Ф. Гиндина 1950 — начала 1960-х гг. и в статье, посвященной полемике с Т. фон Лауэ и опубликованной в 1971 г., значительно расходятся.⁶ И. Ф. Гиндин опубликовал и прокомментировал два программных документа Витте, в которых нашли свое отражение и его взгляды на развитие сельского хозяйства.⁷ Однако самого И. Ф. Гиндина в этих документах интересовала прежде всего полемика Витте и его оппонентов из дворян-

¹ Романов Б. А. 1) Россия в Маньчжурии (1892–1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л., 1928; 2) Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895–1907. М.; Л., 1955.

² Гиндин И. Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861–1892 годы). М., 1960. См. также его статьи в различных журналах и сборниках статей 1950–1970 гг.

³ Сидоров А. Л. Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914–1917). М., 1960.

⁴ Ананьич Б. В. 1) Россия и международный капитал 1897–1914. Очерки истории финансовых отношений. Л., 1970; 2) Экономическая политика правительства. Реформы С. Ю. Витте // Кризис самодержавия в России 1895–1917. Л., 1984. С.30–45.

⁵ Шепелев Л. Е. 1) Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1981; 2) Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1987.

⁶ Гиндин И. Ф. 1) Неуставные ссуды Государственного банка и экономическая политика царского правительства // Исторические записки. Т.35. М., 1950. С.87–126; 2) Концепция капиталистической индустриализации России в работах Теодора фон Лауэ // История СССР. 1971. № 4. С.204–232. См. также сноску 7.

⁷ Гиндин И. Ф., Гейфтер М. Я. Требования дворянства и финансово-экономическая политика царизма в 1880–1890-х годах // Исторический архив. 1957. № 4. С.122–155; Гиндин И. Ф. Об основах экономической политики царского правительства в конце XIX — начале XX в. // Материалы по истории СССР. Т.6. Документы по истории монополистического капитализма в России. М., 1959. С.157–222.

ско-помещичьего лагеря вокруг виттевской политики индустриализации. Из работ, посвященных более частным аспектам торгово-промышленной политики, следует отметить монографию Т. М. Китаниной о хлебной торговле.¹ Меры государственного воздействия на хлебную торговлю непосредственно сказывались и на сельскохозяйственном производстве. Проведенное Т. М. Китаниной исследование позволяет мне вообще не касаться в книге проблемы железнодорожных тарифов и лишь кратко упомянуть о государственных закупках зерна как части мер, направленных на смягчение аграрного кризиса.

Дворянский вопрос рассматривался в работах А. П. Корелина² и Ю. Б. Соловьева. Наибольшее значение для меня имеет первая из книг Ю. Б. Соловьева, хронологически охватывающая 80–90-е гг. XIX в.³ Это — наиболее подробное в советской историографии исследование полемики Витте и дворянской реакции по вопросу о путях развития России. Ю. Б. Соловьев, в частности, детально и очень эмоционально рассматривает предысторию и историю Особого совещания по делам дворянства, что дает мне возможность обращаться к материалам этого совещания только при освещении конкретных вопросов сельскохозяйственного кредита. Напротив, для Ю. Б. Соловьева эти вопросы важны лишь постольку, поскольку они позволяют ему раскрыть общую аргументацию Витте и его противников в споре о том, как повлияли на судьбы дворянского землевладения реформа 1861 г. и последующая экономическая политика и какие меры можно было предпринять для сохранения позиций дворянства. К сожалению, в следующей книге Ю. Б. Соловьев отошел от экономической проблематики, сосредоточившись на политических аспектах взаимоотношений царизма и правого крыла дворянства. В результате, назвав Особое совещание о нуждах

¹ Китанина Т. М. Хлебная торговля России в 1875–1914 гг. (Очерки правительственной политики). Л., 1978.

² Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России. 1861–1904 гг. Состав, численность, корпоративная организация. М., 1979.

³ Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л., 1973.

сельскохозяйственной промышленности «целым рубежом в эти решающие годы»,¹ он счел сколько-нибудь подробный анализ деятельности этого совещания ненужным для задач своего исследования.

Изучение аграрной истории, в том числе крестьянского вопроса, является традиционным направлением в советской историографии. При этом, однако, историки-аграрники, занимаются ли они исследованием динамики сельскохозяйственного производства или глубины его капиталистической эволюции, основное внимание уделяют социальной политике правящих кругов, но не мерам по привлечению капитала в сельское хозяйство. К тому же и в аграрной политике царизма долгое время подвергались изучению преимущественно отмена крепостного права и столыпинская земельная реформа. По отношению к другим периодам дело ограничивалось краткими общими характеристиками или рассмотрением отдельных аспектов этой политики.

Исключение составляют работы М. С. Симоновой, посвященные аграрной политике правящих кругов России в конце XIX — начале XX в. Большим достоинством работ М. С. Симоновой является раскрытие тесной связи столкновения двух линий в аграрном вопросе и полемики Витте с противниками промышленного развития страны. Она совершенно справедливо подчеркивает, что именно на фоне успехов индустриализации все более ясно проявлялись «своеобразные ножницы промышленной и аграрной политики» царизма.² М. С. Симонова показывает, как возбужденный противниками промышленного протекционизма вопрос о чрезмерном напряжении платежных сил крестьянства привел к первому открытому столкновению двух линий в аграрной политике,³ а попытка

¹ Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1902–1907 гг. Л., 1981. С.10.

² Симонова М. С. Проблема «оскудения» Центра и ее роль в формировании аграрной политики самодержавия в 90-х годах XIX — начале XX вв. // Проблемы социально-экономической истории России. Сборник статей. М., 1971. С.238.

³ Симонова М. С. Борьба течений в правительственном лагере по вопросам аграрной политики в конце XIX в. // История СССР. 1963. № 1. С.76.

дворянской реакции использовать для подрыва финансовой политики Витте проблему «оскудения» Центра имела следствием официальное признание общего кризиса крестьянского хозяйства.¹ Заслуживает внимания мысль М. С. Симоновой о том, что «крестьянство интересовало Витте прежде всего как основной класс налогоплательщиков» и эволюция его взглядов на крестьянский вопрос «была непосредственно связана с его деятельностью на посту министра финансов».² Большое место занимает в исследованиях М. С. Симоновой Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности, ставшее главным предметом изучения в ее последней монографии. Наряду с рассмотрением борьбы течений в правящих кругах по аграрной политике в книге уделено определенное внимание и экономическим вопросам сельского хозяйства. Поскольку, однако, основной темой занятий М. С. Симоновой остается крестьянский вопрос, все другие проблемы, рассматривавшиеся Совещанием, она считает «второстепенными с точки зрения коренных проблем аграрной политики», а место, занятое ими в работе Совещания, «непропорционально большим».³ Признавая, естественно, что крестьянский вопрос с самого начала занимал при созыве Совещания центральное место в планах Витте, я все же думаю, что для Витте было важно обсудить и ряд принципиальных проблем экономического развития не только сельского хозяйства, но и страны в целом. Подход к этим вопросам как к второстепенным привел М. С. Симонову к некоторым неточностям при их изложении.

Преимущественное внимание к социально-политическим, а не финансово-экономическим проблемам характерно и для литературы по столыпинской реформе. Такое внимание определялось общими тенденциями советской историографии и отражало тот ее этап, когда главной целью работ, посвященных столыпинской реформе, было доказательство ее

¹ Симонова М. С. Проблема «оскудения» Центра. С.263.

² Симонова М. С. Борьба течений в правительственном лагере. С.74–75.

³ Симонова М. С. Кризис аграрной политики царизма накануне первой российской революции. М., 1987. С.90.

неудачи и выяснение влияния этой неудачи на революционный процесс. При этом в числе причин, которые помешали создать многочисленный слой крестьян-собственников, не включалось недостаточное развитие сельскохозяйственного кредита. С. М. Дубровский в своей книге, на которой лежит отчетливый отпечаток времени ее написания, замечал, что правительство придавало большое значение развитию кредитного дела в деревне,¹ и приводил некоторые данные, касающиеся ссуд на переселение, на приобретение сельскохозяйственных машин, подтоварного кредита, а также распространения кредитной кооперации. Он, однако, прошел мимо борьбы в правящих кругах в связи с сельскохозяйственным кредитом. С. М. Дубровский также утверждал, что царизм и стремился-то оказывать содействие подъему «отнюдь не всех хозяйств деревни», а в основном помещичьих и частично — зажиточных крестьянских,² что не соответствует действительной колитике царизма, сохранявшей значительные патерналистские элементы и направленной на создание массовой опоры в лице середняков. Признание П. А. Столыпиным и А. В. Кривошеиным необходимости финансовой помощи крестьянам-единоличникам, без чего реформа окажется незавершенной, отмечал и С. М. Сидельников.³ Но и он не исследовал, как правящие круги пытались решить эту проблему. Практически никем из историков не был поставлен вопрос — каких средств требовало осуществление столыпинской земельной реформы и было ли царское правительство в состоянии изыскать эти средства.

Ближе всего к интересующей меня теме подошел в своем очень обстоятельном исследовании А. П. Корелин. Он констатировал, что в имеющейся литературе по истории российского аграрного капитализма уделялось явно недостаточное внимание влиянию на аграрный строй страны «факторов,

¹ Дубровский С. М. Столыпинская земельная реформа. Из истории сельского хозяйства и крестьянства России в начале XX века. М., 1963. С.447.

² Там же. С.451.

³ Сидельников С. М. Аграрная политика самодержавия в период империализма. М., 1980. С.183.

обусловленных формированием и функционированием капиталистической инфраструктуры, связывающей все отрасли экономики в целостную народнохозяйственную систему».¹ В качестве одного из важнейших элементов такой системы А. П. Корелин справедливо назвал кредит, избрав его объектом изучения в своей работе. Большую часть книги А. П. Корелин посвятил анализу функционирования учреждений сельскохозяйственного кредита, особенно мелкого, и потому, что последний получил наибольшее распространение, и потому, что степень его развития позволяет судить о глубине капиталистических отношений в деревне. Постольку, поскольку я в своей книге касаюсь функционирования кредитной кооперации, я опираюсь на материал и выводы А. П. Корелина. А. П. Корелин рассматривает также, хотя и кратко, историю создания учреждений мелкого кредита. Он, однако, не затрагивает проекты, не получившие окончательного воплощения, то есть по сути дела оставляет вне поля зрения борьбу в бюрократических кругах в третьей и юньский период.

Именно здесь проходит линия размежевания между кругом интересов А. П. Корелина и моим. А. П. Корелин обращается к истории сельскохозяйственного кредита все же в первую очередь ради уточнения и углубления наших представлений о степени развития аграрного капитализма в России. Меня же интересует прежде всего борьба за перераспределение инвестиций между двумя основными отраслями целостной народнохозяйственной системы российской экономики — промышленностью и сельским хозяйством — и вызываемые этой борьбой разногласия в правящих кругах по вопросу об общем направлении экономического развития страны. Поскольку проблемы промышленного развития уже подвергались изучению, я хотел бы остановиться на вопросах сельскохозяйственной политики, сознавая, разумеется, что полная картина народнохозяйственного курса может быть получена при учете как той, так и другой стороны дела.

¹ *Корелин А. П.* Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX — начале XX вв. М., 1988. С.3.

ГЛАВА 1

Аграрный кризис и сельскохозяйственная политика С. Ю. Витте

После реформы 1861 г. правящие круги недооценили значение сельскохозяйственного кредита. Предполагалось, что полученные помещиками выкупные платежи обеспечат приспособление их хозяйств к новым экономическим условиям, а крестьяне достаточно облагодетельствованы освобождением от крепостной зависимости. Быстро возникшую нужду помещичьих хозяйств в ипотечном кредите, связанную с мобилизацией земли, первоначально рассчитывали удовлетворить через появившиеся в 70-е гг. частные земельные банки. Однако выкупные платежи и кредит частных банков были использованы помещным дворянством в основном непроизводительно.

Тем не менее в пореформенный период зерновое производство быстро росло за счет экстенсивных методов его расширения — освоения юга и юго-востока Европейской России и распахивания лугов и выгонов, что вело к упадку животноводства. Тем болезненнее ударил по русскому сельскому хозяйству мировой аграрный кризис. В стремлении смягчить последствия этого кризиса правительство пошло на создание в 1883–1885 гг. Крестьянского поземельного и Дворянского земельного банков. Перед первым была поставлена задача содействовать приобретению крестьянами помещичьих земель и тем в какой-то мере смягчить крестьянское малоземелье, внушавшее правящим кругам беспокойство в фискальном и политическом отношении. Целью второго банка было обеспечить помещному дворянству льготный, по существу благотворительный ипотечный кредит. Создание

системы государственного ипотечного кредита не решало проблем сельского хозяйства как такового, нуждавшегося в привлечении капиталов для перехода к более интенсивным формам производства (мелиоративный кредит) и в оборотных средствах (краткосрочный кредит).

Голод 1891 г. подчеркнул неотложность принятия социально-политических (изменение аграрных отношений и правового положения крестьян) и агротехнических мер для подъема сельского хозяйства, предполагавших значительные капиталовложения. В условиях низкой доходности земледелия в правящих верхах и в широких кругах экономистов разных направлений получила большое распространение мысль о необходимости прямого государственного воздействия на сельское хозяйство. Свидетельством озабоченности положением сельского хозяйства в правящих верхах стала предпринятая в 1892 г. и состоявшаяся в 1894 г. реорганизация Министерства государственных имуществ (далее — МГИ) в Министерство земледелия и государственных имуществ (далее — МЗиГИ). Главой его был назначен автор ряда трудов по агрономии и положению сельского хозяйства А. С. Ермолов, перед которым была поставлена задача усилить влияние ведомства «на развитие в империи сельскохозяйственной промышленности».¹

Одновременно экономические и политические условия России в конце XIX в. потребовали и ускорения индустриализации, тоже осуществлявшейся методами государственного воздействия. Сохранять преимущественно аграрный характер народного хозяйства значило, как подчеркивал С. Ю. Витте в 1897 г., «согласиться на... унижительное положение экономической данницы», несовместимое со статусом великой державы.² Необходимость создания собственной современной промышленности, великодержавные соображения и внешнеполитические цели царизма определили при-

¹ ПСЗ. III. Т. XIII. 1893. № 9701.

² Замечания министра финансов на записку губернских предводителей дворянства о нуждах дворянского землевладения // Исторический архив. 1957. № 4. С. 154.

оритетное значение, приданное мерам промышленного протекционизма.

Таким образом, в 90-е гг. столкнулись две объективные необходимости — ускоренного развития и промышленности, и сельского хозяйства, совместить которые в условиях ограниченного накопления капитала в стране было трудно, а существовавшие социально-политические условия (помещичье латифундиальное землевладение и крестьянское общинное землепользование) делали к тому же попытки чисто агротехнического решения сельскохозяйственных проблем заведомо малоперспективными. Это, однако, не снижало накала полемики вокруг выбора экономического курса царизма, определяемого как непосредственной заинтересованностью дворянства в поддержании его землевладения, так и обеспокоенностью более дальновидной части помещиков и правящих кругов в связи с кризисным состоянием основной массы крестьянства, подрывавшим прочность государственного бюджета и основы аграрных отношений, а следовательно и политического строя. Наконец, промышленное развитие ускоряло капиталистическую эволюцию страны. Хотя ни сама неизбежность такой эволюции, ни прямая связь ее с промышленным развитием еще не были осознаны значительной частью бюрократии и поместного дворянства, подчас инстинктивное ощущение такой связи, стремление сохранить привычный уклад жизни усиливали противостояние курсу на индустриальное развитие, тем более, что его последствия — перераспределение богатств в результате промышленного подъема и аграрного кризиса, влияние таможенного протекционизма на цены внутреннего рынка — были достаточно заметны.

Развернувшаяся в 90-е гг. полемика вокруг экономической политики затронула практически все ее аспекты — реформу денежного обращения и введение золотой валюты, таможенный протекционизм, отношение к иностранным капиталам, цели и темпы железнодорожного строительства, отношение к центру и окраинам империи. В настоящей работе нет ни необходимости, ни возможности рассмотреть все эти проблемы. Основное внимание будет уделено непосредственно столкновениям в правящих верхах в связи

с выработкой правительственного курса в области сельского хозяйства вообще и сельскохозяйственного кредита по преимуществу.

Несмотря на создание МЗиГИ, ни его положение в общей системе управления, ни личные свойства А. С. Ермолова не давали ведомству сколько-нибудь значительной роли при определении экономического курса страны. Реально удовлетворение или неудовлетворение финансовых нужд сельского хозяйства как отрасли производства, так же как удовлетворение притязаний помещиков, в большой мере зависели от Министерства финансов, во главе которого с сентября 1892 г. встал С. Ю. Витте. В то же время возможности Министерства финансов в области сельского хозяйства были уже, чем в области промышленности, поскольку и крестьянское законодательство, и дворянский вопрос входили в сферу ведения МВД и являлись предметом постоянного внимания короны.

Выступая за форсированное развитие промышленности, Витте прекрасно понимал экономическое значение сельского хозяйства. «Прочно обосноваться может лишь та промышленность, — говорил он, — которая перерабатывает свое сырье, доставляемое преимущественно земледелием, и обеспечена своим основным продуктом питания — хлебом».¹ Он, однако, последовательно выступал против прямого государственного вмешательства в сельское хозяйство, считая, что «по самому существу дела сельское хозяйство менее других отраслей производительности страны восприимчиво к мерам правительственного воздействия».² Для Витте, поставившего своей целью быстрый экономический рывок, приближающий Россию к уровню западноевропейских стран, существенными были также вопросы о сравнительных темпах возможного развития промышленности и земледелия и их доходности. Витте неизменно стоял на точке зрения, согласно которой

¹ *Vitte С. Ю.* Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанных е. и. в. вел. кн. Михаилу Александровичу в 1900–1902 гг. Второе издание. СПб., 1912. С.196.

² Всепод. доклад С. Ю. Витте «О современном положении народного хозяйства». Лето 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.26. Д.314. Л.51.

«сельскохозяйственный промысел... всего менее поддается быстрому воздействию»,¹ а законы в области аграрных отношений «требуют десятки лет для каких-нибудь результатов».² Точно так же Витте считал очевидной невыгодность сельского хозяйства по сравнению с промышленным производством. Зависимость земледелия от неподвластных человеку сил природы, долгий производственный цикл, непроизводительность затрат на постоянное содержание живого и мертвого инвентаря, используемого лишь в периоды соответствующих работ — все это, по мнению Витте, повышало предпринимательский риск сельского хозяина и обрекало его на получение дохода, немногим превышающего земельную ренту.³

Неверие в быстрый прогресс сельского хозяйства и его высокую доходность сочетались с соображениями бюджетного свойства. Прямые и косвенные налоги на крестьян, составлявшие основную доходную часть бюджета, расходовались на все нужды государства и не могли быть полностью возвращены в сельское хозяйство. Поэтому еще в составленных в 1891 г. «Соображениях министра финансов о воспособлении сельскохозяйственной промышленности чрез посредство железных дорог», скрепленных Витте в качестве директора Департамента железнодорожных дел, подчеркивалось, что «коренное улучшение сельской промышленности может совершаться лишь за счет самого же земледелия, так как потребные для того средства необходимо черпать преимущественно из доходов сельского населения», а круг намечаемых в этих целях мероприятий должен быть «соразмерен» средствам казначейства и другим нуждам государства. В «Соображениях» И. А. Вышнеградского и Витте была сформулирована та концепция финансового ведомства, ко-

¹ Всепод. доклад министра финансов о государственной росписи доходов и расходов на 1895 г. // Правительственный вестник. 1895. 1 января.

² Протокол Особого совещания по делам дворянства 21 февраля 1898 г. // РГИА. Ф.1283. Оп.1. Ос. совещ. Д.33а. Л.8.

³ Замечания министра финансов по вопросу о пересмотре действующего порядка приобретения прав потомственного дворянства. Декабрь 1897 г. // Там же. Д.22а. Л.89–90.

тору Витте затем последовательно отстаивал на всем протяжении своего пребывания у власти: наиболее целесообразная помощь государства сельскому хозяйству состоит не в непосредственных капиталовложениях в него, а в создании дешевого кредита, развитии сети железных дорог и торгового мореходства и, главное, в развитии отечественной промышленности, «которое создает новые внутренние рынки для сельскохозяйственных продуктов и умножение капиталов, а следовательно и удешевление их для потребностей самого земледелия».¹

Отрицательное отношение к прямым государственным капиталовложениям в сельское хозяйство первоначально сочеталось у Витте с готовностью обеспечить земледелию широкий кредит. Об этом свидетельствуют проекты пересмотра устава Государственного банка. Открывая заседание комиссии, занимавшейся этим пересмотром, Витте 11 января 1893 г. подчеркивал, что главной целью нового устава должно быть предоставление «промышленности вообще и сельскохозяйственной в особенности возможных облегчений в пользовании кредитом».² О том, что уставом, утвержденным в июне 1894 г., было «возмещено» в качестве первоочередного содействие именно сельскому хозяйству, руководство банка говорило и тогда, когда отход от первоначальных планов был зафиксирован документально.³

Позиция Витте в отношении кредита сельскому хозяйству в 1892 — первой половине 1894 г. определялась тем, что он пришел в Министерство финансов, веря в возможность одновременного стимулирования и промышленности, и земледелия с помощью бумажных денег. В литературе уже

¹ Там же. Ф.1683. Оп.1. Д.58. Л.7–8. И. Ф. Гиндин и М. Я. Гефтер, впервые упомянувшие о существовании этой записки в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина, датируют ее 1893 годом. (См.: Исторический архив. 1957. № 4. С.124), но в 1893 г. под ней уже не могло быть подписи И. А. Вышнеградского.

² РГИА. Ф.1152. Оп.11. 1894. Д.226. Л.146.

³ Предположения Совета Государственного банка об изменении устава банка в связи с предстоящим исправлением денежного обращения. Июнь—июль 1896 г. // Там же. Ф.587. Оп.56. Д.4. Л.3.

рассмотрено предложение Витте выпустить для строительства Сибирской магистрали особые «сибирские» кредитные билеты.¹ В ходе обсуждения устава Государственного банка Витте говорил, что восстановление металлического обращения является задачей неопределенного будущего, до наступления которого развитие производительных сил будет осуществляться с помощью выпуска бумажных денег «по мере возрастания в них потребности».² В 1904 г. в журнале Соединенных департаментов Государственного совета прямо признавалось, что устав Государственного банка 1894 г. предполагал финансирование народного хозяйства «широким выпуском кредитных билетов».³ Но как только для Витте стала ясна необходимость перехода к золотому обращению (притом в кратчайшие сроки, в частности потому, что накопленный Вышнеградским золотой запас лежал мертвым грузом) и, следовательно, невозможность увеличения бумажной денежной массы в обороте, он безоговорочно сделал выбор в пользу сосредоточения всех финансовых ресурсов для развития промышленности и железнодорожного строительства.

Между тем как раз в эти годы падение хлебных цен, обостренное высоким урожаем 1893 г. и таможенной войной с Германией, сделало вопрос о кредите особенно актуальным для поместного дворянства. Падение доходности хозяйств привело к затруднениям в выплате ипотечной задолженности, усилилась нужда в ссудах на оборотные средства. В результате 1892–1893 гг. оказались годами наибольшей неустойчивости дворянского землевладения со времени отмены крепостного права и до русско-японской войны,⁴ что вызвало у современников ощущение близости массового перехода дворянских имений в другие руки. В 1895 г. в ходе

¹ *Ананьич Б. В.* Россия и международный капитал 1897–1914. Очерки истории финансовых отношений. Л., 1970. С.14–16.

² Журнал комиссии по пересмотру устава Государственного банка 20 января 1893 г. // РГИА. Ф.1152. Оп.11. 1894. Д.226. Л.213.

³ Там же. Оп.13. 1904. Д.187. Л.144.

⁴ Русское экономическое обозрение. 1904. № 7. С.24.

обсуждения нового устава Крестьянского банка, разрешавшего ему покупать помещичьи земли за свой счет, часть членов Государственного совета высказывала опасения, как бы эта операция не привела к быстрой продаже дворянских владений на сотни миллионов рублей, а Витте считал «несомненным фактом, что земля роковым образом уходит из рук дворянства».¹

Острота кризиса дворянского землевладения привела к тому, что «дворянский вопрос» занял центральное место в борьбе в верхах вокруг экономического курса Витте. Все стороны этого курса оценивались с точки зрения их влияния на интересы дворянства, отношение к перспективам социально-экономического развития страны определялось возможными последствиями этого развития для экономических и политических позиций сословия. В такой ситуации конкретные требования о льготах заемщикам Дворянского банка и о расширении, тоже на льготных основаниях, краткосрочного кредита на оборотные средства переплетались с постановкой общеполитических проблем. «Дворянский вопрос» в политике царизма с большой степенью полноты исследован Ю. Б. Соловьевым,² что позволяет в данной работе остановиться лишь на некоторых моментах, важных для общего изложения или не попавших в поле зрения Ю. Б. Соловьева.

Воцарение 20 октября 1894 г. Николая II, сразу проявившего подчеркивать особое внимание к интересам сельского хозяйства, которое он публично объявлял «главным и наиболее сродным русскому человеку источником богатства»,³ вдохновило противников промышленного развития, подводивших под свои требования поддержки поместного землевладения политическую аргументацию и доказывавших, что спасенный от разорения дворянин и сытый крестьянин

¹ Замечания министра финансов по поводу мнения 6 членов Государственного совета. 20 октября 1895 г. // РГИА. Ф.1152. Оп.12. 1895. Д.229. Л.442, 451.

² Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л., 1973.

³ Правительственный вестник. 1894. 30 октября.

важнее для борьбы с «идеями анархизма», чем железные дороги.¹ Поэтому Витте пришлось развить большую активность, чтобы остоять курс на насаждение промышленности.

В опубликованных и в не предназначенных для печати документах Витте с особенной настойчивостью защищал два тезиса.

Первый из них провозглашал необходимость последовательности в движении по уже избранному пути. Доклад о росписи на 1895 г. — первый бюджетный доклад в новом царствовании — Витте построил как обзор экономической политики при Александре III, выделив как бы три «завета», передаваемых в наследство Николаю II: сохранение бюджетного равновесия, подготовку денежной реформы и развитие отечественной промышленности. «В бозе почивший император, — писал Витте, — явился убежденным покровителем отечественной промышленности и в течение всего своего славного царствования проводил покровительственную систему с решительностью, не допускающей никаких сомнений».² Еще более настойчив был Витте в докладе о бюджете на 1897 г. Обнародованию этого доклада предшествовало появление записки 27 губернских предводителей дворянства, требовавших пересмотра всего пореформенного курса финансового ведомства, и доклад Витте в значительной мере был печатным ответом на эту записку, хотя сама она, как конфиденциальная, в тексте не упоминалась.

«В истории материальной культуры для каждого государства, — писал Витте, — насаждение промышленности считается по праву чрезвычайно важным поворотом в экономической жизни народа». Россия, утверждал он, такой поворот уже совершила, что вызвало соответствующее перераспределение капитала, рабочих рук, выработку определенных форм кредита. Теперь возврат к укладу сельскохозяйственной страны был бы равносильен «экономической катастрофе» и означал бы лишь добровольное согласие «на

¹ *Лилиенфельд В. К.* Как предупредить дворянское землевладение от неминуемой гибели? СПб., 1894. С.3.

² *Правительственный вестник.* 1895. 1 января.

установление международного обмена на условиях вполне очевидной, неприкрытой эксплуатации своих производительных сил».¹ В непредназначенном для печати ответе на записку предводителей Витте назвал их позицию «потребительской» и настаивал, что такие меры общегосударственного значения, как поддержка промышленности, вообще не могут быть правильно оценены с точки зрения «частнохозяйственных» интересов «и даже вообще с точки зрения интересов наличного поколения».²

В стремлении подкрепить свое утверждение об уже совершившемся превращении России в промышленную державу Витте шел на явные передержки. В докладе о бюджете на 1897 г. он позволил себе заявить, будто в России горная и фабрично-заводская промышленность по своему объему производства (2 млрд рублей) уже обогнали сельское хозяйство, «все годовое производство» которого не превышает, якобы, 1,5 млрд рублей. Этот заведомо неправильный подсчет долго фигурировал затем в различных записках противников Витте как доказательство невозможности доверять заявлениям министра финансов.

Второй постоянный тезис Витте состоял в том, что интересы помещного дворянства являются «частнохозяйственными», не обязательно совпадающими с общегосударственными или общесельскохозяйственными. Разумеется, Витте не мог и не собирался проводить антидворянскую политику. Все его резкие филиппики против бесхозяйственности «прокутившегося» помещного дворянства³ и заявления о том, что дворяне, неспособные существовать без государственной поддержки, не нужны государству,⁴ неизменно заканчивались изъявлением готовности принять возможные меры «для

¹ Правительственный вестник. 1897. 1 января.

² Замечания министра финансов на записку губернских предводителей дворянства о нуждах дворянского землевладения // Исторический архив. 1957. № 4. С.152.

³ С. Ю. Витте — В. П. Мещерскому б/д. // РГИА. Ф.1622. Оп.1. Д.1018. Л.141–143.

⁴ Записка С. Ю. Витте по поводу записки трех предводителей дворянства. Май 1898 г. // Там же. Ф.1283. Оп.1. Ос. совещ. Д.6а. Л.124.

ограждения дохода сельских хозяев от влияния временных и случайных обстоятельств».¹

Но в число таких обстоятельств Витте в принципе не включал низкие хлебные цены. Он не только рассматривал низкие цены на хлеб как постоянный фактор мировой торговли, но и основывал на них свою политику индустриализации, поскольку дешевизна основного продукта питания рабочих сокращала расходы на создание промышленности.² Даже в 1895 г., когда цены на зерно упали до чрезвычайно низкого уровня, орган финансового ведомства «Вестник финансов, промышленности и торговли» доказывал, что «блестящие технические и промышленные успехи за последнее двадцатипятилетие обязаны дешевизне хлеба».³

Дворянские жалобы на убыточность существующих хлебных цен подкреплялись ссылками на то, что политика индустриализации противоречит интересам подавляющего большинства населения страны и способствует разорению «сельского населения» (крестьян). Поэтому для Витте было важно провести разграничение между «сельским населением» и «хозяевами», «земледелием» и «землевладением». Такое разграничение давало Витте возможность подчеркивать, что льготы, предоставляемые дворянству, либо вытекают из политических соображений, либо преследуют цель поддержать несостоятельных должников Дворянского банка, но не являются экономическими мероприятиями общегосударственного значения. Это давало основания отчасти ограничить предоставляемые льготы, полностью отказаться в которых он не мог. Для Витте важно было также доказать, что низкие хлебные цены не подрывают благосостояния крестьян и бюджетное благополучие.

¹ Всепод. доклад С. Ю. Витте «О современном положении хлебных цен». Сентябрь 1893 г. // Там же. Ф.40. Оп.1. Д.45. Л.113.

² Гурко В. И. Что есть и чего нет в «Воспоминаниях» графа С. Ю. Витте // Русская летопись. Париж, 1922. Кн.2. С.75.

³ Вестник финансов, промышленности и торговли (далее — Вестник финансов). 1895. № 42. С.238.

При этом, говоря о различии интересов помещиков и крестьян, Витте имел в виду не противоположность их классовых позиций, а степень их связи с рынком. В основе его позиции лежало широко распространенное в бюрократических кругах и в тогдашней экономической науке представление о натуральном характере крестьянского хозяйства, мало связанного с рынком и потому не зависящего от хлебных цен. Желание Витте опереться на такого рода представления привело его к сотрудничеству с группой либерально-народнических авторов, вылившемуся в итоге в издание на средства и при содействии Министерства финансов известного двухтомного труда «Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства».¹

Предварительные выводы авторов этого труда были взяты Витте на вооружение уже в докладе о бюджете на 1895 г. Исходной точкой его рассуждений была констатация того, что понижение хлебных цен «представляет выдающуюся черту экономической истории культурных государств за последнюю четверть века». Витте доказывал, что низкие цены невыгодны главным образом землевладельцам, обремененным ипотечным долгом. Утверждая, будто в России господствует натуральное хозяйство, Витте подводил к выводу, что высокий урожай выгоден крестьянам и фабрично-заводской промышленности и увеличивает государственные доходы, а потому «для России в общей совокупности интересов ее сельского и всего народного хозяйства... является благословением, даже если он сопровождается некоторым падением цен на хлеб». Аналогичные, подчас текстуально близкие рассуждения были включены Витте в доклады о бюджете на 1896 и 1897 гг. В последнем Витте кроме того доказывал, что жалобы помещичьего дворянства

¹ См. подробнее: *Дякин В. С.* С. Ю. Витте и двухтомник «Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства» // Монополии и экономическая политика царизма в конце XIX — начале XX в. Л., 1987. С.106–127; См. также: *Симонова М. С.* Проблема «оскудения» Центра и ее роль в формировании аграрной политики самодержавия в 90-х годах XIX — начале XX в. // Проблемы социально-экономической истории России. Сборник статей. М., 1971. С.241–242.

на убыточность хозяйства являются результатом неправомерного сопоставления существующих хлебных цен с чрезмерно завышенными ценами 70-х гг. Он выражал готовность проявить «особое попечение правительственной власти» по отношению к владельцам заложенных имений, но снова подчеркивал, что «обстоятельство это не должно порождать отождествления интересов известной группы землевладельцев с интересами всякого вообще землевладения и в особенности с общехозяйственными интересами страны».

Такая позиция Витте встречала резкие возражения аграриев, стоявших на том, что «разорение дворянского землевладения есть прежде всего политическое несчастье России, не возмражаемое никакими материальными благами».¹ Результатом настойчивой кампании «аграрной партии» в бюрократических кругах и при дворе, поддержанной дворянскими петициями с мест, было образование весной 1897 г. Особого совещания по делам дворянского сословия. Важным этапом в ходе выработки дворянской платформы была подготовленная годом раньше записка 27 губернских предводителей дворянства, в которой правительству предъявлялся счет за все — за освобождение крестьян на «несправедливых» для помещиков условиях, за покровительство промышленности, за падение хлебных цен. В области кредита в записке выдвигались требования понизить платежи по долгам Дворянскому банку, открыть в нем кредит на покупку дворянами земель, находящихся в недворянских руках, в размере 75% их стоимости, что грозило новым значительным бременем для казны, и предоставлять краткосрочные (т.н. соло-вексельные) ссуды из Государственного банка вне зависимости ни «от состояния государственного кредита, ни денежного рынка».² Еще дальше заходили претензии отдельных предводителей дворянства и местных прожектеров, предлагавших беспроцентную отсрочку половины долга Дворянскому банку впредь до погашения другой

¹ Русский вестник. 1895. № 2. С.375.

² РГИА. Ф.593. Оп.1. Д.351. Л.1–39. См. о записке предводителей также: Соловьев Ю. Б. Указ. соч. С.222–225.

его половины (это грозило банку убытками в сотни миллионов рублей), превращение ипотечного кредита во вспомогательный фонд, из которого помещики могли бы «черпать после каждого тяжелого экономического кризиса» и который пополнялся бы выпуском особой «дворянской» ренты, пользующейся всеми преимуществами государственной,¹ ввести налог на промышленность для поддержания дворянских хозяйств.²

Далеко не все авторы дворянских ходатайств додумывали свою мысль до конца, нередко полагая, будто привлечение сотен миллионов рублей на нужды ипотечного кредита и понижение протекционистских пошлин совместимы с ростом промышленности. Но в ряде ходатайств губернских дворянских собраний отчетливо звучали утверждения, что «интересы земледелия... должны быть выше интересов и покровительства промышленности и даже железнодорожного строительства», ибо только при экстренной помощи власти помещики смогут дождаться «лучших дней»,³ тогда как благополучие дворянства и крестьянства «более необходимы и составляют более прочные устои государственного строя, чем поощряемый министром финансов капитализм с неизбежным противовесом ему — социализмом».⁴

Общей исходной точкой рассуждений во всех ходатайствах являлись непонимание закономерности перехода российской экономики на капиталистические рельсы и убежденность в том, что «насаждение капитализма» производится Витте искусственно. Непонимание неотвратимости капиталистической эволюции России даже в высших эшелонах власти показала полемика Витте и его главного оппонента на протяжении всего его пребывания на посту министра

¹ Н. Ф. Сухомлинов — А. Д. Оболенскому 19 апреля 1897 г. // РГИА. Ф.593. Оп.1. Д.351. Л.214-215.

² Дворянин Роколов — И. Н. Дурново 10 марта 1898 г. // Там же. Ф.1283. Оп.1. Ос. совещ. Д.2. Ч.1. Л.244.

³ Постановление очередного дворянского собрания Области войска Донского 15 января 1898 г. // Там же. Д.1. Ч.2. Л.193-194.

⁴ Всеподд. адрес дворянства Курской губернии // Там же. Ф.593. Оп.1. Д.351. Л.262.

финансов — В. К. Плеве в Совещании о дворянстве, в ходе которой Витте говорил о переходе к капитализму как «мировом непреложном законе», а Плеве доказывал, что «Россия имеет свою отдельную историю и специальный строй» и потому «будет избавлена от гнета капитализма и буржуазии».¹

В числе критиков экономического курса Витте находилось и Министерство земледелия. В 1895 г. оно провело свое обследование, убедительно доказавшее, что из-за низких норм собственного потребления крестьянство представлено на хлебном рынке значительными массами зерна.² Тем самым подрывался тезис Витте о крестьянской незаинтересованности в хлебных ценах. В 1897 г. специально созданная по указанию Ермолова комиссия МЗиГИ подготовила доклад «Сельскохозяйственный кризис, его причины и меры к его ослаблению». В докладе и в отдельной записке Отдела сельской экономики подвергались критике подсчеты Витте по сравнительной производительности промышленности и сельского хозяйства и подчеркивалось, что в период аграрного кризиса легкая промышленность по темпам своего развития отставала от естественного прироста населения, а возросли «лишь те немногие отрасли промышленности, которые пользуются исключительно высоким покровительством, сосредоточены в монопольных руках или развиваются на счет выгодных казенных заказов».³ Эти соображения, так же как ряд предложений по развитию мелиоративного кредита, поощрению производств, перерабатывающих сельскохозяйственную продукцию, имели безусловный резон. Но их осуществление требовало очень значительных средств, которые, по мнению МЗиГИ, должны были быть предоставлены за счет казны, для чего предлагался специальный 4%-ный займ. Это означало переключение привлекаемых государством капиталов с промышленности на сельское, а точнее — помещичье хозяйство.

¹ Соловьев Ю. Б. Указ. соч. С.292–295.

² Чистый сбор пшеницы и ржи в связи с потреблением. СПб., 1895.

³ РГИА. Ф.381. Оп.50. Д.61. Л.147.

В докладе комиссии МЗиГИ осуждалась также «наша таможенно-покровительственная система» и со ссылкой на мнение Екатерины II доказывалась выгодность для России не крупной, а мелкой «рассеянной» промышленности. Технические преимущества крупной промышленности перед мелкой отрицались на том основании, что кустарь, одновременно являющийся земледельцем, может довольствоваться минимальным заработком.¹ О предпочтительности создания небольших фабрик и развития кустарного производства перед «искусственным поддержанием одной обрабатывающей промышленности» писал Ермолов и при выработке программы Совещания о дворянстве.²

Попытка инициаторов Совещания о дворянстве изменить общее направление финансово-экономической политики России окончилась неудачей, поскольку противоречила объективным тенденциям исторического процесса и поскольку, как будет показано в дальнейшем, у сторонников преимущественного развития сельского хозяйства не было реальной программы. Поэтому деятельность совещания свелась к поискам мер, направленных на поддержание дворянства как сословия, понимаемых в основном как способы сохранения его позиций в землевладении (призыв Витте «привести дворянство к промышленности»³ повис в воздухе). Но и на этом пути «аграрная партия» добилась немногого. Согласившись в мае 1897 г. предоставить трехлетнюю отсрочку наиболее неисправным должникам Дворянского банка (отсроченные недоимки составили 12,8 млн рублей), Витте одновременно добился от Николая опубликования указа на свое имя, пресекавшего «дальнейшие изменения в постановлениях, относящихся к платежам и всякого рода льготам по ссудам» из банка до завершения конверсии его 4 и 4,5%-ных

¹ Там же. Ф.395. Оп.1. Д.588. Л.130, 142.

² Перечень мер для поддержания дворянского сословия // Там же. Ф.1283. Оп.1. Ос. совещ. Д.4. Л.145.

³ Протокол Особого совещания по делам дворянства 6 декабря 1897 г. // Там же. Д.229. Л.10; См. также: *Соловьев Ю. Б.* Указ. соч. С.297.

закладных листов.¹ Это поставило преграду новым покушениям на капитал банка, уже несшего с 1896 г. убытки на разнице между поступлениями от должников и выплатами по закладным листам.² Подготовленные в ходе работы совещания законопроекты о майоратах, о дворянских кассах взаимопомощи и о насаждении дворянского землевладения в Сибири оказались мертворожденными.

Как уже отмечалось, в числе аргументов, выдвигавшихся против экономического курса Витте, было и обвинение в том, что покровительство промышленности ведет к разорению крестьянства. Остроту этой проблемы, как и вообще крестьянского вопроса, Витте оценил не сразу. В своем первом бюджетном докладе Александру III Витте доказывал, что последствия неурожая 1891 г. сказались на платежных силах крестьянства «в меньшей степени, чем это было предположено», и что вообще при обширности России неурожай в каком-либо ее регионе «не могут подрывать экономического благополучия государства». Исходя из этого, он объявлял опасной для «гражданской и экономической жизни страны» чрезмерную сдержанность в финансовой политике и провозглашал право государства не останавливаться «перед некоторым временным напряжением платежных сил» населения.³ Доклад служил обоснованием последовавших за ним мер по увеличению налогообложения. В докладе о росписи на 1896 г. Витте уже пришлось уделить значительное место полемике с «политическими пессимистами», отмечавшими несоответствие бюджетного благополучия и реального положения крестьянских масс. Витте утверждал, будто рост поступлений от косвенных налогов (ставки которых были им увеличены) свидетельствует об увеличении потребления.

¹ Собрание узаконений. 1897. Т.1. № 57. Ст.726.

² Заключение Государственного контролера по отчетам Дворянского банка за 1894–1898 гг. // РГИА. Ф.1152. Оп.13. 1902. Д.112а. Л.46. По подсчетам, произведенным банком в 1902 г., он к началу того года потерял на льготах, предоставленных заемщикам в 1889, 1894 и 1897 гг., 60,6 млн рублей.

³ Правительственный вестник. 1893. 1 января.

Доклад отражал начавшийся пересмотр взглядов Витте в крестьянском вопросе. Полемизируя с теми, кто выражал беспокойство в связи с дифференциацией крестьянства и видел в ней «вторжение так называемого капиталистического развития и в сельскую жизнь», Витте писал: «Но никакого иного распространения благосостояния, кроме происходящего на почве этого капиталистического развития, экономическая жизнь еще нигде не видела... И если наша сельская жизнь начинает двигаться по пути капиталистического развития, то это доказывает только, что общее улучшение экономических условий, благоприятствующее росту народного благосостояния, получило явственное выражение и в сельском быту».¹ Параллельно, начиная с доклада о бюджете на 1897 г., Витте старательно подчеркивал отдельные шаги, предпринимавшиеся его ведомством для облегчения «наиболее отягочительных» статей податного обложения. Реальная обеспокоенность положением крестьянства, чреватых социальными осложнениями в деревне, с самого начала была присуща не только либеральному, но и консервативному крылу дворянского лагеря. Но в начале и середине 90-х гг. в дворянских ходатайствах на первый план выдвигаются сословные требования, а указания на важность для государственных устоев иметь «сытого крестьянина» носили вспомогательный характер. С конца 90-х гг. сословно-дворянская мотивировка критики экономического курса Витте становилась все менее удобной, поскольку хлебные цены начали подниматься, и основания для жалоб на убыточность помещичьих хозяйств уменьшились. Одновременно ухудшение положения крестьян, особенно в черноземных губерниях, становилось все более явным, вызывая публичное обсуждение проблемы «оскудения Центра», необходимости сокращения выкупных платежей и других мер по предотвращению краха крестьянского хозяйства.²

Хотя, как позднее признавалось в отчетах Государственного контроля, тяжелее всего на крестьянских хозяйствах

¹ Там же. 1896. 1 января.

² См. подробнее: *Симонова М. С.* Указ. соч. С.236–263.

отражалось «бремя, возложенное на сельское население выкупным долгом»,¹ противники Витте в бюрократических кругах сочли ситуацию подходящей для того, чтобы возложить всю ответственность за крестьянское оскудение на налоговую политику последних лет, связанную с поддержкой промышленности. В составленный в 1897 г. отчет государственного контролера Т. И. Филиппова об исполнении росписи на 1896 г. было вставлено указание на то, что «платежные силы сельского населения находятся в чрезмерном напряжении, особенно в центральных губерниях». Против этой фразы Николай написал: «Мне тоже так кажется».² На следующий год Филиппов в очередном отчете специально подчеркнул, что помета Николая обязывает «ведомства, до коих это касается», принять меры к снижению налогов и тем самым к поднятию благосостояния населения.³

Кампанию, направленную против него, Витте постарался использовать в собственных целях. Признав теперь, что «местами» уровень крестьянского хозяйства падает, Витте объявлял это следствием не своей политики, а «юридического и экономического неустройства быта крестьянского населения», и начал борьбу против общины, которую пять лет назад еще считал гарантией благосостояния крестьян. Но отбиваться от обвинений в подрыве народного и бюджетного благополучия Витте было труднее, чем от обвинений в разорении дворянских поместий, тем более, что последние он парировал как раз ссылками на прочность народного хозяйства в целом. Поэтому Витте пришлось заговорить о временности проводимого им протекционистского курса. Сначала эта тема была развита в «Письмах о русской промышленности и иностранных капиталах» одного из ближайших сотрудников Витте редактора периодических

¹ Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1902 г. СПб., 1903. С.50.

² Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1896 г. СПб., 1897. С.55.

³ Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1897 г. СПб., 1898. С.53.

изданий Министерства финансов М. М. Федорова.¹ Затем на совещании 17 марта 1899 г. под председательством Николая и в подготовленном к нему докладе «О необходимости установить и затем непреложно придерживаться определенной программы торгово-промышленной политики империи» и сам Витте должен был признать, что бремя покровительства промышленности «представляется уже прямо едва посильным... особенно для земледельческого населения», и назвать 1904 г., когда будет заключен новый торговый договор с Германией, сроком неизбежного некоторого понижения таможенных тарифов.²

Совещание 17 марта и предшествовавшая ему борьба показали, насколько трудно, несмотря на отсутствие у его противников реальной экономической программы, дается Витте осуществление его курса. После того как три его предшественника на посту министра финансов и сам он уже седьмой год проводили (хотя и с определенными отличиями) курс на промышленное развитие страны, Витте вынужден был представить к совещанию доклад, в котором заново повторить и развить аргументацию о важности создания собственной промышленности как «коренной не только экономической, но и политической задачи» царизма.³

Конкретный конфликт, вызвавший обострение борьбы вокруг виттевской политики, был связан с попыткой в. кн. Александра Михайловича под предлогом борьбы с иностранным и еврейским капиталом выступить небескорыстным посредником каких-то финансовых групп при сдаче в аренду нефтеносных земель в Баку.⁴ Для понимания значения этого конфликта существенно, что за спиной Александра Михай-

¹ Русское экономическое обозрение. 1899. № 1. С.39–40.

² Материалы по истории СССР. Т.VI. Документы по истории монополистического капитализма в России. М., 1959. С.180, 193, 201.

³ Там же. С.177.

⁴ *Ананьич Б. В.* Указ. соч. С.21–22; Его же. Экономическая политика правительства. Реформы С. Ю. Витте // Кризис самодержавия в России 1895–1917. Л., 1984. С.35–37; *Шенелев Л. Е.* Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1981. С.221–222.

ловича стояли не только представители крайних аграриев, стремившихся поставить преграду на пути промышленного развития, но и верхушка старомосковской буржуазии, надевшаяся с помощью «патриотических» лозунгов закрепить свои позиции в российской индустрии. Внутренняя противоречивость протекционистского курса Витте, преследовавшего цель расширения промышленного производства с последующим понижением товарных цен, но одновременно создававшего благоприятные условия для ускорения монополизационных процессов и сохранения высокого уровня цен, проявилась в этом конфликте со всей очевидностью, вызвав резкое недовольство Витте против тех представителей буржуазии, которые союзом с Александром Михайловичем наносили ему удар в спину. Этим объяснялась резкость публичного выпада Витте против тех, кто выступал за увековечение протекционизма, потому что «удобно уселся за богатым столом».¹ В то же время и этот выпад, и согласие Витте включить в высочайшее повеление по итогам совещания 17 марта 1899 г. пожелание, «чтобы срок действия высоких протекционистских пошлин был наивозможно менее продолжителен»,² являлись тактическим приемом, ибо Витте продолжал считать необходимым сохранение протекционизма еще в течение ряда десятилетий.

К лету 1899 г. Витте удалось, таким образом, отбить атаки на его экономическую политику, хотя и ценой обещания частично изменить ее в относительно близком будущем. Но осень 1899 г. ознаменовалась началом мирового денежного и промышленного кризиса, который дал противникам министра финансов новые аргументы.

Параллельно с полемикой Витте и помещного дворянства о капиталистической эволюции экономики России развернулся спор Министерства финансов и Министерства земле-

¹ Торгово-промышленная газета. 1899. 2 марта.

² Материалы по истории СССР. Т. VI. С. 206.

деля о конкретных формах и масштабах государственного воздействия на сельское хозяйство.

Аграрный кризис привел, как отмечалось, к падению доходности зернового производства и к стремлению передовых капиталистических стран Европы либо оградить свой хлебный рынок высокими пошлинами, либо переориентироваться на животноводство и выращивание более ценных, чем хлеб, культур. Проблема относительного перепроизводства зерна (при широко распространенном крестьянском недоедании) обсуждалась и в русских правящих кругах и в прессе. Уже в обзоре деятельности Министерства финансов за 1883 и 1884 гг. Н. Х. Бунге говорил, что русское сельское хозяйство «должно озаботиться улучшением качества своих произведений и сообщением им большего разнообразия, направляя при том свою деятельность на производство более ценных продуктов, как-то — мяса, домашней птицы, яиц, льна, овощей, плодов и пр.».¹ О необходимости поднять интенсивность земледелия «при возможном в то же время сокращении площади земли собственно под зерновой культурой» писал в 1890 г. еще в бытность свою чиновником Министерства финансов Ермолов.² Организационные и финансовые трудности интенсификации сельского хозяйства усиливали в большей части правящих кругов убежденность в необходимости прямого государственного вмешательства в эту отрасль.

С целью «усиления полезного его воздействия» на сельское хозяйство и была произведена реорганизация Министерства государственных имуществ в Министерство земледелия и государственных имуществ. Проект создания МЗиГИ исходил из посылки, что борьба с неблагоприятными климатическими и экономическими условиями не под силу отдельным хозяевам и требует их общих усилий, причем правительству «надлежит играть роль могущественного покровителя, заступника и объединителя действий». Соответственно провозглашалась принципиальная необходимость

¹ РГИА. Ф.560. Оп.22. Д.164. Л.23.

² Русское обозрение. 1890. № 6. С.669.

сосредоточить в МЗиГИ «все правительственные мероприятия», затрагивающие интересы сельского хозяйства, в том числе земельный кредит, железнодорожные тарифы, торговлю сельскохозяйственными продуктами и т. п. В этих притязаниях отражалась характерная черта государственной машины России — при отсутствии объединенного правительства каждое министерство старалось подчинить непосредственно себе все учреждения, так или иначе причастные к предметам его ведения. Предвидя, однако, сопротивление других министров, Ермолов уже в представлении о реорганизации МГИ отказался от покушения на передачу под его начало им же перечисленных отраслей, соглашаясь удовлетвориться лишь более активным участием МЗиГИ «в разрешении другими ведомствами» дел, которые «пока остаются в их управлении».¹

Возглавивший в 1893 г. МГИ — МЗиГИ А. С. Ермолов не принадлежал к крайним представителям «аграрной партии». Он видел взаимосвязь промышленного развития и прогресса сельского хозяйства и понимал, что подъем последнего возможен «только при условии поднятия всех других отраслей народного хозяйства в России», тогда как при одностороннем земледельческом развитии страна будет обречена «на печальную, вполне зависимую от других народов роль производителя дешевого сырья».² Но Ермолов признавал необходимость создания крупного производства лишь в горной и металлургической промышленности, поддерживая Витте в политике привлечения иностранных капиталов в них и их таможенной защиты. Остальные отрасли промышленности Ермолов рассматривал прежде всего как источник заработка для крестьян и средство повышения доходности помещичьих имений и потому выступал за предпочтение в этих отраслях кустарного и мелкого производства, подчеркивая, что не считает «благополучным и здоровым исходом» для крестьянства расширение фабрич-

¹ РГИА. Ф.1149. Оп.11. 1893. Д.102. Л.19–20.

² Русское обозрение. 1890. № 6. С.669.

ного производства в городах.¹ И по должности, и по убеждениям Ермолов постоянно выступал за увеличение бюджетных ассигнований «как на правительственные затраты на пользу сельского хозяйства, так и на ссуды частным лицам для разного рода хозяйственных улучшений»,² и доказывал, что «даже самые крупные затраты государственных средств окупятся сторицею... при оказании содействия развитию земледелия, от преуспевания которого зависит и все благосостояние русского народа».³

Но даже разработать план такого содействия развитию земледелия МЗиГИ не смогло. А. Н. Куломзин, считавший, что МЗиГИ «даны были серьезные денежные средства», видел причину неудачи в отсутствии у Ермолова организаторских способностей и твердых убеждений в вопросах народного хозяйства.⁴ Витте, напротив, вспоминал, что отказывал Ермолову в деньгах, которыми он все равно не умел распоряжаться.⁵ Дело было, однако, не в безусловных личных недостатках Ермолова как министра, а в общей неподготовленности государственного аппарата к широкомасштабным мероприятиям в области сельского хозяйства.

Комиссии П. А. Валуева в 70-е гг. и В. К. Плеве на рубеже 80–90-х гг. включали в свои рекомендации широкий перечень несопоставимых по своему значению мер прямого и косвенного воздействия на сельское хозяйство. Рекомендации не затрагивали, естественно, основы аграрного строя в стране, а предлагаемые мероприятия по развитию кредита, организации хлебной торговли, дорожному делу, агротехническим улучшениям носили самый общий характер.

Под впечатлением засухи 1891 г. Государственный совет признал первоочередной задачей искусственное обводнение полей за счет казны и поручил МГИ выработать соответ-

¹ Записка МЗиГИ 17 апреля 1898 г. // РГИА. Ф.560. Оп.26. Д.62. Л.14.

² Всепод. доклад А. С. Ермолова 31 мая 1893 г. // Там же. Ф.381. Оп.46. Д.145. Л.83.

³ Всепод. доклад А. С. Ермолова 5 июня 1895 г. // Там же. Д.155. Л.132.

⁴ Куломзин А. Н. Пережитое. // Там же. Ф.1642. Оп.1. Д.185. Л.3.

⁵ Витте С. Ю. Воспоминания. Т.1. М., 1960. С.348–349.

вующий план. Представляя первый его вариант весной 1893 г., МГИ отмечало, что даже в Европейской России не проведены еще сколько-нибудь продолжительные метеорологические и гидрологические наблюдения. Кроме того, в рекомендациях сельскохозяйственной науки существовал большой разнбой, не установился тип мелиоративных сооружений, не только в штатах министерства, но и в стране вообще было катастрофически мало специалистов гидрологов и гидротехников. Все это не могло не отразиться на вносимых ведомством предложениях, которые в 90-е гг. систематически подвергались критике за неполноту и за приблизительность сметных исчислений.

В проекте, представленном МГИ весной 1893 г. и основанном на записке известного гидролога И. И. Жилинского, ранее руководившего первыми в стране осушительными работами в Полесье, указывалось, что в орошении нуждается территория к югу от линии Самара — Воронеж — Балта с населением в 20 млн человек со 100 млн десятин сельскохозяйственных угодий. В проекте говорилось лишь о первоочередных работах в некоторых уездах Самарской и Саратовской губерний, стоимость которых была исчислена в 14 млн рублей, причем на 1893 г. министерство просило всего 200 тысяч. Таким образом, «первоочередные» работы грозили растянуться на долгие годы. При этом, вопреки общим соображениям о целесообразности сокращения зернового производства, план 1893 г. был составлен в расчете именно на орошение хлебных полей. Это отчетливо вытекало из рассуждений Жилинского о том, что орошение водой из рек окупается только при переходе на особо ценные культуры, а потому главным способом ныне предполагаемых работ должно быть устройство лиманного орошения (временного затопления полей вешними тальми водами) и обводнение (устройство прудов и колодцев). Такие работы намечались на казенных и крестьянских землях, причем стоимость работ на последних должна была быть затем выплачена крестьянами казне. Только на нескольких опытных полях МГИ предполагалось завести правильную систему постоянного орошения для подготовки агрономов, которые

потом передавали бы опыт и частным хозяйствам.¹ Поскольку воспоминания о голоде 1891 г. были еще свежи, а просимые ассигнования ничтожны, Витте не стал протестовать против проекта, а Государственный совет одобрил его, попеняв МГИ за то, что у него до сих пор нет «достаточных данных для уяснения общего плана действий» в мелиоративном деле, важном «не только для сельского хозяйства, но и вообще для интересов государственного благосостояния».²

Для разработки такого плана Ермолов в конце 1893 г. представил проект исследования водораздела Волги и Западной Двины, верховьев Днепра, Дона и ряда других рек Европейского Центра, дабы выяснить их состояние, возможности их охраны путем лесонасаждений и способы удержания внешних вод в верховьях рек. Рекогносцировочные экспедиции проводились в 1894–1896 гг. в составе шести специалистов (и трех их помощников на полевой период), причем, как выяснилось в ходе обсуждения в Государственном совете, у МЗиГИ не было людей для организации еще одной экспедиции. С 1897 г. МЗиГИ запланировало более детальное обследование отдельных участков верхней Волги, Оки и Дона, предупреждая, что несколько урожайных лет «не должны отодвинуть общее сознание в необходимости упорядочения водного хозяйства».³ Хотя речь шла всего лишь об увеличении ассигнований с 25 до 40 тысяч рублей в год, Министерство финансов запротестовало, напоминая, что в 1894 г. средства вообще были отпущены единовременно, а теперь расход превращается в постоянный, тогда как практической отдачи от него казначейство не видит. МЗиГИ со своей стороны доказывало важность «приведения в ясность водных богатств, начиная... с среднерусской возвышенности»,

¹ РГИА. Ф.1152. Оп.11. 1893. Д.213. Л.4–16.

² Журнал Государственного совета в Департаменте государственной экономики 5 мая 1893 г. // Там же. Л.37.

³ Представление МЗиГИ о кредите на исследование источников рек в 1897–1898 гг. // Там же. Оп.12. 1897. Д.58. Л.10.

и подчеркивало, что к такому исследованию надо было приступить еще 20–30 лет назад.¹

На протяжении 1897–1901 гг. ассигнования сохранились на нищенском уровне 25 тысяч рублей в год. Сугубо прагматический подход Витте к научным исследованиям с отдаленными практическими результатами повлек за собой, таким образом, затруднения в организации гидрологических наблюдений в России. Это сказалось и на создании в 1902 г. Гидрологического комитета при МЗиГИ. По предположениям Ермолова, комитет должен был не только руководить в дальнейшем метеорологическими и гидрологическими исследованиями, но и заниматься разработкой водного законодательства, обсуждением спорных вопросов водопользования, рассмотрением просьб о строительстве плотин в промышленных целях и т.п. Полезность создаваемого учреждения была вне сомнений. Но получить согласие Витте Ермолову удалось только при условии, что комитет будет существовать на средства, уже внесенные в смету МЗиГИ на другие нужды, и не потребует дополнительных расходов казны.²

Основываясь на первых результатах гидрологических исследований, Ермолов в конце 1896 г. представил план мелиоративных работ на юге и юго-востоке Европейской России. Речь шла по-прежнему о малой ирригации, собирающей вешние и ливневые воды. Учитывая общую позицию Министерства финансов по отношению к государственным расходам на сельское хозяйство, МЗиГИ на этот раз подчеркивало свою обязанность заботиться о доходности казенных земель и намечало организацию опытных станций главным образом в Самарской, Херсонской и Екатеринославской губерниях, прося на эти цели 1,4 млн рублей на 5 лет. Что касается помощи помещикам и крестьянам, то МЗиГИ предлагало ограничить ее «командированием техников для

¹ Об охране водных богатств. Главные результаты четырех летних трудов экспедиции для исследования источников главнейших рек Европейской России. СПб., Б/г. С.2–3.

² Представление МЗиГИ 6 декабря 1902 г.; С. Ю. Витте — А. С. Ермолову 8 мая 1902 г. // РГИА. Ф.1149. Оп.13. 1903. Д.20. Л.2–26, 27.

изысканий и для составления планов и смет, предоставляя производство работ по возведению сооружений самим землевладельцам на их собственный счет и на счет мелиоративного кредита» (это почти исключало работы на крестьянских землях), Для осуществления консультаций МЗиГИ просило увеличить его штат на 9 инженеров и 30 техников. Повторяя обычные положения о важности орошения для скотоводства и для перехода к высокоценным культурам, МЗиГИ настаивало, что нельзя не думать и о «культуре обыкновенных хлебов», которые при существующих ценах становятся все менее доходными.¹

Эти оговорки вызвали резкую реакцию Витте, увидевшего в них намерение МЗиГИ бороться с последствиями аграрного кризиса путем интенсификации зернового производства. «Цены хлебов на всемирном рынке, — утверждал он, — регулируются уже не предложением европейского только производства, могущего дать сравнительно дорогой хлеб, как продукт интенсивной культуры, а преимущественно, если не исключительно, огромным количеством зерна, добываемого от распашки девственных земель Америки, Австралии, Африки». Поэтому «затраты правительства на орошение земель под зерновую культуру» он считал «менее, чем когда-либо производительными». Кроме того, в разгар борьбы с растущими притязаниями заемщиков Дворянского банка Витте не могла не беспокоить перспектива, как бы казенные мелиоративные работы не оказались лазейкой для перекачивания средств в помещичьи хозяйства, и он напоминал Ермолову, что в прошлом такие работы уже представляли собой по сути «пожертвования государственного казначейства в пользу отдельных лиц». Сославшись для вящей доказательности на разногласия в научной литературе относительно пользы орошения в южнорусских степях и выразив сомнение в способности МЗиГИ соорудить и эксплуатировать мелиоративные системы «на нескольких десятках миллионов десятин» (хотя Ермолов просил лишь о создании 16 опытных станций), Витте соглашался лишь на

¹ Там же. Ф.1152. Оп.12. 1897. Д.28. Л.195–230.

сохранение 8 уже существовавших станций, а все новые работы требовал перенести в Туркестан и Закавказье «в видах развития там высших сельскохозяйственных культур... хлопка, табака, чая и т. п.»¹

В Государственном совете В. Н. Коковцов от имени Министерства финансов повторил, что «увеличение за счет казны» производства хлебов лишь усугубит «тяжесть переживаемого нашими сельскими хозяевами положения». Сельские хозяева в Государственном совете не поддержали столь категоричной позиции Министерства финансов и выразили надежду, что МЗиГИ и в Европейской России займется в казенных имениях распространением специальных культур, служа примером помещикам. На этом основании Совет отпустил МЗиГИ на 1897 и 1898 гг. по 200 тысяч рублей, оставив вопрос о дальнейших ассигнованиях открытым.²

Очень быстро выяснилось, что МЗиГИ с делом не справляется. К 1900 г. еще не были освоены средства, отпущенные на 1898 г. К тому же работы велись дорого и плохо. В обстановке, когда с 1900 г. был взят курс на сокращение бюджетных расходов, вызванный финансовыми трудностями из-за дальневосточной авантюры царизма, Государственный совет в 1902 г. предложил впредь в Европейской России отдавать предпочтение ирригации не на казенных, а на частных землях за счет их владельцев.

Не вышли из самой начальной стадии и работы в Туркестане. Выращивавшиеся местные сорта хлопка не удовлетворяли русскую текстильную промышленность и правительство давно уже было озабочено увеличением его производства, стремясь совместить эту задачу с целями русской колонизации окраин. С 1883 г. в Туркестане была введена культура американского хлопка, затем распространенная на Закаспийскую область и Закавказье. Вывоз хлопка в Европейскую Россию стал рентабельным с 1887 г., когда до Бухары была проведена железная дорога. Оросительными

¹ С. Ю. Витте — А. С. Ермолову 29 июля 1896 г. // Там же. Л.272–282.

² Журнал Государственного совета в Соединенных департаментах... 9 января 1897 г. // Там же. Л.283–286.

работами занимались в небольших масштабах казна и в. кн. Николай Константинович, очень стремившийся к монопольному положению. В декабре 1894 г. по предложению Витте пошлины на хлопок были повышены на 50%. Обосновывая эту меру, Витте ссылаясь не только на нужду в отечественном хлопке, но и на желательность того, «чтобы Средняя Азия всю свою годную для культуры землю отвела под хлопок, ограничив свое производство пшеницы», и тем «не только перестала быть конкурентом южнорусских и кавказских производителей пшеницы, но даже явилась покупателем пшеницы на русском рынке».¹ За отвлечение в Туркестан сибирского хлеба, для чего еще требовалось построить Туркестано-Сибирскую железную дорогу, высказывался и Ермолов.²

Отсутствие реальных сведений о размерах водостока Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи и о стоимости предстоящих работ, опасения подорвать экономику низовий рек чрезмерным отвлечением воды в верхнем течении, сомнения в возможности использования плотин привели к тому, что на первых порах было решено ограничиться главным образом усовершенствованием системы старых арыков в Ферганской долине и орошением части Голодной степи. Ермолов настаивал, чтобы вновь орошаемые земли предназначались исключительно для русских переселенцев, появление которых вблизи Ташкента он считал важным в административном и политическом отношении. План предусматривал освоение по 10 000 десятин в год при уже обследованных 150 тысячах десятин. На этом основании Министерство финансов и Государственный совет высказывались против дальнейших исследований как преждевременных. Они отклоняли также фиксацию расходов на все предусмотренные работы (исчисленных МЗиГИ с явным занижением в 2,5 млн рублей, но

¹ Шульце-Геверниц Г. Очерки общественного хозяйства и экономической политики России. СПб., 1901. С.473.

² Записка о поездке министра земледелия и государственных имуществ в Закаспийскую область и Туркестанский край осенью 1894 г. // РГИА. Ф.381. Оп.46. Д.155. Л.51–52.

еще более сокращенных Государственным советом), предлагая ежегодный отпуск средств в сметном порядке.¹ События на Дальнем Востоке и неподготовленность МЗиГИ сорвали выполнение и этой скромной программы.

Несмотря на продолжавшиеся с 80-х гг. разговоры о преимущественном развитии животноводства и специальных культур, реально в этом отношении МЗиГИ делало мало. Определенная ориентация части крестьянских и помещичьих хозяйств на огородничество, травосеяние и т.п. происходила без государственного участия под воздействием рынка и наблюдалась преимущественно возле крупных городов. Стесненное в средствах МЗиГИ возлагало главные надежды не на прямое участие казны, а на мелиоративный кредит. Со своей стороны Министерство финансов также проявляло сдержанность. «Вестник финансов» откровенно выражал сомнение в возможности скорого развития животноводства, требующего «значительных денежных средств», поскольку внутренний рынок для его продукции узок, а выход на внешний затруднителен.² Но в обстановке усиливавшихся нападков на него за подрыв благосостояния крестьянства Витте в 1899 г. сам предложил денежное содействие МЗиГИ, если оно выработает программу для Европейского Центра, включающую в себя помощь крестьянскому животноводству. Такая программа была и вообще трудна для слабосильного сельскохозяйственного ведомства. К тому же при попустительстве Ермолова в Сельскохозяйственном совете при МЗиГИ (совещательном органе, обсуждавшем основные законопроекты ведомства) решающим влиянием пользовались помещики. Их представители в совете отказались составлять общий план, заявив, что на первое время достаточно устроить несколько племенных питомников для «воспособления развитию более культурного владельческого

¹ Представление МЗиГИ 19 октября 1894 г.; А. П. Иващенко — А. С. Ермолову 6 октября 1899 г.; В. Н. Коковцов — А. С. Ермолову 29 сентября 1899 г. // Там же. Ф.1152. Оп.12. 1899. Д.501. Л.2–38, 39–40, 41–44.

² Вестник финансов. 1896. № 15. С.79.

животноводства».¹ На это, насколько можно судить, Витте денег не дал.

Серьезные расхождения между Министерством финансов и МЗиГИ выявились и в связи с мелиоративным кредитом. Первый опыт такого кредита для содействия освоению новороссийских губерний, предпринятый в 1810 г., имел крайне ограниченные размеры.² Требования обеспечить сельскому хозяйству мелиоративный кредит в масштабах всей страны выдвигались со времен комиссии Валуева, причем все время речь шла о кредите со стороны государства, которое не стремилось бы извлечь доход из предоставляемых займов и тем обеспечивало бы низкий процент по ссудам. Первый проект Положения о ссудах на сельскохозяйственные улучшения был подготовлен МГИ к лету 1892 г., но задержан обсуждением, поскольку Витте обещал возложить кредитование сельского хозяйства на Государственный банк. Однако устав 1894 г. предусматривал лишь ссуды на приобретение сельскохозяйственного инвентаря. Это не могло удовлетворить Ермолова, внесшего 17 февраля 1895 г. новый проект организации мелиоративного кредита.

В проекте подчеркивалось, что сельское хозяйство в России обеспечивает «не только продовольствие страны, но и материальное ее благосостояние, развитие почти всех отраслей фабричной и заводской промышленности, равно как и финансовые ресурсы государства», и нуждается в обширном кредите особенно «для перехода от безусловно доказавшей на опыте последних лет свою непригодность системы экстенсивного хлебопашества к более разностороннему интенсивному хозяйству». Признавая, что огромные суммы, полученные помещным дворянством в качестве выкупных платежей и ипотечного кредита, не пошли на нужды сельского хозяйства, МЗиГИ предлагало теперь

¹ Журнал Особого совещания представителей сельского хозяйства 5 сессии Сельскохозяйственного совета 17 ноября 1899 г. // РГИА. Ф.395. Оп.1. Д.749. Л.190–195.

² Корелин А. П. Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX — начале XX в. М., 1988. С.33.

дополнить ипотечный кредит целевым мелиоративным с установлением строгого контроля за использованием ссуд по назначению. Уже ссылка на непродуктивно потраченные ипотечные ссуды показывала, что новая форма кредита была ориентирована в первую очередь на помещичьи хозяйства. Об этом же свидетельствовал перечень целей, на которые предназначались ссуды. В него входили: 1) осушительные, оросительные и обводнительные работы, насаждение садов и лесов; 2) улучшение живого и мертвого инвентаря; 3) возведение сельскохозяйственных построек; 4) устройство технических производств, рассчитанных на переработку продуктов собственного хозяйства, включая винокуренные и сахарные заводы; 5) улучшение общей организации хозяйства устройством хуторов или, напротив, введением самостоятельного хозяйствования вместо сдачи земель в аренду. Только первые три типа работ в какой-то мере были посильны и для крестьянских общин, формально имевших право на получение ссуд под круговую поруку. Для выдачи ссуд предполагалось создать фонд сельскохозяйственных улучшений МЗиГИ, формируемый из бюджетных отчислений.¹

Еще до передачи проекта в Государственный совет Витте прислал Ермолову свой отзыв. Министр финансов был в принципе против мелиоративного кредита, предназначенного преимущественно помещикам, понимая, что назад казна будет получать свои деньги с трудом. Не случайно с самого начала обсуждалось, хотя и было осуществлено позже, взимание долгов по этому кредиту в принудительном порядке.² В конце 1901 г. Витте в открытую заявил: «...тратить средства казны на мелиорацию имений... я считаю невозможным».³ Но в 1895 г. Витте на такую откровенность не решался и потому писал лишь о необходимости вводить мелиоративные ссуды «с крайней постепенностью и осто-

¹ РГИА. Ф.1152. Оп.12. 1896. Д.97. Л.2–50.

² Корелин А. П. Указ. соч. С.34.

³ Протокол Особого совещания по делам дворянства 10 ноября 1901 г. // РГИА. Ф.1283. Оп.1. Ос. совещ. Д.229. Л.321.

рожностью, в виде опыта», ассигнуя на них первое время не более 1 млн рублей в год. Витте при этом предлагал резко сузить круг целевых назначений кредита, исключив из него сельскохозяйственный инвентарь (чтобы не дублировать ссуды Государственного банка), винокуренные и свеклосахарные заводы, сельскохозяйственные постройки и улучшение организации хозяйства, оставляя только ирригацию, лесоразведение и устройство садов и виноградников. Это был сознательный маневр, поскольку именно ирригация и лесоводство меньше всего интересовали помещиков. Соглашаясь на некоторое сужение сферы приложения мелиоративного кредита, Ермолов резко запротестовал против ограничения его объема, особенно подчеркивая, что предлагаемая Витте сумма находится в полном несоответствии как с важностью сельскохозяйственных улучшений в России, так и с теми «обширными кредитами, какие правительство предоставляет сравнительно второстепенным отраслям обрабатывающей промышленности».¹

Однако Государственный совет при всех своих помещичьих симпатиях не поддержал Ермолова. Во-первых, в момент резкого падения хлебных цен члены Совета склонны были прислушиваться к предостережениям Витте, что мелиоративные работы могут пойти «на расширение зернового хозяйства» и увеличение перепроизводства. Соединенные департаменты Государственного совета тоже сочли уместным подчеркнуть необходимость «относиться с особою осторожностью к сельскохозяйственным улучшениям, имеющим в виду расширение объема культуры зерновых хлебов». В результате Ермолов, в феврале 1895 г. напоминая, что два урожайных года вовсе «не изменяют картину незавидного положения нашего земледелия», и явно допуская использование мелиоративных ссуд и для повышения урожайности хлебов, в мае уже выражал надежду, что внесенные им изменения устранят сомнения, не явятся ли эти ссуды «поощрением к дальнейшему увеличению площади посева

¹ Там же. Ф.1152. Оп.12. 1896. Д.97. Л.45.

зерновых хлебов».¹ Во-вторых (и это было главным), Государственный совет опасался, что дворянское землевладение не выдержит нового кредита и рухнет под его тяжестью.

Хорошо зная нравы своей среды, члены Совета понимали, что обремененные ипотечным долгом землевладельцы могут ухватиться за ссуду под предлогом улучшения хозяйства на любых условиях, чтобы «временно устранить денежные затруднения», а в итоге вынуждены будут расстаться с имением.² Витте сыграл и на этом, представив записку члена Совета Государственного банка И. И. Кауфмана, в которой доказывалось, что не только в России, но и в Западной Европе мелиоративный кредит не имеет большого будущего, ибо он рассчитан на залогоспособность земли, в значительной мере исчерпанную ипотекой.³ Дабы не вызвать «преувеличенных расчетов на помощь правительства», Государственный совет пошел дальше Витте в сужении круга действия ссуд на сельскохозяйственные улучшения, исключив из него и лесоводство. Совет отклонил также ссуды на обзаведение скотом, которые по идее Ермолова в какой-то мере предназначались крестьянам.⁴ В итоге были оставлены только кредиты на ирригационные работы и разведение садов и виноградников. Ссуды выдавались на 7–30 лет в размере 75% стоимости предполагаемых работ под 4% годовых, а при «капитальных» работах ирригационного типа — под 2%, т.е. дешевле, чем платило государство по собственным долгам. Даже предельно ограниченный закон, утвержденный Николаем 6 мая 1896 г., был принят в качестве временного сроком на три года.⁵

¹ Представления МЗиГИ 17 февраля и 3 мая 1895 г.; Журнал Государственного совета в Соединенных департаментах... 23 марта 1895 г. // Там же. Л.43, 153, 160–161.

² Журнал Государственного совета в Соединенных департаментах... 22 февраля и 7 марта 1896 г. // Там же. Л.229.

³ Там же. Л.185–200.

⁴ Там же. Л.224–238.

⁵ *Корелин А. П.* Указ. соч. С.35–36.

Правила 1896 г. ни в коей мере не могли удовлетворить землевладельцев. С одной стороны, они исключали из сферы мелиоративного кредита наиболее важные для быстрого увеличения доходности имений операции (создание предприятий по переработке продукции и улучшение инвентаря) и вводили очень бюрократизированный порядок выдачи ссуд. В результате МЗиГИ в 1897–1900 гг. выдало их всего на 349 тысяч рублей, не исчерпав даже той небольшой суммы, которая была ему единовременно отпущена при утверждении закона. С другой стороны, поместное дворянство по-прежнему видело в ссудах на сельскохозяйственные улучшения спасение для разоряющихся имений и настаивало на коренном изменении введенного порядка. На сессии Сельскохозяйственного совета в 1898 г. представители помещиков требовали поставить выдачу ссуд в зависимость не от кредитоспособности заемщика, а от «целесообразности предполагаемой мелиорации», открывать кредит «без излишних формальностей» и из более низкого процента, даже если это будет сопряжено с убытками для казны. Речь шла о превращении мелиоративных ссуд в почти безвозвратные пособия, источником для которых был бы гарантированный правительством особый заем. Такой кредит был явно невозможен под контролем Министерства финансов, и в Сельскохозяйственном совете высказывалось пожелание создать особый Мелиоративный банк при МЗиГИ.¹

Не солидаризируясь с наиболее далеко идущими требованиями помещиков, Ермолов добивался расширения разрешенного круга мелиораций. В 1898 г. он добился права кредитовать строительство винных подвалов и плодосушилен в крупных поместьях, объясняя, что для мелких хозяйств создание подобных предприятий нерентабельно.² Затем, ссылаясь на то, что разрешенные операции имеют значение прежде всего для южных, а не центральных губерний,

¹ Представление МЗиГИ 19 октября 1899 г. // РГИА. Ф.1287. Оп.23. Д.2481. Л.107–120.

² Представление МЗиГИ 3 декабря 1897 г. // Там же. Ф.1152. Оп.12. 1898. Д.26. Л.2–13.

Ермолов вернулся к идее создания более широкого круга перерабатывающих (в том числе деревообделочных) заведений в поместьях и «образования в имениях отдельных хуторских хозяйств» (сдаваемых затем в аренду). Он хотел также понизить процент по мелиоративным ссудам до уровня, более низкого, чем заведомо льготный процент Дворянского банка.¹ Идея создания хуторов была подхвачена в отзыве министра внутренних дел И. Л. Горемыкина, причем истолкована расширительно. Отзыв допускал и размежевание крестьянской общины «для успешного ведения хозяйства в случаях, когда обрабатываемые поля отстоят за несколько верст от усадеб», и в противопожарных целях. Но даже Горемыкин выступил против идеи мелких обрабатывающих предприятий, заметив, что «при современных условиях промышленности заводы небольших размеров сельскохозяйственного типа нередко оказываются убыточными».² Витте отвергал все предложения МЗиГИ, особенно подчеркивая, что мелиоративные ссуды «не могут выдаваться из процента более низкого, чем рыночный, или по крайней мере тот, по которому государство само может делать займы».³

В условиях начавшегося промышленного кризиса и усиления критики экономического курса Витте ему не удалось полностью провести свою точку зрения через Государственный совет. Лишь меньшинство Совета согласилось с Витте, что за счет мелиоративного кредита следует осуществлять только работы, ведущие к повышению ценности почвы (иригация), а не доходности отдельных хозяйств. Оно предупреждало, что в противном случае к мелиоративным ссудам прибегнут все, кто пользуется для обзаведения инвентарем и постройками ипотечным кредитом, и миллиардный спрос войдет в полное несоответствие с размерами фонда сельскохозяйственных улучшений МЗиГИ. Большинство Государственного совета высказалось за разрешение

¹ А. С. Ермолов — И. Л. Горемыкину 18 декабря 1898 г. // Там же. Ф.1287. Оп.23. Д.2481. Л.1—27.

² И. Л. Горемыкин — А. С. Ермолову 29 мая 1899 г. // Там же. Л.63—64.

³ Представление МЗиГИ 19 октября 1899 г. // Там же. Л.96—100.

ссуд на постройки, предприятия и покупку племенного скота. Мнение большинства было утверждено Николаем 29 мая 1900 г.¹

Победа Ермолова была, однако, весьма относительной, ибо новое Положение расширяло круг мелиораций, но не ассигнования на них. Ссуды предполагалось выдавать все из того же 1 млн рублей, полученного МЗИГИ в 1895–1896 гг., к которому Витте соглашался по его исчерпанию добавлять по 500 тысяч рублей в год.

Наиболее актуальной для помещного дворянства, особенно в условиях аграрного кризиса, была проблема краткосрочного кредита на оборотные средства. В той мере, в какой имелся в виду учет векселей по уже совершенным сделкам купли-продажи сельскохозяйственной продукции, помещики могли прибегать к услугам Государственного и частных банков наравне с другой их клиентурой. Но как правило помещикам нужны были деньги до сбора урожая — на оплату полевых работ и других текущих расходов — или для выжидания цен. В этих случаях у них не оказывалось торговых векселей для учета, ибо сделка еще не состоялась. В ссудах под хлеб во избежание его продажи по низким ценам нуждались и крестьяне, но в основном банковский кредит был для них недоступен и о них речь пойдет при рассмотрении истории мелкого кредита.

Уже с начала 70-х гг. помещики стали ходатайствовать об открытии им краткосрочного кредита в Государственном банке на особых основаниях. Предпринятая в 1874 г. попытка не слишком отдалиться от общих правил потерпела неудачу из-за низкого уровня капиталистической организации помещичьих хозяйств. Поэтому 28 января 1884 г. Министерство финансов было вынуждено ввести для помещиков особые

¹ Отчет по делопроизводству Государственного совета за сессию 1899–1900 г. Т. I. СПб., 1900. С. 270–271, 275–285; См. также: *Корелин А. П.* Указ. соч. С. 36.

векселя за подписью только заемщика (соло-векселя) сроком на 9 месяцев под залог имений, в том числе под вторую закладную, поскольку на имениях часто уже лежал ипотечный долг. Ссуды выдавались в размере не более 60% свободной стоимости имения.¹ С самого начала Министерство финансов опасалось, что кредит Государственного банка будет использован не на оборотные средства, а на платежи по ипотечной задолженности. Бунге подчеркивал, что соло-вексельный кредит предоставлялся землевладельцам «не ради уплаты их старых долгов, а для доставления способов к правильному ведению хозяйства».² В этих целях кредит был обставлен рядом жестких условий при оформлении ссуды. В результате экономически крепкие хозяйства предпочитали пользоваться краткосрочным кредитом на общекommerческих основаниях, а к соло-вексельным ссудам обращались в основном землевладельцы, уже обремененные старыми долгами, для которых возврат нового был затруднителен.

К концу 1894 г. обеспечением соло-вексельного кредита служили 4,06 млн десятин земли, из которых 3,4 млн были уже заложены в ипотечных банках.³ Переписывание долга вместо его возврата при ограниченности общего масштаба соло-вексельной операции превратило краткосрочный кредит в долгосрочный «для известного кружка лиц», как выражался Витте,⁴ вообще скептически называвший соло-вексельные ссуды «чисто русским изобретением», не имеющим аналогов в мировой банковской практике. К 1893 г. по подсчетам Кредитной канцелярии только 30% заемщиков использовали соло-вексельный кредит действительно на оборотные средства, а 70% переписывали векселя, обременив имения «очень вредным в экономическом отношении непогашаемым дол-

¹ Корелин А. П. Указ. соч. С.46.

² Обзор деятельности Министерства финансов за 1883 г. с включением некоторых данных за 1884 г. // РГИА. Ф.560. Оп.22. Д.164. Л.41.

³ Обзор деятельности Министерства финансов в царствование императора Александра III (1881–1894). СПб., 1902. С.197.

⁴ Стенограмма Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности 23 октября 1904 г. // РГИА. Ф.1233. Оп.1. Д.17. Л.41.

гом».¹ Такая же ситуация сохранялась и в дальнейшем, поэтому представляются неправомерными подсчеты общей суммы соло-вексельного кредита за тот или иной период.²

Обремененность дворянского землевладения ипотечным долгом, в результате которой, по признанию видного члена Государственного совета П. А. Сабурова, к соло-вексельному кредиту прибегали как к «предсмертному средству»³ (для погашения очередных платежей Дворянскому банку), определяла и остроту борьбы вокруг этой формы кредита, и позицию Министерства финансов. Прекрасно понимая ненормальность соло-вексельной операции, финансовое ведомство не могло игнорировать настойчивые требования помещичьего дворянства о ее развитии, особенно в период таможенной войны с Германией и резкого падения цен 1894–1895 гг. На протяжении 1889–1894 гг. срок соло-векселей был продлен до 12 месяцев, разрешена их выдача под залог лесных угодий, упрощен и ускорен порядок оформления ссуд. В результате их ежегодная сумма, в 1893 г. впервые перевалившая за 20 млн рублей, в 1895 г. достигла уже 42,3 млн рублей при одновременном значительном увеличении (абсолютном и относительном) остатка долга к концу года.⁴

Но если в 1893–1895 гг. Министерство финансов было вынуждено мириться с таким положением ради поддержки помещичьего дворянства, то подготовка перехода к золотому обращению потребовала сокращения долгосрочного портфеля Государственного банка. При этом особое беспокойство Совета банка вызывало то обстоятельство, что сокращение его сельскохозяйственных операций осуществляется «после того, как при реформе 1894 г. было возведено обратное».⁵

¹ Ссуды под обеспечение недвижимым имуществом и сельскохозяйственными машинами и орудиями. // Там же. Ф.583. Оп.3. Д.872. Л.17.

² См.: Корелин А. П. Указ. соч. С.54, 57.

³ Стенограмма Особого совещания о нуждах... 23 октября 1904 г. // РГИА. Ф.1233. Оп.1. Д.17. Л.43.

⁴ Корелин А. П. Указ. соч. С.47.

⁵ Предположения Совета Государственного банка об изменении устава банка в связи с предстоящим исправлением денежного обращения. 1896 г. // РГИА. Ф.587. Оп.56. Д.4. Л.3.

Правила 19 сентября 1896 г. несколько ограничили предоставление ссуд под уже заложенные земли (максимальная общая сумма ипотечного и соло-вексельного долга, в 1892 г. установленная в $\frac{3}{4}$ оценочной стоимости земли вместо прежних 84–90%, понижалась до $\frac{2}{3}$), сократили круг целей, на которые открывался кредит, только такими нуждами хозяйства, расходы на которые покрываются за один год, запретили переписку векселей. Следствием новых правил было резкое и непредвиденное даже финансовым ведомством сокращение соло-вексельной операции до 12 млн рублей в 1899 г.¹

Правила 19 сентября 1896 г. были приняты накануне резкого обострения борьбы вокруг требований поместного дворянства и сами стали предметом острого столкновения.² Отбиваясь, по собственному более позднему выражению, от атаки, «вызванной дворянским совещанием»,³ Витте перенес вопрос о соло-вексельном кредите в Комитет финансов. Комитету были переданы журналы Совета Государственного банка, в которых отмечалось, что в принципе банк должен был бы вообще отказаться от не соответствующей его характеру как эмиссионного учреждения соло-вексельной операции. Соглашаясь в ограниченных размерах и в пределах годового сельскохозяйственного цикла предоставлять помещикам оборотные средства, банк категорически возражал против отсрочек землевладельцам, годами выжидающим лучших цен, ибо, по его мнению, следовало, напротив, «считаться с удешевлением производства» и сохранением понижительной тенденции цен.⁴ Со своей стороны предво-

¹ Корелин А. П. Указ. соч. С.47. Сокращение соло-вексельной операции было связано также с тем, что начавшийся рост земельных цен позволил землевладельцам получать средства из Дворянского банка за счет перезалога имений по увеличенной оценке. — Вестник финансов. 1902. № 48. С.378.

² См. подробнее: Корелин А. П. Указ. соч. С.49–51.

³ Стенограмма Особого совещания о нуждах... 23 октября 1904 г. // РГИА. Ф.1233. Оп.1. Д.17. Л.41.

⁴ Журнал Совета Государственного банка 26 и 29 мая 1897 г. // Там же. Ф.1282. Оп.2. Д.1144. Л.150.

дители дворянства, настаивая на увеличении кредита на оборотные средства, трактовали его откровенно расширительно и включали в эти средства проценты по долгу Дворянскому банку.¹ Поместное дворянство, таким образом, хотело, чтобы казна из одного своего банка давала ему деньги для расчетов с другим банком.

Внутренняя противоречивость кратковременного назначения соло-вексельного кредита и его ипотечного обеспечения в сочетании с дворянской неплатежеспособностью усиливала тенденцию к превращению соло-вексельных ссуд в долгосрочные и к иммобилизации средств Государственного банка, который для выполнения своей задачи поддерживать денежное обращение должен был вкладывать средства лишь в легко реализуемые ценности. В то же время Комитет финансов признавал, что в России «пока еще нет готовой почвы для правильной и удовлетворяющей все интересы постановки кредита сельским хозяевам на оборотные средства», и не видел возможности передать такой кредит в ведение другого учреждения. Председатель Департамента государственной экономии Государственного совета Д. М. Сольский видел выход в том, чтобы установить для соло-вексельного кредита квоту в 30–40 млн рублей в год и разрешить переписывать векселя, поскольку-де у банка всегда есть право отказать в ссуде. Витте справедливо отвечал, что такого права у банка нет, ибо продавать имения за долги он не может, а при переписывании старых долгов вся квота уйдет на них и придется либо отказывать новым заемщикам, либо допустить ничем не сдерживаемый рост долгосрочных ссуд. Витте также отмечал, что если для соло-вексельного кредита действительно достаточно 30 млн рублей, то он «не имеет того государственного значения, которое ему придают».²

¹ Замечания предводителей дворянства... о несоответствии потребностям сельского хозяйства существующего порядка пользования соло-вексельным кредитом в Государственном банке. 14 мая 1897 г. // Там же. Ф.1283. Оп.1. Ос. совещ. Д.20. Л.97.

² Протокол заседания Комитета финансов 16 мая 1897 г. // Там же. Л.74, 77; Постановление Комитета финансов. Заседания 15, 24 мая и 2 июня 1897 г. // Там же. Ф.563. Оп.2. Д.369. Л.196–197.

В итоге были допущены лишь небольшие послабления в правилах 19 сентября, важнейшим из которых было право продлевать векселя на 3 месяца без частичного их погашения, что фактически означало установление 15-месячного срока соло-вексельного кредита. Эти изменения были зафиксированы в правилах 19 июля 1897 г., действовавших все последующее время.¹

В 1898 г. Витте предпринял еще один шаг, который, с одной стороны, можно было выдать за удовлетворение потребности поместного дворянства в краткосрочном кредите и который, с другой стороны, должен был оградить интересы казны. Министерство финансов предложило разрешить частным коммерческим банкам и обществам взаимного кредита выдавать ссуды под соло-векселя, обеспеченные землей, и переучитывать их в Государственном банке за 6 месяцев до истечения срока оплаты. Смысл операции заключался в том, что частные банки были бы более строгими при взыскании долгов, а Государственный банк нес бы меньший риск, имея дело с кредитными учреждениями, а не с отдельными землевладельцами. Прения в Государственном совете показали растущую озабоченность более дальновидных представителей дворянских кругов перспективой роста новой формы задолженности землевладения. 22 члена Совета, отметив, «что жажда кредита между нашими сельскими хозяевами составляет болезненное явление», предложили хотя бы ограничить суммарный предел ипотечных и соло-вексельных ссуд 60% оценки, чтобы не обременять землю непосильными платежами. В другом варианте мнения 22 членов, составленном Н. В. Шидловским, их позиция была сформулирована еще более резко: «невозможно устранить затруднений, проистекающих от непосильной задолженности, увеличением этой задолженности». Большинство Совета выступало за 75%-ный суммарный предел двух форм ссуд, как уже принятый в Государственном банке.² 11 мая 1898 г. закон о соло-век-

¹ Корелин А. П. Указ. соч. С.52.

² Проект журнала Государственного совета в общем собрании 20 апреля 1898 г. с правкой Н. В. Шидловского // РГИА. Ф.1152. Оп.12. 1898. Д.866. Л.53-56.

сельном кредите частных банков был утвержден Николаем. Он, однако, не получил широкого распространения и лишь в третьеиюньский период стал приближаться к уровню Государственного банка,¹ тоже, как отмечалось, невысокому.

Стремление Государственного банка сократить и сделать безубыточной для себя соло-вексельную операцию побуждало поместное дворянство и выразителей его интересов искать другие пути. Самой естественной для них была выдвинутая в 1897 г. И. Н. Дурново идея передать соло-вексельный кредит в Дворянский банк и выпустить для этого особые долговые обязательства последнего.² Идея заведомо предполагала льготный для заемщиков и убыточный для банка порядок погашения ссуд. Кроме того, она носила откровенно сословный характер. Тогда же группа дворянских предводителей предложила создать товарищества землевладельцев со взаимной ответственностью, которым Государственный банк предоставлял бы средства для соло-вексельного кредита, черпая их из фонда сберегательных касс.³ В 1900 г. поместное дворянство назвало и сумму, которую оно хотело бы получить на нужды краткосрочного кредита. В записке В. И. Гурко, рассмотренной губернскими предводителями, говорилось, что если под еще незаложенные помещичьи земли они могут в принципе получить от Дворянского банка как ипотечную ссуду примерно 400 млн рублей, то вполне допустимо предоставить губернским товариществам для соло-вексельных операций «хотя бы половину этой суммы» или «хотя бы 50% свободной стоимости дворянских имений», т. е. 200–340 млн рублей. Дабы государство могло найти такую сумму, предлагалось выпустить особую ренту типа бумаг сохранной казны, существовавшей до освобождения крестьян, и дать этой ренте право хождения наравне с билетами государственного казначейства, но без вывоза за

¹ Корелин А. П. Указ. соч. С.54.

² Соображения статс-секретаря Дурново об изменении правил выдачи из Государственного банка ссуд под соло-векселя землевладельцев. 8 мая 1897 г. // РГИА. Ф.1283. Оп.1. Ос. совещ. Д.20. Л.16–27.

³ См. подробнее: Соловьев Ю. Б. Указ. соч. С.352–356.

границу, что, по мнению дворянских финансистов, обеспечило бы стабильность золотого рубля. Какое именно учреждение станет для дворянства желаемым рогом изобилия, было с точки зрения авторов проекта всего лишь «подробностями сего дела».¹

Витте категорически отверг план как «чрезмерное притязание к попечительности правительства о нуждах дворянства», не соответствующее возможностям казны. Он подчеркивал, что увеличение дворянской задолженности чревато лишь потерей земель и что круговая порука несостоятельных поодиночке должников не дает никаких гарантий возврата новых ссуд. Кроме того, он не преминул отметить, что устройство сельскохозяйственного кредита для дворян могло бы иметь следствием постановку вопроса об аналогичном кредите для крестьян, которым в соответствии с общей площадью их землевладения потребовались бы суммы, «в несколько раз превышающие исчисленный для дворянства размер».² Напоминание Витте о крестьянах имело главным образом тактический характер, ибо, как будет видно из дальнейшего, он исходил из перспективы медленного развития краткосрочного кредита для крестьян. Витте лишь обращал против своих оппонентов их постоянный аргумент о падении благосостояния «сельского населения». Но напоминание Витте имело и другой смысл, весьма неприятный для министра финансов — сельское хозяйство, дворянское и крестьянское, действительно нуждалось в краткосрочном кредите в широком размере, и источник для такого кредита требовалось найти.

Важная роль в таких поисках отводилась подтоварному кредиту. Возможность развития ссуд под хлеб упиралась в наличие зернохранилищ, не являющихся собственностью заемщика и обеспечивающих сохранность и залогоспособность хлеба. Поэтому с самого начала вопрос о подтоварном кредите тесно переплетался с проблемой товарных складов

¹ Записка В. И. Гурко 13 февраля 1900 г. // РГИА. Ф. 1283. Оп.1. Ос. совещ. Д.16. Л.590–596.

² С. Ю. Витте — И. Н. Дурново 12 марта 1900 г. // Там же. Л.660–670.

и элеваторов (выполняющих наряду со складочной функцией чисто элеваторные — обезличивание, очистка и сортировка хлебов и их перегрузка). К 80-м гг. товарные склады и элеваторы стали в глазах русских помещиков и бюрократии панацеей от всех бед сельского хозяйства. От них ждали резкого улучшения экспортной торговли зерном, роста хлебных цен и доходности земли. Считая, что товарные склады могут быть созданы только на частные капиталы (притом по бедности ими России — на иностранные), Бунге и большинство Государственного совета поддержали проект «Русско-американского общества товарных складов с зерноподъемами», планировавшего создание сети элеваторов прежде всего в целях экспорта. Общество должно было иметь право и на ссудную операцию. Проект вызвал резкие возражения русских хлеботорговцев, защищавших свои позиции, и широких помещичьих кругов, испугавшихся захвата обществом монопольного положения на рынке. В результате Александр III отказал в разрешении общества и Бунге законом 22 ноября 1885 ввел на три года ссуды под хлеб непосредственно из Государственного банка. Ссуды не получили распространения, поскольку у банка не было своих зернохранилищ.

Закон 22 ноября дал толчок помещичьим требованиям широкого государственного вмешательства в хлебную торговлю. Видный идеолог аграрного лагеря елецкий предводитель дворянства С. С. Бехтеев в декабре 1886 г. представил в МВД записку, в которой доказывал, что все беды сельского хозяйства вызваны «исчезновением денег из торговых оборотов» и что задача обеспечения землевладельцев оборотными средствами должна быть возложена не на частные общества, пекущиеся о собственных прибылях, а на государство. «Дело такой государственной важности, — настаивал Бехтеев, — опасно вести капиталистическим и акционерным способом». Заявляя, что «исторический ход событий» призывает государство к роли «регулятора и руководителя» сельского хозяйства и что Государственный банк располагает-де «громадными суммами», Бехтеев предлагал направить на строительство элеваторов средства, предназначенные на «удовлетворение других потребностей, не имеющих

такого значения», а именно — на сооружение железных дорог.¹ Записки аналогичного содержания были затем посланы рядом земств из других губерний.

Планы создания сети элеваторов и зернохранилищ содержали в себе две далеко не совпадающие цели. С одной стороны, имелось в виду обеспечение более выгодных условий экспортной торговли, а с другой — устранение хлеботорговцев как посредствующего звена между производителями и европейским и внутренним рынком. Ради второй из этих целей предполагалось устройство зернохранилищ прежде всего в местах производства хлеба, которые возводились и управлялись бы земствами и сельскохозяйственными обществами, непосредственно выходящими на рынок и завязывающими прямые отношения с мукомолами. Считалось, что земские элеваторы будут принимать и крестьянский хлеб, предупреждая его продажу по низким осенним ценам, и вообще обеспечивать всем продавцам хлеба возможность выжидать выгодных цен, для чего предоставлять им подтоварный кредит. Источником средств для строительства зернохранилищ и для открытия кредита во всех проектах называлась казна. «Земледелие, — говорилось в Аткарском уездном собрании, — должно считаться по преимуществу государственным хозяйством и должно быть руководимо и поддерживаемо государством».² Принятое в 1888 г. Положение о товарных складах все же допустило к их созданию частные капиталы, но запретило совмещение складочной и ссудной операций, что делало содержание зернохранилищ мало доходным. В итоге борьба с частным капиталом обернулась задержкой в развитии элеваторного дела.

Надо, однако, отметить, что, хотя создание сети местных, центральных (внутренних) и портовых зернохранилищ и элеваторов действительно явилось бы важной для сельского хозяйства мерой, выдвижение таких планов в 80-е гг. было типичным помещичьим прожектерством. Строительство эле-

¹ Там же. Ф.1287. Оп.7. Д.1964. Л.3-16.

² Сазонов Г. П. Вопросы хлебной промышленности и торговли, разработанные земскими учреждениями (1865-1890 гг.). СПб., 1891. С.219-221.

ваторной сети в США (которую авторы проектов имели в виду как образец) происходило параллельно с развитием транспортной системы, находившейся в России на гораздо более низком уровне. В США хлеботорговые фирмы через элеваторы подчинили себе фермерские хозяйства, определяя не только цены и условия сбыта, но и сорта выращиваемых хлебов в интересах их обезличивания (важного условия подтоварного кредита). В России надеялись подчинить хлебную торговлю интересам производителей, не имевших для этого ни организации, ни средств. Требование же денег на реализацию плана от казны означало, как это и признавал Бехтеев, свертывание железнодорожного строительства, не только выступавшего важным фактором содействия промышленному подъему, но и необходимого в интересах сельского хозяйства вообще и элеваторной сети в частности.

Наиболее осуществимым было намерение в какой-то степени упорядочить вывозную торговлю. Законы 11 июня 1888 г. и 29 января 1889 г. предоставили железным дорогам право строить зернохранилища и выдавать ссуды под находящийся в них хлеб как за счет Государственного банка, так и за счет частных банков и эксплуатационных капиталов самих дорог. Оба закона оказались жизнеспособными и к 1898 г. дорогами были построены 77 элеваторов и 222 зернохранилища. Под сложенный в них хлеб выдавалась ссуда первоначально в 60%, а затем в 75% стоимости зерна сроком на 6–9 месяцев.¹ С 1891 г. были введены также ссуды под хлеб в пути — 80% стоимости на 6 недель (а с 1894 г. также 85% стоимости на 3 недели). Но это дополнение особенно подчеркнуло тот факт, что подтоварный кредит в большей мере использовался не землевладельцами, а хлеботорговцами. Уже в 1891 г. само Министерство финансов признавало, что предоставляемые дорогами ссуды под хлеб не покрывают расходы производства и стоимость подвоза до зернохранилища, а потому помещики вынуждены отказываться от ссуд и продавать хлеб по ценам ниже

¹ Корелин А. П. Указ. соч. С.61.

ожидаемых весной, а выгода от железнодорожных ссуд достается скупщикам.¹ Поэтому комиссия Плеве вновь подчеркнула необходимость строительства элеваторов не только при железных дорогах, но и в центрах хлебного производства, с правом выдачи ими ссуд и ведения комиссионной торговли. Комиссия Плеве считала при этом желательным сооружение элеваторов на казенный счет и участие в управлении ими «местных общественных учреждений».²

Создание элеваторной сети по-прежнему рассматривалось российскими аграриями как средство борьбы против частной хлеботорговли. В печатном докладе комиссии Плеве роль комиссионной деятельности элеваторов сводилась к тому, чтобы, не вытесняя частной торговли вообще, дать возможность помещикам обходиться без ее услуг, когда те слишком дороги. Это дало основание Т. М. Китаниной счесть, будто комиссия имела целью «лишь некоторое ограничение произвола торговцев».³ Однако на междудементальном совещании в декабре 1892 г., рассматривавшем рекомендации комиссии, сам Плеве говорил, что комиссия хочет сосредоточить в руках государства строительство элеваторов и введение варрантной формы кредита, допуская в качестве альтернативы лишь «немногих посредников, действующих на виду под контролем правительства». Там же министр путей сообщения А. К. Кривошеин рассматривал сеть элеваторов как способ «избавить хозяев, как крупных, так и мелких, от услуг посредников». Витте, напротив, предостерегал от чрезмерных надежд, возлагаемых на элеваторы, подчеркивая, что ими заведомо будут пользоваться преимущественно торговцы, а у собственно земледелия есть более насущные нужды, и предлагал сосредоточить внимание на местных зернохранилищах без элеваторных функций.⁴ Пред-

¹ Представление Министерства финансов 15 марта 1891 г. // РГИА. Ф.1152. Оп.11. 1891. Д.250. Л.5.

² Там же. Ф.395. Оп.1. Д.128. Л.19–20.

³ *Китанина Т. М.* Хлебная торговля России в 1875–1914 гг. (Очерки правительственной политики). Л., 1978. С.134.

⁴ РГИА. Ф.395. Оп.1. Д.128. Л.43–48.

ставляется, что дело при этом заключалось не в непонимании Витте значения элеваторов.¹ Трезво оценивая возможные темпы элеваторного строительства и его финансирования, Витте предлагал временно более простой и более дешевый для государства способ помощи производителям зерна, не приводящий к тому же к конфронтации с хлеботорговцами.

В то же время Витте вполне отдавал себе отчет в том, что элеваторная обработка зерна (очистка и устранение разносортности) является важным фактором успеха экспортной торговли, обеспечивающим валютные поступления страны. Поэтому он поддерживал исходившие из землевладельческих кругов и встречавшие сопротивление в торговой среде требования установить инспекцию за качеством экспортируемого зерна и выступал за «самое энергичное и деятельное вмешательство правительства» в хлеботорговое дело.² С этой целью в конце 1892 г. в составе Департамента торговли и мануфактур было создано специальное хлеботорговое отделение, на которое была возложена разработка общих мер упорядочения торговли и согласования ее с интересами народного хозяйства в целом. Инспекцию за качеством экспортируемого зерна и приемами внутренней торговли предполагалось возложить на портовые комитеты и биржевые общества из представителей хлеботорговцев и производителей зерна, причем в этом вопросе Витте поддерживал настояния помещиков на расширении их участия в биржевых обществах и на увеличении государственного контроля за деятельностью обществ. Свою позицию Витте мотивировал тем, что экспортные расценки зерна определяют и его цены на внутреннем рынке, а следовательно, отражаются на интересах всех производителей. Все же главной причиной, побуждавшей Витте к усиленному вмешательству в хлебную торговлю, было беспокойство за внешнеторговый баланс страны. Некондиционность русского зерна понижала его конкурентоспособность. «Наш хлеб, — констатировал Витте

¹ Китанина Т. М. Указ. соч. С.134.

² Представление Министерства финансов 21 октября 1892 г. // РГИА. Ф.1152. Оп.11. 1892. Д.325. Л.3.

в феврале 1893 г., — постоянно и систематически выбивают из иностранных рынков».¹

1893 г. потребовал от Министерства финансов значительно большего внимания к хлебной торговле вообще и к ссудам под хлеб в частности. Исключительный урожай и таможенная война с Германией сделали необходимыми экстренные меры по удержанию хлеба от поступления на рынок и по поддержанию цен. В августе 1893 г. были возобновлены ссуды непосредственно из Государственного банка, включенные затем в устав 1894 г. В устав вошли и принятые в том же августе 1893 г. правила, разрешавшие земствам выступать посредниками между банком и крестьянами при получении последними ссуд под зерно. Был также разрешен кредит под хлеб из частных банков с переучетом векселей в Государственном.² В результате в 1894 г. Государственный банк принял в залог 145 млн пудов хлеба, из них 78,1 млн — у помещиков, 31,6 — у крестьян и 35,3 млн — у торговцев. Таким способом 1/3 экспортной пшеницы и ржи были временно сняты с рынка, что ослабило давление на осенние цены.³ Надо заметить, что подобная пропорция залогов больше никогда не повторялась, а количество заложенного хлеба было тоже совершенно исключительным для конца XIX — начала XX в. и превзойдено лишь после урожая 1909 г. Экстраординарная ситуация 1893–1895 гг. побудила Витте принять и другие меры для снятия хлеба с рынка, в частности — увеличить интендантские закупки.⁴ При этом Ермолов предлагал придать закупкам еще более широкий размах и перейти к созданию государственного запаса, откровенно называя его «хлебом, выжидающим цен».⁵

¹ Стенограмма совещания об упорядочении хлебной торговли 3 февраля 1893 г. // Там же. Ф.20. Оп.10. Д.160. Л.326, 374.

² *Вессель Н. Х.* Наша новая государственная финансовая деятельность (1892–1894 гг.). СПб., 1894. С.77–78.

³ Вестник финансов. 1895. № 43. С.258.

⁴ См.: *Китанина Т. М.* Указ. соч. С.201–221.

⁵ Представление МЗиГИ. После 20 октября 1894 г. // РГИА. Ф.694. Оп.2. Д.183. Л.1–6.

Разрешение ссуд из Государственного банка и надежда на рост казенных закупок дали новый импульс предложениям МЗиГИ и дворянских лидеров о создании сети государственных зернохранилищ. Одновременно губернские предводители дворянства в своей записке 1896 г. жаловались, что, воспользовавшись ссудами под хлеб в 1893–1894 гг., помещики додержали зерно до урожая 1895 г. и вынуждены были продать его задешево, т.е. расписывались в том, о чем Витте предупреждал еще в 1892 г. — в неумении чувствовать конъюнктуру хлебной торговли и пользоваться подтоварным кредитом.

В такой ситуации Министерство финансов, готовившееся к денежной реформе и стремившееся максимально освободить имобилизованный капитал, начало устрожать условия предоставления подтоварного кредита. Правила 2 августа 1896 г. вновь сократили сроки ссуд под хлеб до 6 месяцев и запретили их отсрочки, переходящие на новую хлебную кампанию.¹ Вслед за тем Государственный банк потребовал от заемщиков покрыть обесценение залога, вызванное летним падением цен, и погасить ссуды к 10 сентября,² т.е. по существу — продать хлеб.

Устрожение правил подтоварного кредита вызвало новые жалобы поместного дворянства и его стремление обсудить вопрос о разных формах краткосрочных ссуд в совещании по делам дворянства. Еще до его открытия в ответе на записку губернских предводителей Витте дал понять, что разговоры бесполезны. На этот раз он недвусмысленно заявил, что отдает переустройству хлебной торговли (под которым он, чем дальше, тем четче, понимал создание организации хлеботорговцев) приоритет перед элеваторным строительством. «Едва ли было бы целесообразно, — писал он, — ныне же затратить огромные капиталы на устройство широкой сети элеваторов, а засим уже выжидать наступления благоприятных для пользования ими условий, создающихся

¹ Корелин А. П. Указ. соч. С.63.

² Л. М. Муромцев — И. Н. Дурново 22 февраля 1898 г. // РГИА. Ф.1283. Оп.1. Ос. совещ. Д.1. Ч.2. Л.125–126.

лишь постепенно с культурным развитием страны». Столь же категоричен был Витте и в вопросе об условиях подтоварного кредита, Он отверг требования продлить его сроки и понизить процент по ссудам, подчеркнув, что «коммерческий ссудный кредит требует себе оплаты средним рыночным процентом, не входя в рассмотрение стесненности хозяйственного положения лиц, нуждающихся в кредите».¹ Вынужденный мириться с льготным характером ипотечного кредита Дворянского банка, Витте, борясь за устойчивость золотого обращения, ревниво отстаивал коммерческие основы краткосрочного кредита Государственного банка.

Ответной реакцией поместного дворянства стали планы создания особых учреждений, которые, действуя на капитал, предоставленный или гарантированный казной, но будучи независимыми от Государственного банка и вообще от Министерства финансов, самостоятельно выходили бы на международный денежный и хлебный рынок. Известный консервативный публицист К. Ф. Головин в статьях, объединенных затем в книгу «Наша финансовая политика и задачи будущего», выдвинул идею губернских земских банков, оперирующих на капитал, предоставленный им казной, а также на собственные закладные листы. Банки должны были действовать в 32 губерниях под контролем МЗиГИ и предоставлять помещикам ипотечный, мелиоративный и краткосрочный кредиты. Для организации аналогичных кредитов «небогатым, но и не разоренным крестьянам» Головин считал возможным обратиться непосредственно к Государственному банку.² Достаточно осведомленный о размерах дворянской ипотечной задолженности, Головин тем не менее утверждал, будто для земских банков будет достаточно небольшого капитала.

¹ Исторический архив. 1957. № 4. С.147. См. также опущенную в публикации И. Ф. Гиндина и М. Я. Гефтера часть записки С. Ю. Витте: РГИА. Ф.560. Оп.43. Д.5. Л.22.

² Головин К. Ф. Наша финансовая политика и задачи будущего. 1887–1898. СПб., 1899. С.147, 156–157.

Значительно дальше шел председатель Саранской земской управы В. К. Лилиенфельд, пропагандировавший план общеземского Хлебного банка, который взял бы в свои руки всю экспортную хлебную торговлю, или Всероссийского сельскохозяйственного банка, занимающегося также мелиоративным и краткосрочным кредитами. Банк должен был оперировать на облигационный капитал в 130 млн рублей, гарантированных правительством, причем предусматривалась возможность дальнейших займов. Расписывая благодетельные последствия деятельности Сельскохозяйственного банка, Лилиенфельд не исключал возможности его краха (очевидно, из-за неуплаты долгов заемщиками), но считал, что и в этом случае «сумма... брошенная при настоящих обстоятельствах на учреждение сельскохозяйственного банка, есть сумма в высшей степени ничтожная в сравнении с многомиллионными жертвами русского сельского хозяйства в настоящем его виде».¹ В Собрание по делам дворянства был прислан и проект создания в ведении МЗиГИ Дворянского сельскохозяйственного банка для выдачи мелиоративных, соло-вексельных и подтоварных ссуд (последних — под хлеб в амбаре заемщика, что открывало широкие возможности растраты залога). Банк должен был получить в свое распоряжение средства «тех же размеров, что и для содействия фабрично-заводской промышленности».²

Практически оставляя просто без ответа предложения о создании особых сельскохозяйственных банков, Министерство финансов было обеспокоено попытками землевладельцев самостоятельно заняться торговлей, поскольку такие попытки лишь ухудшали позиции России на внешних рынках. Когда «Южно-русское общество поощрения земледелия и сельской промышленности» не сумело поставить за границу запроданный хлеб, «Вестник финансов» уделил этому в сущности

¹ Проект устава Всероссийского сельскохозяйственного банка (4 июля 1899 г.) и доклад В. К. Лилиенфельда в Обществе содействия русской промышленности и торговле (март 1899 г.) // РГИА. Ф.1287. Оп.23. Д.2479. Л.15, 21.

² Там же. Ф.1283. Оп.1. Ос. совещ. Д.2. Ч.2. Л.1–8.

незначительному эпизоду специальную статью, доказывавшую, что «вторжение земледельца в чуждую ему область торговли с широкими задачами ее исправления — пустая мечта, так как неизбежным результатом такого вторжения является крушение». Журнал высказывал надежду, что этот опыт послужит предостережением «всем другим земледельческим товариществам», а об исправлении торговли позаботятся «торговая корпорация и ведающее интересы русской торговли Министерство финансов».¹ При этом министерство ставило себе в заслугу развитие подтоварного кредита железных дорог, доказывая, будто явившийся в большой мере следствием этого подрыв позиций крупных хлеботорговых фирм и укрепление мелких комиссионеров выгодны сельским хозяевам, получившим возможность продавать хлеб мелкими партиями под немедленный расчет. Признавая, что подтоварными ссудами пользуются в основном торговцы, «Вестник финансов» утверждал, будто обусловленный этим рост конкуренции между комиссионерами уменьшает их доходы и делает бессмысленными попытки сельских хозяев торговать самостоятельно. Журнал выражал сожаление, что «эта истина» не признается не только помещиками, но «даже некоторыми ведомствами» (подразумевая позицию МЗиГИ и МПС).²

Обострение противоречий между помещиками и хлеботорговцами, а также ведомственных разногласий, привели к созыву в феврале–марте 1899 г. нового совещания об упорядочении хлебной торговли. На него вновь были вынесены вопросы об элеваторах и зернохранилищах, о ссудах под хлеб и инспекции хлебной торговли в портах и во внутренних губерниях. При этом в полемике представителей землевладельцев и хлеботорговцев отчетливо выявилось столкновение соответственно приверженцев государственного вмешательства вплоть до установления монополии хлебной торговли и сторонников развития частной инициативы.

¹ Вестник финансов. 1897. № 47. С.510–511.

² Там же. 1900. № 9. С.383–385.

Центральным вопросом, естественно, оказался элеваторный, без решения которого не могла быть обеспечена залогоспособность зерна. Участники совещания признали, что не имеют представления о том, сколько элеваторов нужно для общероссийской сети и какой капитал для этого потребуется, поручив правительству собрать у земств сведения для выработки плана. В этих условиях на совещании выявился разноречивый мнений по вопросу о предпочтительности портовых или внутренних элеваторов, привлечения частных капиталов к их строительству, участия земств в управлении ими. Отражением споров об «оскудении Центра» было предложение создать первоначально элеваторную сеть только в черноземных губерниях, отвергнутое, явно под влиянием Витте, как дорогостоящее и малоэффективное. В итоге конкретные рекомендации свелись к устройству местных хлебных складов силами земств при финансовой помощи правительства (что было уже предусмотрено законом 3 марта 1895 г.) и к продолжению строительства элеваторов при железных дорогах. Большинство совещания, состоявшее из представителей землевладельцев, включило в его пожелания и развитие ссуд Государственного банка под хлеб, хранящийся как в «благонадежных местах», так и у самого заемщика, против чего банк всегда возражал.¹ Возможно, поэтому в пространном изложении результатов совещания в «Вестнике финансов» этот вопрос был обойден. По позднему утверждению одного из участников совещания, Витте сразу отказал в увеличении ссуд непосредственно из Государственного банка, но обещал расширить кредит через частные банки.² Это в принципе соответствовало общей линии Витте.

Витте выступил на совещании с большой речью, в которой подробно развил аргументацию в защиту своего

¹ Там же. 1899. № 14. С.2–10; Свод постановлений комиссии по упорядочению хлебной торговли. 1899 г. // РГИА. Ф.22. Оп.2. Д.2235. Л.3–10.

² Ю. Карцов — С. Ю. Витте 25 февраля 1902 г. // Там же. Ф.1233. Оп.1. Д.35. Л.134.

экономического курса. Обсуждение проблем хлебной торговли проходило непосредственно перед совещанием 17 марта 1899 г. под председательством Николая, где, как отмечалось, Витте пришлось доказывать необходимость твердо держаться избранного курса, и, вероятно, все «хлебное» совещание было одним из эпизодов в общем столкновении Витте и его противников. В своей речи Витте вновь настаивал: «лучшее и самое действительное покровительство сельскому хозяйству заключается в покровительстве тому, что должно служить ему экономической основой. Основа же эта — обеспеченный внутренний сбыт для сельскохозяйственных продуктов и обеспеченный заработок для труда, не находящего себе приложения к земле», т. е. — «широкое развитие перерабатывающей промышленности». Одновременно Витте заявил о необходимости «упорядочения общеправовой обстановки нашей деревенской жизни» как неперемennого условия «улучшения наших сельскохозяйственных недугов».¹

Таким образом, к началу промышленного кризиса проблема краткосрочного сельскохозяйственного кредита была далека от своего решения. Сохранявшаяся у Витте в самом начале его пребывания на министерском посту вера в возможность бумажно-денежного стимулирования народного хозяйства и чрезвычайные обстоятельства 1893–1894 гг. привели к недолгому и относительному взлету соло-вексельного кредита. Но уже с 1896 г. он был резко свернут из-за неразрешимости противоречия между стремлением помещиков превратить соло-вексельные ссуды в долгосрочные и необходимостью для Государственного банка строго следить за краткосрочностью своего вексельного портфеля. Эти же причины сказались на всплеске подтоварного кредита Государственного банка в 1893–1894 гг. и последовавшем устроении его правил и на явном предпочтении, которое Министерство финансов отдавало развитию ссуд под хлеб при посредстве железных дорог. Денежная реформа, необходимая в интересах всего народного хозяйства, в момент своего введения вызвала сокращение краткосрочного сель-

¹ Вестник финансов. 1899. № 14. С.11–13.

скохозяйственного кредита Государственного банка. Одновременно недостаточное развитие в стране элеваторного дела приводило к незалогоспособности зерна у его производителей и к превращению ссуд под хлеб (в составе которых предпочтение отдавалось хлебу в пути) в инструмент кредитования не сельского хозяйства, а хлебной торговли, в первую очередь экспортной. Необходимо также отметить еще одно обстоятельство. Соло-вексельный кредит с самого начала задумывался как почти откровенно сословный, предназначенный для снабжения оборотными средствами помещичьих хозяйств. Ссуды под хлеб формально были доступны и крестьянам, главным образом при посредстве земств. Но реально в составе заложенного в Государственном банке зерна доля крестьянского хлеба была значительной только в 1893–1894 гг., когда банк пошел на оставление залогов в амбаре заемщика. В последующий период крестьянский хлеб оставался залогоспособен только при наличии поблизости земских зернохранилищ (редких в XIX в.) или собственных складов Государственного банка, строительство которых началось лишь в 1910 г. Следовательно, в той мере, в какой подтоварным кредитом вообще пользовались производители зерна, это опять были преимущественно помещики.

Центральным вопросом подъема сельского хозяйства в целом был вопрос о крестьянском хозяйстве, причем крестьяне нуждались как в ипотечном кредите для приобретения земли, так и в краткосрочном на оборотные средства.

Бедственный и опасный для самого царизма характер крестьянского малоземелья был признан правящими кругами еще в начале 80-х гг., следствием чего явилось учреждение Крестьянского поземельного банка. Больше всего боясь подать крестьянам даже повод подумать о новом наделении землей, царизм надеялся обойтись содействием добровольным сделкам между помещиками и крестьянами и предоставлением им ссуд из Крестьянского банка в размере до 75% оценки покупаемой земли. Тем не менее противники банка уже в момент его создания заявляли, будто развитие его

операций будет означать признание «ненадобности существования в России всякой крупной собственности».¹ Еще со времени выработки Положения о банке вокруг него столкнулись также сторонники и противники общины. Первые взяли верх и целью банка была провозглашена помощь в покупке земли преимущественно общинами или товариществами крестьян, составлявшимися для образования выселков.

Страхи перед разрушительным воздействием Крестьянского банка на дворянское землевладение оказались, естественно, напрасными. За 1883–1891 гг. банк содействовал покупке крестьянами у помещиков всего 1,74 млн десятин земли, что означало прирост крестьянского земельного фонда в 0,13% в год при приросте населения в 1%.² Большая часть дворянских продаж и крестьянских покупок осуществлялась помимо банка. При этом, хотя клиентами банка были в основном зажиточные крестьяне и середняки, уже к 1889 г. выявилась неспособность значительной части заемщиков выплачивать проценты и погашение по ссудам. В связи с этим Государственный совет журналом 30 мая 1889 г. рекомендовал Крестьянскому банку отказаться от «несвоей ему задачи содействовать поземельному устройству целых земельных обществ и многолюдных переселенческих товариществ» и сосредоточиться на помощи состоятельным крестьянам, выходящим из общины, и тем способствовать образованию «класса мелких собственников, который повсеместно служит источником экономического процветания страны и верною опорой гражданского порядка». Министерству финансов было предложено пересмотреть в указанном направлении Положение о Крестьянском банке.³

¹ Журнал Государственного совета в Соединенных департаментах... 20, 25 февраля и 4 марта 1882 г. // РГИА. Ф.592. Оп.44. Д.188. Л.221.

² Объяснительная записка к проекту устава Крестьянского банка. До июля 1893 г. // Там же. Д.235. Л.1.

³ Там же. Д.188. Л.7.

История реформы Крестьянского банка частично освещена М. С. Симоновой.¹ Однако, используя материалы обсуждения этой реформы в Государственном совете, М. С. Симонова не проследила процесс выработки проекта в Министерстве финансов, существенно важный для понимания реформы и представляющий интерес для более всестороннего понимания того поворота, который произошел в позиции правящих кругов по крестьянскому вопросу в 1893 г.

Вступив в управление Министерством финансов, Витте потребовал от управляющего Дворянским и Крестьянским банками А. А. Голенищева-Кутузова «поспешить представлением своих соображений»,² не дав, очевидно, конкретных указаний о направлении пересмотра Положения о Крестьянском банке. Противник общины Голенищев-Кутузов подготовил проект в духе указаний Государственного совета от 1889 г. В объяснительной записке к Уставу (как впредь должно было называться Положение о банке) подчеркивалось, что «общинный склад создает почти непреодолимые преграды к усвоению крестьянами лучших способов обработки земли» и одновременно, тормозя «всякое проявление личной инициативы», препятствует покупке крестьянами предлагаемых к продаже дворянских земель, которые поэтому «не в столь далеком будущем» могут попасть в руки «земельных собственников нового типа» и тогда уже крестьянам вообще не достанутся. В то же время Голенищев-Кутузов исходил из понимания, что община еще устойчива и с нею связан «весь бытовой и даже гражданский строй» большинства крестьян, вследствие чего возможны лишь меры поощрения добровольного перехода к частному землевладению. В качестве такой меры в проекте устава банка предлагалось «содействие развитию мелкой частной земель-

¹ Симонова М. С. Крестьянский поземельный банк в системе общей аграрной политики самодержавия (1895–3.XI.1905 г.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1966. Таллин, 1971. С.471–484.

² Всепод. доклад управляющего Министерством финансов Ф. Г. Тернера 7 сентября 1892 г. с пометами С.Ю. Витте // РГИА. Ф.560. Оп.22. Д.176. Л.10.

ной собственности крестьян» с помощью его кредитной политики, причем проект вообще не предусматривал впрямь ссуды целым обществам и селениям. В объяснительной записке прямо указывалось, что банк должен ставить перед собой целью образование хуторских хозяйств на купленных с его помощью или выделенных из общины участках. Для обеспечения этой цели вводилась дифференциация ссуд: на землю, приобретаемую для совместного владения крестьянскими товариществами — до 60% оценки, а на индивидуальные участки — до 90%. Кроме того, вводились специальные ссуды на возведение усадебных построек. Предельный размер приобретаемого участка устанавливался в 1/10 земского ценза с правом участия в съездах неполноценных избирателей.¹

Вторым нововведением проекта было предоставление Крестьянскому банку права производить покупку помещичьих имений за свой счет для последующей распродажи крестьянам или сдачи им в аренду. Как уже отмечалось, в первую половину 90-х гг. мысль о близком крахе дворянского землевладения была широко распространена. Поэтому в числе мотивов, побудивших принципиального защитника дворянских интересов Голенищева-Кутузова выступить с идеей покупок земли Крестьянским банком за свой счет, было желание обеспечить дворянам, неотвратимо теряющим свои поместья, оптового покупателя. Витте в «Воспоминаниях» и А.И. Путилов в служебной записке 1903 г. отмечали, что «ультраконсерватор» Голенищев-Кутузов, составляя проект, думал о возможности «нормальной продажи земли» помещиками, не находившими спроса на имения в полном составе.² Действительно, в объяснениях к более позднему варианту проекта указывалось, что право покупки за счет банка позволит приобретать большие имения, недоступные даже целой общине, которые, однако, помещик не хочет

¹ Там же. Ф.395. Оп.1. Д.320. Л.150–167; Ф.592. Оп.44. Д.235. Л.1–28.

² *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т.2. М., 1960. С.518; О задачах Крестьянского банка в области земельной политики (проект записки) // РГИА. Ф.560. Оп.26. Д.452. Л.67.

продавать по частям.¹ Первыми покупками Крестьянского банка были имение Кошелева (несостоятельного должника Дворянского банка) в Рязанской губернии (16 тысяч десятин), стоившее 1,5 млн рублей и приобретенное по высочайшему повелению еще до утверждения устава банка,² и имение И. И. Воронцова-Дашкова в Саратовской губернии (42 тысячи десятин), обошедшееся в 3,5 млн рублей³ (затем министру двора доплатили еще 0,5 млн рублей).

Но дело заключалось не только в стремлении прийти на помощь помещикам. Прекращение ссуд целым общинам вело к свертыванию операций Крестьянского банка в момент, когда ускользающая из дворянских рук земля могла, как отмечал Голенищев-Кутузов, попасть «в крепкие руки таких слоев населения, широкое участие коих в землевладении далеко не представляется желательным в интересах государственных». Призраком крупного буржуазного землевладения всегда был кошмаром для российской бюрократии, которая кроме того была заинтересована в возможности маневра землей для частичного удовлетворения крестьян. Появление «крепкого» собственника, который лишил бы власть такого маневра, правящие круги не устраивало. Из этого и вытекала идея создать фонд Крестьянского банка «для постепенного удовлетворения потребности крестьян в расширении их земельной собственности». При этом Голенищев-Кутузов склонялся к тому, чтобы такое расширение происходило первоначально на правах аренды, поскольку-де крестьяне показали себя более исправными арендаторами, чем заемщиками, и поскольку при арендных отношениях упрощается переход земли в конечном счете к «наиболее... прилежным земледельцам».⁴

¹ Там же. Ф.592. Оп.44. Д.244. Л.159.

² Обзор деятельности Министерства финансов в царствование... Александра III. С.57.

³ Всепод. доклад С. Ю. Витте 22 ноября 1896 г. // РГИА. Ф.592. Оп.44. Д.2. Л.6–12.

⁴ Объяснительная записка к проекту устава Крестьянского банка // Там же. Д.235. Л.5.

Мысль о развитии частной крестьянской собственности вступала в ясное противоречие с разработанными в МВД законопроектами, направленными на укрепление общины и затруднение выхода из нее. Поэтому соответствующие предложения Голенищева-Кутузова встретили возражения внутри самого финансового ведомства как по тактическим соображениям (невозможно вести политику, отличную от МВД), так и со стороны тех, кто считал задачей банка поддержку не зажиточной, а беднейшей части крестьянства. Прямое наступление на общину не могло в это время встретить и сочувствия Витте. К декабрю 1893 г. был подготовлен второй проект устава Крестьянского банка, из которого был выпущен раздел о ссудах на усадьбные постройки, а в число получателей ссуд вновь включены общины и селения (но с числом домохозяев не более 50). В проекте остались, однако, формулировка о содействии развитию частной собственности и преимущества покупателям отдельных участков в размерах ссуд.¹ Это не преминул отметить Воронцов-Дашков в ходе обсуждения законопроекта о неотчуждаемости наделных земель. Отвечая на записку Витте в защиту общины, Воронцов-Дашков писал: «...если не ошибаюсь, Крестьянский банк сильно разочаровался в общине, и новый устав его... выразит совсем иное отношение министра финансов к общине, чем то, которое высказывается в рассматриваемой мною записке».² Сразу после утверждения закона 14 декабря 1893 г. Витте потребовал согласовать с ним проект устава Крестьянского банка. В результате в статье о целях банка содействие образованию мелкой собственности было заменено на «содействие к приобретению предлагаемых для продажи земель», были убраны ограничения числа домохозяев в общинах, имеющих право на ссуды банка.³

¹ Там же. Ф.395. Оп.1. Д.320. Л.231, 235.

² Записка И. И. Воронцова-Дашкова. Декабрь 1893 г. // Там же. Ф.1149. Оп.11. 1893. Д.77. Л.724-725.

³ Там же. Ф.395. Оп.1. Д.320. Л.5, 9.

Зато от проекта к проекту развивалась идея об аренде земель Крестьянского банка. Уже летом 1893 г. мысль о временной аренде до перехода к «прилежным» земледельцам стала трансформироваться в идею аренды наследственной. При этом в пользу наследственной аренды выдвигался аргумент, что она избавляет крестьянина от затраты средств на покупку земли и увеличивает его вложения непосредственно в сельское хозяйство. Подхватив эту аргументацию, Витте в ходе обсуждения закона 14 декабря 1893 г. тоже усматривал преимущества арендных отношений в том, что в этом случае «к земле привлекаются капиталы двух лиц».¹ В проекте устава Крестьянского банка, представленном к декабрю 1893 г., аренда провозглашалась средством обеспечить возможно дешевое и устойчивое пользование землей для крестьян, не имеющих денег для ее покупки. Проект, подготовленный к декабрю 1894 г., уже прямо говорил о бессрочной и наследственной аренде, а окончательный вариант, внесенный в Государственный совет в январе 1895 г., подробно рассматривал порядок взимания банком арендных платежей и ссуд. Под лозунгом предотвращения недоимок Министерство финансов предусматривало меры по взиманию платежей (по ссудам — значительно более высоких, чем в Дворянском банке), сходные со сборами государственных податей.

Министерство признавало, что ссудами банка смогут воспользоваться лишь «сравнительно более достаточные» крестьяне (для которых в случае приобретения земли в личную собственность все еще сохранялась предельная норма, дающая право участвовать в съездах неполноценных земских избирателей), а аренда предназначается деревенской бедноте. При этом оговаривалось, что взимаемая банком арендная плата должна быть ниже той, которую требуют помещики, но не настолько, чтобы «произвести всегда нежелательные в экономической жизни потрясения и коле-

¹ Соображения министра финансов... о мерах к предупреждению отчуждения крестьянских земель. 16 ноября 1893 г. // Там же. Ф.1149. Оп.11. 1893. Д.77. Л.648.

бания». Дополнительным достоинством аренды теперь объявлялось еще и то, что она лишит арендаторов свободы отчуждения земли.¹ Иными словами, аренда у Крестьянского банка рассматривалась как дополнительная мера против вовлечения в свободный оборот не только надельных крестьянских земель, но и дополнительно поступающих в их землепользование. При таком подходе к вопросу в уставе банка, естественно, не нашлось места для ссуд под надельные земли для приобретения новых и для компенсации за участки, оставляемые общине крестьянами, переселяющимися в другие районы, хотя соответствующий проект был подготовлен в мае 1894 г. и не противоречил букве закона 14 декабря 1894 г. Решение вопроса о поднадельном кредите было тем самым отложено на 10 лет.

Существенно менялась по ходу подготовки устава постановка вопроса об источниках для самостоятельных закупок банка. Первый проект 1893 г. не содержал никаких ограничений выпуска свидетельств (облигаций) банка. Во второй проект для «ограничения количества предложений о продажах земли» (еще одно свидетельство уверенности авторов, что помещики наперегонки побегут продавать свои имения) была введена статья, позволяющая выпускать для собственных закупок банка свидетельства на 5 млн рублей в год.² Манифестом 14 ноября 1894 г. в качестве «высочайшей милости» по случаю воцарения Николая II было объявлено о создании для таких закупок особого капитала банка в 50 млн рублей, образуемого постепенно за счет ежегодных отчислений части поступающих в казну выкупных платежей. Это еще больше сокращало размеры операций за счет банка, особенно на первых порах. Особый капитал мог пополняться выпуском специальных свидетельств, обеспеченных землей, сданной крестьянам в вечную аренду.³

¹ Представление Министерства финансов 30 января 1895 г. // Там же. Ф.395. Оп.1. Д.320. Л.98–101.

² Там же. Л.207.

³ Там же. Л.8–9.

Таким образом, проект нового устава Крестьянского банка представлял собой очередную попечительную утопию царизма в аграрном вопросе. Переселение за Урал (параллельно с реформой банка готовились принятые в 1896 г. новые переселенческие правила) и покупка земли более зажиточными крестьянами должны были, по мысли правящих кругов, несколько разредить земельную тесноту в общине, но в качестве главного выхода для крестьянской бедноты намечалась аренда у Крестьянского банка, который осуществлял бы постоянный надзор за «самым порядком землепользования», «шаг за шагом» следил бы за поступлением платежей и удалением неплательщиков из состава общины-арендатора, а в случае несогласия общины действовал бы помимо нее «через местные начальства».¹

План Витте был встречен другими ведомствами без энтузиазма. МЗиГИ, указывая на возникающий параллелизм в его деятельности и операциях банка, настаивало на увеличении своего представительства в руководстве банком и оспаривало как «искусственную, ничем не оправданную норму» разрешение приобретать с помощью банка в личную собственность участки, дающие земское право голоса.² Министерство юстиции выражало сомнение в целесообразности и бессрочной аренды, предлагая заменить ее долгосрочной (до 36 лет).³ Это подрывало основы виттевской идеи, ибо все же требовало выкупа земли в собственность. Государственный контролер Т. Филиппов предсказывал банку неудачу на поприще «покупки и перепродажи земли с барышом» и эксплуатации входящих в состав имений перерабатывающих предприятий и барских усадеб. Он предлагал поэтому разрешить банку покупать лишь такие имения, которые целиком могут быть переуступлены крестьянам в собственность или аренду.⁴ Витте сразу же возразил, что в таком случае право

¹ Там же. Л.82–90.

² А. С. Ермолов — В. К. Плеве 15 февраля 1895 г. // Там же. Ф.1152. Оп.12. 1895. Д.229. Л.303–307.

³ Н. В. Муравьев — В. К. Плеве 1 марта 1895 г. // Там же. Л.315–325.

⁴ Т. И. Филиппов — В. К. Плеве 28 февраля 1895 г. // Там же. Л.309–314.

на операции за свой счет превратится в фикцию и что одной из задач банка как раз и является «сослужить государству службу» и «купить имение из экономически слабых рук, не стесняясь соображениями, что... в имении этом есть участок, постройка или даже завод, которые нужно будет уступить в посторонние руки, не крестьянам».¹ Иными словами, Витте признавал, что планируемое расширение операций банка имеет целью не только снять остроту противоречий в деревне, содействуя увеличению крестьянского землепользования, но и вмешаться в процесс перераспределения собственности среди землевладельцев.

Именно эта сторона вопроса вызвала основные споры в Соединенных департаментах Государственного совета. Шесть его членов категорически выступили против предоставления Крестьянскому банку права покупки земли за свой счет, предсказывая, как уже отмечалось, массовую продажу дворянских поместий и предупреждая, что, таким образом, проектом решается «важнейший из вопросов внутренней политики» — вопрос «о распределении в государстве поземельной собственности». При этом 6 членов в пылу полемики заговорили о неумеренности пользования дворянами ипотечным кредитом, что приводило их к опасности потери своих имений.²

Витте подхватил эту тему, повернув ее против своих оппонентов. Действительно, указывал он, дворянство после реформы 1861 г. получило в виде выкупных платежей, ссуд из частных и Дворянского банков и платы за проданные земли более 2 млрд рублей, и лишь самая ничтожная часть этой суммы пошла «не только на пользу сельскому хозяйству, но даже на производительные затраты вообще». «Не правительство, — напоминал Витте, — побуждало к злоупотреблениям кредитом и не оно возбуждало преувеличенные надежды на помощь: оно шло постоянно позади предъявлявшихся к нему самым настойчивым образом... требований, и едва в силах было сдерживать самые несбыточные и тем не

¹ Объяснения Министерства финансов на соображения прочих ведомств по проекту устава Крестьянского банка. 10 апреля 1895 г. // Там же. Л.376–377.

² Соловьев Ю. Б. Указ. соч. С.214.

менее открыто высказывавшиеся чаяния». Отвергая обвинения в антидворянской направленности действий Крестьянского банка, Витте подчеркивал, что банк будет лишь «подбирать, так сказать, ту землю ... которая все равно поступает на рынок».¹

Большинство Соединенных департаментов тоже с опаской присматривалось к предложениям Витте. Оно решило не включать правила о покупке банком земли за свой счет в устав, а само это право предоставить банку в виде опыта всего на два года.² В такой ситуации отпадал и вопрос о наследственной аренде, поскольку у банка не создавалось для этого постоянного земельного фонда.

С отказом в институте наследственной аренды Витте смирился, ограничившись 9-летним предельным сроком. В новом варианте устава было также убрано упоминание о максимальной норме в 1/10 земского ценза (замененной размерами участка, который может быть обработан силами семьи).³ Но двухлетний период самостоятельных покупок банка Витте устроить не мог. Получив согласие Николая, он спешно начал разработку материалов о движении землевладения в России. Первоначально были обработаны сведения о сделках 1893 г., показавшие, что лишь малая часть мобилизуемых земель переходит из рук в руки при посредстве Крестьянского банка.⁴ Оперевшись на полученные

¹ Замечания министра финансов по поводу мнения 6 членов Государственного совета // РГИА. Ф.1152. Оп.12. 1895. Д.229. Л.442, 444, 451.

² Журнал Государственного совета в Соединенных департаментах... 4, 8, 11 и 13 мая 1895 г. // Там же. Л.387–406. Мнение М.С.Симоновой (Указ. соч. С.474), будто Витте предлагал покупку земли за счет банка всего на два года, а Государственный совет продлил ее до пяти лет, основано на каком-то недоразумении.

³ РГИА. Ф.1152. Оп.12. 1895. Д.229. Л.406, 412.

⁴ Представление Министерства финансов 3 октября 1901 г. // Там же. Ф.573. Оп.18. Д.27323. Л.1–4. Затем этот произведенный ad hoc подсчет был продолжен как за последующие, так и за предшествующие годы, вылившись в создание статистики движения землевладения за весь пореформенный период. Такое возникновение широких статистических разработок вследствие полемических нужд финансового ведомства было вообще характерно для Витте.

данные, Витте в ноябре 1895 г. добился от общего собрания Государственного совета продления права покупок Крестьянского банка до 5 лет. Совет записал в своем решении, что покупки банка будут полезны лишь тем помещикам, которые окажутся не в состоянии «удержать за собой свои имения», дав возможность ликвидировать их «безубыточно», но не нанесут ущерба дворянскому землевладению в целом, ибо за 5 лет банк сможет израсходовать на самостоятельные покупки всего 8–10 млн рублей отчислений от выкупных платежей, тогда как общая сумма земельных сделок достигает 150 млн рублей в год.¹ 24 ноября 1895 г. новый устав Крестьянского банка был, наконец, утвержден Николаем.

Основной формой деятельности банка оставалось посредничество при покупках. Всего к 1901 г. крестьяне с помощью ссуд банка купили у помещиков 4,4 млн десятин земли. В 1883–1885 гг. из рук помещиков при посредстве банка уходило в среднем по 182 тысячи десятин, в 1886–1890 гг. — по 204 тысячи, в 1891–1895 гг. — по 151,4 тысячи (явно сказалась затруднительность покупок для крестьян после голодных лет), в 1896–1900 гг. — по 299,6 тысячи. При этом во второй половине 90-х гг. 761,7 тысячи десятин или 50,8% всей проданной через банк земли приходилось на губернии черноземного Центра, что отражало ослабление позиций помещичьего землевладения в этом регионе и объясняло нападки дворянства на Крестьянский банк. Но в целом проданная при посредстве банка земля составляла меньшую часть потерь, понесенных в 1880–1890-х гг. поместным дворянством, а для крестьян была очень незначительным приращением земельного фонда. Все земли, купленные через банк в 1883–1900-х гг., составляли 3,9% к общей массе надельных земель, а в районах наибольшего их увеличения: 8,2% в северо-западных губерниях, 7,5 — в юго-восточных, 5,9% — в восточных.²

¹ Журнал Государственного совета в общем собрании 7 ноября 1895 г. // Там же. Ф.1152. Оп.12. 1895. Д.229. Л.516–523.

² Журнал комиссии по «оскудению Центра» 10–24 октября 1903 г. // Там же. Ф.1233. Оп.1. Д.78. Л.129.

Еще меньшее значение имели собственные покупки банка, хотя они и приняли больший размах, чем предполагал Государственный совет. За 1896–1899 гг. банку было предложено 1007 имений площадью в 1,4 млн десятин, из которых банк купил 183 имения с 387 тысячами десятин и стоимостью в 19,8 млн рублей (без учета поместья Кошелева). Средства на эти покупки были получены за счет отчислений от выкупных платежей (12 млн рублей) и выручки от продажи купленных земель (11,4 млн рублей), причем имения Кошелева и Воронцова-Дашкова были проданы Министерству земледелия. К концу 1899 г. к крестьянам перешло 132 тысячи десятин (на 42,9 тысяч душ или в среднем по 3 десятины на человека). Большая половина земли оставалась в управлении банка, причем имение в Пермской губернии (94 тысячи десятин) предназначалось для медленной распродажи местным крестьянам и переселенцам. Витте подчеркивал два момента в деятельности банка — полезность его действий для помещиков, имения которых без его вмешательства «подлежали бы невыгодной, нередко принудительной продаже», и малоземельность основной массы его покупателей.¹

Считая покупки банка «делом особой государственной важности»,² Витте в начале 1900 г. просил сделать эту операцию постоянной, но Государственный совет снова разрешил ее лишь «в виде опыта», правда теперь уже на 10 лет. Витте решил обойти Государственный совет и форсировать покупки за счет банка путем увеличения его средств. По его представлению Комитет финансов согласился, что пока операции банка «нельзя признать сколько-нибудь значительными», и постановил увеличить ежегодные отчисления из выкупных платежей до фиксированной суммы в 4,5 млн рублей в год (в 1896–1899 гг. в среднем поступало по 3 млн). Соответствующий проект высочайшего указа был

¹ Представление Министерства финансов 18 апреля 1900 г. // Там же. Ф.1152. Оп.13. 1900. Д.133. Л.2–9.

² Помета С.Ю. Витте на письме Самарского губернатора 4 мая 1900 г. // Там же. Ф.592. Оп.44. Д.336. Л.17.

заготовлен,¹ но начавшийся экономический кризис и вмешательство России в события в Китае вынудили отказаться от расширения собственных закупок банка и сократить его посреднические ссуды крестьянам.²

Ссуды Крестьянского банка не покрыли всех потребностей крестьян в долгосрочном кредите, поскольку они выдавались не в полной сумме оценки покупаемой при посредстве банка земли, а оценка, в свою очередь, была ниже реальной цены. Поэтому крестьяне оказывались вынужденными обращаться к частному, ростовщическому кредиту. В еще большей мере за счет ростовщических займов удовлетворялась нужда крестьян в краткосрочном кредите.

Специальные учреждения, отчасти обслуживающие кредитные нужды крестьян, появились еще в первой четверти XIX в. для отдельных специфических групп (немцев-колонистов, пахотных солдат и т. п.). С рубежа 1830/40 гг. создаются под разными названиями сословные крестьянские кассы в масштабах волости или отдельного селения, принимавшие на сохранение сбережения крестьян и выдававшие ссуды. В дореформенный период действие таких вспомогательно-сберегательных касс распространяется на государственных и удельных крестьян, а после 1861 г. аналогичные учреждения получают распространение и среди бывших помещичьих крестьян. Сословные крестьянские кредитные учреждения оказались не в состоянии обеспечить земледелие и кустарный промысел оборотными средствами. С одной стороны, их капитал, составлявшийся в основном из мирских отчислений, пожертвований и ограниченных дотаций Министерства государственных имуществ, был незначителен. С другой стороны, неплатежеспособность значительной части крестьян затрудняла возвращение ссуд, тем более, что МВД, ведавшее этими учреждениями, стремилось к уравнительному распределению ссуд ради предотвращения имущественной

¹ Журнал Комитета финансов 18 мая 1900 г. // Там же. Ф.1152. Оп.13. 1900. Д.133. Л.48-50.

² С. Ю. Витте — А. А. Ливену 15 июля 1900 г. // Там же. Ф.593. Оп.1. Д.399. Л.4.

дифференциации в деревне. В итоге в большинстве сословных кредитных учреждений однажды розданные ссуды не возвращались, а лишь переписывались, и сами такие учреждения превращались в фактически недействующие.¹

В связи с этим параллельно, главным образом при поддержке земств, возникает другой тип учреждений крестьянского мелкого кредита — ссудо-сберегательные товарищества. Они предусматривали индивидуальное членство (допуская участие не только крестьян), требовавшее внесения паевого взноса в 50 рублей, что делало товарищества доступными лишь для более зажиточной части деревни. Товарищества имели также право принимать вклады от своих пайщиков (в размере не более пяти полных паев от одного лица) и заключать займы. По своим обязательствам товарищества отвечали не только капиталом, но и имуществом пайщиков на началах круговой поруки. К 1893 г. реально функционировали 662 товарищества с 211 тысячами членов и 21 млн рублей капиталов, в среднем по 100 тысяч рублей на одного члена.²

Крестьянская кредитная кооперация встречала двойственное отношение помещиков. Значительная часть земско-помещичьих кругов активно содействовала ее развитию как организационно, так и пожертвованием некоторых земских и личных средств. В этом проявлялось как сохранявшееся патерналистское отношение к крестьянам (особенно — к бывшим «своим»), так и собственный расчет — ссуды на оборотные средства предотвращали осенние продажи зерна, давившие на хлебные цены, а с помощью поднятия агрикультурного уровня крестьянских хозяйств помещики надеялись решить проблему малоземелья, отвлекая крестьян от мысли о дополнительном наделении.³ Земские деятели, придерживавшиеся таких взглядов, создали в 1871 г. Комитет о сельских ссудо-сберегательных товариществах при

¹ См. подробнее: *Корелин А. П.* Указ. соч. С.86–97.

² Представление Министерства финансов 1 декабря 1894 г. // РГИА. Ф. 1152. Оп.12. Д.168. Л.2–31.

³ *Корелин А. П.* Указ. соч. С.98.

Московском обществе сельского хозяйства (а затем особенно активно действовавшее петербургское отделение комитета). С другой стороны, определенная часть помещичьих кругов боялась, что развитие крестьянской кредитной кооперации может лишить их рабочих рук, и предпочитали, чтобы крестьяне обращались за деньгами к ним, закабалая себя на отработки на невыгодных условиях. В этом отношении показательны рассуждения Бехтеева в 1885 г., когда он доказывал, что основной формой кредита для крестьян должны быть ссуды под личный труд, получаемые у помещика, и для того, чтобы такой кредит стал возможен, нужно улучшить финансовое положение именно помещиков.¹

С середины 80-х гг. и ссудо-сберегательные товарищества вступили в полосу упадка. Аграрный кризис отразился на положении и того контингента крестьян, которые являлись пайщиками товариществ. Число их стало сокращаться, а ссуды в значительной мере утрачивали производительный характер. В результате товарищества превращались в кредиторов узкого круга лиц, близких к правлению, лишь переписывавших числившуюся за ними задолженность.² На отливе вкладов из товариществ сказалось и расширение сети государственных сберегательных касс, гарантировавших возврат помещенных в них свободных средств,³ тогда как иммобилизация вкладов в товариществах делала такой возврат затруднительным.

Голод 1891 г. и резкое падение хлебных цен в 1893–1895 гг. сделали проблему краткосрочного кредита для крестьян крайне актуальной и с точки зрения борьбы против понижающего влияния осенней реализации крестьянского хлеба, и с точки зрения поддержания существовавшего уровня крестьянской платежеспособности ради интересов

¹ Особое мнение А. Д. Оболенского и С. С. Бехтеева по вопросу о порядке выдачи ссуд из Государственного земельного банка. Февраль 1885 г. // РГИА. Ф.1152. Оп.10. 1885. Д.281. Л.81–84.

² Представление Министерства финансов 1 декабря 1894 г. // Там же. Оп.12. 1895. Д.168. Л.15.

³ *Корелин А. П.* Указ. соч. С.102.

государственного бюджета. Не случайно среди аргументов, которые Витте выдвигал в пользу организации кредита для крестьян из Государственного банка, было то обстоятельство, что «они переплачивают ростовщикам, пожалуй, больше процентов, чем государству податей».¹ Поскольку отделениям банка было затруднительно непосредственно заниматься мелкими ссудами, предполагалось посредничество земств, доверенных лиц из числа помещиков, а также ссудо-сберегательных товариществ. Но Витте с самого начала выступал за строго коммерческие основы кредита, обеспечивавшие возвращение ссуд. Между тем при ограниченной правоспособности крестьян и при существовавшем запрете на отчуждение для погашения долгов не только надельных земель, но и значительной части хозяйственного инвентаря, ссудо-сберегательные товарищества не могли быть уверены в получении назад своих ссуд и в возврате средств, кредитованных им Государственным банком.

Представители Комитета о ссудо-сберегательных товариществах видели выход в том, чтобы допустить в последних не только личный, но и подтоварный кредит — под хлеб и кустарные изделия. Витте отверг широкое применение ссуд под хлеб, предлагая ввести их только там, где есть зернохранилища, и тут же оговариваясь, что на создание последних потребуются «громоздкие капиталы» и «десятки лет». Точно так же высказался он и о перспективах мелкого кредита в целом. «Вполне соглашаясь с тем, что при должном развитии этой формы кредита Россия могла бы значительно увеличить свое производство, я, — говорил Витте, — однако, полагаю, что подобного рода задачи осуществляются лишь с большими усилиями и в течение долгого времени».² Хотя Витте был прав, говоря о невозможности разом создать и снабдить средствами широкую и жизнеспособную систему крестьянского кредита, все же темпы ее развития зависели, кроме общих социальных условий, от размера предоставля-

¹ Там же. С.104.

² Журнал комиссии по пересмотру устава Государственного банка 23 января 1893 г. // РГИА. Ф.1152. Оп.11. 1894. Д.226. Л.226, 229.

емых средств, а Витте даже в период увлечения бумажными деньгами явно собирался на крестьянский кредит давать немного, ссылаясь на ненадежность векселей ссудо-сберегательных касс. Кроме того, Витте в этот период шел по заведомо безнадежному пути, рекомендуя закрепить в качестве «ячейки в организации кредита» общину с ее круговой порукой.¹

Параллельно с обсуждением устава Государственного банка вопрос о крестьянском кредите всплыл и при рассмотрении законопроекта о неотчуждаемости надельных земель. Возглавленное Бунге меньшинство членов Государственного совета предлагало принять меры к созданию «учреждений мелкого земледельческого кредита различных типов», а до того, как они появятся, разрешить залог надельных земель, считая его меньшим злом, чем всевозможные формы обхода его запрета.² В специальной записке Бунге подчеркивал, что «разорение крестьян должно быть предупреждено не запрещением залога недвижимости, а правильно устроенным сельским кредитом».³ Большинство, в которое входил и Витте, категорически высказалось против залога наделов в частных банках, но Витте и И. Дурново согласились допустить его в государственных кредитных учреждениях,⁴ что нашло свое отражение в законе 14 декабря 1893 г. Очевидно, следствием этого соглашения двух министров был упоминавшийся проект 1894 г. о поднадельных ссудах Крестьянского банка, но логика крестьянского законодательства 90-х гг. вела к полному запрету прямой и косвенной мобилизации крестьянских земель.

Обсуждение проблем мелкого кредита при пересмотре устава Государственного банка и законодательства о надель-

¹ Там же. Л.231–232.

² Журнал Государственного совета в Соединенных департаментах... Апрель 1893 г. // Там же. Ф.1149. Оп.11. 1893. Д.77. Л.405–406.

³ Соображения Н. Х. Бунге по вопросу о неотчуждаемости крестьянской надельной земли. Ноябрь 1893 г. // Там же. Л.687.

⁴ Протокол заседания Государственного совета в общем собрании 22 ноября 1893 г. // Там же. Л.791.

ных землях показало необходимость более широкой постановки вопроса. В декабре 1894 г. Министерство финансов представило проект устройства мелкого кредита, где признавало государственное значение поддержки крестьянского земледелия, а также мелкой промышленности и кустарного производства, которые-де при поддержке правительства могут «сохранить известное значение», несмотря на развитие крупной индустрии. Любопытно, что при обосновании важности снабжения крестьянских хозяйств оборотными средствами Витте ссылался на значительность доли крестьянского хлеба в его общей товарной массе, т. е. именно на то, что он одновременно отрицал в дискуссии о низких ценах.

Проект Министерства финансов представлял собой некоторый шаг вперед в развитии мелкого кредита, главным образом — кооперативного. Ссудо-сберегательные товарищества получали право выдавать своим пайщикам ссуды до 100 рублей, причем срок их продлевался с 9 до 12 месяцев. Наиболее «солидные» товарищества могли претендовать на долгосрочную (до 5 лет), подтоварную и комиссионную операции. Создавались, и это было важнейшим новшеством проекта, кредитные товарищества, не требующие от своих участников вступительного и накопительных паев, а действующие на предоставленный Государственным банком капитал, но зато и под его «ближайшим соблюдением». При этом Витте подчеркивал, что речь идет только о первоначальном капитале, и для расширения своих операций кредитные кооперативы должны привлекать частные капиталы, которые получили бы тем самым «небезвыгодное для своих владельцев и до известной степени обеспеченное» помещение. Такая формулировка выдавала сомнение Витте в надежности вложения средств в мелкий кредит, и проект предусматривал установление жесткого контроля за их сохранностью. С этой целью предполагалось усилить надзор за производительным использованием ссуд, отменить право каждого пайщика на кредит в максимально допустимом размере, заменив его ссудами в зависимости от кредитоспособности. Это вступало в противоречие с официально прокламируемой задачей обеспечить кредитом «малодостаточных». Судебный порядок взыскания платежей заменялся

полицейским и подчеркивалась необходимость административного контроля над деятельностью учреждений мелкого кредита, которые не могут управляться только лицами из собственной среды, ибо среда эта — «крестьяне, народ темный, часто безграмотный».

При этом Витте не доверял и контролю МВД, высказывая желание получить «общий надзор за всеми учреждениями мелкого кредита» в ведение Министерства финансов. Смысл этого требования состоял в том, что попечительный курс царизма по отношению к крестьянству допускал образование долгосрочных недоимок различных платежей, которые могли компенсироваться в бюджете за счет других поступлений, тогда как в кредитном деле возврат ссуды в срок был обязательным условием существования кредитного учреждения. Поэтому Витте предлагал отстранить от надзора за мелким (в том числе сословным) кредитом земских начальников, которые-де будут больше заботиться о получении ссуд крестьянами, чем об их возврате, и ввести институт особых инспекторов Государственного банка, полностью подчинив им жизнь кредитных товариществ (включая утверждение их должностных лиц и постановлений их общих собраний) и предоставив им право ревизии других учреждений. Для усиления влияния финансового ведомства проект предусматривал определение в законе лишь общих принципов функционирования крестьянских кредитных учреждений, ставя право каждого конкретного товарищества на долгосрочную, подтоварную и комиссионную операцию в зависимости от усмотрения министра.¹ Со своей стороны МВД претендовало также на право надзора за всеми учреждениями мелкого кредита в сельской местности.² В результате достигнутого компромисса в ведении МВД остались сословные учреждения (с правом финансового ведомства их ревизовать), а Министерство финансов получило общее заведование кредитными и ссудо-сберегательными товари-

¹ Представление Министерства финансов 1 декабря 1894 г. // Там же. Ф.1152. Оп.12. 1895. Д.168. Л.2-30.

² И. Н. Дурново — В. К. Плеве 6 марта 1895 г. // Там же. Л.163-166.

ществами, хотя сфера компетенции инспекторов была несколько сужена, чтобы не отпугнуть частные капиталы.¹

Утвержденный 1 июня 1895 г. закон об учреждениях мелкого кредита создал действительно удобную, как показало дальнейшее, форму кредитного товарищества. Но в 90-е гг. их распространению препятствовало сохранение правовых ограничений крестьян, их непривычка к новым учреждениям и скудость средств, отпускаемых Государственным банком. Давний знакомый Витте Д.И. Пихно явно исходил из полного совпадения своих взглядов с позицией министра, когда в письме к нему иронизировал над «близорукими народниками» из «Сельского хозяина» (журнала совсем не народнического), желающими, якобы, «роздать 200–300 миллионов крестьянам — для улучшения хозяйств, но без гарантии возврата».² На практике в XIX в. речь не шла даже об одном миллионе. С 1897 г., когда были утверждены образцовые уставы кредитных товариществ, по конец 1901 г. их было создано всего 118 (из них 62 в 1901 г.), причем предоставленный им Государственным банком капитал равнялся 280 тысячам рублей или менее, чем по 2,4 тысячи на товарищество. Для сравнения можно указать, что за это же время общий баланс ссудо-сберегательных товариществ вырос с 26 до 35 млн рублей (в основном за счет Прибалтики, Польши, южных и западных губерний).³

Трудно сказать, всерьез ли Витте в 1893–1895 гг. рассчитывал на приток к учреждениям мелкого кредита частных капиталов, но можно с уверенностью утверждать, что государственные пожертвования на эти цели должны были, по мысли Витте, носить лишь символический характер. Не считая еще платежные возможности крестьянства в целом перенапряженными, Витте в эти годы собирался не воспол-

¹ Журнал Государственного совета в Соединенных департаментах... 20 апреля 1895 г. // Там же. Л.187–192.

² Д. И. Пихно — С. Ю. Витте 25 июня (1896 г.) // Там же. Ф.560. Оп.22. Д.189. Л.71–72.

³ Исторический обзор и современное положение учреждений мелкого кредита в России (Справка Министерства финансов) // Там же. Ф.1233. Оп.1. Д.112. Л.122–123.

нять недостаток средств у народных масс, а усиленно извлекать дополнительные ресурсы на нужды казны. Об этом свидетельствовали и введение в 1893 г. новых и повышение старых косвенных налогов, и внесенный по знаменательному совпадению параллельно с законопроектом о мелком кредите и утвержденный в один день с ним новый устав сберегательных касс.

Как объяснялось в представлении Министерства финансов, главной целью изменения устава сберегательных касс, начавших в широком масштабе развиваться с 1884 г., было «дать части свободной наличности сберегательных касс помещение, более выгодное и для касс, и для государственного хозяйства». В действительности имелось в виду только последнее. Устав предполагал два основных нововведения. Во-первых, отменялось ограничение суммы вклада 1000 рублей для физических и 3000 рублей для юридических лиц, введенное раньше по соображению, что сберкассы предназначены только для мелких сбережений. Впредь вклады могли расти и свыше этих пределов, но излишки обязательно обращались кассами в ценные бумаги, что и было для Витте одной из основных задач реформы — разместить государственные займы в «твердых руках». Во-вторых, Витте просил для Министерства финансов право держать в наличных деньгах значительную часть фонда сберкасс в Государственном банке, «соображаясь с предвидимыми кредитными операциями». Витте указывал, что на деньги сберкасс уже приобретались в 1891–1894 гг. облигации государственных и железнодорожных займов (иногда почти на всю сумму выпуска), а также ипотечные бумаги Дворянского и Крестьянского банков. Витте утверждал, что тем самым средства сберкасс получали «наиболее производительное употребление».

Министерство финансов выражало сожаление, что сберкассы «еще не втянули в сферу своих операций сельское население России» (по данным ведомства на земледелие и сельские промыслы к 1 апреля 1894 г. приходилось лишь 18,5% вкладов), тогда как они могли бы содействовать «не только накоплению в этой среде сбережений, но и возвышению ее благосостояния». На деле министерство думало в

первую очередь о «накоплении народного капитала... для разрешения самых серьезных задач государственных в области финансовой и экономической».¹ Не исключено, что продвигая государственные сберкассы в деревню (с этой целью был отменен минимум вклада — 25 копеек, а с 1899 г. введены сберегательные марки), Витте хотел отвлечь в них средства, притекавшие в ссудо-сберегательные товарищества, чтобы затем малую их толику выделить товариществам кредитным, а основную часть использовать вне сельского хозяйства.

За 1894–1898 гг. сумма вкладов в сберкассы выросла с 347 до 593, а фонд сберкасс — с 282 до 539,8 млн рублей, причем за это время было приобретено, а затем в основном размещено (но частью осталось на счету сберкасс) государственных займов на 2655 млн рублей, железнодорожных займов — на 262,7 млн и ипотечных бумаг — на 281 млн, из них листов Дворянского банка — на 201,7 млн рублей. В 1899 г., отвергая обвинения в ущербе, причиняемом сберкассами народному хозяйству, Министерство финансов доказывало, что, напротив, средства касс находят производительное употребление в железнодорожном строительстве и при регулировании фондового рынка, а также идут на пользу землевладению, предусмотрительно не упомянув о земледелии и сельском хозяйстве вообще.²

Проблема развития сельского хозяйства вообще и сельскохозяйственного кредита в частности была в конце XIX в. внутренне противоречивой. Объективная необходимость перевода сельскохозяйственного производства, как помещичьего, так и крестьянского, на капиталистические рельсы, связанного с его интенсификацией и большим вовлечением

¹ Представление Министерства финансов 12 ноября 1894 г. // Там же. Д.157. Л.2–33.

² Записка Министерства финансов 13 ноября 1899 г. с представлением отчетов сберегательных касс за 1894–1899 гг. // Там же. Оп.13. 1901. Д.59. Л.3–4.

в общероссийский рынок, требовала создания и укрепления мелиоративного и краткосрочного кредита. Между тем экономическая ситуация 90-х гг. делала и помещицье, и крестьянское землевладение малоподготовленным к распространению в них этих производительных форм привлечения капитала.

Глубокий кризис дворянского землевладения, порожденный неспособностью большей части дворянства приноровиться к капиталистическим методам хозяйствования, непроизводительным использованием средств, полученных при освобождении крестьян и по ипотечному кредиту, запозданием с организацией государственных ипотечных банков, был обострен мировым аграрным кризисом и падением хлебных цен, низшая точка которого пришлось на 1893–1895 гг. Поскольку ипотечные займы получались помещным дворянством по оценкам земли, основанным на более благоприятных ценах, их погашение стало в 90-е гг. затруднительным, вызвав реальную угрозу ускорения и без того происходившего процесса мобилизации дворянской земельной собственности. В этих условиях любая форма кредита рассматривалась помещным дворянством как средство смягчения ипотечной задолженности, что создавало труднопредотвратимую тягу к превращению краткосрочных (соло-вексельных или подтоварных) ссуд в долгосрочные. В свою очередь эта тенденция заставляла правящие круги с опаской относиться к самим притязаниям дворянства на мелиоративный и краткосрочный кредит. При этом обеспокоенность той части бюрократии, которая стояла на точке зрения принципиальной важности сохранения помещного дворянства для экономического и политического строя России, вызывала возможность нового непроизводительного увеличения задолженности (под любым названием) дворянского землевладения и его последующего краха. Для Министерства финансов, кроме того, существенно важным было стремление оградить подготавливаемую (а затем только что проведенную) реформу денежного обращения от опасностей, связанных с иммобилизацией средств Государственного банка.

Еще большие трудности стояли на пути сельскохозяйственного кредита для крестьян. Ипотечный кредит Крестьян-

ского банка в сущности удовлетворял потребность в деньгах не покупателей-крестьян, а продавцов-помещиков, хотя и открывал путь для некоторого расширения крестьянского земельного фонда. В то же время залог земли как способ получения средств на нужды крестьянского хозяйства был исключен. Существовавшее законодательство препятствовало использованию в качестве обеспечения краткосрочного долга также значительной части инвентаря. В результате требования кредита, построенного на правильных коммерческих основаниях, были трудно применимы в крестьянском быту. В условиях аграрного кризиса доходы значительной части крестьянских дворов Европейской России не покрывали их расходов. В такой ситуации кредит сословных и кооперативных учреждений мелкого кредита уходил на покрытие «верхов» при покупках земли при посредстве Крестьянского банка или на потребительские цели и не возвращался, превращаясь из краткосрочного в долгосрочный.

Политика Министерства финансов усугубляла положение. Нужда в средствах для стремительно растущего государственного бюджета и недооценка степени крестьянского неблагополучия обусловили повышение косвенного налогообложения и развитие системы государственных сберегательных касс, изымавших свободные средства деревенских верхов из сельскохозяйственного производства. Сокращение внутреннего накопления, которое могло бы служить базой самофинансирования сельской кредитной кооперации, лишь частично компенсировалось субсидиями Государственного банка. Начавшийся со второй половины 90-х гг. пересмотр взглядов Витте в крестьянском вопросе не привел еще к каким-либо реальным шагам в области мелкого кредита, тем более, что Витте считал необходимой предпосылкой таких шагов изменение правового положения крестьянства. Однако обвинения против Витте, согласно которым именно его финансовая политика явилась основной причиной упадка крестьянского хозяйства, были предвзятыми. Форсированное развитие промышленности лишь ускорило процесс постепенного упадка крестьянских хозяйств, в основе которого лежало сохранение после 1861 г. полукрепостнических пережитков в аграрном строе во всех их проявлениях. Налоговые тяготы,

испытываемые крестьянством в связи с покровительством промышленности, накладывались на обременительные выкупные платежи, непосильность которых признавалась задолго до прихода Витте к руководству российскими финансами.

Если, таким образом, в сельском хозяйстве еще не сложились условия для массового производительного использования мелиоративного и краткосрочного кредита, то в свою очередь приток частного капитала практически целиком шел в ипотечные банки. Проблематичная с самого начала возможность вложения частных капиталов в элеваторное дело, соединенное с кредитом под хлеб, была подорвана законом 1888 г. о товарных складах. Организация же государственного сельскохозяйственного кредита в широких размерах препятствовали и общее состояние денежного рынка, заинтересованного не в низкопроцентных ипотечных облигациях, а в суливших большой доход дивидендных бумагах, и сознательное противодействие Министерства финансов. Позиция финансового ведомства определялась, по-видимому, четырьмя основными причинами. Первой из них было понимание отмеченной выше затруднительности устроить коммерческий, а не льготный сельскохозяйственный кредит. Второй причиной являлось сосредоточение усилий на введении и поддержке золотой валюты. Необходимая для всего народного хозяйства денежная реформа в период ее подготовки и проведения отрицательно сказывалась на выделении средств на мелиоративные и краткосрочные ссуды. Третья причина заключалась в неверной оценке движения хлебных цен. Считая понижательную тенденцию устойчивой, Витте полагал опасным для внешнеторгового баланса рост зернового производства и, следовательно, ненужной его поддержку со стороны государства. Наконец, существенным было и то, что требования развития сельскохозяйственного кредита выдвигались оппонентами Витте в общем контексте сопротивления его экономическому курсу, а это вызывало ответную негативную реакцию министра финансов.

ГЛАВА 2

Промышленный кризис и Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности

Уже во второй половине 1898 г. на мировом денежном рынке стала проявляться нехватка капиталов, вызванная возрастающим спросом на них в годы промышленного подъема. Денежный кризис был обострен изменением ситуации на сельскохозяйственном рынке. Неурожай 1897 г., охвативший ряд стран, усилил наметившуюся повышательную тенденцию хлебных цен, знаменовавшую собой окончание мирового аграрного кризиса. Россия, однако, не смогла воспользоваться повышением хлебных цен, поскольку, с одной стороны, она пережила в 1896–1898 гг. три неурожайных года подряд, а с другой — рост внутрироссийского производства угля и металлов в 90-х гг. еще не покрывал внутреннего спроса, и ввоз их из-за границы увеличивался. В результате положительное сальдо торговли по европейской границе в 1898 г. значительно сократилось, а в 1899 г. почти совсем сошло на нет. К этому добавилось увеличение военных расходов. В 1898 г. по требованию Николая из свободной наличности было ассигновано 90 млн рублей на создание Тихоокеанского флота, причем этот чрезвычайный расход потребовал и чрезвычайных усилий «для всемерного сохранения бюджетного равновесия»,¹ приведших к сокращению даже средств, выделяемых на строительство Сибирской

¹ Рескрипт на имя С. Ю. Витте 24 февраля 1898 г. // Правительственный вестник. 1898. 26 февраля.

железной дороги.¹ В последующие годы по мере увязания царизма в дальневосточной авантюре бюджетное напряжение все больше увеличивалось.

С 1899 г. Россия стала вползать в мировой экономический кризис, свидетельством чего послужило в сентябре резкое падение курса акций на петербургской бирже. В последовавших разъяснениях Министерства финансов и в высочайшем рескрипте на имя Витте от 8 декабря 1899 г. подчеркивалась прочность денежной системы страны, достигнутая благодаря введению золотого обращения, устойчивость государственного бюджета и «здорового развития производительных сил страны», а потери на падении курса акций объяснялись спекулятивным характером отдельных предприятий и биржевым ажиотажем, вину за который несут сами пострадавшие от него.² В докладе о бюджете на 1900 г. Витте также еще подчеркивал, что «в корне экономическая жизнь России здорова» и переживаемые трудности «не влекут за собою уменьшения производительных сил».³ Но с 1901 г. началось сокращение производства чугуна, продолжавшееся в последующие два года, в 1901–1902 гг. сокращалась выплавка железа и стали, с 1902 г. упала добыча нефти. Еще более существенным было то, что кризис не позволил ввести в строй только что возведенные заводы.

Кризис привел к понижению цен на металлы, и Министерство финансов публично выражало удовлетворение таким ходом событий, подчеркивая, что «совершающийся ныне перелом цен есть результат всей нашей экономической политики», и он «единственным способом обеспечит изделиям широкий сбыт, на котором в наше время только и может быть основано правильное развитие промышленности».⁴ Еще более категоричен был Витте в докладе о бюджете на 1902 г. «Удешевление изделий, — писал он, — выгодно для массы

¹ А. Н. Куломзин — Д. М. Сольскому 20 ноября 1898 г. // РГИА. Ф.1152. Оп.12. 1898. Д.490а. Л.50.

² Правительственный вестник. 1899. 9 декабря.

³ Там же. 1900. 1 января.

⁴ Вестник финансов. 1901. № 47. С.345.

населения и служит залогом дальнейшего развития производительных сил страны. К понизившимся ценам промышленные предприятия постепенно приспособятся, а усилившийся спрос на более дешевые продукты вызовет новый промышленный подъем. Наша покровительственная политика была направлена к удешевлению предметов производства, и потому было бы непоследовательно принимать какие-либо общие меры для искусственного повышения цен на изделия тех отраслей промышленности, которые переживают временные затруднения». ¹ Заявления о необходимости для промышленности самой приспособиться к новому уровню цен и ориентироваться на «народный» спрос делались Витте и «Вестником финансов» и в 1902–1903 гг.

Подобного рода заявления отражали, по-видимому, действительные взгляды Витте на перспективу дальнейшего индустриального развития, хотя их подчеркнутая декларативность имела целью и оправдать протекционистскую политику в период, когда на нее снова усилились нападки. Но оставить без внимания требования железозаводчиков о поддержке их предприятий новыми казенными заказами, неуставными ссудами Государственного банка и иными методами Витте не мог. По подсчетам «Вестника финансов» биржевая стоимость основных капиталов 98 французских и бельгийских предприятий в России с 15 октября 1899 г. по 15 октября 1901 г. упала с 1316 до 536 млн франков или на 59%, в том числе металлургических компаний с 862 до 298 млн франков или на 65%. ² Потеря франко-бельгийскими держателями почти 800 млн франков на русских бумагах грозила обернуться для России утратой французского денежного рынка и серьезными дипломатическими осложнениями. Уже в 1901 г. финансовое ведомство пошло на увеличение казенных заказов «в качестве исключительной меры», ³ продолженной и в дальнейшем. Хотя Министерство финансов отдавало себе отчет в том, что промышленные

¹ Правительственный вестник. 1902. 1 января.

² Вестник финансов. 1902. № 1. С.5.

³ Там же. 1901. № 15. С.109.

синдикаты сознательно удерживают высокие цены на свою продукцию,¹ оно согласилось на создание в 1902 г. Комитета по распределению заказов на рельсы и подвижной состав при МПС, содействовавшего укреплению позиций синдикатов в металлургической и металлообрабатывающей промышленности. Благие пожелания Витте и Ермолова ограничить время деятельности этого Комитета 1903–1905 гг. остались невыполненными.² Созданная ценою огромного напряжения финансовых сил страны тяжелая индустрия требовала дальнейших казенных приплат для своей поддержки.

Промышленный кризис придал новый импульс выступлениям критиков экономической политики Витте. Констатируя растущее противоречие между индустриальным развитием страны и отсталостью ее сельского хозяйства, порождающей слабость внутреннего рынка для промышленности, выразители интересов аграрных кругов делали вывод о неправильности всей предшествующей экономической политики и необходимости вернуться к преимущественной поддержке сельского хозяйства. Еще на пороге кризиса К. Ф. Головин настаивал, что «в основе здорового экономического роста должно быть поставлено развитие сельского хозяйства».³ В разгар кризиса В. И. Гурко уже прямо утверждал, что «искусственное» насаждение промышленности лишь отрывает крестьян от земли и в конечном итоге само себя тормозит ограничением платежеспособного спроса населения, тогда как сельскохозяйственное производство может расти «почти беспредельно и притом без всякого соотношения с народными достатками».⁴

Полемика по проблемам экономической политики приобрела особую остроту после опубликования доклада Витте

¹ Там же. 1903. № 1. С.6.

² Представление министерств торговли и промышленности и путей сообщения 21 сентября 1906 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.2. Д.335. Л.4–5.

³ Головин К. Ф. Наша финансовая политика и задачи будущего. 1887–1898. СПб., 1899. С.ХІІІ.

⁴ Гурко В. И. Устои народного хозяйства России. Аграрно-экономические этюды. СПб., 1902. С.75, 82.

о росписи на 1902 г. В этом докладе Витте подводил итоги своего десятилетнего управления Министерством финансов и старался доказать успешность осуществляемого им курса. Для этого он сопоставлял изменение долга государственного казначейства и стоимости принадлежащего казне имущества (в основном — железных дорог) на 1 января 1892 и 1902 гг. и делал вывод об уменьшении «чистой задолженности» на 1,8 млрд рублей, отмечал возрастание казенных доходов и утверждал, что в результате этого бремя платежей по государственному долгу, приходящееся на податные статьи бюджета, уменьшилось. Витте признавал кризисные явления в промышленности, но выражал уверенность в их временном характере, подчеркивая при этом важность прошлого и предстоящего железнодорожного строительства для обеспечения промышленного развития. Витте констатировал также, что в результате серии неурожайных лет Россия недополучила за последнее пятилетие 1 млрд рублей, и замечал в связи с этим, что первый же обильный урожай может иметь «могучее оживляющее влияние на экономическое положение страны». Это замечание ни в коей мере не означало отхода Витте от общей оценки происходящих в стране процессов. Он считал необходимым еще раз подчеркнуть, что в России идет «переход от земледельческого периода экономической жизни и системы натурального хозяйства к периоду промышленно-земледельческому и системе денежного хозяйства», естественно сопровождающийся перемещением богатств от одних «групп населения» к другим. Обещая поддержку «ослабевшим» группам, Витте настаивал: «было бы большою ошибкою... усматривать в экономических затруднениях некоторой части населения или отдельных общественных групп тревожные признаки для всего русского народа».¹

Но именно этот вывод был неприемлем для выразителей интересов помещичьего дворянства, чья позиция нашла свое наиболее отчетливое выражение в записке известного правого публициста Г. В. Бутми. Основными итогами десятилетнего развития страны Бутми объявлял понижение цен на сель-

¹ Правительственный вестник. 1902. 1 января.

скохозяйственные продукты в результате введения золотой валюты, искусственное повышение благодаря протекционистской политике цен на произведения промышленности, «насаждаемой во что бы то ни стало и без применения к спросу со стороны внутренних рынков», и в итоге — упадок сельского хозяйства, обращающий на себя внимание «прежде всего бедствиями поместного дворянства». В экономическом кризисе Бутми видел осуществление прогнозов тех, кто заранее предсказывал крах промышленности, «искусственно насаждаемой в ущерб интересам основного промысла — земледелия». Подобно авторам других дворянских записок, Бутми много писал о падении благосостояния крестьянства, о росте косвенного обложения, лежащего в основе образования свободной наличности, потраченной Витте на железнодорожное строительство, и предлагал «возвратить народу» излишне полученный с него 1 млрд рублей.

Но в случае с Бутми ссылки на крестьянство носили явно демагогический характер и прикрывали невысказанное, но подразумеваемое стремление получить упомянутый миллиард в свое распоряжение. Опровергая, подчас справедливо, цифры доклада Витте, доказывающие финансовое благополучие казны, Бутми в свою очередь пользовался произвольными подсчетами, направленными на дискредитацию деятельности Витте.¹ Записка Бутми была прочитана С. Ф. Шарapовым на заседании Общества для содействия русской промышленности 4 февраля 1902 г. и затем широко использовалась в публикациях ряда немецких газет, критиковавших политику Витте. За спиной этих газет скрывались высокопоставленные российские противники Витте² и русские аграрии, боявшиеся нового русско-германского торгового

¹ По поводу всеподданнейшего доклада министра финансов о государственной росписи на 1902 г. Записка 27 января 1902 г. // РГИА. Ф.560. Оп.26. Д.350. Л.59–100. Записка была распространена довольно широко. Экземпляр, имеющийся в Министерстве финансов, переслан Витте М. М. Андрониковым.

² Ганелин Р. Ш. «Битва документов» в среде царской бюрократии. 1899–1901 // Вспомогательные исторические дисциплины. Т.ХVII. Л., 1985. С.214–248.

договора, который привел бы к повышению ввозных пошлин обеими странами. Выступление Бутми не было акцией одиночки. В разосланной в то же время записке П. А. Бадмаева тоже доказывалось, что политика Витте противоречит «исторически-национальному хозяйству России, т. е. сельскому хозяйству».¹ Тогда же Головин выступил с печатной статьей, в которой, хотя и в более корректной форме, тоже полемизировал с бюджетным докладом министра финансов.²

Эта кампания вызвала беспокойство Витте. В Министерстве финансов было заведено специальное дело по опровержению статьи Головина и записки Бутми, в результате чего была подготовлена ответная записка ведомства, посвященная полемике с Бутми, разосланная редакциям ведущих газет.³ Видимо по просьбе Витте П. Х. Шванебах выступил в Обществе для содействия русской промышленности с опровержением бюджетных подсчетов Бутми.⁴

Если дворянские публицисты подвергали виттевский курс тотальному отрицанию, то оппоненты Витте из бюрократической среды ставили под сомнение в основном темпы промышленного развития и выражали реальную обеспокоенность кризисным состоянием крестьянства.

Государственный контролер П. Л. Лобко, еще в 1899 г. выступавший за «скорейшее развитие нашей внутренней промышленности», которое позволило бы приступить к понижению таможенных пошлин,⁵ в 1901 г. уже отмечал несоответствие «чрезмерно усиленного роста» промышленности «покупным силам нашего внутреннего рынка».⁶ Наи-

¹ Записка П. А. Бадмаева. Без названия и даты. Сопроводительное письмо Бадмаева к Витте 12 января 1902 г. // РГИА. Ф.560. Оп.26. Д.350. Л.54, 55–58.

² Россия. 1902. 12 января.

³ Рассылочный лист канцелярии министра финансов // РГИА. Ф.560. Оп.26. Д.350. Л.236.

⁴ Новое время. 1902. 3 марта.

⁵ Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1898 г. СПб., 1899. С.72.

⁶ Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1900 г. СПб., 1901. С.64.

более развернуто позиция Лобко была сформулирована им в 1902 г. Снова отметив «искусственный чрезмерный рост» промышленности, основанный на протекционистской политике, казенных заказах и «спекулятивных увлечениях дешевыми иностранными капиталами», Лобко подчеркивал, что заботы правительства о промышленности «не сопровождались столь же усиленными и действительными мероприятиями к поддержке и поднятию основы благосостояния русского народа — сельского хозяйства». В отличие от Бутми и К^о, Лобко не сводил дело к злой воле Витте и к отходу от «исторически-национального» земледельческого строя страны и признавал наличие объективных обстоятельств, которые «вынудили» спешно «провести некоторые важнейшие меры в области государственного хозяйства», причем взятые порознь, они были «благодетельными и необходимыми для будущего России». Но необходимость одновременного решения вставших перед страной задач потребовала, как считал Лобко, такого напряжения, «которое превысило силы современного нам поколения и задержало развитие его экономического благосостояния». Из этого вытекал вывод Лобко о необходимости дать народу «временную передышку» и на какой-то срок приостановить «усиление предъявляемых к нему требований».¹ В 1903 г. Лобко заострил критику экономического курса Витте. Теперь он с большей настойчивостью подчеркивал, что создать обширную промышленность можно лишь «предварительно подготовив внутренний рынок, который может быть основан только на цветущем земледелии», а потому любимое детище Витте — металлургические предприятия Юга — «в сущности являлись нежизнеспособными уже с самого возникновения своего». Лобко считал, что, как показывает кризис, «наступила пора вынужденной ликвидации предшествовавших грюндерских увлечений по насаждению у нас промышленности», и

¹ Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1901 г. СПб., 1902. С.55–57.

критиковал финансовое ведомство, бросившееся помогать пострадавшим от кризиса предприятиям.¹

Сходные позиции занимал и член Совета министра финансов П. Х. Шванебах. На протяжении 1899–1900 гг. он напечатал в журнале «Русский вестник» серию статей, изданных в 1901 г. отдельной книгой. Шванебах критиковал начатое Вышнеградским и продолженное Витте форсирование денежной реформы, приведшее к усилению податного обложения крестьян и излишнему вывозу хлеба за границу. Он проводил прямую связь между подготовкой и проведением денежной реформы и упадком крестьянского хозяйства черноземного Центра и Поволжья, которым непосильное налоговое бремя не дало оправиться после голода 1891 г. Точно так же он утверждал, будто помещики Центра начали было перед 90-ми гг. переход к более культурным методам ведения хозяйства, но затем под влиянием растущего спроса на экспортный хлеб вернулись к сдаче земли в аренду крестьянам. Шванебах соглашался с основными принципами политики Витте, говорившего, что создание устойчивого внутреннего спроса, т. е. развитие перерабатывающей промышленности, является наиболее прочным способом решения проблем русского сельского хозяйства. Но, отмечал он, «русская деревня центра и востока живет еще натуральным хозяйством; предъявляются же к ней требования со стороны государства с широко — до уровня западных держав — развитым денежным хозяйством. Отсюда коллизия, которая неизбежно обостряется по мере того, что, с одной стороны, растут требования фиска, а с другой — увеличивается неспособность деревни».

Для завершения промышленной эволюции России, писал Шванебах, требуются годы, не менее 25–30 лет, между тем земледельческим районам страны, прежде всего Центру, нужна передышка уже сейчас, и их дальнейшее оскудение опасно для финансового положения в целом. Шванебах не оспаривал необходимость привлечения иностранных капита-

¹ Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1902 г. СПб., 1903. С.43–45.

лов, но считал, что нужно более целенаправленно регулировать их приток в отрасли, требующие наибольшего поощрения, и не допускать спекулятивного грюндерства. «Наши промышленные успехи, — подводил Шванебах итог своим рассуждениям, — были бы прочнее, если бы ход дел был несколько замедлен, если б, без опасений за валюту, можно было мириться с более рассроченным, спокойным приливом иностранного капитала, если б над нами не тяготел Дамоклов меч неблагоприятных для золотой валюты международных расчетов». Сослагательность формы явно отражала сомнения Шванебаха: можно ли, раз уж денежная реформа осуществлена, не форсировать дальнейшие события, поскольку поддержание металлического рубля требовало активного денежного баланса, достигаемого с помощью притока капиталов извне и растущего хлебного экспорта со всеми его последствиями для экономического положения сельского хозяйства. И тем не менее Шванебах заключал, что ради «поддержки земледелия» можно пойти на ослабление действия «механизма, которым поддерживается золотое обращение».¹

В следующей своей книге, вышедшей в 1903 г., Шванебах снял все свои косвенные возражения против золотой валюты, но полностью сохранил предостережения об опасности перенапряжения платежных сил крестьянства. Соглашаясь, что нельзя «в угоду аграрному романтизму упориться в средневековой хозяйственной формации, отречься от железных дорог и промышленности», что нельзя остановить «неизбежную эволюцию», уже пережитую другими культурными народами, Шванебах призывал «смягчить болезненный процесс, переживаемый земледелием и крестьянством или... по крайней мере, не усугублять его тяготы».²

Призывы смягчить налоговое переобременение крестьян чаще всего подразумевали сокращение железнодорожного строительства. Витте постоянно подчеркивал производительный характер расходов на развитие железнодорожной сети

¹ Шванебах П. Х. Денежное преобразование и народное хозяйство. СПб., 1901. С.150, 234, 236.

² Шванебах П. Х. Наше податное дело. СПб., 1903. С.172–173.

и выражал особое удовлетворение тем, что большая часть этих расходов покрывается не за счет займов, а из бюджетных средств. Витте и его сотрудники подчеркивали право Министерства финансов черпать средства на железнодорожное строительство из «обыкновенного» бюджета, поскольку такое строительство создает для государства и населения новые источники дохода. «Громадность жертвы, которая в настоящее время больше всего чувствуется, — писал Витте в связи с созданием Сибирской магистрали, — заслоняет от глаз современников будущее значение великого пути».¹

Но именно последствия сооружения Сибирского пути, открывавшего хлеб из азиатской России доступ к внешнему рынку и во внутренние губернии, вызывали недовольство поместного дворянства. В своей железнодорожной политике Витте оберегал интересы помещиков великорусского Центра, специальными тарифами направляя сибирскую пшеницу преимущественно к экспортным портам Черного и Белого морей и сохраняя порты Балтийского моря для серых хлебов Центра. Но, поскольку пшеница занимала все большее место в российском хлебном экспорте и во внутреннем потреблении, а в ее производстве все большую роль играли новороссийские и южные губернии, а также Сибирь, помещики великорусского Центра усиливали жалобы на свое «оскудение», называя в качестве одной из причин неправильное, с их точки зрения, железнодорожное строительство. Головин сетовал на «расширение железнодорожной сети в восточном направлении», без нужды увеличивающее площадь зерновых культур, и считал, что создание дорожной сети, «насколько... она строится для удовлетворения действительно экономических нужд, а не для того только, чтобы поддерживать непрерывный приток к нам заграничных капиталов», можно считать близким к завершению.² Он в связи с этим рекомендовал прекратить, по крайней мере на время, казенное железнодорожное строительство.³ Замедлить сооружение новых дорог, особенно

¹ Правительственный вестник. 1900. 1 января.

² Головин К. Ф. Указ. соч. С.93, 114.

³ Россия. 1902. 12 января.

на востоке, и направить высвобождающиеся средства на мелиоративный кредит и другие формы поддержки сельского хозяйства предлагали Гурко и Бехтеев.¹ Поместное дворянство выражало также недовольство железнодорожными тарифами, требуя их снижения,² и предлагало, чтобы дороги, «не думая о барышах» и даже беря на себя часть помещичьих убытков, давали возможность сельскохозяйственным производителям существовать при любых ценах.³

Кризис обострил спор из-за железных дорог. В течение долгого времени (за исключением 1895–1899 гг.) дороги были убыточны для казны. «Вестник финансов» подчеркивал, что речь идет о бухгалтерской убыточности дорог, рассматриваемых отдельно от всего народного хозяйства, тогда как в общем его контексте железнодорожное строительство обеспечивает и экономическое развитие страны, и будущее равновесие бюджета.⁴ Витте объяснял убытки железнодорожной сети усиленным строительством стратегических, некоммерческих линий как на востоке, так и на западе страны и понижением тарифов в интересах сельского хозяйства.⁵ При этом он, однако, умалчивал, что строительство КВЖД, обошедшееся не менее, чем в 0,5 млрд рублей, осуществлялось в рамках его собственного плана экономической экспансии в Китае, и что сооружение дорог в России велось с огромными переплатами, вызванными предпочтением, оказывавшимся русским металлургическим и металлообрабатывающим заводам, и элементарной бесхозяйственностью.⁶

¹ Гурко В. И. Указ. соч. С.139; Бехтеев С. С. Хозяйственные итоги истекшего сорокапятилетия и меры к хозяйственному подъему. СПб., 1902. Т.1. С.329–331.

² Китанина Т. М. Хлебная торговля в России в 1875–1914 гг. (Очерки правительственной политики). Л., 1978. С.198.

³ Нужды сельского хозяйства и меры их удовлетворения по отзывам земских собраний. Изд. 2. СПб., 1902. С.171.

⁴ Вестник финансов. 1903. № 24. С.453–455.

⁵ Журнал Государственного совета в общем собрании 30 декабря 1902 г. // РГИА. Ф.1152. Оп.13. 1902. Д.264. Л.95–96, 101.

⁶ Шульце-Гевверниц Г. Очерки общественного хозяйства и экономической политики России. СПб., 1901. С.228.

Убыточность железных дорог и невозможность дальнейшего использования крупных бюджетных средств для их строительства (в 1902 г. Витте говорил уже о необходимости сократить выкупные платежи) предрешали вопрос о свертывании работ за казенный счет. В августе 1903 г. специальное совещание под председательством Николая постановило ограничить казенные расходы на сооружение железных дорог в 1904 г. уровнем 1903 г. с тем, чтобы сократить их в дальнейшем. По стечению обстоятельств журнал этого совещания был утвержден Николаем 16 августа 1903 г., накануне отставки Витте с поста министра финансов.¹

Вопрос о железных дорогах, по-видимому, не имел отношения к падению Витте. Николай, подобно нелюбимому министру, считал проведение новых и улучшение существующих дорог «первостепенной потребностью» России,² и причина сокращения ассигнований заключалась только в крайнем перенапряжении бюджета страны. В этих условиях Витте, считавший расширение железнодорожной сети необходимым для общеэкономического развития и, в частности, для удержания позиций в торговом соперничестве с США,³ продолжавший свою маньчжурскую авантюру и подстигаемый металлзаводчиками, требовавшими увеличения заказов на рельсы и подвижной состав для поддержания их предприятий, искал новые пути для продолжения железнодорожного строительства. Его попытки сделать это под флагом создания местных путей будут рассмотрены в связи с деятельностью Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Одновременно началась подготовка к возобновлению частного строительства. В конце

¹ Ананьич Б. В. Экономическая политика правительства. Реформы С. Ю. Витте // Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1984. С.45; Выписка из высочайше утвержденного 16 августа 1903 г. журнала заседания, состоявшегося в Петергофе 13 августа 1903 г. // РГИА. Ф.268. Оп.3. Д.943. Л.83.

² Всеподданнейший отчет по Особому совещанию о нуждах сельскохозяйственной промышленности 1902–1904. СПб., 1904. С.35.

³ С. Ю. Витте — В. П. Мещерскому 22 (без месяца) 1902 г. // РГИА. Ф.1622. Оп.1. Д.1018. Л.205.

1902 г. в Париже было проведено совещание с представителями банков и строительных фирм,¹ а один из видных чиновников Министерства финансов Н. Е. Гиацинтов выступил в «Русском экономическом обозрении» со статьей, в которой доказывал, что бывают периоды, когда призыв частного капитала к участию в железнодорожном деле является оправданным.² Частные капиталы, однако, можно было привлечь к сооружению лишь доходных линий, а это означало, что казенные ассигнования будут в еще большей степени идти на убыточные стратегические дороги. Это в свою очередь вызывало возражения противников Витте, и в январе 1904 г. Лобко предлагал отложить постройку «какой-либо намеченной убыточной линии», передав сэкономленные средства на развитие сельскохозяйственного кредита.³

Экономический кризис усилил антипромышленные и антикапиталистические настроения в обществе и в бюрократии. «Разочарование крупной промышленностью» отмечал в октябре 1901 г. П. Миллер,⁴ а в январе 1903 г. Д. И. Менделеев в письме к Витте сетовал на то, что мысли о важности промышленности чужды большинству «образованных классов», а кризис и вообще «вновь заставил упираться мыслями в исключительное развитие у нас сельского хозяйства».⁵ При этом часть деятелей аграрного лагеря и правящей бюрократии обращалась к идеям о преимуществах мелкой крестьянской промышленности перед фабричной. Особенно активно эти идеи развивались, если иметь в виду правящие круги, Министерством земледелия и близкими к нему лицами и, возможно, окружением в. кн. Александра Михайловича.

Дело заключалось не в предложениях помочь крестьянским кустарным промыслам (виттевское ведомство, по крайней мере в теории, также было за это), а в том, что

¹ Там же. Ф.268. Оп.3. Д.866. Л.1–3.

² Русское экономическое обозрение. 1902. № 8. С.46.

³ П. Л. Лобко — В. Н. Коковцову 22 января 1904 г. // РГИА. Ф.1152. Оп.13. 1903. Д.446. Л.41.

⁴ Русское экономическое обозрение. 1901. № 10. С.131.

⁵ РГИА. Ф.1233. Оп.1. Д.39. Л.18.

кустарное и ремесленное производство в начале XX в. снова объявлялось реальной альтернативой крупной индустрии и капитализму. Очень настойчиво защищал эту теорию один из ближайших сотрудников Ермолова Д. А. Тимирязев во вступлении к изданному под его редакцией «Обзору кустарных промыслов в России». Отмечая, что крестьянин-кустарь может довольствоваться меньшим заработком, чем рабочий, Тимирязев делал из этого вывод, будто «последнее слово в борьбе крупных предприятий с мелкими еще нельзя считать сказанным». Тимирязев доказывал предпочтительность для государства развивать мелкую кустарную промышленность, поскольку тем самым создавался бы и «естественный и верный путь для развития крупной промышленности», не нуждающейся в таможенном покровительстве.¹ Иными словами, Тимирязев предлагал, чтобы Россия повторила процесс развития фабричного производства из ремесла, не обращая внимания на то, что в соседних странах уже существуют жаждущие внешних рынков промышленные монополии.

В своих взглядах Тимирязев не был одинок. Причастный, судя по знакомству с А. А. Клоповым, к Александру Михайловичу А. Д. Погрузов тоже полагал, что «развивая кустарные промыслы в стране, мы закладываем в почву верные семена нормального, естественного промышленного развития страны, развития снизу, а не сверху». Погрузов считал возможным создание кустарного машиностроения и даже железодельного производства, сосредоточение в руках крестьян добычи меди на Урале и т.п.,² а в письме к Витте доказывал, что кустарная кооперация способна «изготавливать изделия гораздо дешевле, чем капиталистическим путем», и потому «здесь особенное будущее России на международном рынке».³ Необходимость оказывать предпочтительную поддержку кустарным промыслам, а капиталистическую фабрику

¹ Обзор кустарных промыслов России. СПб., 1902. С.1–XIX.

² Вестник финансов. 1901. № 42. С.112–113; № 43. С.165; № 49. С.463–467; № 52. С.617–618.

³ А. Д. Погрузов — С. Ю. Витте. Штамп получения 16 ноября 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.26. Д.274. Л.232–234.

допускать к производству «только того, что в восьмимесячную безработицу крестьян-земледельцев не может быть произведено ими», доказывал в своих публикациях и в комиссии по оскудению Центра Бехтеев.¹ Аналогичные идеи развивал Головин, считавший целесообразным «распространение мелких предприятий» вместо «поощрения крупных фабрик», ибо деревне «нужна работа дома, по соседству.., не требуя выселения». Поскольку, заявлял Головин, экономическое развитие в стране все равно идет с помощью правительства, в его власти «свернуть с ложного пути» и организовать «такое вмешательство, которое бы несколько потянуло весы в сторону мелкого производства».²

Смешение либерально-народнических и попечительно-охранительных идей было характерно и для состоявшегося в 1902 г. под покровительством Александра Михайловича съезда деятелей по кустарной промышленности. В одном из центральных докладов съезда, сделанном А. Г. Штанге, утверждалось, будто «государство и общество явно увидели» опасность покровительства крупной капиталистической промышленности, ведущую Россию к пропасти, «и остановились на распутье, готовые свернуть на другую дорогу». Такую другую дорогу Штанге видел в создании земских и артельных мастерских, предотвращающих развитие капиталистических отношений в среде кустарей. При этом участие интеллигенции в организации подобных мастерских отвлекло бы ее, по мысли Штанге, от сочувствия «все ожесточающейся оппозиции», в результате чего можно было бы «без потрясений выйти из переживаемого нами не только экономического, но и общественного кризиса».³

Даже ревностный защитник промышленного развития Менделеев заговорил в 1902 г. о необходимости «мировой сделки между сельским хозяйством и фабрично-заводской

¹ Бехтеев С. С. Указ. соч. С.224; Журнал комиссии по оскудению Центра. Октябрь 1903 г. // РГИА. Ф.1233. Оп.1. Д.78. Л.120–121.

² Головин К. Ф. Указ. соч. С.129–130, 137–138.

³ Съезд деятелей по кустарной промышленности. Доклад А. Г. Штанге // РГИА. Ф.1233. Оп.1. Д.42. Л.46–52.

промышленностью» в форме «соединения в одном и том же крестьянстве земледельцев с фабрично-заводскими рабочими».¹

В основе усиления внимания к кустарным промыслам не просто как таковым, а как к альтернативе «капиталистической фабрике», лежали два обстоятельства. С одной стороны, к помещичьему страху перед ростом капиталистических отношений в стране все больше добавлялась тревога, вызванная угрожающим падением благосостояния крестьян и началом крестьянских волнений. В такой обстановке поддержка кустарных промыслов рассматривалась как средство поднять уровень жизни крестьян и успокоить деревню. Тот же Менделеев, в котором теоретическая и практическая заинтересованность в промышленном предпринимательстве сочеталась с помещичьим интересом, выражал надежду, «что вредные стороны, капитализму свойственные, могут быть постепенно уничтожены здоровым развитием артельно-кооперативных начал с участием правительства без всяких истории противных — социалистических приемов».² С другой стороны, появление бензиновых и особенно электрических двигателей, делавших возможным механическое производство с меньшей степенью его концентрации, чем при паровом двигателе, возрождало расчеты на выживание «кустаря-одиночки с мотором». Опять-таки Менделеев высказывал предположение, что с изобретением дробления механической силы часть производств, может быть, «со временем вновь окажется наиболее выгодным и целесообразным вести в малых размерах, оставляя для крупнейших предприятий лишь долю производства».³

Поддержка кустарного промысла сама по себе составляла одну из важных задач экономической политики. Предсказания конкурентоспособности мелких, специализированных и

¹ Д. И. Менделеев — С. Ю. Витте 27 апреля 1902 г. // Там же. Д.35. Л.224.

² Там же. Л.223.

³ Менделеев Д. И. Фабрично-заводская промышленность и торговля России. СПб., 1896. С.53.

технически хорошо оснащенных (но отнюдь не кустарных) предприятий перед крупными имели под собой основание для ряда отраслей производства, хотя, очевидно, капиталистическая промышленность должна была предварительно пройти период усиленной тяги к концентрации. Поэтому Менделеев, говоря о возможности разных форм организации капиталистического производства, был прав. Справедлива была и позиция журналов Министерства финансов, признававших, что электричество поможет кустарю выжить в производствах, где выгодна индивидуализация изделия, но одновременно подчеркивавших безнадежность попыток уберечь кустарей «от зарождения в их среде капиталистического строя», создававших лишь искусственную «задержку в развитии производства».¹ Консервативные же защитники кустарного промысла, видевшие в нем полноценного конкурента «капиталистической фабрике», не только жаловались на «отсутствие равновесия в поощрении крупной и мелкой (кустарной) промышленности»,² но и прямо считали целесообразным «в интересах кустарной промышленности наложить даже некоторые ограничения на фабрично-заводскую».³

С весны 1902 г. основная дискуссия в правящих кругах по вопросам экономической политики была перенесена в Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности. В советской историографии это совещание изучалось почти исключительно как определенный этап формирования крестьянской политики царизма или же его взаимоотношений с дворянством в целом либо с его земско-либеральным крылом. В основе такой трактовки лежит утверждение самого Витте в его «Воспоминаниях», будто он «принял выжидательное положение» на Совещании, будучи уверен, что вставший после убийства Сипягина во главе МВД Плеве не сможет подготовить новое крестьянское законодательство.

¹ Русское экономическое обозрение. 1901. № 10. С.134.

² Представление МЗиГИ в Государственный совет 27 октября 1901 г. // РГИА. Ф.1152. Оп.13. 1902. Д.80. Л.27.

³ Отчет о заседании комиссии об оскудении Центра 18 ноября 1903 г. // Вестник финансов. 1903. № 45. С.225.

Пока же провал Плеве не стал очевидным, Совещание, по словам Витте, «рассматривало общие вопросы по части хлебной торговли, подъездных путей, мелкого кредита и проч.».¹ Ссылаясь на «Воспоминания» Витте, М. С. Симонова, как уже отмечалось во Введении, назвала «общие вопросы», которыми занялось Совещание, «второстепенными» с точки зрения коренных проблем аграрной политики.² Но если в период работы над «Воспоминаниями» Витте действительно включал борьбу за созыв Совещания в общий контекст своей позиции по крестьянскому вопросу, то в 1902 г. для него было не менее важным и другое — подкрепить авторитетом Особого совещания принципы его экономической политики и, в частности, его отношение к сельскому хозяйству. В этом смысле показательны сохранившиеся в Министерстве финансов два варианта всеподданнейшего доклада Витте, обосновывавшего необходимость созыва Совещания.

Первый вариант доклада, составленный одним из ближайших сотрудников Витте, товарищем министра финансов В. И. Ковалевским, предусматривал образование Комитета для изыскания мер по улучшению крестьянского хозяйства и был в основном посвящен положению последнего. Именно этот вариант привлек внимание М. С. Симоновой и использован ею в своей работе.³ Между тем, само название Совещания показывает, что движение получил другой вариант, в котором предлагалось создать не Комитет по крестьянскому хозяйству, а Особое совещание о нуждах земледельческого промысла. Соответственно иной была и аргументация. В докладе подчеркивалась временность затруднений, переживаемых промышленностью, прочность финансов и денежного обращения, повторялись обычные рассуждения Витте о трудности и медленности мер правительственного воздействия на сельское хозяйство, а представления об упадке последнего объявлялись преувеличенными и распространенными лишь

¹ Витте С. Ю. Воспоминания. Т.2. М., 1960. С.531–534.

² Симонова М. С. Кризис аграрной политики царизма накануне первой российской революции. М., 1987. С.90.

³ Там же. С.12–13.

«среди лиц, относящихся критически к нашему экономическому положению». В докладе оговаривалось, что Совещание заведомо не сможет добиться быстрого подъема земледелия и только наметит главнейшие из необходимых для того мер. К этим рассуждениям Витте на полях добавил то, что представляло для него особый интерес: «...будет устранено сетование на недостаточное внимание правительства к этому делу».¹ Этот аспект в целях Витте не остался незамеченным. Уже в эмиграции, но явно исходя из давних убеждений, Гурко писал, что Витте добился создания Особого совещания для того, чтобы «парализовать все возрастающую оппозицию сельских хозяев его экономической политике», а вовсе не ради рассмотрения крестьянского вопроса.²

Последнее утверждение Гурко было, конечно, полемическим преувеличением. В самом начале работ Совещания Витте заявил, что, с его точки зрения, «прочно поставить сельское хозяйство у крестьян невысказанно без того, чтобы не коснуться строя крестьянского землепользования», и предложил обсудить этот вопрос, дабы не наткнуться на него в каждом конкретном случае. Но при этом он говорил лишь о желательности сформулировать мнение Совещания, не вторгаясь в разработку конкретных законопроектов, которая должна быть возложена на «призванные к тому учреждения».³

¹ Проект всеподданнейшего доклада С. Ю. Витте с его правкой. До 22 января 1902 г. // РГИА. Ф.1233. Оп.1. Д.1. Л.7–11.

² Гурко В. И. Что есть и чего нет в «Воспоминаниях графа С. Ю. Витте» // Русская летопись. Кн. 2. Париж, 1922. С.97.

³ Протоколы Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности 2 и 26 февраля 1902 г. // РГИА. Ф.1233. Оп.1. Д.20. Л.30, 113–114. Материалы заседаний Особого совещания хранятся в его фонде за 1902 г. и за первое полугодие 1903 г. в виде протоколов и стенограмм. При переработке стенограмм в протоколы в них вносились изменения не только стилистическими, но и смыслового характера, иногда существенно менявшие содержание. В ряде случаев суть полемики можно понять только при параллельном чтении протоколов и стенограмм. Нередко наиболее откровенные высказывания, зафиксированные в стенограммах, не включены в протоколы. Поэтому в зависимости от характера записи в работе используются и протоколы, и стенограммы. С осени 1903 г. имеются только стенограммы. В дальнейшем в целях экономии листажа ссылки на стенограммы (Ф.1233. Оп.1. Д.9–19) и протоколы (Д.20–27) даются без расшифровки.

При всех союзнических отношениях с Сипягиным Витте не мог себе позволить прямое покушение на компетенцию чужого ведомства (глава которого был сторонником общины), тем более, что и большинство членов Совещания было еще не готово к коренному пересмотру правового положения крестьян. Департамент земледелия МЗиГИ, например, предлагал в это время землеустроительные и агротехнические меры подъема крестьянского хозяйства, не затрагивающие общинное землепользование. Меры эти Витте назвал «общими пожеланиями, коими замощен дантовский ад».¹

В мае 1902 г. Совещание записало в своем журнале, что «условия ныне существующего землепользования» не являются сами по себе препятствием к развитию крестьянского хозяйства, а потому и в решении стоящих перед этим хозяйством проблем изменение законодательства не является главной мерой.² Согласившись на такую редакцию журнала, Витте стал методично демонстрировать нерешаемость вносимых на обсуждение Совещания агротехнических и финансовых вопросов без пересмотра крестьянских правопорядков. Готовя таким образом почву для возвращения к вопросам крестьянского законодательства, Витте одновременно добивался нужного ему решения по проблемам, носившим именно «общий», а отнюдь не «второстепенный» характер.

По-прежнему считая малоэффективным прямые вложения капитала в сельское хозяйство, Витте, как и раньше, предпочитал воздействовать на последнее через общее экономическое развитие страны (главным рычагом которого оставалось железнодорожное строительство) и через организацию хлебной торговли. Оба эти вопроса приобрели дополнительную остроту в годы промышленного кризиса, на фоне которого проходило Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности.

¹ Записка МЗиГИ «О мерах к улучшению организации крестьянского хозяйства». С пометами С. Ю. Витте // Там же. Д.69. Л.173–200.

² Журнал Особого совещания... № 5 // Вестник финансов. 1902. № 27. С.7.

Как уже отмечалось, железнодорожная политика Витте подвергалась критике со стороны его противников из аграрного лагеря, а бюджетное перенапряжение делало невозможным продолжение казенного строительства в прежних размерах. Поэтому для Витте было важно, чтобы и Совецание поддержало его установку на дальнейшее расширение железнодорожной сети, которое Витте аргументировал, в частности, заботой о повышении земельной ренты. Если в этом вопросе оппонентами Витте выступили только председатель Московского общества сельского хозяйства А. Г. Щербатов, сетовавший, что железные дороги уничтожают натуральный строй хозяйства, и занимавший в тот момент пост Государственного секретаря Коковцов, обеспокоенный трудностями финансового обеспечения строительства,¹ то согласие Совецания с тезисом, что интересы сельского хозяйства не требуют пересмотра перевозочных тарифов, Витте пришлось вырывать с боем. Помещичьи представители добивались установления пониженных тарифов для хлеба, идущего на экспорт, что должно было оберегать внутренний рынок от сибирской конкуренции, и были поддержаны в этом Ермоловым. Еще дальше шли предложения понизить тарифы на короткие расстояния и увеличить их на дальние и при внутренних перевозках, что опять-таки преследовало цель охранения интересов черноземного Центра. Витте и его сотрудники отбились лишь указанием на то, что пересмотр тарифов повлечет за собой понижение доходов железных дорог и затруднит становящееся все более актуальным привлечение частных капиталов.²

Однако увеличение роли частного капитала в прокладке магистральных путей требовало существенного пересмотра условий их сооружения. Витте же нуждался в немедленном росте строительных работ, которые обеспечили бы увеличение рынка для металлургической промышленности и выход из экономического кризиса. Как представляется, эти сооб-

¹ РГИА. Ф.1233. Оп.1. Д.25. Л.232, 262, 264.

² Там же. Д.22. Л.88, 98-101, 103, 126.

ражения играли важную роль в его отношении к так называемым местным железным дорогам.

Сама по себе идея сооружения дешевых железных дорог местного значения была выдвинута Витте еще в 1894 г. В тогдашней записке Министерства финансов справедливо отмечалось отрицательное влияние бездорожья на состояние сельского хозяйства. Из трех видов местных путей — гужевых, водных и железнодорожных — последний представлялся Витте наиболее перспективным для быстрого решения проблемы, причем имелось в виду строительство дорог облегченного типа (примерно в 3 раза дешевле магистральных). Это означало, что под ликвидацией бездорожья Витте понимал лишь соединение с основными транспортными магистралями внутренних центров торговли, а отнюдь не обеспечение крестьян удобными путями сообщения. Уже тогда строительство местных дорог рассматривалось Витте не только как содействие подъему сельского хозяйства, но и как формирование рынка для тяжелой индустрии, в связи с чем он предлагал не допускать ввоза из-за границы рельсов и подвижного состава, даже ценою замедления работ.¹ Государственный совет согласился с соображениями Витте, но отпущенные 10 млн рублей были истрачены на сооружение магистральных путей. Отчасти это объяснялось сложностью организации строительства сети местных дорог, отчасти тем, что магистральные пути представляли собой наиболее удобный рынок для металлургических заводов, не требующий переоборудования ради проката рельсов облегченного профиля и т. п.

В 1902 г. Витте вернулся к идее местных дорог. Подготовленный по его инициативе Устав второстепенных дорог был рассмотрен в комиссии под председательством главы инженерного совета МПС В. В. Салова и в мае 1903 г. вынесен на Совещание. В самом начале обсуждения Витте подчеркнул, что считает этот вопрос одним из существенно важных. В то время, как в вопросах более серьезных в

¹ Представление Министерства финансов 3 ноября 1894 г. // Там же. Ф.1152. Оп.12. 1895. Д.103. Л.2–25.

государственном отношении, в вопросах крестьянского быта, говорил Витте, Совецанию часто придется оставаться лишь в области пожеланий, дело о местных дорогах может быть поставлено на реальную почву и привести к практическим результатам. Однако сразу же выяснились глубокие разногласия в среде Совецания. Все его члены признавали важность развития местной дорожной сети для сельского хозяйства. «Каждый поступательный шаг хозяина по пути сельскохозяйственного прогресса, — говорилось в журнале Совецания, причем слово “хозяин” выдавало преимущественную заботу о помещике, — оказывается в прямой зависимости... прежде всего... от состояния путей сообщения».¹ Но Витте и Салов при этом понимали под путями сообщения главным образом железные дороги, а Плеве, Ермолов и представители МПС — гужевые пути. «Железнодорожный путь, построенный исключительно в расчете на земледельческие грузы, будет всегда убыточен», — говорил товарищ министра путей сообщения В. А. Мясоедов-Иванов, а Ермолов доказывал, что для сельского хозяйства требуются либо магистральные линии на большие расстояния, либо короткие подъездные гужевые пути.²

Возражения Ермолова, Плеве и других имели под собой основания. Комиссия Салова предложила план, осуществимость которого вызывала сомнения и с организационной, и с финансовой стороны. Предполагалось строить в год по 2000 верст облегченных железных дорог, причем ответственность за строительство возлагалась на земства. 50% стоимости дорог безвозвратно оплачивала земствам казна, еще 25% она же ссужала им, а 25% должны были внести частные предприниматели, которым земство сдавало работы в концессию. Если земство бралось за сооружение дороги само, эту часть капитала ему тоже ссужала казна. У земств опыта подобного предпринимательства не было, а частные капиталы можно было привлечь только гарантией устойчивой доходности, которую сезонные перевозки зерна не обеспе-

¹ Цит. по: *Симонова М. С.* Указ. соч. С.102.

² РГИА. Ф.1233. Оп.1. Д.27. Л.3, 45, 48–49, 60–61.

чивали. Если же, паче чаяния, строительство все же пошло бы, оно потребовало бы от казны ежегодного расхода в 60–70 млн рублей, а это приводило в содрогание Коковцова, твердившего: «...если нет уверенности, что средства всегда будут наготове, то лучше не начинать дела в широких размерах». С точки зрения большинства Совещения расходы на местные железные дороги были тем более неоправданы, что «упорядочение грунтовых дорог» это большинство намеревалось по-прежнему осуществлять за счет крестьянской натуральной дорожной повинности.¹ Но Витте и рассчитывал на то, что местные железные дороги будут строиться не только земствами и с учетом притока не только хлебных, но и промышленных грузов, Витте нужны были железные дороги и он, считавший копейки, когда речь шла о мелиорации, здесь был демонстративно щедрым. «Я, — откровенно разяснял он, — смотрю так, что деньги, которые поступают в казначейство, все равно будут взяты, а если будут взяты, то лучше на такое полезное дело, как сооружение местных дорог, чем на что-либо другое. Министр финансов со всех сторон окружен как бы “разинутыми пастями”, просящими денег, а при таких условиях деньги в казначействе не залежатся».²

Витте, однако, нужно было замаскировать расход на железнодорожное строительство и в известной мере забронировать его. Для этого ему было удобно использовать земство как ширму и потому он так упорно противился стремлению МПС сохранить местные дороги в своем ведении. Земства в глазах помещиков и бюрократии выглядели бы «единственными предпринимателями, способными осуществлять сооружение железных дорог местного значения в

¹ Там же. Л.91–93, 98, 164–165. Предложение директора Департамента окладных сборов Н. Н. Кутлера ввести денежное обложение помещиков на поддержание дорог вызвало резкое несогласие не только всегда стоявшего на помещичьих позициях А. Н. Куломзина, но и «крестьянского радетеля» в Совещении П. П. Семенова-Тян-Шанского, заявившего, что в таком случае помещикам придется бежать из своих имений. Проблема обложения помещиков ради местных дорог оказалась царизму не под силу, и закон о гужевых путях не был принят до 1917 г.

² Там же. Л.55–56, 67, 107–108.

интересах сельского хозяйства»,¹ а на деле дороги прокладывались бы с учетом потребностей и промышленности. Ассигнования на «земские» дороги шли бы по смете МВД, отдельно от общих железнодорожных расходов, их труднее было бы сократить, а Витте на основании собственного опыта уже знал, что средства, не переданные формально в руки местных властей, всегда могут быть перенесены в государственном бюджете на другие цели. С большим трудом Витте удалось склонить большинство Совещания в пользу предоставления земствам права самим строить железные дороги или привлекать к этому частных концессионеров и в пользу передачи построенных дорог в ведение МВД. Это мнение большинства Витте сумел подкрепить и резолюцией Николая. Одновременно в журнале Совещания предусматривалось право железнодорожных компаний строить местные рельсовые пути и независимо от земств. Здесь Витте открывал дорогу частному капиталу, если тот сочтет дело выгодным.

Витте, однако, не удалось добиться, чтобы в журнале было зафиксировано предпочтительное отношение Совещания к железным дорогам перед грунтовыми, а на 1904 г. было решено просить об открытии условного кредита (если будет подготовлен соответствующий закон) всего в 15 млн рублей, из которых 8,8 млн предназначались на гужевые и шоссейные пути. Решено было продолжить рассмотрение вопроса в новой комиссии, правда, под председательством того же Салова, защищавшего взгляды Витте, а не собственного ведомства.² К февралю 1904 г. комиссия разработала уставы земских и неземских железных дорог и земских дорог (шоссейных и гужевых). Но к этому времени ситуация изменилась — Витте перестал быть министром финансов, а русско-японская война поставила крест на расчетах выделить сколько-нибудь значительные средства на местные дороги любого типа.

¹ Там же. Л.66.

² Журнал Особого совещания... № 15 // Вестник финансов. 1903. № 30. С.126–142.

«Одним из важнейших вопросов нашей программы» называл Витте и проблему организации хлебной торговли.¹

Готовясь к ее обсуждению на Совещании, Министерство финансов по прежнему опыту знало, с какими претензиями поместного дворянства ему предстоит столкнуться. Российские помещики уже в 80–90 гг., как отмечалось, требовали активного государственного вмешательства в хлебную торговлю, которое обеспечило бы им стабильно высокие цены на зерно. Учитывая это, Витте поручил М. М. Федорову² (в тот момент — редактору «Вестника финансов») составить от имени ведомства записку «Значение правильной организации хлебной торговли, условия, которым она должна удовлетворять, и меры к постепенному введению в России организованной хлебной торговли».

Характеризуя условия международной хлебной торговли (а в полемике помещиков и Министерства финансов речь шла в первую очередь о ней: «сущность нашей хлебной торговли, — говорил Витте, — заключается в заграничном экспорте»³), к которым России нужно приспособиться, Федоров отмечал длительное понижение цен на зерно, лишь смягчившееся в последние годы, и их все большую нивелировку. Федоров не считал начавшийся подъем цен прочным и, в духе полемики середины 90-х гг., подчеркивал благотворность низких цен для народного хозяйства. Таким образом, притязания сельских хозяев на обеспечение высоких цен с самого начала отклонялись, и целью упорядочения хлебной торговли объявлялось ее удешевление для приспособления к низким ценам. Выражая позицию Министерства финансов, Федоров называл требование ввести государственную монополию хлебной торговли роковым заблуждением, настаивая, что она «может быть исключительно делом лишь частной предприимчивости». Одновременно в записке отвергалась популярная в помещичьей среде идея выхода на рынок

¹ РГИА. Ф.1233. Оп.1. Д.11. Л.311.

² М. М. Федоров — С. Ю. Витте 4 июля 1902 г. // Там же. Ф.22. Оп.2. Д.1882. Л.2.

³ Там же. Ф.1233. Оп.1. Д.25. Л.343.

самих производителей зерна. Федоров неоднократно подчеркивал, что такой выход чреват неизбежной неудачей из-за отсутствия у помещиков специальных знаний, что производство зерна и торговля суть разные функции, и не следует нарушать принцип разделения труда. В то же время Министерство финансов опасалось и полного господства хлеботорговцев. Федоров писал о нежелательности повторить в России опыт США, где «крайне капиталистическое начало, стремление к колоссальным организациям» привело к подчинению фермеров хлеботорговым монополиям. Из всего этого вытекал рисуемый в записке идеал: создание объединений каждой из заинтересованных в хлебном деле групп — производителей, владельцев элеваторов, транспортных обществ, кредитных учреждений и торговых ассоциаций (бирж, мукомолов, экспортеров и т. п.) и их совместное участие в единой хлеботорговой организации, которая предлагалась в форме областных и всероссийских съездов биржевых деятелей и сельскохозяйственных союзов.¹

Задачей объединений производителей (сельскохозяйственные союзы и их кооперация) в записке объявлялись организация хранения хлеба на местах и устройство кредита под него. При этом Федоров отвергал как «очевидное заблуждение» мысль, будто хранение хлеба и образование его обширных запасов составляет задачу государства, и выступал вообще против долговременного хранения помещичьего хлеба в элеваторах, поскольку тем самым в торговлю вводился бы «чрезвычайно опасный элемент крупных партий сложенного в зернохранилищах, обремененного ссудным процентом и расходами хранения зерна, которое может только понижательно давить на рынок». В записке проводилось разграничение между элеваторами, обеспечивающими нужды хлебной торговли, и зернохранилищами на местах, выдающими ссуды под хлеб лишь в крайних случаях для

¹ Значение правильной организации хлебной торговли, условия, которым она должна удовлетворять, и меры к постепенному введению в России организованной хлебной торговли // Материалы, поступившие в Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т.2. С.203–205.

предотвращения его немедленной продажи. Союзам сельских хозяев рекомендовалось заняться устройством именно таких местных хранилищ (запасы в которых трудно поддавались бы учету и потому не давили бы на рынок), причем Министерство финансов обещало казенные субсидии или содействие получению займов на эти цели. Что же касается крупных торговых элеваторов, то Федоров, продолжая прежнюю линию министерства, отказывался рассматривать их как «единственную основу правильной организации хлебной торговли» и доказывал, что, напротив, сначала должна быть создана хлеботорговая организация, а тогда уже элеваторы «стали бы возникать на частные средства».¹

Министерство финансов, естественно, не провозглашало самоустранения государства от хлеботоргового дела (это противоречило бы всем принципам Витте и природе российской бюрократии), оно хотело возложить на правительство заботы об условиях хлебной торговли (развитие почтово-телеграфного дела, транспорта, статистики) и обеспечить возможность административного вмешательства во всех случаях, когда это будет сочтено необходимым. Но Витте не собирался брать на государство ответственность за саму хлебную торговлю, и в записке Федорова подчеркивалось, что дело центральной власти лишь помочь всем заинтересованным в этой торговле группам организовать и установить прочную связь между собой,

Если, таким образом, Министерство финансов исходило из необходимости свободного развития капиталистических отношений в хлебной торговле как условия ее приспособления к мировому рынку, то поместное дворянство продолжало добиваться государственной защиты от капиталистически функционирующей торговли и прямых казенных пожертвований в свою пользу. Помещики видели путь к «упорядочению» хлебной торговли в создании союзов сельских хозяев, которые через свои объединения, земства или специальную правительственную организацию взяли бы в свои руки и внутреннюю, и внешнюю торговлю зерном. Естественно,

¹ Там же. С.238–242.

поместное дворянство выступило против допуска частного капитала в элеваторное дело, поскольку это вело бы к усилению позиций хлеботорговцев. Ряд сельскохозяйственных обществ черноземного Центра развивал идею изоляции внутреннего и внешнего рынков, считая возможным в таком случае установить на внутреннем рынке цены, не связанные с мировыми. Авторы составленного в Министерстве финансов свода отзывов на записку Федорова констатировали, что все эти проекты исходят из желания обеспечить землевладельцам определенный доход вне мировых условий спроса и предложения, причем планируют создание различных организаций, действующих в интересах помещиков, за счет налогов, собираемых с крестьян.¹

Разновидностью подобных планов была выдвинутая в ряде местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности идея земских Хлебных банков, которые вели бы торговлю хлебом — комиссионную и за свой счет, создавали бы хлебохранилища и выдавали бы warrants, учитываемые затем коммерческими банками. При это, разумеется, добавлялось, что создание подобных банков возможно только при содействии казны.² Наиболее грандиозным был проект П. П. Мигулина, предлагавшего создать смешанный государственно-частный Сельскохозяйственный банк с капиталом в 100 млн рублей и правом выпуска непогашаемых облигаций типа рентных бумаг. Банк должен был действовать в ведении МЗиГИ (а не Министерства финансов) и заниматься мелиоративным кредитом и хлебной торговлей, причем Мигулин рассчитывал, войдя в соглашение с американскими экспортерами, диктовать мировые цены.³

¹ Свод отзывов, полученных от биржевых комитетов и сельскохозяйственных обществ, на записку Министерства финансов по вопросу об организации хлебной торговли. СПб., 1903. С.38–40, 71–72, 76.

² Высочайше учрежденное Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям Европейской России. Сбыт. СПб., 1904. С.107.

³ Мигулин П. П. Русский сельскохозяйственный банк. К вопросу о нуждах нашей сельскохозяйственной промышленности. Харьков, 1902. С.2–35.

Скорее всего уже в это время Мигулин был связан с определенными бюрократическими кругами, потому Витте считал нужным подготовить материалы, опровергающие проект, присланный Мигулиным в Особое совещание. В записке С. И. Тимашева (в тот момент — товарища управляющего Государственным банком) подчеркивалась переполненность денежного рынка ипотечными обязательствами, вследствие чего бумаги Сельскохозяйственного банка не могли бы найти спроса и осели бы в портфеле сберегательных касс (это признавал и Мигулин), т. е. произошел бы не прилив новых средств к сельскому хозяйству, а лишь перераспределение этих средств между старыми ипотечными банками и мигулинским детищем.¹ Также отмечая тщетность надежд Мигулина привлечь к своему банку новые капиталы, член Совета министра финансов И. И. Кауфман, кроме того, высмеивал намерение Мигулина «укротить торговлю, подчинив ее «некоторого рода монгольскому игу».² В 1902–1903 гг. аргументации Тимашева и Кауфмана оказалось, видимо, достаточно, и в ходе заседаний Совещания мигулинский проект не упоминался.

Записка Министерства финансов вызвала возражения ведомства земледелия. Не имея собственной экономической программы, Ермолов и его сотрудники при случае умели заметить слабые места в виттевских предложениях. МЗиГИ не преминуло отметить, что Министерство финансов предлагает в основном меры по созданию общих благоприятных условий для хлебной торговли, которые уже составляют «программу деятельности целых ведомств», и никакое «торжественное подтверждение» этой программы не обеспечит ее дополнительного финансирования при и без того напряженном бюджете. Реальными, следовательно, остаются только соображения Министерства финансов об организации «самодеятельности среди лиц, прикосновенных к хлебной торговле». Здесь авторы записки МЗиГИ были абсолютно правы. В числе причин, в силу которых Витте выступал

¹ РГИА. Ф.1233. Оп.1. Д.116. Л.374–380.

² Там же. Л.381–389.

против участия казны в хлеботорговых операциях, не последнее место занимало отсутствие необходимых для такого участия средств. Но ермоловское ведомство, всегда объявлявшее опору на общественную самодеятельность краеугольным камнем своей политики, вынуждено было признавать, что пока оно такой опорой не располагает, ибо в силу «свойств наших сельских хозяев» кооперативные начала в помещичьей среде распространяются плохо, и для их внедрения в жизнь нужны налоговые и кредитные льготы и прочие восполнения от казны.¹

В заседаниях Особого совещания помещичьи притязания были поддержаны Плеве. «На первом месте, — заявил он сразу после начала прений о хлебной торговле 8 февраля 1903 г., — должны быть поставлены интересы именно производителей, увлекаться же заботами об удобствах и увеличении прибылей хлебо-торгового класса я считал бы неправильным». Плеве прямо призывал «принести в жертву интересам производителей интересы существующих ныне между ними и рынками промежуточных посредников».² Смазывая различие интересов помещиков и крестьян, Плеве говорил о необходимости попечительной заботы правительства о деятельности земледельческого класса в целом. Витте немедленно выступил с возражениями. Признав распространенность в России идей, высказанных Плеве, он заявил, что «ни учение политической экономии, ни опыт иностранных государств» не дают ответа на вопрос, как поставить «на первый план интересы производителя», передав в его руки прибыли торговцев. В ответ товарищ министра внутренних дел А. С. Стишинский и член Государственного совета Н. Н. Герард предложили шире использовать для регулирования цен казенные закупки, как это уже практиковалось в 90-е гг., а Плеве напомнил о разработанном в его комиссии

¹ МЗиГИ. По записке о мерах к упорядочению русской хлебной торговли. 4 января 1903 г. // Там же. Ф.395. Оп.1. Д.993. Л.162–169.

² М. С. Симонова почему-то считает антагонизм между торговцами и помещиками «мнимым» (Симонова М. С. Указ. соч. С.96), хотя тот был составной частью противоречий буржуазии и поместного дворянства.

1888 г. плане элеваторной сети, которая-де дала бы производителям обширного района возможность принять непосредственное (без торговцев) участие в хлебном экспорте.¹

Против первой идеи выступил не только Витте, но и Ермолов, успевший к этому времени понять, что скупка хлеба в урожайные годы ради сохранения высоких цен может в дальнейшем лишь усилить понижительные тенденции. Эта точка зрения нашла свое отражение и в журнале Сопещания, где отмечалось, что «покупка хлеба за счет казны для нормировки... цен может только внести расстройство» в торговлю.² В элеваторном вопросе Витте признавал сооружение их в портах (на что соглашался ассигновать 20–25 млн рублей³) и отчасти при железных дорогах, но по-прежнему считал преждевременным создание «правильной сети элеваторов от пунктов первоначальной погрузки хлеба на железные дороги до вывозных портов» и добился включения этой формулировки в журнал Сопещания.⁴ Такое решение вопроса удовлетворяло в первую очередь интересы хлеботорговцев. Центральный для помещиков вопрос о ссудах под неподвижный хлеб был фактически скомкан Сопещанием, лишь подтвердившим старую установку Государственного банка, отказывавшего в кредите под зерно в амбаре заемщика.

Не поддержав требования российских аграриев усилить роль государства в хлебной торговле, Сопещание с настроенностью отнеслось и к проектам развития «общественной самодеятельности», даже когда речь шла о чисто экономических интересах помещиков и купечества. Вопрос о создании кооперации сельскохозяйственных союзов был передан на усмотрение Сельскохозяйственного совета МЗиГИ, а о созыве съездов биржевых деятелей — в особую

¹ РГИА. Ф.1233. Оп.1. Д.24. Л.15, 18, 19, 21–22; *Симонова М. С.* Указ. соч. С.37.

² Журнал Особого сопещания... № 13 // *Вестник финансов.* 1903. № 24. С.459.

³ РГИА. Ф.1233. Оп.1. Д.25. Л.53.

⁴ Журнал Особого сопещания... № 12 // *Вестник финансов.* 1903. № 21. С.327.

комиссию. Подобный исход не устраивал Министерство финансов, считавшее именно объединение хлеботорговцев наиболее достижимым и желательным результатом обсуждения хлеботоргового дела. Уже в ноябре 1903 г. при министерстве было создано всероссийское совещание биржевых комитетов, а в 1904 г. создано их временное бюро «для обсуждения и разработки вопросов, касающихся нужд и пользы биржевой торговли, как внутренней, так и внешней, в частности же хлебной и другими сельскохозяйственными продуктами».¹ 30 мая 1905 г. Николай утвердил Положение о съездах представителей биржевой торговли и сельского хозяйства. Однако в изменившихся после революции 1905–1907 гг. условиях деятельность этих съездов значительно отличалась от той, которую планировало для них Министерство финансов в 1902 г.²

Если, таким образом, Министерство финансов пришло к Совещанию с двумя довольно хорошо подготовленными проектами, в которых под флагом помощи сельскому хозяйству стремилось решить более общие экономические проблемы, то МЗиГИ, все более настойчиво доказывавшее необходимость приоритетного обеспечения притоком капиталов «сельскохозяйственной промышленности», было, по-видимому, застигнуто Совещанием врасплох, а Ермолов чувствовал себя даже задетым его созывом,³ состоявшимся, очевидно, за его спиной. Он, однако, уклонился от разработки записки об «общих нуждах» сельского хозяйства, что, вероятно, предвидя именно такой результат, предложил ему Витте.⁴ Дело заключалось, скорее всего в том, что Ермолов,

¹ Постановления совещания биржевых комитетов при Министерстве финансов // РГИА. Ф.22. Оп.2. Д.1895. Л.268–274.

² *Шепелев Л. Е.* Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1987. С.76–77, 93–94.

³ Дневник А. А. Половцова // Красный архив. 1923. № 3. С.118.

⁴ РГИА. Ф.1233. Оп.1. Д.9. Л.170–171.

понимая тесную связь положения сельского хозяйства с мерами по поддержке промышленности, с существующей системой косвенного обложения и таможенных пошлин,¹ не мог предложить конкретную альтернативу курсу Витте. Поэтому он мог лишь просить об изыскании дополнительных средств для вложения в сельское хозяйство, не затрагивающем источники финансирования промышленности. Это сразу ставило его в трудное положение. Уже при утверждении программы Совещания в его журнал была внесена оговорка о том, что интенсификация сельского хозяйства становится выгодной лишь при дешевом капитале. При существовавших условиях денежного рынка это делало разговор о переходе к интенсивному хозяйству малоперспективным. Тогда же было решено не включать в повестку дня вопрос об источнике средств на нужды сельского хозяйства, причем Коковцов подчеркивал, что таким источником являются по сути дела налоги с самого населения, «для которого могут оказаться непосильными расходы, предпринимаемые в его же интересах и пользах».²

Чуть позже, воспользовавшись пассивностью Ермолова, Витте предложил собственный список «общих вопросов» сельскохозяйственной политики. Один из них, как отмечалось выше, касался отношения к общине, где Витте не получил поддержки большинства коллег. Другой «общий вопрос» был посвящен проблеме объема сельскохозяйственного производства. Серия неурожайных лет и увеличение спроса на хлеб со стороны растущего промышленного населения привели с 1896 г. к временному падению хлебного экспорта России, лишь в 1903 г. вновь достигшего уровня 1894–1895 гг. В разгар этого падения экспорта в Министерстве финансов возникали даже сомнения относительно будущности активного торгового баланса.³ Витте, таким образом, оказался заинтересованным в расширении производства хлебов как

¹ Там же. Д.20. Л.163–164.

² Журнал Особого совещания... № 2 // Там же. Д.8. Л.13, 16.

³ Записка А. Е. Рейнбота о причинах сокращения хлебного вывоза. 31 октября 1900 г. // Там же. Д.116. Л.401.

одного из главных источников валютных поступлений. В то же время он отчетливо представлял себе узость внутреннего рынка и настойчиво напоминал, что в существующих условиях увеличение урожаев не приведет к росту крестьянского потребления, поскольку крестьяне нуждаются в пополнении денежной части своего бюджета. Отсюда вытекала перспектива нового перепроизводства хлебов и падения хлебных цен.

Из этого для Витте следовало два вывода. С одной стороны, он считал допустимым лишь ограниченный прирост валового урожая зерна и, ссылаясь на это, с прежней активностью продолжал выступать против вкладывания в зерновое хозяйство государственных средств и организационных усилий. Позиция Витте в этом вопросе облегчалась тем, что он мог ссылаться на признаваемое и его оппонентами переобременение платежных сил крестьян. При действующем крестьянском землепользовании, настаивал он, невозможно создать «интенсивную земледельческую культуру», а потому использование государственных средств на сельское хозяйство будет означать, что «мы возьмем деньги у недоедающих и при их помощи усилим производительность земель других классов населения».¹ С другой стороны, по-прежнему считая низкие цены «благом», Витте хотел обезопасить себя от новых нападков аграриев и буквально вырвал у членов Совещания заявление, что они не боятся нового перепроизводства зерна.²

Такая «храбрость» была связана с очередным оживлением разговоров о переориентации российского сельскохозяйственного экспорта с хлеба на продукты животноводства. Вопрос этот возникал еще с 80-х гг., а Особому освещению был прислан ряд помещичьих проектов, наиболее программным из которых был план председателя Московского общества сельского хозяйства А. Г. Щербатова. По представлениям Щербатова соответствующее изменение системы железнодорожных тарифов могло стимулировать перестройку хлебной

¹ Там же. Д.22. Л.40, 43.

² Там же. Л.21, 29.

торговли с экспорта на внутреннее потребление, направленное на откорм скота. Эти меры, дополненные строительством складов-холодильников и специальных пароходов, а также пополнением подвижного парка железных дорог вагонами-холодильниками должны были, по мнению Щербатова, разом решить две проблемы: рост спроса на кормовой хлеб и увеличение количества навоза в хозяйствах обеспечивали подъем земледелия и тем смягчали остроту крестьянского малоземелья и даже побуждали крестьян перейти к более совершенным формам землепользования, одновременно замена вывоза хлеба экспортом мяса давала бы «при условии обеспеченного рынка и выгодных ценах» до 1 млрд рублей в год.¹ Как справедливо замечает М. С. Симонова, это был «очередной “универсальный” рецепт подъема сельского хозяйства при помощи сугубо технических мер», не учитывающих его общую экономическую слабость.² За планом Щербатова стояла также боязнь нового повышения германских хлебных пошлин при пересмотре русско-германского торгового договора в 1904 г. и стремление заменить германский хлебный рынок английским мясным. В ходе самого Сопещения Щербатов не скрывал помещичьего характера своих предложений и откровенно заявлял, что «большинство хозяев России» интересуется не «техническими улучшениями» животноводства, а только «вопросом о выгодном сбыте».³ При этом Щербатова не останавливала и перспектива роста цен на мясо на внутреннем рынке, и он настаивал, что производители мяса не должны приносить в жертву «свои интересы лишь ради того, чтобы прокормить дешевле городских жителей».⁴

При обсуждении вопроса в общей форме Витте ограничился косвенно выраженным сомнением в осуществимости проектов Щербатова, бросив фразу, что «иностранцы того мяса, которое мы едим, не едят, такого мяса они не будут

¹ Записка А. Г. Щербатова 21 марта 1902 г. // Там же. Д.43. Л.94–100.

² Симонова М. С. Указ. соч. С.105.

³ РГА. Ф.1233. Оп.1. Д.11. Л.120.

⁴ Там же. Д.23. Л.228.

покупать». На этой стадии Витте важно было записать в журнале, что никто не выразил тревоги по поводу возможного падения хлебных цен. Ради этого он готов был включить в журнал рекомендацию о развитии скотоводства и содействии перевозке его продуктов, тут же получив в качестве противовеса помету Николая: «Без излишнего увлечения».¹ Свою действительную позицию Витте сформулировал полгода спустя.

Формально Совещание обсуждало меры по содействию птицеводству, отрасли преимущественно крестьянской. Но все участники полемики переводили разговор на скотоводство вообще. И вот тут Витте жестко объяснил, что планы Щербатова построены на предположении о беспредельности иностранного рынка, тогда как в действительности с его насыщением и падением цен «придется снова подумать о переходе к зерновому экспорту. Тогда... холодильники, специальные пароходы, которые мы заведем, останутся без работы и громадные затраты на них окажутся бесполезными, а тем временем другие страны займут наше место на зерновом рынке». Витте не возражал против определенного содействия экспорту мяса и яиц (основной предмет крестьянского промысла), если необходимое для того оборудование будет оплачено самими экспортёрами («для крестьян, — говорил он, — холодильники не нужны»). Но рисковать уже налаженным хлебным вывозом ради проблематичного завоевания европейских мясных рынков Витте не собирался и выговаривал Щербатову, что «в таком важном деле, как переход от системы зернового хозяйства к скотоводческому, деле, глубоко затрагивающем интересы населения, надо действовать с величайшей осторожностью». Пусть, подчеркивал он, «ответственность за результаты расширения вывоза за границу будет лежать не на правительстве».²

Предложения Щербатова показались чересчур «грандиозными» и Ермолову. Дело заключалось отчасти в том, что

¹ Журнал Особого совещания... № 5 // Вестник финансов. 1902. № 27. С.5–6.

² РГИА. Ф.1233. Оп.1. Д.23. Л.235–238.

Ермолов считал более реальной задачу увеличения вывоза молочных продуктов. Речь снова шла именно о вывозе, ибо все участники Совещания считали, что внутренний рынок при его узости уже насыщен «в пределах состояния потребителей». И Витте, и Ермолов доказывали, что развитие маслоделия (перспективы которого Ермолов преувеличивал) не может вредно отразиться на потреблении молока самими крестьянами, ибо оно все равно из-за нужды в деньгах уходит на продажу. В записке МЗиГИ вновь подчеркивалась связь между превращением животноводства в доходную отрасль с интенсификацией земледелия, причем, как это было обычно в документах и литературе того времени, эта интенсификация в значительной мере сводилась к увеличению навозного удобрения почвы. Суммируя предложения МЗиГИ (в основном — государственное покровительство, санитарный надзор и т.п.), Витте отметил, что вопрос, таким образом, сводится не к изысканию новых способов развития молочного хозяйства, а к ассигнованию средств, и этим спровоцировал несколько простодушный ответ Ермолова: «Я всегда это утверждаю».¹

Между тем именно с такой постановкой проблемы Витте всегда был несогласен. В этом был смысл выдвижения им еще одного «общего вопроса» сельскохозяйственной политики — следует ли отдавать предпочтение «правительственному воздействию» или «самодеятельности сельских хозяев». Сформулированный в такой форме вопрос вызвал почти единодушную поддержку «самодеятельности». Речь при этом, естественно, шла о помещиках, поскольку в необходимости правительственного воздействия на крестьянское хозяйство не сомневался никто, и спор возникал лишь из-за способов и направления такого воздействия. Только Плеве, посвятивший всю жизнь борьбе с любыми проявлениями общественной «самодеятельности населения», теперь предупреждал, что в результате и в частном случае — в области сельского хозяйства — «возбудить эту самодеятельность... едва ли возможно в более или менее близком будущем». Но если

¹ Там же. Д.15. Л.142, 144, 153.

Ермолова, Щербатова, Половцова заботило прежде всего сохранение права хозяйственной деятельности за земствами и сельскохозяйственными союзами, то Витте и Коковцов думали в первую очередь под флагом поощрения общественной самодеятельности оградить интересы казны. Особенно отчетливо это прозвучало в выступлении Коковцова, прямо предсказывавшего в случае принятия принципа правительственного воздействия «необъятное море всевозможных просьб и предложений, сущность которых сводится к выдаче казенных воспособлений».¹

В результате Совещание высказалось за развитие частной и общественной инициативы и признало, что «воздействие правительства в области частнохозяйственной деятельности» может иметь место только при решении каких-то ограниченных задач, а в общей форме типа таможенного покровительства к русскому сельскому хозяйству неприменимо.² В дальнейшем ссылки на частную и общественную инициативу постоянно использовались Витте в его сопротивлении предположениям о финансовом участии государства в решении проблем сельского хозяйства.

В полной мере это проявилось и в ходе рассмотрения Особым совещанием вопроса о мелиоративном кредите. После разрешения в мае 1900 г. кредитов на создание предприятий по переработке продукции имений и на выделение хуторов внутри помещичьих хозяйств спрос на ссуды из мелиоративного фонда МЗиГИ начал расти, хотя и оставался в абсолютном выражении небольшим.³ Ермолов, однако, считал доказанным, что впредь мелиоративный кредит «займет видное место в ряду серьезнейших мер в деле поднятия уровня нашего сельского хозяйства и первое место между

¹ Там же. Д.22. Л.61, 72, 198–200. М. С. Симонова почему-то сочла, что Коковцов возражал против финансовой поддержки только крестьянских хозяйств (*Симонова М. С. Указ. соч. С.35*), хотя он, как видно из характера ожидаемых притязаний, боялся помещичьих требований.

² Журнал Особого совещания... № 5 // Вестник финансов. 1902. № 27. С 6–7.

³ *Корелин А. П. Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX — начале XX в. М., 1988. С.37.*

различными видами кредита»¹ и потребует «сотни миллионов рублей».² Конкретные планы МЗиГИ были при этом достаточно скромными. Оно добивалось передачи ему из Государственного банка ссуд на покупку сельскохозяйственных машин и орудий (считая, что банк не развивает эту операцию в нужном размере, а даже свертывает ее), разрешения кредита на приобретение скота и культивирование кормовых растений и расширения посреднических прав земств. Для того, чтобы земства могли при этом выдавать ссуды не только крестьянским обществам и товариществам, но и отдельным крестьянам, предполагалось разрешить организацию для последних личного кредита без ипотечного обеспечения.³ Разъясняя цели мелиоративных ссуд отдельным крестьянам, Ермолов говорил и о содействии хуторскому расселению в пределах наделных земель.⁴

В развитие раздела о земском посредничестве МЗиГИ внесло записки о мерах по распространению сельскохозяйственных машин и орудий⁵ и о правительственном содействии деятельности земств в области сельского хозяйства.⁶ Обе записки содержали ряд вполне резонных идей. Отметим, что сельскохозяйственное машиностроение России не удовлетворяло растущий спрос, и это вело, с одной стороны, к монополистическим тенденциям у фирм, занимавшихся сбытом инвентаря, а с другой — к развитию кустарного производства простейших сельхозмашин. МЗиГИ предлагало наладить изготовление частей таких машин на казенных заводах, предоставив сборку кустарям, и содействовать земствам в их борьбе с торговыми фирмами путем создания посреднических контор и складов. В том виде, в каком эта

¹ Записка МЗиГИ о расширении кредита на сельскохозяйственные улучшения. Март 1903 г. // Вестник финансов. 1903. № 50. Особое приложение.

² РГИА. Ф.1233. Оп.1. Д.15. Л.41.

³ Там же. Д.94. Л.2–12.

⁴ Там же. Д.15. Л.25.

⁵ Там же. Д.114. Л.141–151.

⁶ Там же. Л.216–243.

идея соединения фабричного и кустарного производств была представлена в данном случае, она имела смысл, особенно при существовавшем уровне используемой крестьянами техники. Мысль же о посреднических бюро трансформировалась в 1906 г. в создание Общеземского товарищества для приобретения и продажи необходимых в сельском быту предметов. Была впоследствии реализована и другая идея. Поскольку закон 12 июня 1900 г. ввел предельность земского обложения, МЗиГИ считало необходимым участие казны в расходах земств на сельскохозяйственные цели и предлагало передавать им из бюджета сумму, равную их собственным затратам в этой области.

Признавая справедливость и целесообразность отдельных конкретных предложений МЗиГИ, Министерство финансов и при Витте, и после его отставки не поддерживало планы расширения мелиоративного кредита в целом. Витте вообще предполагал отделаться обсуждением в одном заседании Совещания, попутно высмеяв рекомендации местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности (а тем самым и проекты МЗиГИ), называя их «пожеланиями так сказать дамского свойства, т. е. без соображения об исполнимости» этих советов. Откровенно признаваясь, что он «не сторонник такого кредита», Витте стремился истолковать мелиорацию исключительно как ирригацию и тем самым пресечь просьбы о ссудах на улучшение хозяйства.¹ Удовлетворение спроса на последние за счет государства Витте считал неосуществимым и предлагал содействовать возникновению «союзов или товариществ для производства мелиораций»,² явно имея в виду помещиков. Кроме общих «казначейских» соображений и отмеченного еще в 1-й главе нежелания Витте содействовать «мелиорации имений» (к чему вели предложения МЗиГИ) на государственные деньги, на позиции Министерства финансов отражалась и убежденность в преждевременности развития мелиоративного кредита

¹ Там же. Д.15. Л.23, 40, 42–43.

² Журнал Особого совещания... № 18 // Вестник финансов. 1904. № 9. С.364–365.

в России в существующих условиях. Возглавлявший Отдел торговли старый сотрудник Витте М. М. Федоров в специальной записке доказывал, что мелиоративный кредит становится серьезной потребностью сельского хозяйства лишь тогда, когда выявляется «экономическая необходимость» его интенсификации, а «о серьезном переходе страны к интенсивному хозяйству и речи быть не может, пока переход этот не распространяется на крестьянское хозяйство», что невозможно без изменения системы землепользования.¹

Расхождение взглядов Министерства финансов и других ведомств на мелиоративный кредит стало еще заметнее, когда Витте не удалось ограничить обсуждение вопроса о нем общим заседанием Совещания и пришлось согласиться на создание подготовительной комиссии под председательством Ермолова. В комиссии вновь проявилось стремление поместного дворянства использовать мелиоративные ссуды для облегчения его ипотечной задолженности. Ссылаясь на то, что «отечественное сельское хозяйство при его малоустроенности нуждается главным образом в кредите не на улучшения чисто мелиоративного типа... а вообще на свое поддержание и на развитие своих сил», большинство комиссии (представители МЗиГИ, МВД и Государственного контроля) хотело распространить кредит и на владельцев имений с большой ипотечной задолженностью. При этом Гурко высказывался против контроля за использованием ссуды, заявляя, будто сам факт, что владелец имения обратился за мелиоративным, а не ипотечным кредитом, гарантирует его производительное направление. Одновременно большинство комиссии стремилось максимально расширить целевое назначение ссуд, допуская и употребление на устройство предприятий, перерабатывающих продукцию не только собственного имения, на кирпичные заводы и т. п. В итоге Шванебах, перешедший к тому времени в МЗиГИ, счел все же необходимым выступить против «ошибочного

¹ По поводу записки Отдела сельской экономики о расширении кредита на сельскохозяйственные улучшения. Соображения управляющего Отделом торговли Федорова // РГИА. Ф.1233. Оп.1. Д.94. Л.25–28.

убеждения, что каждое лицо имеет как бы приращенное право на кредит». Напротив, посредничество земств в организации мелиоративных ссуд для крестьян предполагалось сделать факультативным, что при хлопотности дела и возможности убытков послужило бы заведомым препятствием для его развития.¹

Планируя расширение сферы применения мелиоративных ссуд, комиссия Ермолова не собиралась ограничиваться фондами МЗиГИ и высказывалась за «самостоятельные кредитные операции» помещичьих товариществ и их объединений. Тимашев от имени Государственного банка пытался предупредить, что в условиях переполнения денежного рынка ипотечными ценностями и начавшейся к тому времени русско-японской войны облигации товариществ, даже если их выпуск будет разрешен, «едва ли найдут вообще помещение». Но, рассчитывая на ослабление позиций Витте после его ухода из Министерства финансов, представители МЗиГИ, МВД и Госконтроля выразили «убеждение, что изыскание средств (на мелиоративный кредит. — В. Д.) должно составить задачу всей высшей финансовой политики государства, так как меры поддержания сельского хозяйства стали на очередь и настоятельно требуют осуществления». Ермолов при этом заявлял, что окончательное решение о бюджетных ассигнованиях принадлежит Государственному совету, надеясь, видимо, заручиться его поддержкой против «скарденности» финансового ведомства.²

Реально, однако, русско-японская война привела к сокращению и без того незначительных средств, выделяемых в мелиоративный фонд МЗиГИ. Первоначально назначенная на 1904 г. смета в 0,5 млн рублей была уменьшена до 0,2 млн. В том же размере были оставлены ассигнования на 1905 г.³

¹ Журнал заседаний подготовительной комиссии для разработки вопросов об организации мелиоративного кредита. Июнь 1904 г. // Там же. Л.222–254.

² Там же. Л.244.

³ Представление МЗиГИ 28 октября 1904 г. и журнал Государственного совета в Департаменте экономики 11 ноября 1904 г. // Там же. Ф.1152. Оп.13. 1904. Д.257. Л.2–6, 7–8.

Некоторый сдвиг наметился в позиции Министерства финансов по отношению к государственным мелиоративным работам. Частые засухи вынуждали царизм возвращаться к вопросу, «какие возможны меры общие, чтобы периодические неурожаи не так отражались на народном благосостоянии».¹ Это давало основания МЗиГИ напоминать о государственном значении мероприятий по улучшению естественных условий сельского хозяйства, которые могут потребовать значительных расходов. Ермолов называл даже цифру в 200 млн рублей в год, правда, не имея каких-либо разработанных проектов и тут же оговариваясь, что не предлагает для начала никаких «колоссальных работ».² И Витте, и особенно Коковцов, ставший с февраля 1904 г. министром финансов, по-прежнему считали улучшение природной среды делом далеко не первоочередным. Это нашло отражение и в журнале Сопещения, в котором несколько раз было повторено, что меры по борьбе с ухудшением природных условий не принадлежат к числу «неотложных нужд государства», а решение этой задачи по своему масштабу может быть лишь «весьма не близким результатом... мероприятий, далеко не посильных одному поколению».³

Но усиливавшееся внимание правящих кругов к крестьянскому землеустройству ставило на повестку дня и обустройство земли. К тому же организация мелиоративных работ стала распространенным лозунгом в среде земств, потребовавших передачи им на эти цели государственного поземельного налога. В таких условиях полный отказ от ассигнований бюджетных средств, на чем раньше настаивал Витте, становился для ведомства неудобным. По-прежнему утверждая, что еще нет ни научного обоснования полезности лесонасаждений и создания мелких водохранилищ в оврагах (о чем практически только и шла речь), ни плана

¹ Помета Николая на отчете Самарского губернатора за 1897 г. // Там же. Д.1233. Оп.1. Д.43. Л.37.

² Там же. Д.15. Л.228, 273.

³ Журнал Особого совещания... № 22 // Вестник финансов. 1904. № 18. С.185–189.

соответствующих работ, ни законодательства, обязывающего всех землевладельцев принимать участие в этих работах, Департамент окладных сборов Министерства финансов теперь выражал согласие на проведение опытных мероприятий в масштабе уезда или губернии и считал допустимым постепенно ассигновать на мелиоративные предприятия земств сумму в пределах десятилетнего оклада поземельного налога (110 млн рублей). При этом, однако, деньги должны были отпускаться из государственного бюджета по усмотрению правительства, и величина ежегодных ассигнований не указывалась, что давало возможность растянуть их на неопределенный срок.¹ Близкую позицию занял на самом Совещании Витте. Возражая против передачи земствам поземельного налога, наносящей-де значительный урон казне, он говорил об увеличении сметы МЗиГИ для предоставления земствам ежегодных субсидий порядка миллиона рублей.² Это было ничтожной подачкой, по существу вызванной заигрыванием Витте с земствами, но некоторым шагом вперед по сравнению с рубежом века, когда Витте и расходы, измеряемые суммами меньше миллиона, считал чрезмерными. Впрочем, война и здесь остановила движение дела.

Одним из действительно важнейших вопросов экономики сельского хозяйства был вопрос о мелком кредите, теснейшим образом связанный с общими проблемами положения крестьянства. Политические и финансовые последствия понижения жизненного уровня значительной части крестьянских масс вызывали беспокойство в правящих кругах и в помещицкой среде. Поскольку при этом ни бюрократия, ни поместное дворянство не помышляли о дополнительном наделении крестьян землей иначе, как переселением и покупкой

¹ По ходатайствам земских учреждений о передаче в их распоряжение государственного поземельного налога // РГИА. Ф.1233. Оп.1. Д.114. Л.51–53.

² Там же. Д.15. Л.240–241.

с помощью Крестьянского банка, что было доступно лишь меньшинству, а вопрос об общине вызывал еще значительные разногласия, на первый план в предложениях о способах подъема крестьянского хозяйства выдвигались улучшение его приемов, распространение сельскохозяйственных орудий и прочие меры интенсификации хозяйствования на существующем наделе, а в качестве пути осуществления всех предлагаемых мероприятий называлось широкое развитие мелкого кредита. В программах земских либералов вопрос о мелком кредите увязывался с требованиями увеличить роль земств в общественной жизни страны и с лозунгом создания мелкой земской единицы.

Выдвигая требование увеличить приток средств в учреждения мелкого кредита, авторы различных проектов, представленных Особому совещанию, неизбежно должны были дать ответ и об источниках этих средств. И здесь призывы к развитию мелкого кредита оказывались неотъемлемой частью критики финансовой политики Витте, поскольку в качестве основного возможного источника назывались капиталы сберегательных касс, а кассам этим предъявлялось обвинение в перекачивании народных накоплений в государственный кредит. Как говорилось в 1-й главе, Витте действительно ставил перед сберегательными кассами задачу аккумуляции мелких вкладов для решения государственных задач, прежде всего — для помещения государственных и гарантированных государством процентных бумаг. Витте явно брал за образец французскую систему сберкасс, средства которых в конце XIX в. полностью шли на размещение ренты, тогда как германские кассы большую часть вкладов использовали на ипотечные (мелиоративные) ссуды.¹ Уже в конце XIX в. Витте пришлось отбиваться от упреков, что сберегательные кассы причиняют вред народному хозяйству, сокращая его оборотные средства. В годы экономического кризиса эти упреки приняли более настойчивый характер.

В феврале 1901 г. при обсуждении отчета сберегательных касс за 1894–1899 гг. П. А. Сабуров выразил в Государствен-

¹ Вестник финансов. 1898. № 44. С.383.

ном совете недовольство тем, что «значительные народные средства» помещаются сберкассами в ценные бумаги «вместо того, чтобы получать более производительное для народного хозяйства употребление».¹ В ноябре того же года к этой критике подключился Лобко. В заключении по отчету сберкасс за 1899 г. он заявил, что капиталы касс следует размещать, руководствуясь не только соображениями их собственной выгоды, но и так, чтобы это «удовлетворяло бы нуждам мелкой народной производительности в различных ее видах при помощи развития и поддержки мелкого народного кредита».²

Заключение Лобко словно подало сигнал к резким нападкам на сберегательные кассы. 3 апреля 1902 г. Ермолов переслал в Особое совещание постановление съезда по кустарной промышленности, проходившего, как отмечалось, под покровительством в. кн. Александра Михайловича. В постановлении утверждалось, что сберегательные кассы «являются как бы своего рода насосом, вытягивающим из страны мелкие сбережения», которые в результате «предназначаются не на удовлетворение местных потребностей в кредите, а на поддержание кредита государственного».³ В апреле теми же словами критиковал деятельность сберкасс близкий к Александру Михайловичу адм. Н. М. Чихачев в своей записке о мелком кредите, где он ссылаясь также на заключение Лобко.⁴ В декабре МВД, обосновывая свой проект реформы волостных ссудо-сберегательных касс, тоже писало, что государственные сберкассы «искусственно извлекают деньги из местного обращения» и следствием этого «является почти повсеместно наблюдаемая в настоящее время недостаточность денежных средств для местного хозяйственного

¹ Журнал Государственного совета в Соединенных департаментах... 20 февраля 1901 г. // РГИА. Ф.1152. Оп.13. 1901. Д.59. Л.29.

² Заключение Государственного контролера по отчету сберегательных касс за 1899 г. 28 ноября 1901 г. // Там же. 1902. Д.130а. Л.14.

³ Постановления съезда деятелей по кустарной промышленности, касающиеся организации мелкого кредита // Там же. Ф.1233. Оп.1. Д.43. Л.252.

⁴ Записка генерал-адъютанта Н. М. Чихачева по вопросу о мелком кредите. Апрель 1902 г. // Вестник финансов. 1902. № 22. С.398-400.

оборота».¹ В 1903 г. с сетованиями на то, что средства, собранные сберегательными кассами, не обращаются на удовлетворение кредитных нужд местного населения, а уходят на поддержание государственного кредита, выступили представители земств в комиссии по оскудению Центра² и члены местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности.³

Рассуждения о перекачивании сберегательными кассами местных средств в пользу государства отражали широко распространенный в помещичьей среде и коренившийся в феодальных представлениях о природе финансов взгляд, будто доходы государства должны тратиться в той же местности, где они получены. В то же время для России действительно была характерна чрезмерная централизация финансов и кредита. Несколькими годами позже, как будет показано далее, передача части средств сберкасс учреждениям мелкого кредита была признана необходимой.

Вырабатывая свои предложения об организации мелкого кредита, Витте преследовал две цели: продемонстрировать непосредственную связь этого кредита с правовым и имущественным положением крестьянства и необходимость пересмотра крестьянского законодательства, с одной стороны, и отвергнуть обвинения в том, что его финансовая политика вообще и деятельность сберкасс в частности препятствуют развитию такого кредита — с другой. Витте и его сотрудники настаивали, что не только в России, но и в Западной Европе именно на постоянном приливе средств в сберегательные кассы держится весь государственный кредит,⁴ причем в России «сбережения народа и теперь идут на его нужды» в

¹ Объяснительная записка МВД к проекту положения о волостных ссудо-сберегательных кассах. 8 декабря 1902 г. // РГИА. Ф., 1233. Оп.1. Д.117. Л.471.

² Записка представителей земств, внесенная ими в высочайше утвержденную 16 ноября 1901 г. Комиссию // Там же. Д.78. Л.173.

³ Высочайше учрежденное Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям Европейской России. Кредит. СПб., 1904. С.307.

⁴ РГИА. Ф.1233. Оп.1. Д.9. Л.335–341.

форме строительства железных дорог и других «общеполезных предприятий».¹ При этом Витте постоянно подчеркивал, что «он нашел бы средства для мелкого кредита, если бы для этого кредита была найдена форма, применимая на практике в надлежащем масштабе».² Речь шла в первую очередь об обеспечении ссуд, поскольку неотчуждаемость наделов и приоритет недоимок по казенным и мирским сборам делали ссудные операции негарантированными. В то же время Витте не собирался сколько-нибудь серьезно изменять закон 1 июня 1895 г. В комментариях к программе Особого совещания говорилось, что этим законом юридическая нормировка мелкого кредита в значительной мере выполнена и теперь подлежат обсуждению в основном мероприятия, «которые могут обеспечить распространение учреждений мелкого кредита и развитие их операций».³

Программа таких мероприятий была изложена в специальной записке Министерства финансов. Авторы записки снова подчеркивали, что при существующем крестьянском правопорядке «почти совершенно утрачивается связь между личностью трудящегося и плодами его трудов» и, пока этот порядок сохраняется, «едва ли можно возлагать значительные надежды на благотворное действие учреждений мелкого кредита». Предупреждая, что до устранения «неопределенности и неустойчивости имущественных отношений крестьян» любые меры в области кредита могут иметь лишь ограниченное значение, Министерство финансов предлагало все же реорганизовать старые сословные учреждения мелкого кредита в духе закона 1895 г., выделить особый фонд в 10 млн рублей для образования основных капиталов учреждений мелкого кредита непосредственно из казначейства (поскольку выдача таких средств мелким кредитным учреждениям из Государственного банка затруднялась его заботой о кратко-

¹ Там же. Д.21. Л.290.

² Объяснительная записка к отчету сберегательных касс за 1899 г. 21 февраля 1902 г. // Там же. Ф.1152. Оп.13. 1902. Д.130а. Л.5.

³ Журнал Особого совещания... № 2 // Там же. Ф.1233. Оп.1. Д.8. Л.12.

срочности своих вложений) и создать единую систему заведования всеми этими учреждениями.

Для этого предполагалось создать Центральное управление мелкого кредита и губернские и уездные коллегиальные органы из представителей ведомств финансов, внутренних дел и земледелия, земств и самих учреждений мелкого кредита. В ведение этих органов переходили бы и сословные сельские кассы, изымаемые из-под надзора крестьянских присутствий, причем допускалось и создание по решению земств более мелких попечительных органов в масштабе одной или нескольких волостей.¹ Финансовое ведомство возобновляло, таким образом, неудавшуюся в 1895 г. попытку отнять контроль за мелким кредитом у МВД. Кроме того, как уже отмечала М. С. Симонова, Витте демонстрировал готовность идти на расширение хозяйственной деятельности земств ради отвлечения их от политики,² причем делал даже уступку становившемуся все более популярным лозунгу «мелкой земской единицы» хотя бы в деле мелкого кредита.

МВД ответило контрзапиской, где отстаивало сословные кассы как наиболее соответствующие, якобы, «патриархальному... земледельческому складу жизни». Заимствуя опыт кредитных товариществ, учреждавшихся без складочного капитала на пособие Государственного банка, МВД предлагало передать на создание волостных ссудо-сберегательных касс (принудительно охватывающих всех крестьян волости) средства, оставшиеся от фонда помощи голодающим 1891–1892 гг. (чуть больше 2 млн рублей). Заведование всем этим делом, естественно, предлагалось сохранить в МВД.³ Первоначально МВД представляло себе волостные кассы крайне упрощенным подобием кредитного учреждения, лишенным даже права принимать вклады. Несколько позже МВД предложило разрешить волостным кассам вкладную опера-

¹ Вестник финансов. 1902. № 21. С.315–335. См. также: *Корелин А. П.* Указ. соч. С.113–114.

² *Симонова М. С.* Указ. соч. С.92.

³ Вестник финансов. 1902. № 22. С.378–398.

цию, видя в этом способ противодействия сосредоточению вкладов в государственных сберкассах.¹ Таким образом, уже в исходных документах двух ведомств нашли свое отражение разногласия как по крестьянскому вопросу, так и по проблеме общего экономического курса.

Любопытно, что Министерство земледелия, по-видимому, воздержалось от изложения собственной позиции в вопросе, весьма близко его касавшемся.

Начатый в записках Министерства финансов и МВД спор был продолжен на самом Особом совещании. Витте признавал, что в случае развития системы мелкого кредита в нее уйдет и часть вкладов, пока направляющихся в сберкассы. Но он доказывал, что передача существующим кредитным учреждениям средств, уже положенных в сберкассы, лишь подорвет доверие к последним. Он повторял, что сумеет и без того найти для мелкого кредита и 200, и 300 млн рублей, лишь бы его учреждения представляли собой надежный «сундук», а не «дырявый кувшин», снова имея в виду необеспеченность крестьянских ссуд в условиях общинного землепользования. Считая «с финансовой точки зрения парадоксом» предлагаемый в проектах «кредит под будущий труд», Витте с тем большей охотой поддержал предложение развить ссуды под залог крестьянского хлеба при строительстве крестьянами же местных зернохранилищ, подчеркивая, что «это единственный способ кредита для беднейших крестьян»,² ничего, кроме хлеба, в залог предложить не способных. Попутно таким способом выполнялась и задача сократить осенние продажи крестьянского хлеба, но в данном случае она была второстепенной. Кроме прочего, Министерство финансов боялось иммобилизации средств мелкого кредита в хлебозалоговой операции, на которую поэтому разрешалось отводить не более 1/5 основных капиталов соответствующих учреждений. Реальной основой кредита могла быть лишь земля, и позже Витте прямо заявил, что

¹ Объяснительная записка МВД... 8 декабря 1902 г. // РГИА. Ф.1233. Оп.1. Д.117. Л.469.

² Там же. Д.9. Л.331, 349–352; Д.21. Л.210.

основанный «не на имуществе» кредит равнозначен «построенному на воздухе».¹ Но в 1902 г. он с порога отверг идею П. П. Семенова-Тян-Шанского сделать обеспечением крестьянских ссуд надельные земли, поскольку в построениях Семенова это увязывалось с мерами по укреплению общины.

Делая ставку на постоянный пересмотр имущественных правоотношений крестьян в процессе добровольного выхода из общины, Витте исходил в своих планах из медленного и долговременного развертывания сети учреждений мелкого кредита («не раньше, как через полстолетия») и соответственно собирался выделять средства на их поддержку на первом этапе в очень ограниченных размерах. Если в записке Министерства финансов речь шла о 10-миллионном фонде для создания основных капиталов мелких кредитных учреждений, то на Совещании Витте говорил, что этот фонд не будет исчерпан и в 10 лет, а потому пока можно ограничиться ассигнованием 3–4 млн рублей.²

Вопрос о темпах развития мелкого кредита был, пожалуй, единственным, в котором Витте сходилась с Плеве. В записке МВД тоже утверждалось, что удовлетворение нужды крестьян в оборотных средствах «в сколько-нибудь короткий срок совершенно неосуществимо». Но Плеве категорически возражал против создания сети местных органов заведования мелким кредитом, считая достаточным устроить их на губернском уровне, и против участия земств в Центральном управлении. В стремлении финансового и сельскохозяйственного ведомств опереться на земства главным мотивом было даже не стремление уступить что-нибудь непринципиальное земским либералам, а просто признание отсутствия у них достаточного аппарата на местах. Со своей стороны Плеве откровенно заявлял, что для него учреждения, заведующие мелким кредитом, имеют второстепенное значение, а основная его забота — «не создавать чего-либо такого, что было бы трудно приспособить к существующему порядку».³ Дальнейшая

¹ Там же. Д.19. Л.53.

² Там же. Д.9. Л.379; Д.10. Л.63; Д.21. Л.290.

³ Там же. Д.21. Л.218–221, 236.

борьба была перенесена в подготовительную комиссию во главе с Ф. Г. Тернером (бывшем товарищем министра финансов при Вышнеградском), причем в качестве предварительного компромиссного решения было предусмотрено создание Центрального управления при Министерстве финансов, передача попечения над кредитными кооперативами земствам при сохранении сословных касс в ведении МВД.¹

В комиссии наибольшие разногласия вызвал подготовленный МВД проект ссудо-сберегательных касс, которые должны были заменить старые сельские и волостные банки. Во-первых, МВД явно хотело сделать такие кассы, находящиеся «под ближайшим наблюдением» земских начальников, основной формой учреждений мелкого кредита, препятствуя развитию кооперативных товариществ. Во-вторых, МВД ставило перед кассами в качестве главной задачи не развитие крестьянских хозяйств, а поддержание «крестьян, близких к разорению». Соответственно оно стремилось основать на предположенные к отпуску 10 млн рублей побольше касс с небольшим капиталом и ограничить размер выдаваемых ими ссуд — не более 50 рублей в личную ссуду, залог не более 50 пудов зерна на домохозяина. Не надеясь на возврат даже этих денег, МВД предусматривало круговую поруку крестьян при выплате долгов волостным кассам. Речь, таким образом, шла о перенесении на мелкий кредит принципов «попечительства». Представители Министерства финансов, напротив, возражали против круговой поруки, которая приведет-де к насилью большинства над «экономически лучшим элементом», и потому выступали против волостных касс, включающих в себя все население волости или общины, и поддерживали кредитную кооперацию. В итоге комиссия высказалась за оба типа учреждений мелкого кредита.²

¹ Журнал Особого совещания... № 3 // Вестник финансов. 1902. № 24. С.486–491.

² Положение о крестьянских общественных ссудо-сберегательных кассах // Вестник финансов. 1903. № 29. Особое приложение. С.1–5; Журнал подготовительной комиссии по вопросу об организации мелкого народного кредита. Особые мнения Э. Д. Плеске, А. П. Никольского, Н. Н. Кутлера, Л. С. Биркина // РГИА. Ф.1233. Оп.1. Д.17. Л.271–277, 429–460.

Комиссия Тернера разработала Положение о земских кассах мелкого кредита. Земские кассы предполагалось создавать по постановлению земского собрания для содействия образованию учреждений мелкого кредита и для выдачи краткосрочных и мелиоративных ссуд как крестьянам, так и «сельским хозяевам», а также для производства посреднических операций.¹ Речь шла, таким образом, и о более активной роли земств в распространении крестьянского кредита, и о частичном воплощении помещичьей идеи земских банков (не случайно Э. Д. Плеске требовал, чтобы земские кассы учреждались только с разрешения министра финансов).

В проекте Положения об управлении учреждениями мелкого кредита комиссия в основном зафиксировала то, о чем уже договорились члены Особого совещания — Управление создавалось при Министерстве финансов без местных органов, а в губерниях заведование мелким кредитом возлагалось на присутствие во главе с губернатором. За земствами было теперь оставлено «ближайшее наблюдение» только за ими же основанными товариществами. Словными кассами ведало МВД.² В целом итоги работы подготовительной комиссии оказались ближе к позиции МВД, чем Министерства финансов.

Витте сразу пошел в контратаку. По его поручению управляющий Государственным банком Э. Д. Плеске, уже подписав журнал комиссии, представил новую записку, в которой настаивал, чтобы кредитные инспектора Управления мелкого кредита подчинялись Государственному банку. Он ссылаясь при этом на то, что кроме основных капиталов, образуемых из фонда, выделенного казначейством, учреждениям мелкого кредита понадобятся оборотные средства, а Государственный банк сможет ссужать их, только располагая контролем за их использованием.³ Это в значительной части

¹ Вестник финансов. 1903. № 28. Особое приложение. С.5–8.

² РГИА. Ф.1233. Оп.1. Д.17. Л.269–271.

³ Записка Э. Д. Плеске об организации мелкого кредита // Там же. Л.659–662.

уменьшало влияние губернских присутствий. В апреле 1903 г., когда Особое совещание занялось проектами подготовительной комиссии, Витте и сам категорически потребовал, чтобы все Управление мелкого кредита было организовано непосредственно при Государственном банке, прямо подчеркивая, что банк не сможет выдавать ссуды на основании заключений «какой-либо посторонней банку коллегии, как бы последняя ни была поставлена». Плеве пытался настоять, чтобы кредит Государственного банка предоставлялся не на основе его устава, а на более льготных условиях, и чтобы представители МВД и МЗиГИ могли опротестовывать отказы в кредитах. Но Витте соглашался лишь учитывать мнение губернских присутствий при распределении основного капитала, требуя, чтобы Государственный банк имел последнее слово при ссудах на оборотный капитал (без которого учреждения мелкого кредита не могли существовать), в том числе и для сословных касс.¹

Плеве пришлось уступить. В журнале Совещания было записано, что Центральное управление мелкого кредита создается при Государственном банке, коллегиальность действий трех министров распространяется лишь на ассигнование основных капиталов, а снабжение кредитных товариществ и касс оборотными средствами будет определяться уставом Государственного банка, получающего право ревизии и сословных касс МВД.² Зато Витте и Плеве вновь проявили единодушие в предупреждениях о необходимости осторожно и постепенно отпускать средства на мелкий кредит и не возлагать на него больших надежд. Свои соображения против «быстрого и насильственного» насаждения мелкого кредита высказывал и Плеске в беседе с Половцовым.³ Вместо 10 млн рублей, о которых говорилось в записке Министерства финансов, и 3–4 млн, упоминавшихся Витте годом раньше,

¹ Там же. Д.25. Л.13, 51, 58–60, 79, 131–132.

² Журнал Особого совещания... № 4 // Вестник финансов. 1903. № 29. С.88.

³ Дневник А. А. Половцова // Красный архив. 1923. № 3. С.143.

теперь предполагалось просить Государственный совет отпустить из казны на 1904 г. всего 2 млн рублей, а Коковцов считал, что и эти деньги просить рано, ибо в 1904 г. новый закон о мелком кредите еще не будет введен в действие. Сословные ссудо-сберегательные кассы решено было начать создавать пока только в 8 губерниях, преимущественно в черноземном Центре.¹

С самого начала обсуждения проблемы мелкого кредита в Особом совещании Витте исходил из расчета, что это дело будет доведено до внесения разработанного проекта в Государственный совет. Такой проект, учитывающий компромисс Витте и Плеве, действительно был внесен, но уже после ухода Витте из Министерства финансов. В проекте еще раз отвергалась идея заимствования для мелкого кредита средств сберегательных касс, но министерство вынуждено было пойти навстречу своим критикам, обвинявшим кассы в отвлечении народных сбережений от местных нужд, и предоставить вкладам в учреждения мелкого кредита все преимущества взносов в сберкассы. В представлении Министерства финансов отмечалось, что оно по-прежнему считает неэффективной опеку земских начальников над сословными кассами и, уступая МВД ввиду принятого Особым совещанием решения, сохраняет за собой право вернуться к этой теме позже. Государственный фонд поддержки мелкого кредита составлялся из средств бывшего Комитета помощи голодающим (свыше 2 млн рублей) и отчислений казначейства (2 млн рублей на 1904 г.). С созданием этого фонда предполагалось прекратить выдачу пособий на основные капиталы кредитных товариществ из Государственного банка. Обратные средства учреждениям мелкого кредита предоставлялись Государственным банком, который получал на этом основании право надзора за их деятельностью. Большие надежды возлагались на земские кассы и на союзы кредитных кооперативов. Министерство рассчитывало, что эти учреж-

¹ Предварительные примерные соображения о размере средств, потребных к отпуску на нужды мелкого кредита // РГИА. Ф.1233. Оп.1. Д.49. Л.51-53; Д. 25. Л.228, 230, 235-236.

дения, как более крупные, будут пользоваться большим доверием и смогут привлечь к мелкому кредиту частные капиталы в виде вкладов и займов.

Целью мелкого кредита объявлялось теперь облегчение «производства хозяйственных оборотов и улучшений» ссудами на банковских основаниях (т.е. без какой-либо льготности) сельским хозяйствам, земледельцам, ремесленникам и промышленникам. Столь широкие задачи могли ставить перед собой, разумеется, в основном земские кассы, а клиентурой кредитной кооперации оставалось преимущественно крестьянство. Но при этом мелкому кредиту придавалась большая предметность, уменьшавшая возможность его использования на непроизводительные цели. Исключались ссуды под движимое имущество (кроме произведений труда и инвентаря), чтобы предотвратить ломбардные операции благотворительного характера, и ссуды под недвижимость, имевшие тенденцию превращаться в долгосрочные.¹ Все это означало определенную ориентацию закона на зажиточное крестьянство. В то же время, как справедливо отмечает А. П. Корелин, сохранение ссуд целым обществам и ограничение размеров кредита отдельным домохозяевам (300 рублей — личный кредит и 1000 рублей под залог продукции) отражали сохранявшееся стремление не допустить концентрацию средств в руках только состоятельных слоев деревни.²

В Государственном совете Лобко и его помощник Философов предприняли в апреле 1904 г. последнюю попытку оторвать создаваемое Центральное управление мелкого кредита от Государственного банка, доказывая, что банк, как и раньше, блюдя краткосрочность своих вложений, станет отказывать мелким кредитным учреждениям в ссудах.³ Одновременно они вновь настаивали на передаче этим учреждениям части средств сберкасс.

¹ Представление Министерства финансов 15 декабря 1903 г. // Там же. Ф.1152. Оп.13. 1903. Д.446. Л.1-29.

² Корелин А. П. Указ. соч. С.117.

³ П. Л. Лобко — В. Н. Коковцову 22 января 1904 г. // РГИА. Ф.1152. Оп. 13. 1903. Д.446. Л.38-41.

Против последней идеи у Коковцова к тому моменту появился новый аргумент — ссылаясь на усиленный отток вкладов из сберкасс при начале русско-японской войны, он подчеркивал недопустимость замораживания их фондов в сельскохозяйственном кредите. Справедливость первой мысли Лобко наглядно демонстрировалась рассуждениями Коковцова, предпосланными отчету Государственного банка за 1901 г., в эти же дни переданного в Государственный совет. Банк, утверждал Коковцов, может лишь идти навстречу потребности в мелком кредите, но не заходить слишком далеко в его «пропаганде», поскольку нужна не только потребность в кредите, но и умение им пользоваться, а «эта наука отнюдь не из легких».¹ Правильные в принципе рассуждения Коковцова о необходимости самостоятельности в развитии мелкого кредита прикрывали его нежелание способствовать в организационном и финансовом отношении появлению этой самостоятельности. Государственный совет поддержал Коковцова, одобрив проект в общем в представленном Министерством финансов виде, а 7 июня он был утвержден Николаем и стал законом.

Еще раньше, однако, в проект внесла коррективы русско-японская война. В обстановке наведения жесточайшей экономии Государственный совет не включил в закон ассигнование 2 млн рублей на 1904 г., разрешив воспользоваться для образования учреждений мелкого кредита только деньгами, недодавшими в 1891–1892 гг. голодающим крестьянам.² Фактически снабжение вновь открывающихся кредитных товариществ основными капиталами осталось за Государственным банком.

В целом решения Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, а затем и принятый на их основе закон 7 июня 1904 г. отражали переходный этап в подходе к крестьянскому законодательству вообще и вследствие этого к крестьянскому кредиту. В них сохранились дуализм целей кредита — поддержание «крестьян, близких

¹ Там же. 1904. Д.187. Л.64.

² Журнал Государственного совета в Соединенных департаментах... 16, 21 и 30 апреля 1904 г. // Там же. 1903. Д.446. Л.50–74.

к разорению», и в то же время «экономически лучшего элемента», дуализм форм учреждений кредита — сословные ссудо-сберегательные кассы и бессословные кредитные товарищества, дуализм их подчинения — соответственно МВД и Министерству финансов.

Все большую остроту приобретал в первые годы XX в. вопрос о характере деятельности Крестьянского и Дворянского банков.

Обострение аграрного вопроса и крестьянские волнения 1902 г. требовали от царизма принятия неотложных мер по смягчению напряжения в крестьянской среде. В качестве таких мер выдвигались активизация переселенческой политики и содействие Крестьянского банка переходу к участковому хозяйству на приобретаемых с его помощью землях. Операции банка по покупке земли за свой счет все больше втягивали его в переселенческую политику, с той разницей, что банк осуществлял переселение только на частные земли и в пределах Европейской России. Содействие переселению занимало видное место в деятельности банка — в 1898–1901 гг. переселенческие ссуды (ранее отдельно не учитывавшиеся) составили 26% всех его ссуд, посреднических и для приобретения земли у самого банка, причем 57% крестьян уходили при этом из своих губерний. Отсутствие правил о расселении на частных землях создавало сложности с распродажей имений, купленных банком, и встречные переселения крестьян из одной губернии в другую.¹ Соглашение деятельности Крестьянского банка и Переселенческого управления МВД становилось объективной необходимостью. Одновременно все более актуальной становилась проблема создания частнособственнического крестьянства. Продолжая прежнюю «попечительную» политику поддержки общинного землепользования, МВД в 1902 г. (до прихода в него Плеве) стало высказываться за целесообразность обра-

¹ Записка управляющего Крестьянским банком. Конец 1902 г. // Там же. Ф.592. Оп.44. Д.440. Л.22–25.

зования «класса состоятельных, богатых крестьян» на вне-наделных землях ¹ с помощью Крестьянского банка. О необходимости активной политики банка по насаждению участковых владений писал в Особое совещание и сторонник форсированных мер по ломке общины Г. А. Крестовников. В связи с его запиской Витте потребовал от Крестьянского банка представить свои соображения.²

В представленной в конце 1902 г. записке управляющего Крестьянским банком В. В. Мусина-Пушкина рассматривался, однако, только вопрос о переселенческой политике. Возможно, это был сознательный маневр, повторенный потом Витте во всеподданнейшем докладе с целью маскировки своих планов. Предлагалось распространить на крестьян, покупающих землю с помощью банка, ряд правил, действовавших при переселении на казенные земли (предварительное разрешение на выход, посылка ходоков и т. п.), а также сосредоточить усилия по покупке за счет банка на переселении крестьян из губерний, в которых нет достаточного предложения помещичьих земель.³ В резолюции на этой записке Витте сформулировал свои действительные намерения, поручив особой комиссии под председательством своего товарища А. Д. Оболенского заняться общим пересмотром устава Крестьянского банка, «который ныне призван играть существенную роль в аграрной политике государства».⁴ Витте явно рассчитывал с помощью обходного маневра расширить

¹ *Симонова М. С.* Указ. соч. С.50.

² Г. А. Крестовников — С. Ю. Витте (с пометами последнего). 1902 г. // РГИА. Ф.1233. Оп.1. Д.36. Л.159–170.

³ Там же. Ф.592. Оп.44. Д.440. Л.22–25.

⁴ На протяжении 1903–1904 гг. под председательством Оболенского действовали две комиссии (при Особом совещании и внутриведомственная) и два совещания (для рассмотрения записок Г. А. Крестовникова и В. С. Завойко), состав которых во многом, но не полностью совпадал. Непосредственным поводом для образования комиссии при Особом совещании была записка Крестьянского банка. Впервые материалы комиссии Оболенского при Особом совещании были использованы М. С. Симоновой: *Симонова М. С.* Крестьянский подземельный банк в системе общей аграрной политики самодержавия (1895–3.XI.1905 г.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1966 год. Таллин, 1971. С.471.

свое участие в решении вопросов аграрной политики. Эта попытка была сразу же пресечена указанием Николая, потребовавшего действовать в «полном единомыслии с Плеве».¹

Требование Николая немедленно отразилось на работе комиссии Оболенского. В ее первоначальной программе, наряду с вопросами переселения, было поставлено содействие Крестьянского банка образованию участково-подворного землевладения, устранению чересполосицы и улучшению системы хозяйствования. Плеве, называвший в Совещании переселение и деятельность банка двумя самыми сильными рычагами в руках государства» в части «забот об устройстве крестьян»,² в письме к Витте потребовал обсудить прежде всего, насколько вообще допустимо и дальше помогать «повсеместному приобретению крестьянами» дворянских земель и не следует ли, не потакая стремлению крестьян «к расширению их земельных владений» в великорусских и малороссийских губерниях, «властной рукою направить народные массы» в районы польского поместного землевладения, в Закавказье и в слабо населенные районы Заволжья, т. е. использовать тягу крестьян к земле в целях русификаторской политики. Кроме того, он предлагал, чтобы Крестьянский банк понизил предельную норму продаваемой им земли (ограничившись практически помощью малоземельным) и взял на себя разницу между ценой, уплаченной им при покупке, и начисляемой на крестьян ссудой, за что покупатели банковской земли безвозмездно оставляли бы свои наделы общине.³ Это означало, во-первых, что ради некоторого смягчения внутриобщинного малоземелья Плеве предлагал банку отказаться от коммерческого характера своих операций и, во-вторых, что как и в вопросе о мелком

¹ Помета Николая на всеподданнейшем докладе С. Ю. Витте. Цит. по: *Ананьич Б. В.* Политика царизма в крестьянском вопросе // Кризис самодержавия в России. С.62.

² РГИА. Ф.1233. Оп.1. Д.23. Л.44. *

³ В. К. Плеве — С. Ю. Витте 28 января 1903 г. // Там же. Ф.592. Оп.44. Д.440. Л.35–43. См. также: *Ананьич Б. В.* Указ. соч. С.63.

кредите МВД думало не столько о развитии крестьянского хозяйства, сколько о предотвращении его краха. Требование понизить предельные нормы прикупаемых участков было повторено представителями МВД в комиссии Оболенского.

Проблема участкового землевладения и борьбы с чересполосицей немедленно уперлась в необходимость изыскать дополнительные средства для крестьян, переходящих на хутора и отруба. Представители МВД готовы были допустить ради этого залог надельных земель с условием, чтобы заложенные наделы продавались с торгов только крестьянам. Хотя чиновники МВД говорили, что в условиях роста земельных цен банк в убытке не останется, для них коммерческие результаты его деятельности были явно второстепенными. Большинство, составившееся из представителей Министерства финансов, возражало, что ограничение круга покупателей затруднит Крестьянскому банку безубыточную ликвидацию залогов, а потому залог надельных земель невозможен. Согласие было достигнуто только относительно того, что там, где это возможно, будут разбиваться на подворные участки имения, купленные на средства самого банка. Финансовые соображения повлекли за собой и отказ от попыток повлиять на систему крестьянского хозяйства. Комиссия пришла к выводу, что такое влияние невозможно без выдачи банком мелиоративных ссуд, а выдавать их он, как учреждение ипотечное, не имеет права. Комиссия не смогла договориться даже по вопросу, вызвавшему ее к жизни, ибо пришла к выводу, что регламентация переселенческих покупок частных земель будет лишь затягивать и срывать сделки.¹ Составив журнал заседаний 23 января — 28 марта 1903 г., комиссия приостановила свою работу до получения от Особого совещания дополнительных материалов и, очевидно, указаний.²

¹ Журнал комиссии, учрежденной для рассмотрения вопросов деятельности Крестьянского банка, подлежащих обсуждению на Особом совещании о нуждах сельскохозяйственной промышленности // РГИА. Ф.592. Оп.44. Д.421. Л.1-17.

² Справка по Крестьянскому банку. Январь 1904 г. // Там же. Д.440. Л.79.

Такой ход работы комиссии Оболенского не устраивал Плеве. Манифест 26 февраля 1903 г., предписывавший «направить деятельность государственных кредитных учреждений, особливо дворянского и крестьянского поземельных банков, к вящему укреплению и развитию благосостояния... поместного дворянства и крестьянства»,¹ создавал благоприятные условия для его нажима на позиции Министерства финансов. Плеве представил в комиссию Оболенского записку, в которой в развернутом и усиленном виде формулировал все требования, содержащиеся в его январском письме к Витте и в заявлениях чиновников МВД в комиссии. Плеве требовал, чтобы деятельность Крестьянского банка была согласована с политикой МВД, для чего должна быть выработана «руководящая правительственная программа» долгосрочного характера, а затем МВД и Министерство финансов ежегодно определяли бы район операций банка. Самое важное — представители МВД в Совете банка получали бы право приостанавливать его решения. Деятельность банка должна была впредь направляться только на помощь «нуждающимся сельским обывателям» (для чего нормы продажи уменьшались, а ссуды банка увеличивались), переселенческие операции банка предлагалось подчинить правилам переселения на казенные земли. Плеве сам выражал сомнение, сможет ли банк при такой деятельности сохранить характер кредитного учреждения, но считал это обстоятельство второстепенным по сравнению с «политической и аграрной задачей», стоявшей перед банком.² Аналогичные требования содержались в предложениях, внесенных в комиссию представителями МВД. Требования МВД³ были

¹ ПСЗ III. 1903. № 22581. С.113–114.

² Освобождение. 1903. № 20–21. С.349–352; *Ананьич Б. В.* Указ. соч. С. 64–65.

³ РГИА. Ф.592. Оп.44. Д.440. Л.95. Станным образом М. С. Симонова приняла эти предложения за представление в Государственный совет (*Симонова М. С.* Политика царизма в крестьянском вопросе накануне революции 1905–1907 гг. // Исторические записки. Т.75. М., 1965. С.216), хотя МВД не могло входить в Совет с представлением о Крестьянском банке, не состоявшем в его ведении.

рассмотрены на заседаниях комиссии в конце апреля, но соглашение между двумя ведомствами так и не было выработано,¹ и Плеве начал готовить удар с другой стороны.

К этому времени усилились разногласия Министерства финансов и МВД и из-за Дворянского банка. Поместное дворянство продолжало настаивать на новых льготах банка. Выдвигались идеи понизить проценты по ссудам банка, если заемщик обещает использовать их на цели мелиорации, выдавать ссуды для покупки дворянами новых земель в размере 90% их стоимости.² Во всеподданнейшем ходатайстве Екатеринославского дворянства содержались требования установить неотчуждаемость поместий за долги (хотя бы в пределах земского ценза), заменить продажу имений должников Дворянского банка передачей их в опекуновское управление, уменьшить платежи по ссудам и предоставить новую трехлетнюю отсрочку.³ Между тем финансовое положение банка становилось критическим. В конце 1902 г. Витте представил Николаю доклад о деятельности банка и его финансах. Витте указывал, что череда льгот заемщикам, не уменьшив их недоимок, подорвала финансы банка, оперирующего в убыток. Закладные листы банка не пользовались спросом у частных лиц и оседали в государственных сберкассах. Витте винил в невзгодах банка влиятельных заемщиков, «которые, думая только о настоящем, стремятся лишь к тому, чтобы как можно скорее исчерпать в свою пользу все выгоды, которых оказалось бы возможным добиться». Витте признавал, что сейчас трудно осуществить «коренной поворот» в деятельности банка, больно ударивший бы по заемщикам, но считал совершенно необходимым не допускать новых льгот поместному дворянству.⁴

Параллельно с этим докладом, на котором Николай вывел сухое «читал», в Министерстве финансов готовился еще один, где с той же аргументацией более открыто высказывалась

¹ *Ананьич Б. В.* Указ. соч. С.65.

² *Бехтеев С. С.* Указ. соч. Т.1. С.261.

³ РГИА. Ф.1184. Оп.1. Д.6. Л.2-5.

⁴ Там же. Ф.593. Оп.1. Д.432. Л.1-14.

мысль, что «группа крупных собственников» «благодаря личным связям и отношениям» искажила первоначальную цель банка, заключающуюся в помощи мелким и средним помещикам, живущим в своих имениях. В этом проекте предполагалось изменить устав банка так, чтобы перезалог имений разрешался не ранее, чем через 5 лет после получения первой ссуды, и издать инструкцию относительно сдержанности в выдаче ссуд крупным землевладельцам.¹ Проект был передан на отзыв МВД, которое запротестовало против сокращения ссуд крупным помещикам, поскольку в таком случае услугами Дворянского банка не смогли бы пользоваться предводители дворянства, губернаторы, члены Государственного совета и т. п. Министерство отвергало также упреки в неправильном использовании заемщиками кредита банка и объявляло причиной их неплатежеспособности экономическую политику Витте.² Возможно, опасаясь дальнейшего обострения полемики, Витте отказался от мысли представить Николаю второй доклад о Дворянском банке, и он был оформлен в виде записки «О желательных изменениях в направлении деятельности Дворянского банка», оставшейся в канцелярии Министерства финансов, но позднее переданной в Комитет по делам земельного кредита.³

Расхождение взглядов Витте и Плеве на задачи Дворянского и Крестьянского банков привели к тому, что Плеве, готовивший реорганизацию Хозяйственного департамента МВД в Главное управление по делам местного хозяйства, попытался под этим предлогом перевести оба банка в ведение МВД.⁴ С этой попыткой Витте связывает и записку Гайсинского уездного предводителя В. С. Завойко, предлагавшего постепенно слить оба эти государственных и все частные земельные банки в единое кредитное учреждение, а пока

¹ Там же. Д.411. Л.90–110.

² Там же. Л.112–122.

³ Листы для памяти председателя Комитета по делам земельного кредита // Там же. Л.142.

⁴ *Мигулин П. П.* Русский государственный кредит (1769–1899). Опыт историко-критического обзора. Т.III. Харьков, 1907. С.968.

сосредоточить деятельность Крестьянского банка на окраинах в целях переселения крестьян и обрусительной политики, а в центральных губерниях усилить операции Дворянского банка,¹ как это предполагало и МВД. Записка Завойко была отвергнута совещанием под председательством Оболенского.² К сожалению, ни записка, ни доклад совещания не датированы. В воспоминаниях Витте говорится об июле 1903 г.,³ но, возможно, это обобщенная датировка нескольких событий.

Однако очевидно, что именно к июлю давление Плеве стало настолько сильным, что Витте вынужден был сам подготовить указ 11 июля о создании Комитета по делам земельного кредита в составе министров финансов, внутренних дел и земледелия, государственного контролера и лиц по выбору Николая во главе с председателем Комитета финансов. Комитет создавался в развитие Манифеста 26 февраля для обсуждения вопросов, «относящихся к общему направлению деятельности учреждений земельного кредита» и в частности для рассмотрения отчетов Дворянского и Крестьянского банков.⁴ Образование Комитета, безусловно, усиливало влияние Плеве на оба ипотечных банка, но было для Витте меньшим злом, чем более прямые формы вторжения МВД в кредитные дела, тем более, что Витте мог рассчитывать на поддержку председателя Комитета финансов Д. М. Сольского. Отставка Витте месяц спустя и неопределенность положения в Министерстве финансов, похоже, затянули период организации Комитета, завершившийся лишь в ноябре 1903 — январе 1904 гг. Единственным действием Комитета в 1903 г. было повторное обсуждение 7 ноября и отвержение записки Завойко, внесенной в Комитет по высочайшему повелению. На мой взгляд, это повторное

¹ Записка В. С. Завойко о Крестьянском банке // РГИА. Ф.1184. Оп.1. Д.9. Л.1–6.

² Доклад совещания под председательством А. Д. Оболенского // Там же. Л.7–19.

³ *Витте С. Ю.* Указ. соч. Т.2. С.241–242.

⁴ Собрание узаконений. 1903. Отд.1. № 74. Ст.867.

обсуждение говорит в пользу того, что совещание Оболенского рассматривало записку до создания Комитета.

8 января 1904 г. по докладу Плеве Николай поручил Комитету рассмотреть ходатайство Екатеринославского дворянства о пересмотре уставов Дворянского и Крестьянского банков. Начавшаяся русско-японская война сделала проблему менее спешной — у банков все равно не было денег на операции. В марте Комитет финансов постановил не выдавать ссуды из Дворянского банка выше, чем по нормальным оценкам (60%), что резко сокращало их число, и допускать перезалог только через 5 лет после предыдущей ссуды. Покупка земли Крестьянским банком за свой счет приостанавливалась, за исключением башкирских земель, на что отводилось не более 1,5 млн рублей в год. При посреднических операциях ссуда ограничивалась максимумом в 60% для отдельных хозяев (т.е. становилась доступной только зажиточным) и в 75% товариществам и обществам. Война, таким образом, отодвинула в сторону программу Плеве, и тот не имел возможности что-либо возразить.¹ Комитет по делам земельного кредита со своей стороны констатировал, что из-за финансовых затруднений просьба екатеринославских дворян о сокращении покупок Крестьянского банка исполнилась сама собой, а увеличение льгот для дворян стало заведомо невозможным.²

Министерство финансов все же прислало отзыв, в котором разбирало ходатайство екатеринославских дворян. В отзыве за подписями Коковцова и Мусина-Пушкина доказывалось, что сокращение закупочной и посреднической деятельности Крестьянского банка привело бы лишь к возрастанию роли перекупщиков, которые платили бы дворянам меньше, а брали бы с крестьян больше, чем банк. Опровергались и нападки дворян на закон 2 июня 1900 г., разрешавший продавать крестьянам земли должников Дво-

¹ Журнал Комитета финансов 17 марта 1904 г. // РГИА. Ф.593. Оп.1. Д.399. Л.78–80.

² Журнал Комитета по делам земельного кредита 7 мая 1904 г. // Там же. Ф.592. Оп.44. Д.440. Л.112–115.

рянского банка. Коковцов напоминал, что закон имел в виду участки на краю поместий, причем на основании этого закона было продано всего около 1 тыс. десятин, так что рокового для дворян значения он иметь не мог. Наконец, Министерство финансов снова подчеркивало, что введение неотчуждаемости дворянских земель за долги лишь подорвет дворянский кредит и ускорит ликвидацию тех частей поместий, на которые неотчуждаемость не будет распространена.¹

Тем не менее Министерство финансов понимало, что война лишь отсрочила обсуждение вопроса об обоих ипотечных банках и едва финансовые затруднения минут, как притязания поместного дворянства в отношении Дворянского банка будут выдвинуты снова, а, главное, вновь встанет проблема более непосредственной увязки деятельности Крестьянского банка с аграрной политикой МВД. Поэтому в июне 1904 г. была создана новая комиссия Оболенского для обсуждения (на этот раз «в среде членов исключительно Министерства финансов»), какие стороны деятельности банков могут быть изменены и как именно и до какой степени может быть допущено участие других ведомств в руководстве этой деятельностью. Комиссия заседала с 15 июня по 29 декабря 1904 г. (было назначено заседание на 4 января 1905 г., но следов его я не нашел). Члены комиссии были единодушны в том, что, хотя очень желательно приостановить процесс ликвидации заемщиками Дворянского банка своих имений и облегчить покупку земель дворянами, нет никакой возможности для расширения операций банка, требующих, напротив, сокращения, ибо, выдавая ссуды рубль за рубль, банк реализует закладные листы по биржевому курсу ниже номинала и терпит убытки. Предложение И. П. Шипова (в тот момент члена Совета Государственного банка) выдавать ссуды не наличными, а закладными листами, было в 1904 г. отвергнуто, поскольку влекло за собой дальнейшее понижение их курса, нанося тем самым ущерб «главному держателю» — Государственному банку. В проекте доклада комиссии, составленном в январе 1905 г.,

¹ Там же. Ф.1184. Оп.1. Д.6. Л.10–31.

говорилось о желательности повысить процент, уплачиваемый по закладным листам, дабы поднять их курс.¹

Основное внимание комиссии занял Крестьянский банк. Итоги обсуждения были подведены в записке «О задачах Крестьянского поземельного банка в области земельной политики», составленной под редакцией директора Общей канцелярии Министерства финансов А. И. Путилова. В записке отмечалось, что общей чертой высказываемых в последнее время пожеланий (назывались письмо Плеве к Витте 28 января 1903 г., записки Крестовникова, Завойко и известного дворянского деятеля Н. А. Павлова) является стремление возложить на банк задачу прямого воздействия на земельное устройство крестьян. Но, выполняя такую задачу, банк неизбежно утратит твердую почву в финансовых расчетах, ибо должен будет думать в первую очередь об интересах своих заемщиков, а не заимодавцев, и потеряет характер ипотечного учреждения. Банк, подчеркивалось в записке, несет ответственность перед теми, кто доверил ему свои капиталы, и должен заботиться о прочности совершенных с его помощью сделок. Этим он косвенно содействует земельному устройству крестьян, но дальше этого идти не может.²

В комиссии этот вопрос вызвал разногласия. Меньшинство (включая Оболенского и Путилова) трактовало ст. 55 Устава банка (обязывающую его одобрять только обеспеченные сделки и ставить заемщикам условия, гарантирующие прочность владения землей) как указание на предпочтительность обеспеченных соглашений, заключаемых с зажиточными крестьянами. Большинство (включая Мусина-Пушкина) говорило о необходимости приглядывать за выгодностью покупок и не допускать чрезмерного вздувания цен помещиками. Путилов в своей записке и Оболенский в проекте доклада по итогам заседаний комиссии изложили, по сути, точку зрения меньшинства.

¹ Журналы и проект доклада комиссии А. Д. Оболенского // Там же. Ф.593. Оп.1. Д.432. Л.45–47, 89, 284–285; Ф.560. Оп.26. Д.452. Л.237–242.

² Там же. Ф.592. Оп.44. Д.440. Л.119–131.

Зато Путилов подробно развил аргументацию против того, чтобы под флагом указания условий, гарантирующих прочность сделки, предлагать крестьянам участковую, а не общинную форму хозяйства. В записке проводилась мысль, что ипотечному кредиту нельзя навязывать функции мелиоративного, и вообще вопрос о наиболее производительных формах земледелия сложен и должен решаться «естественным порядком». Точно так же отвергалось пожелание, чтобы Крестьянский банк влиял на направление переселенческого движения — конкретно на переселение в западные губернии в целях обрусения. В этих губерниях, отмечал Путилов, не предлагают имений на продажу, а если банк начнет соблазнять помещиков повышенными ценами, платежи по ссудам станут непосильны крестьянам. Из всего этого делался вывод, что «область аграрно-политических задач» как таковых недоступна банку и должна оставаться в ведении других государственных учреждений.

Члены комиссии, однако, понимали, что надо в чем-то пойти навстречу МВД, иначе оно лишь усилит свои притязания. В записке Путилова и проекте доклада Оболенского предлагалось предоставить МВД право указывать, какие именно поместья из числа признанных банком пригодными к покупке по финансовым условиям, наиболее желательно приобрести с аграрно-политической точки зрения. В духе пожеланий МВД комиссия уменьшила почти вдвое предельные нормы земли, покупаемой крестьянской семьей с помощью банка. Это, однако, не означало перехода к предпочтению малоземельных, как предлагал Кутлер. В обоих итоговых документах подчеркивалось, что обеспечение всех безземельных и малоземельных крестьян непосильно для банка и опасно для его финансовой устойчивости.¹

Таким образом, накануне революции 1905 г. Министерство финансов собиралось настаивать на сохранении прежнего порядка деятельности Крестьянского банка, идя лишь

¹ Журнал и проект доклада комиссии А. Д. Оболенского // Там же. Ф.593. Оп.1. Д.399. Л.55–60, 95–103, 144–152, 297–301; Ф.560. Оп.26. Д.452. Л.237–242.

на незначительные уступки МВД в согласовании переселенческой политики. За МВД оставалась также возможность апеллировать в случае разногласий с финансовым ведомством в Комитет по делам земельного кредита. Но революция похоронила и труды комиссии Оболенского (я не нашел даже окончательного варианта доклада комиссии, который в начале февраля 1905 г. еще редактировался), и Комитет земельного кредита. Его заседание 7 мая 1904 г., посвященное обсуждению программы деятельности, оказалось и последним. Год спустя указом 6 мая 1905 г. он был ликвидирован в связи с учреждением Комитета по земельным делам, тоже оказавшегося мертворожденным (см. главу 3).

Начало XX в. особенно отчетливо выявило «ахиллесову пятау» экономической политики царизма. И меры по прямой и косвенной поддержке поместного дворянства, и деятельность Витте, направленная на создание современной тяжелой индустрии, основывались на все усиливающейся эксплуатации платежных сил крестьянства. Развитие же крестьянского хозяйства, скованного феодально-крепостническими пережитками в правовой и имущественной сфере, шло крайне медленно, далеко отставая от увеличивавшихся требований фиска. Бюджетное напряжение усиливалось внешнеполитическими авантюрами царизма, а затем и мировым промышленным кризисом. В 1902 г. Витте вынужден был признать, что «обложение населения прямыми и косвенными налогами достигло крайнего предела своей напряженности».¹ В этих условиях становилось невозможным продолжение в прежних размерах казенных капиталовложений в железнодорожное строительство, являвшихся важным рычагом стимулирования металлообрабатывающей промышленности (и Витте должен был искать пути привлечения к железнодорожному делу частных капиталов), и оказывалось неизбежным усиление внимания к положению сельского хозяйства, причем сель-

¹ *Ананьич Б. В.* Экономическая политика правительства. С.44.

скохозяйственные и аграрные проблемы вставляли в своей неразрывной связи. Характерной особенностью в дальнейшем экономическом курсе было, однако, то обстоятельство, что Ермолов и группировавшиеся вокруг МЗиГИ представители помещицких кругов надеялись смягчить остроту аграрного вопроса мерами по подъему сельского хозяйства, тогда как Витте считал такой подъем невозможным без частичного решения аграрного вопроса. Этим в основном и определялись их позиции в Особом совещании о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Собственно экономические проблемы меньше интересовали Плеве, пристально следившего за каждым шагом Совещания в крестьянском и дворянском вопросах.

Витте удалось в общем отстоять в Особом совещании основы своей экономической политики в целом и своего отношения к сельскому хозяйству. Он не допустил обсуждения своей таможенной протекционистской политики и получил на первом этапе Совещания поддержку плана сооружения местных железных дорог, который должен был до известной степени компенсировать сокращение магистрального строительства. Он отбил очередную попытку поместного дворянства добиться «урегулирования» в свою пользу хлебной торговли. Совещание согласилось с тем, что основой сельскохозяйственного экспорта должно оставаться зерно и не оспорило тезис Витте о безопасности для экономики страны низких хлебных цен. Витте сумел свести к минимуму ассигнования на мелиоративные нужды, а также в фонд мелкого кредита. В вопросе об управлении учреждениями мелкого кредита Министерство финансов и МВД пришли к компромиссу, в большей мере отражавшему все же позицию финансового ведомства. Среди проблем долгосрочного ипотечного кредита на первый план все больше выступала задача согласования деятельности Крестьянского банка с мероприятиями МВД в аграрном вопросе. Такое согласование было для царизма объективной необходимостью, и в этом смысле попытки Министерства финансов отделаться незначительными уступками, сохранив кредитный, а не землеустроительный характер Крестьянского банка, были в перспективе обречены на неуспех. Но в рассматриваемое

время создание Комитета по делам земельного кредита не привело к реальному увеличению влияния МВД на Крестьянский и Дворянский банки, отчасти, видимо, из-за смерти Плеве, главным же образом из-за начавшейся русско-японской войны.

Победа Витте на Особом совещании была относительной и непрочной. Его «успехи» в ограничении средств, отпускаемых на аграрный и сельскохозяйственный кредит, были в большой мере предопределены затруднительным положением казначейства. Но эти же трудности казны привели еще до начала русско-японской войны к частичному отходу от системы Витте.

Самое же главное заключалось в том, что ни позиция Витте, ни предложения его оппонентов не создавали предпосылок развития сельского хозяйства в обстановке, когда кризис его сказывался на углублении социальных противоречий в деревне.

ГЛАВА 3

Революция 1905–1907 гг. и проблема финансового обеспечения стольпинской земельной реформы

Крестьянские волнения 1905–1907 гг. выдвинули на первый план не агротехнические, а социально-политические проблемы сельского хозяйства — необходимость срочно остановить волну выступлений крестьян мерами по частичному устранению малоземелья. Это ставило на повестку дня вопросы о реорганизации сельскохозяйственного ведомства и о месте Крестьянского банка в аграрной политике. В свою очередь эти вопросы были удобным предлогом для постановки проблемы общего направления экономической политики. Все эти проблемы и стали содержанием записки «Земельная политика и крестьянский вопрос», представленной Николаю дворцовым комендантом Д. Ф. Треповым 26 февраля 1905 г. и сыгравшей большую роль в прекращении работ виттевского Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности и в образовании вместо него Особого совещания о мерах к укреплению крестьянского землевладения под председательством И. Л. Горемыкина. Записка была обнаружена в свое время Г. М. Дейчем в фонде дворцового коменданта, причем Г. М. Дейч считал ее автором Горемыкина.¹ М. С. Симонова, справедливо заметившая, что программа, изложенная в записке, была принята Горемыкиным лишь

¹ Дейч Г. М. К истории аграрной политики царского правительства в первые месяцы революции 1905–1907 гг. // Вопросы истории СССР XIX–XX вв. Л., 1971. С.153.

частично, называет ее запиской Трепова,¹ а К. А. Кривошеин приписывает авторство своему отцу, А. В. Кривошеину,² занимавшему в то время сравнительно второстепенный пост начальника Переселенческого управления МВД, но игравшего большую роль в закулисных бюрократических интригах благодаря близости к Д. Ф. и В. Ф. Треповым и к Горемыкину. Последняя атрибуция представляется мне наиболее вероятной

Записка «Земельная политика и крестьянский вопрос» была составлена явно в ответ на «Записку по крестьянскому делу С. Ю. Витте», опубликованную им в конце 1904 г. Подчеркивая, что общинное землевладение противоречит «изменившимся социально-экономическим условиям» российской действительности, Витте выдвигал на первый план задачу переустройства крестьянского управления и суда, которое должно было, по его мнению, создать общеправовые условия постепенных изменений в крестьянском землепользовании.³ Эту позицию Витте автор «Земельной политики...» объявлял односторонней и утверждал, что причиной наблюдаемого ухудшения положения сельского населения является финансовая система последнего двадцатилетия — чрезмерное увеличение податного бремени ради железнодорожного строительства и поддержания золотого обращения, выкачивание народных сбережений через сберкассы и т.п. В записке выражалась надежда, что «плачевные результаты этой системы выяснились уже настолько определенно, что решительное изменение ее станет ближайшей задачей финансового ведомства» сразу по окончании войны и революции. При этом провозглашалась необходимость осознать «как насущные, очередные вопросы государственного управления» все, что связано с распределением, размером и характером

¹ *Симонова М. С.* Аграрная политика самодержавия в 1905 г. // Исторические записки. Т.81. М., 1968. С.201–202.

² *Кривошеин К. А.* А. В. Кривошеин (1857–1921 гг.). Его значение в истории России начала XX века. Париж, 1973. С.52, 79.

³ См. подробнее: *Симонова М. С.* Политика царизма в крестьянском вопросе накануне революции 1905–1907 гг. // Исторические записки. Т.75. М., 1965. С.223–228.

земельной собственности, и направить на эти проблемы «личные силы и средства», соответствующие «чрезвычайной сложности и выдающемуся значению предстоящей задачи».

Начало 1905 г. было, однако, неподходящим временем для развертывания дискуссии об общих вопросах экономической политики, и в записке центр тяжести аргументации переносился на необходимость укрепить тот «оплот, который может быть противопоставлен революционному натиску», — земельные сословия вообще и крестьянство в особенности, для чего добиться его «экономического и нравственного укрепления». Автор записки признавал, что правительству нужно осознать важность перехода к «отрубному хозяйству» и «облегчить течение этого... исторического процесса». Но, и здесь он сходиллся с Витте, такой переход он считал «задачей нескольких поколений». В качестве же ближайших средств успокоения крестьянства в записке назывались реорганизация переселенческого дела, которое должно быть нацелено на разрежение малоземельного населения черноземных губерний за счет колонизации Кавказа, Туркестана и Дальнего Востока, и изменение характера деятельности Крестьянского банка. Банку ставилась в вину приверженность принципам обычного кредитного учреждения вместо того, чтобы содействовать малоимущим крестьянам, причем «без нарушения правильного в данной местности соотношения между средним и мелким землевладением».

Повторяя, таким образом, в программном отношении требования, уже выдвигавшиеся Плеве в январе 1903 г., записка «Земельная политика...» намечала иной организационный путь выполнения этой программы. Предлагалось реорганизовать МЗиГИ в Главное управление по земельным делам и сельскому хозяйству, сосредоточив в нем все руководство сельскохозяйственными и крестьянскими делами (чего, как отмечалось, хотел добиться и А. С. Ермолов при создании МЗиГИ). Для этого рекомендовалось вывести из МЗиГИ в Министерство финансов Горный департамент, а в новое Главное управление передать Переселенческое управление МВД и Крестьянский банк, а также обсуждение всех земельных вопросов, которыми занималось Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности. При этом

в записке напоминалось, что еще в мае 1904 г. Николай высказал пожелание закончить вскорости работу Совецания. Одновременно предлагалось создать на уровне министров Комитет по земельным делам под председательством назначаемого Николаем лица. Комитет должен был обсуждать все подведомственные новому Главному управлению вопросы, входящие по действующему законодательству в компетенцию Комитета министров.¹ Речь шла, таким образом, о том, чтобы отрезать Витте все официальные пути влияния на аграрную политику и укрепить возможности вмешательства сельскохозяйственного ведомства в определение финансового курса.

Записка «Земельная политика...» была положена в основу работы Особого совещания о мерах к укреплению крестьянского землевладения, начавшего заседания 17 мая. Еще до того, 6 мая, был опубликован рескрипт о преобразовании МЗиГИ в Главное управление землеустройства и земледелия (далее — ГУЗиЗ). Первым его управляющим был назначен П. Х. Шванебах, а его товарищем — Кривошеин. Горемыкинское совещание обсуждало проблемы крестьянского землепользования (эта сторона его деятельности рассмотрена М. С. Симоновой²), а также сферу компетенции ГУЗиЗ. Идея подчинить ему Крестьянский банк была отвергнута Горемыкиным в докладе Николаю еще до начала работ Совецания. При большом размахе эмиссионной деятельности ипотечных банков, предупреждал Горемыкин, вывести их из-под контроля Министерства финансов «было бы небезопасно для всей системы нашего государственного кредита».³

¹ РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.28. Л.1–19. В результате перестроивания фонда дворцового коменданта мне не удалось обнаружить в нем экземпляр записки, на который ссылается Г. М. Дейч. Я пользовался дефектным экземпляром, сейчас находящимся в фонде А. В. Кривошеина. На нем имеется помета, сделанная, очевидно, работником архива: «Нет конца. Всего в записке дол [жно] быть 12 пунктов. 15 февр. 1905 г. (см. 2 экз-р в архиве Кривошеина)». Откуда попал в фонд Кривошеина этот экземпляр и куда делся ранее там находившийся — неясно. Дефект, однако, несуществен, ибо пункты резюме повторяют изложенное в тексте.

² Симонова М. С. Аграрная политика самодержавия. С.199–215.

³ Всеподданнейший доклад И. Л. Горемыкина 22 апреля 1902 г. // РГИА. Ф.1212. Оп.1. Д.1. Л.27.

В то же время в первоначальном проекте наказа ГУЗиЗ ему, во имя согласования «общей экономической и финансовой политики государства» с «интересами сельскохозяйственного промысла», предоставлялось право «инициативы и влиятельного участия в законодательной деятельности по вопросам железнодорожного строительства и тарифных ставок, хлебной торговли, таможенных пошлин, акциза с сельскохозяйственной продукции и организации государственного кредита».¹ После протеста Н. Н. Кутлера против посягательств на зону влияния Министерства финансов за ГУЗиЗ было оставлено лишь участие «в выработке соответствующих предположений», но без права самостоятельной инициативы, а государственный кредит и вовсе исключен из вышеприведенного перечня.² Что касается Крестьянского банка, то подготовленным проектом инструкции предусматривалось, что в вопросах его землеустроительной деятельности министр финансов действует по соглашению с главноуправляющим земледелием.³

Несмотря на ведомственные трения из-за проблемы подчиненности Крестьянского банка, отражавшие затяжной спор о направлении капиталовложений в народное хозяйство, Министерство финансов не могло не понимать, что в условиях революции политика банка должна претерпеть коренные изменения. Весной 1905 г. А. Д. Оболенский называл уже крупной ошибкой сокращение в 1904 г. по финансовым соображениям деятельности банка, подчеркивая, что в обстановке аграрных беспорядков содействие покупке крестьянами земли, хотя бы и на ссуженные банком деньги, помогает «искоренить мысль о даровом наделении крестьян». Оболенский еще придерживался прежнего мнения, что сам банк должен ограничиваться только кредитной операцией,

¹ Главнейшие положения, подлежащие обсуждению при составлении наказа Главному управлению землеустройства и земледелия. 25 мая 1905 г. // Там же. Л.110.

² Наказ Главному управлению землеустройства и земледелия. Б/д. // Там же. Д.2. Л.551.

³ Там же. Л.562.

но уже выдвигал идею создать в уездах особые комиссии, которые указывали бы банку, каким именно крестьянам должна быть продана предлагаемая помещиками земля.¹ В апреле В. Н. Коковцов всеподданнейшим докладом просил разрешения обсудить в Комитете финансов возможность восстановить в полном объеме операции Крестьянского банка, ссылаясь при этом на рескрипт 30 марта на имя Горемыкина, где уже упоминалось расширение землевладения крестьян с помощью банка.² Решение вопроса затянулось из-за отсутствия средств на финансирование операций банка и указ о возобновлении им покупок за свой счет был издан лишь 14 июля.

Крестьянские ожидания более радикального решения земельного вопроса, с одной стороны, и катастрофическое отсутствие средств у казны и у банка — с другой, не способствовали летом и в начале осени разворачиванию посреднической деятельности банка. Тем временем углубление общеполитического кризиса в стране способствовало распространению в части правящих кругов мысли о том, что принудительного отчуждения помещичьих земель (разумеется, за выкуп) избежать не удастся. Еще в марте предсказывавший в Особом совещании о нуждах сельскохозяйственной промышленности, «что может быть мы будем обсуждать этот вопрос о дополнительном наделе крестьян земле»,³ Витте вернулся к этой мысли, хотя и в осторожных выражениях, в докладе Николаю 9 октября.⁴ В ноябре П. П. Мигулин через Д. Трепова передал Николаю записку «К вопросу о земельном устройстве крестьян» и проект высочайшего манифеста. Мигулин доказывал, что при существующем малоземелье невозможно не только экстен-

¹ Записка кн. А. Д. Оболенского. Б/д. (До 18 апреля 1905 г., когда он был смещен с поста товарища министра финансов) // Там же. Ф.592. Оп.44. Д.463. Л.90–92.

² Всеподданнейший доклад В. Н. Коковцова 28 апреля 1904 г. // Там же. Ф.593. Оп.1. Д.399. Л.129–130.

³ Там же. Ф.1233. Оп.1. Д.19. Л.314.

⁴ *Симонова М. С.* Указ. соч. С.209.

сивное, но и интенсивное крестьянское хозяйство, и единственным выходом является дополнительное наделение крестьян землей, для чего в пределах Европейской России необходимо передать 10–20 млн десятин удельных и государственных земель и выкупить у помещиков 20–25 млн десятин, на которых все равно не ведется собственное помещичье хозяйство.¹ Идея Мигулина в тот момент казалась приемлемой и Д. Трепову. Николай передал записку Мигулина Витте, предложив обсудить ее в Совете министров. Именно этим Витте в своих «Воспоминаниях» объясняет возникновение проекта принудительного отчуждения, составленного Кутлером.²

В действительности история вопроса явно выглядела иначе. 29 октября на первом же заседании Совета министров под председательством Витте был поставлен вопрос о необходимости быстро создать значительный земельный фонд для увеличения крестьянского землевладения.³ В качестве инструмента для создания этого фонда был избран Крестьянский банк. Манифестом 3 ноября выкупные платежи с 1 января 1906 г. сокращались наполовину, а с 1 января 1907 г. отменялись совсем, и одновременно провозглашалось расширение деятельности Крестьянского банка по оказанию помощи малоземельным крестьянам. Изданный в тот же день именной указ, конкретизируя это обещание, разрешал выдачу безземельным и малоземельным крестьянам ссуд в размере 100% оценки приобретаемой земли и, главное, предусматривал выпуск свидетельств банка без каких-либо ограничений «по мере действительной потребности в суммах для покупки банком земель».⁴

¹ Записка П. П. Мигулина и проект высочайшего манифеста // РГИА. Ф.1276. Оп.1. Д.133. Л.1–2, 9–21; См. также: *Симонова М. С.* Указ. соч. С.209.

² *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 3. М., 1960. С.196–198.

³ Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия шестая. 1910–11 годы. СПб., 1911. Стб.1124.

⁴ ПСЗ III. Т.XXV. 1905. № 26873.

Уже 5 ноября Кутлер, с апреля являвшийся товарищем министра финансов, ведающим Крестьянским банком, а 28 октября поставленный Витте во главе ГУЗиЗ, составил набросок проекта реорганизации Крестьянского банка с целью его приспособления к новым функциям. Такая скорость говорила не только о чрезвычайности момента, но, несомненно, и о предварительном обсуждении дела, в том числе, бесспорно, и с Витте. План Кутлера предполагал превращение Крестьянского банка в «Государственный земледельческий» в системе Министерства финансов. Банк должен был заниматься покупкой земли за свой счет и выдачей посреднических ссуд, сообразовывая свои операции с интересами не только своих непосредственных клиентов, «но и с интересами местного земледельческого населения, а также с требованиями правильного ведения сельского хозяйства».¹ По существу это означало повторение обычного требования соблюдать «правильные пропорции» между крестьянским и помещичьим землевладением. Тем не менее Кутлер записал в своем наброске, что «идея Банка совместима и с обязательным отчуждением».²

Принудительное отчуждение помещичьих земель не рассматривалось Кутлером в ноябре как наиболее желательный вариант развития событий. Даже в составленной в очень недоброжелательном тоне справке о деятельности Кутлера в ГУЗиЗ признавалось, что он ставил своей целью скупить через Крестьянский банк в течение года до 8 млн десятин земли, причем такой покупкой «г. Кутлер предполагал устранить вопрос о принудительном отчуждении».³ В соответствии с этой целью по соглашению Кутлера и министра финансов И. П. Шипова последний 16 ноября обратился к уездным земствам с просьбой содействовать Крестьянскому банку в приобретении земли до начала весеннего сева, подчеркивая, что «предоставление малоземельным крестья-

¹ Устав Государственного земледельческого банка // РГИА. Ф.592. Оп.1. Д.239. Л.12–28.

² Предположения Н. Н. Кутлера 5 ноября 1905 г. // Там же. Л.5–6.

³ Там же. Л.1.

нам средств к приобретению земли представляется мерою настоятельною».¹ Вслед за тем новый товарищ министра финансов по управлению Крестьянским банком А. И. Путилов разослал 26 ноября циркуляр казенным палатам. В циркуляре подчеркивалась срочная необходимость сосредоточить в руках правительства крупный земельный фонд, наличие которого могло бы убедить крестьян, «что можно и без захватов надеяться на осуществление обещаний правительства об отводе им земли». Поэтому чинам казенных палат вменялось в обязанность убеждать помещиков, «что обеспечение малоземельного крестьянства землею есть всеобщая потребность не одного только крестьянского сословия... что если этого не удастся сделать, то все равно удержать землю в своих руках будет почти невозможно. Жестокие насилия, начавшиеся нынешней осенью, не улягутся, и едва ли не будут еще страшнее весною, когда дело дойдет до запашки и ярового сева. Таким образом, образование земельного фонда для крестьян является прямым спасением для частного землевладения».²

9 декабря Путилов обратился к уездным управам с просьбой создать комиссии с участием крестьян для содействия землеустроительной деятельности банка. Он просил внушать крестьянам, что «средства казны не безграничны» и она не сможет обеспечить их большим количеством земли, чем по нормам указного и высшего надела 1861 г. Одновременно он просил убеждать помещиков не запрашивать слишком высокие цены и помнить, что они, «отказываясь от чрезмерной ренты, могут лишь охранить свое собственное благосостояние, и в случае продажи части земли, необходимой для удовлетворения крестьян, они в будущем обеспечат себе спокойное владение остающеюся у них частью при несомненном увеличении ее стоимости».³ Наконец, 14 декабря Путилов разослал циркуляр губернаторам, в котором подчеркивал, что вопрос о земельных ценах является «одним

¹ Правительственный вестник. 1905. 16 ноября.

² РГИА. Ф.592. Оп.44. Д.467. Л.13–14.

³ Там же. Л.16–17.

из самых важных». Уже сейчас, отмечал он, в Крестьянский банк и в Министерство финансов идут сетования на понижение цен по сравнению с дореволюционным периодом. Но, напоминал Путилов, земельные и арендные цены до революции совершенно не соответствовали действительной доходности земли, и именно их высокий уровень «послужил одной из существенных причин, вызвавших столь грозно заявившее себя аграрное движение». Поэтому, взяв эти цены за основу своих операций, Крестьянский банк «не только не разрешит аграрного вопроса, а вернее еще более его осложнит».¹

Все эти обращения центральной власти, крайне обеспокоенной перспективой весеннего взрыва крестьянских волнений, отчасти не дошли вовремя до губернских и уездных властей из-за всеобщей забастовки почтово-телеграфных служащих, главным же образом были враждебно встречены помещицкой средой, в большой своей части готовой в этот момент бежать из деревни, но желавшей получить за землю цену, несоразмерную ее стоимости. В таких условиях в высших бюрократических кругах вновь стала упоминаться идея принудительного отчуждения. Даже в доживавшем последние дни горемыкинском Совещании Г. В. Глинка, сменивший Кривошеина во главе Переселенческого управления, говорил, что решение аграрного вопроса должно быть обеспечено, «какого бы стеснения частных интересов оно ни потребовало». Хотя прямо о принудительном отчуждении не было сказано, формулировка Глинки явно включала и такое «стеснение частных интересов». Там же и Кривошеин говорил о необходимости решить вопрос о землеустройстве мирным путем, не доводя «до насильственного отображения частновладельческих земель самими крестьянами».² На этом фоне появление на рубеже 1905–1906 гг. проекта Кутлера было

¹ Там же. Д.87. Л.22–26.

² Протокол Особого совещания о мерах к укреплению крестьянского землевладения 22 ноября 1905 г. // Там же. Ф.1212. Оп.1. Д.3. Л.87, 88.

закономерным шагом в развитии аграрной политики кабинета Витте.¹

Составленный Кутлером проект закона о мерах к расширению и улучшению крестьянского землевладения предусматривал возможность отчуждения помещичьих земель в случаях, если бы их владельцы вообще не захотели продать Крестьянскому банку необходимые для землеустройства угодья, «либо заявили бы в отношении цен слишком несоответственные требования». Хотя в объяснительной записке отчуждение называлось лишь коррективом к основному пути создания фонда Крестьянского банка с помощью свободных соглашений его с землевладельцами, было очевидно, что именно добровольные соглашения будут скорее исключениями. Это фактически признавалось и в записке в рассуждениях об опасности слишком упорного отстаивания нерушимости принципа частной собственности, которое может привести лишь к тому, «что владельцы лишатся всего». Как и мигулинская записка, проект Кутлера предусматривал принудительный выкуп земель, сдаваемых в аренду, и сохранение за помещиками имений, эксплуатируемых ими самими.²

Идея принудительного отчуждения и просьбы Крестьянского банка не вздуть земельные цены вызвали яростное сопротивление поместного дворянства. Действия банка, в частности, подверглись резкой критике на съезде губернских и уездных предводителей дворянства в Москве 7–11 января 1906 г. Выступавший на съезде представитель банка В. К. Нардов тщетно пытался убедить предводителей в

¹ Ю. Б. Соловьев датирует проект Кутлера первой половиной ноября 1905 г., считая, что составленная в 20-х числах того же месяца записка (автором которой М. С. Симонова называет Гурко), посвящена критике этого проекта (*Соловьев Ю. Б.* Самодержавие и дворянство в 1902–1907 гг. Л., 1981. С.196). Но в записке ни разу не упоминается проект, а критикуется лишь общая идея принудительного отчуждения, существование которой ни для кого не составляло секрета. Проект же, на мой взгляд, мог быть начат разработкой только после передачи Витте Николаем записки Мигулина, поскольку это могло быть расценено как косвенное указание на готовность принять такую идею.

² Аграрный вопрос в Совете министров (1906 г.). М.; Л., 1924. С.27–50.

невозможности для банка платить запрашиваемую помещиками цену, основанную на арендных платежах, и дважды оговаривался, что банк будет заниматься только добровольными сделками до тех пор, пока нет закона о принудительном отчуждении.¹ В эти самые дни Витте поставил проект Кутлера на обсуждение Совета министров. Представляя его затем 10 января Николаю в качестве предварительного наброска, Витте специально оговаривал, что кутлеровский закон составлен «на основаниях более мягких, нежели известный Вашему величеству проект профессора Мигулина». Отметив, что в Совете министров были сторонники проекта, но не назвав их и не определив своей позиции (т. е. подставив под удар одного Кутлера), Витте докладывал, что кабинет счел «более правильным отложить окончательное обсуждение этого дела», создав для того специальное междуведомственное совещание.² Иными словами, Витте исходил из возможности еще вернуться к этому вопросу.

Резко негативная реакция Николая и его публичные заявления в защиту права собственности помещиков³ не только прервали работу над проектом и привели к увольнению Кутлера 4 февраля, но и вдохновили помещичью реакцию на еще более настойчивое сопротивление виттевскому аграрному курсу. По тому же докладу 10 января Витте получил согласие Николая на создание при ГУЗиЗ комиссии для разработки правил выхода крестьян из общины. Но, почувствовав непрочность позиции Кутлера, министр внутренних дел П. Н. Дурново созвал такое совещание при Земском отделе МВД, и Кутлер не решился прекословить.⁴ Вслед за тем Дурново опротестовал циркуляры Крестьянского банка о земельных ценах как «акт нарушения прав частной

¹ Съезд губернских и уездных предводителей дворянства 7–11 января 1906 г. Москва, Журнал заседания 8 января. С.3–6 (журналы каждого заседания имеют собственную лагинацию).

² Аграрный вопрос в Совете министров. С.76–80.

³ Соловьев Ю. Б. Указ. соч. С.197.

⁴ Аграрный вопрос в Совете министров. С.80–82.

собственности» и «требование продажи земли во что бы то ни стало».¹

Кампания помещичьих протестов против действий Крестьянского банка приняла в январе–феврале 1906 г. массовый характер. По позднему свидетельству Гурко, указ 3 ноября 1905 г. был с радостью встречен помещиками, увидевшими в нем возможность спасти хотя бы часть своих владений.² Об этом же свидетельствовало и массовое предложение помещичьих земель к продаже с лета 1906 г. Но поместное дворянство хотело получить за свои имения максимальную цену, даже выше средней за пять предреволюционных лет.³ Совершивший в январе–феврале поездку по ряду губерний Нардов в письмах, адресованных Путилову и передававшихся для ознакомления Кутлеру до отставки последнего, писал, что повсеместно на земских собраниях «владельцы с пеной у рта, буквально с бешенством показывают то место циркуляра, где Вы говорите о трудности удержать за собой земли и рекомендуете продавать их», Кутлера же называют «мерзавцем, висельником, анархистом».⁴ Пользуясь недовольством поместного дворянства, сановные противники Витте, обвиняя Кутлера, Шипова и Путилова в «революционных замыслах», усилили давление с целью отставки Витте и замены его «лицом более твердых государственных принципов».⁵

В этих условиях Витте и его сотрудники сосредоточили свои усилия на доказательстве того, что быстрое расширение операций Крестьянского банка и, следовательно, умеряющее воздействие его на аппетиты помещиков есть единственный способ избежать принудительного отчуждения. На рубеже

¹ П. Н. Дурново — И. П. Шипову 28 января 1906 г. // РГИА. Ф.592. Оп.1. Д.326. Л.1–2.

² Гурко В. И. Наше государственное и народное хозяйство. СПб., 1909. С.43–44.

³ Справка по Крестьянскому банку 8 марта 1906 г. // РГИА. Ф.592. Оп.44. Д.60. Л.66.

⁴ В. К. Нардов — А. И. Путилову 28 февраля 1906 г. // Там же. Оп.1. Д.326. Л.33, 41.

⁵ Витте С. Ю. Указ. соч. С.208–210.

января–февраля при обсуждении в Государственном совете порядка выдачи ссуд банка Путилов напоминал, что по мнению местных властей, «крестьяне нетерпеливо ждут земли», и если к весне Крестьянским банком ничего не будет сделано, «могут вспыхнуть новые беспорядки». Путилов доказывал необходимость продемонстрировать крестьянам, что манифест 3 ноября 1905 г. получает быстрое осуществление. Развивая аргументацию Путилова, Витте подчеркивал, что операции Крестьянского банка показывают отрицательное отношение правительства к вопросу о принудительном отчуждении земли.¹

В действительности позиция правительства была не столь однозначна. 10–24 февраля Совет министров по предложению Николая обсуждал проект манифеста, подтверждающего неприкосновенность частной собственности. Параллельно шло обсуждение проекта организации землеустроительных комиссий. В обоих вариантах указа об их создании, подготовленных ГУЗиЗ, которым в этот период временно управлял Кривошеин, а также в мемории Совета министров делалась оговорка о вероятности принудительного отчуждения для устранения чересполосности крестьянских и помещичьих угодий, обеспечения прохода к водопоям и т.п.² Хотя, таким образом, речь шла лишь о специальных целях принудительного отчуждения, Витте явно стремился оставить за властью возможность прибегать к этой мере в случае нового подъема аграрных волнений. Об этом свидетельствовала и позиция, занятая им на петергофском совещании под председательством Николая в апреле. Особенно отчетливое понимание того, что такую ситуацию нельзя еще считать исключенной, чувствовалось на местах. Сообщая о недовольстве помещиков предлагаемыми Крестьянским банком ценами, Нардов в конце февраля писал и об убежденности крестьян, что «земля все равно должна перейти» к ним, и считал неизбежным прибегнуть к «закону об экспроприации», ибо без него

¹ Журнал Государственного совета 26 января и 3 февраля 1906 г. // РГИА. Ф.1152. Оп.13. 1906. Д.18. Л.145, 150–151.

² Аграрный вопрос в Совете министров. С.125, 134, 136.

«невозможно устроить крестьян».¹ Для понимания атмосферы зимы 1906 г. показательны и позднейшие рассуждения А. П. Никольского, в марте–апреле 1906 г. возглавлявшего ГУЗиЗ. В 1909 г. он говорил, что «призыв банка спешить с продажей земли прозвучал призывом поторопиться добровольным отчуждением, может быть, в предупреждение отчуждения принудительного, которое тогда носилось в воздухе».²

Лишь в подготовленном к июню 1906 г., уже после замены кабинета Витте правительством Горемыкина, проекте ГУЗиЗ об улучшении и расширении крестьянского землевладения, в формулировках, носивших отголосок недавних полемик, категорически утверждалось, что «огульное принудительное отчуждение частной земельной собственности» не допускалось донныне ни одним государством и что подобная мера произвела бы резкий переворот в социальной и экономической жизни государства, а потому прежде, чем предлагать ее, «необходимо прийти к беспрекословному убеждению в полной невозможности достигнуть тех же результатов без насильственной ломки существующих правоотношений». Отрицая принудительное отчуждение помещичьих земель, проект ГУЗиЗ (возглавляемого в то время А. С. Стишинским) исходил еще из необходимости массовой добровольной их продажи. В основе расчетов все еще лежало доведение крестьянских наделов до норм 1861 г., для чего, по мнению авторов проекта, требовалось 18 млн десятин в черноземных и 14 млн в нечерноземных губерниях. Весь требуемый фонд в Нечерноземье и 4 млн десятин в черноземных губерниях предполагалось получить за счет казенных земель, а 14 млн десятин в черноземной зоне нужно было купить у помещиков, что считалось возможным осуществить за пять лет.³

¹ В. К. Нардов — А. И. Путилову 28 февраля 1906 г. // ЦГИА. Ф.592. Оп.1. Д.326. Л.34, 47.

² Государственный совет. Сессия четвертая. 1908–9 годы. СПб., 1909. Стб.1700.

³ РГИА. Ф.1276. Оп.2. Д.385. Л.20.

На протяжении 1906 г. сохранилось и стремление Министерства финансов умерить расходы на создание земельного фонда Крестьянского банка. В циркулярах Путилова речь все время шла о том, что покупная цена на землю должна строиться, исходя из «той доходности, которую может получить ее будущий владелец крестьянин», поскольку иначе он не сможет покрыть ссуду банка.¹ В августе Министерство финансов подняло вопрос о нежелательности покупать имения с ценными усадьбами, промышленными предприятиями и лесами, продать которые крестьянам невозможно. Совет министров, отметив, что в ряде случаев покупать такие имения придется,² оговаривал: «само собою разумеется, однако, что цена... будет по необходимости определяться той пониженной против действительной стоимостью, которую возможно выручить за имение при условии спешной его ликвидации».³

Вопрос о реальном влиянии операций Крестьянского банка на земельные цены сложен. Поместное дворянство традиционно выступало с позиций обиженной стороны. Член Совета Дворянского банка Г. Д. Крупенский плакался в октябре 1906 г., что сделки, совершаемые под угрозой крестьянских погромов, носят «до известной степени характер принудительного отчуждения».⁴ С другой стороны, ходячим местом в критике Крестьянского банка в оппозиционной прессе и в советской литературе является утверждение, будто банк вздувал цены в интересах помещиков. Этому способствовал отчасти и сам банк, когда, отбиваясь от обвинений объединенного дворянства, в своих изданиях 1909–1914 гг. усиленно подчеркивал, что предпринял скупку дворянских имений в 1906 г. для того, чтобы предотвратить резкое

¹ Там же. Ф.592. Оп.44. Д.87. Л.25.

² Официально при этом говорилось об отсутствии других путей обеспечить крестьян землей, но фактически дело было в желании влиятельных продавцов сбыть свои имения банку. Так в 1908 г. были куплены лесные угодья тогдашнего управляющего ГУЗиЗ Б. А. Васильчикова.

³ Особые журналы Совета министров царской России. 1906 год. М., 1982. Вып. 2. С.284.

⁴ РГИА. Ф.592. Оп.44. Д.440. Л.318.

падение цен. Сопоставление средних цен, по которым банк покупал помещичьи имения в 1895–1905 гг. и 1906–1910 гг., само по себе недоказательно, ибо не учитывает тенденцию роста земельных цен, наблюдавшуюся вне зависимости от операций банка, и перенесение этих операций в районы с более высокими ценами. Разумеется, ни кабинет Витте, ни тем более его преемники не могли и не собирались пользоваться чрезвычайными обстоятельствами для скупки помещичьих владений по дешевке. Но столь же естественно, что при резко возросшем объеме операций Крестьянского банка и при планировавшемся еще большем их размахе Министерство финансов было озабочено введением предстоящих расходов в определенные пределы и не могло платить цены, установленные на основании арендных платежей.

Революция 1905–1907 гг. поставила перед царизмом аграрный вопрос как первоочередную не только социально-политическую, но и финансово-экономическую проблему. Поскольку в 1906 г. главным рычагом решения аграрного вопроса считался Крестьянский банк, финансовая сторона дела состояла в том, как обеспечить банк средствами для покупки (добровольной или принудительной) помещичьих земель.

Весной 1905 г., предлагая возобновить операции банка, Кокцов исходил в своих расчетах из данных 1903 г. (последнего перед войной и революцией), когда общая сумма ссуд составляла 60 млн рублей. Но даже этот явно недостаточный в условиях революции размах деятельности банка был ему недоступен. 4%-ные свидетельства банка не пользовались спросом и курс их составлял 80% номинала. В портфеле сберегательных касс уже скопилось свидетельств банка на сумму свыше 300 млн рублей, причем из помещенных в фонд сберкасс за 1902 — март 1905 г. свидетельств на 159,5 млн рублей «крепким держателям» удалось продать всего на 55 млн. К тому же при продаже ниже номинала банк нес убытки и при объеме ссуд в 60 млн рублей в год весь его собственный (запасный) капитал и поступающие прибыли были бы израсходованы за 3 года. Для того чтобы обеспечить реализацию свидетельств в публике хотя бы по 90% номинала, нужно было гаранти-

ровать по ним 5% дохода, но это вызвало бы падение курса других государственных бумаг. В итоге Комитет финансов решил с возобновлением покупок земли за счет банка с 14 июля 1905 г. выпускать 4,5%-ные свидетельства, одновременно повысив на 0,5% и платежи крестьян по ссудам. Это не избавляло банк от убытков, но растягивало процесс растраты его собственного капитала. Соглашаясь с решением Комитета финансов как с наименьшим злом, представители Кредитной канцелярии предупреждали, что усиленный выпуск и 4,5%-ных свидетельств вызовет сложности с их размещением и будет препятствовать выпуску других займов и получению средств, необходимых для ведения войны.¹

После манифеста и указа 3 ноября 1905 г. стало ясно, что речь идет не о 60 млн рублей в год. В Горемыкинском Советании Кривошеин предложил перейти к деятельности Крестьянского банка непосредственно на государственные средства, поскольку банк «сходит с почвы чисто кредитного учреждения», превращаясь в землеустроительное. Его поддержали Горемыкин, Глинка, В. Ф. Трепов и член Государственного совета А. С. Брянчанинов. Глинка при этом упирал на то, что разрешение банку оперировать деньгами, полученными из казначейства, «внесет успокоение в общество и народ», которые увидят, что у банка есть средства «мирного разрешения аграрного вопроса». Трепов и Брянчанинов подчеркивали выгодность момента, ибо «в настоящее время под давлением аграрных беспорядков помещик и по самой дешевой цене готов продать свою землю». Путилов, напротив, отмечал, что «помещичьи аппетиты, и без того значительные», еще больше возрастут от известия о возможности дополнительных ассигнований банку из казны.² Спор, впрочем, носил академический характер, ибо казна была пуста.

¹ Журнал совещания 4 мая 1905 г. по вопросу об установлении размера роста по вновь выпускаемым в обращение свидетельствам Крестьянского банка // Там же. Ф.593. Оп.1. Д.399. Л.131-137.

² Протокол Особого совещания о мерах к укреплению крестьянского землевладения 22 ноября 1905 г. // Там же. Ф.1212. Оп.1. Д.3. Л.83-89.

В этой связи Министерство финансов разработало новый план. Во-первых, оно предлагало теперь выпускать 5%-ные свидетельства Крестьянского банка. Собственные соображения об угнетающем воздействии таких свидетельств на курс других займов были отброшены, ибо русско-японская война уже закончилась, а все другие нужды отступали на задний план перед восстановлением спокойствия в деревне. Больше того, покупателям свидетельств предполагалось предоставить дополнительные льготы — освободив доход по ним от налога и гарантировав погашение займа на протяжении 1911–1921 гг. Во-вторых, расчеты с землевладельцами за купленные имения предлагалось вести не наличными, а свидетельствами банка. Снова повторялась ситуация 1861 г., когда правительство предполагало, что помещики будут жить на процент от выкупных свидетельств, а не реализуют их немедленно по пониженному курсу. Но, учитывая уроки выкупной операции, вводился и еще один способ расчета — запись долга банка в особую книгу без выдачи обязательств на руки. В таком случае уплачиваемый процент повышался до 5,5. Наконец, в-третьих, Министерство финансов считало возможным не включать в выплачиваемые помещикам суммы ту часть, которая нужна была для покрытия долга другим ипотечным банкам, а переводить этот долг на Крестьянский банк. Со всеми этими ограничениями, целью которых было сократить общую массу новых свидетельств, открыто появляющихся на рынке, и тем удержать их курс, финансовое ведомство исчисляло необходимую сумму нового займа Крестьянского банка в 1906–1907 гг. в 500 млн рублей. Для того, чтобы разместить его на рынке, требовалось сократить выпуск конкурирующих с ним закладных листов Дворянского банка. Поэтому к сохранным в июне ограничениям деятельности Дворянского банка (перезалог не ранее, чем через пять лет) предлагалось добавить выдачу ссуд не наличными, а закладными листами с одновременным повышением процента по ним с 4 до 4,5.¹

¹ Представление Министерства финансов 20 декабря 1905 г. // Там же. Ф.1152. Оп.13. 1906. Д.18. Л.2–9.

Государственный совет, по просьбе Витте срочно занявшийся проектом, в общем поддержал его. Выступая с разъяснениями, Путилов отмечал, что банку в ближайшее время понадобится 1 млрд рублей. Переводом долга Дворянскому банку на Крестьянский эта сумма может быть сокращена на 25%, но остальное можно получить только выпуском новых свидетельств и записью долга в особую книгу с погашением его в течение 15 лет. Совет заменил запись в книгу выдаваемыми на руки именными обязательствами, повысив платежи по ним до 6% в качестве компенсации за согласие подождать с получением платы за землю, но выразил сомнение в том, что эта операция получит широкое распространение. Превращение и 5%-ных свидетельств в краткосрочные Государственный совет счел невозможным, поскольку для их погашения пришлось бы заключать новые займы, а это затруднило бы другие государственные кредитные операции.¹ Специальным законом был разрешен и перевод на Крестьянский банк долгов другим ипотечным учреждениям, для чего Министерству финансов пришлось предварительно получать согласие частных земельных банков.²

Утвержденные Николаем 21 марта и 24 апреля законы не прибавили немедленно средств Крестьянскому банку. В июне 1906 г. на специальном совещании выяснилось, что 5%-ные свидетельства не имеют биржевой ценности и их невозможно реализовать даже по низкому курсу. Нельзя было рассчитывать и на сберкассы, в портфеле которых в тот момент находилось 95% 4%-ных и 4,5%-ных свидетельств. Только что заключенный во Франции государственный займ, спасший царизм от краха золотого обращения, на несколько лет закрыл для России иностранный денежный

¹ Журналы Государственного совета в Соединенных департаментах 26 января и 3 февраля 1906 г. и в Общем собрании 6 и 8 марта 1906 г. // Там же. Л.145-169, 225-239.

² Журнал Государственного совета в Общем собрании 15 апреля 1906 г. // Там же. Д.65. Л.112-120.

рынок¹ (впрочем, для Крестьянского банка и ранее негостеприимный). Стишинский пытался оспорить печальную действительность и просил добыть хотя бы 100–150 млн рублей, подчеркивая, что от деятельности банка зависит, будет ли аграрная проблема разрешена путем мирной эволюции или революционным мятежом. Для обеспечения операций Крестьянского банка совещание решило сделать главную ставку не на свидетельства, а на именные обязательства. Поскольку выдача их на руки создавала предпосылки их появления на рынке, совещание рекомендовало сдерживать их реализацию — только для мелких помещиков и для погашения лежащих на покупаемых имениях недоимок и частных долгов. Чтобы и в этом случае сократить обращение к рынку, предлагалось мобилизовать на скупку обязательств запасные капиталы ведомственных эмеритальных и пенсионных касс.²

Коковцов буквально скреб по сусекам, прося ведомства вкладывать в бумаги Крестьянского банка доходы их специальных капиталов. По его признанию, ведомства откликнулись «крайне туго», и в сентябре Совет министров обязал вкладывать в именные обязательства половину свободных средств пенсионных и эмеритальных касс.³ За 1906–1907 гг. от казенных учреждений удалось получить 4,3 млн рублей и от сберкасс 5 млн рублей,⁴ что покрывало менее 5% стоимости выданных именных обязательств. Тем не менее, по мнению Коковцова, этого оказалось достаточно для предупреждения падения курса обязательств ниже 90%. В 1908 г. курс их начал расти, и с 14 октября 1908 г. обращение резервов эмеритальных и пенсионных касс на

¹ *Ананьич Б. В.* Россия и международный капитал 1897–1914. Очерки истории финансовых отношений. Л., 1970. С.203.

² Журнал Совещания по вопросу об усилении деятельности Крестьянского банка 15 июня 1906 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.26. Д.153. Л.2–7.

³ Особые журналы Совета министров... 1906 г. Вып. 2. С.407–412.

⁴ Справка по Крестьянскому банку. Б/д. // РГИА. Ф.592. Оп.1. Д.327. Л.175.

покупку бумаг Крестьянского банка было прекращено. Через полгода был прекращен и выпуск именных обязательств.¹

В конечном итоге законы 21 марта и 24 апреля 1906 г. и осуществленная июньским совещанием преимущественная ориентация на именные обязательства помогли Крестьянскому банку справиться с его операциями. Правда, перенесение с 1907 г. центра тяжести аграрной политики царизма на борьбу против общины и постепенное успокоение помещиков, сокративших предложение своих имений к продаже, сделали операции банка в 1906–1907 гг. не столь масштабными, как это предполагалось. Тем не менее, за два эти года банк затратил на покупку 2,6 млн десятин помещичьих земель 281,5 млн рублей и выдал крестьянам ссуд (в основном посреднических) на 171 млн рублей. На покрытие этих расходов были выпущены 4,5%-ные свидетельства на 53,8 млн рублей, 5% — на 53,6 млн рублей и 6%-ные обязательства на 205,1 млн рублей. Кроме того, на банк было переведено 107,8 млн рублей долга другим ипотечным учреждениям.² Таким образом, лишь $\frac{1}{4}$ нового долга Крестьянского банка была хотя бы формально проведена через денежный рынок и это способствовало относительной устойчивости его бумаг. Всего за 1906–1907 и последующие годы банк выпустил именных обязательств на 370,5 млн рублей и принял на себя долгов на 207 млн рублей (из них Дворянскому банку — 160,4 млн).³ К 1 января 1914 г. большая часть обязательств была выкуплена за счет выпуска обыкновенных свидетельств⁴ (в частности на 100 млн рублей на французском денежном рынке). С апреля 1912 г. был прекращен перевод долгов на Крестьянский банк.

¹ Собрание узаконений... 1908. Отд. 1. № 188. Ст.1652; 1909. Отд.1. № 80. Ст.644.

² Справка «О деятельности Крестьянского банка». Май 1908 г. // РГИА. Ф.592. Оп.44. Д.463. Л.311–317.

³ Справка о переводе долгов на Крестьянский банк. Б/д. После 1 января 1912 г. // Там же. Оп.1. Д.324. Л.207–210.

⁴ Министерство финансов (1904–1913). СПб., Б/г. С.61–62.

Революция 1905–1907 гг. не остановила полемику об основном направлении экономического курса страны. Как в 1900–1903 гг. промышленный кризис, так и после 1905 г. революция стали аргументами в системе доказательств противников индустриализации, проводившейся Витте в 90-е гг. В утверждении, что покровительство промышленному развитию привело к упадку сельского хозяйства, а тот, в свою очередь, послужил причиной общего политического и социального кризиса страны сходились как критики политики Витте из праводворянского лагеря, так и либеральные лидеры. Требование пересмотра финансовой политики правительства содержалось и в ряде документов, исходивших из кругов правящей бюрократии. Оно, как отмечалось, имелось в записке «Земельная политика...», а затем с большей или меньшей определенностью повторялось в документах ГУЗиЗ 1906–1907 гг.

В то же время финансовое положение страны в 1905–1907 гг. было таким, что о реальном выборе активной экономической политики говорить было трудно. Как вспоминал позднее Коковцов, до конца 1907 г. правительство не имело возможности даже «думать о какой-либо созидательной политике».¹ За 1904–1906 гг. государственный долг России вырос на 2 млрд рублей или на 30%, что примерно равнялось расходам на русско-японскую войну.² На рубеже 1905–1906 гг. золотое обращение в стране висело на волоске и был заготовлен указ о его отмене.³ Под разговоры о переобременении платежных сил крестьян в 1905 г. были повышены некоторые прямые налоги и цена на водку, что принесло в бюджет соответственно 41 и 30 млн рублей.⁴ Только французский займ 1906 г., давший чистую выручку

¹ Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Париж, 1933. Т.2. С.370.

² Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1905 г. СПб., 1906. С.11.

³ Ананьич Б. В. Указ. соч. С.164–165.

⁴ Журнал Государственного совета в Департаменте экономики 20 декабря 1905 г. // РГИА. Ф.1152. Оп.13. 1905. Д.196. Л.124–125.

в 698,9 млн рублей,¹ позволил сбалансировать бюджет 1906 г. и избежать краха.

В июне 1906 г. Министерство финансов подчеркивало, что для сведения без дефицита бюджета на 1907 г. «необходимо не только совершенно отказаться от всякого увеличения кредитов против росписи 1906 года за исключением случаев безусловной необходимости, но и подвергнуть пересмотру в целях решительного сокращения расходы всех ведомств, в особенности же военного и морского, как поглощающих значительную часть нашего бюджета». Финансовое ведомство считало также нужным «всеми мерами стремиться к отсрочке таких по ведомствам преобразований, осуществление которых связано с новыми расходами из казны».² В августе Коковцов предупреждал, что новый внешний займ невозможен «как по общим условиям денежного рынка, так и в особенности по неопределенности нашего внутреннего положения», а потому необходимо сокращать расходы.³ Вскоре, однако, Коковцову пришлось снова жаловаться Столыпину как «главному руководителю общей политики» на ведомства, особенно военное, заявляющие все новые требования, ставящие казну «в положение полной безвыходности». «Я, — настойчиво повторял Коковцов, — не усваиваю себе такого порядка ведения государственного хозяйства, при котором казначейство открывает кредиты на новые потребности, не имея на то каких-либо ресурсов».⁴

Вопрос об изыскании таких ресурсов был в центре внимания полемики в верхах в феврале–апреле 1907 г. Начавший полемику Витте считал единственным или во всяком случае лучшим путем дальнейшее заключение внешних займов. Коковцов и поддержавшие его руководители

¹ Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1905 г. С.11. По данным Б. В. Ананьича выручка от займа 1906 г. составила 677 млн рублей // *Ананьич Б. В. Указ. соч.* С.200.

² Представление Министерства финансов 23 июня 1906 г. // РГИА. Ф.560. Оп.26. Д.26. Л.63.

³ Особые журналы Совета министров... 1906 г. Вып. 2. С.218.

⁴ В. Н. Коковцов — П. А. Столыпину 5 сентября 1906 г. // РГИА. Ф.560. Оп.26. Д.31. Л.174.

Государственного контроля и Государственного банка исходили, напротив, из того, что чрезмерная задолженность может привести к расстройству кредита и всего финансового положения страны.¹ Из этого вытекала необходимость изыскать внутренние ресурсы, источником которых могло быть только новое налогообложение. В апреле 1907 г. Министерство финансов внесло в Думу подготовлявшийся с февраля (т.е. параллельно с происходившей полемикой с Витте) проект введения новых и преобразования некоторых старых налогов. Финансовое ведомство подчеркивало, что в результате войны и революции «в последние три года естественное развитие деятельности в различных частях государственного управления соответственно нормальным запросам жизни страны приостановилось», а теперь придется не только возмещать отложенные расходы, но и учитывать новые. Специально выделялись при этом расходы — на оборону, на землеустройство, на введение всеобщего начального обучения, на железнодорожное строительство, значительно отставшее от требований, которые вправе предъявить к транспорту «насущнейшие интересы страны»,² и на проведение реформы местного управления и суда. Министерство предлагало ввести подоходный налог с сохранением существующих налогов с земли, недвижимого имущества и капитала, изменить порядок взимания налога на наследство и недвижимость, рассчитывая, что это даст общее повышение прямых налогов на 50–55 млн рублей или на 30%. Такой результат, подчеркивалось в записке министерства, не покроет даже убыли от отмены выкупных платежей, а, следовательно, ни о каком понижении косвенного обложения, основного источника доходов российского бюджета, не может быть и речи. Наоборот, министерство предлагало увеличить акциз на табак и ввести налог на папиросные

¹ *Ананьич Б. В.* Указ. соч. С.254–260; *Шепелев Л. Е.* Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1987. С.125–126.

² По подсчетам МПС только на приведение в порядок существующей сети казенных железных дорог на ближайшее пятилетие требовалось 916 млн рублей.

гильзы и бумагу.¹ Это было продолжением линии Витте, весной 1905 г. предсказывавшего, что как бы быстро ни развивались промышленность и города, казна еще долго будет «черпать большую часть своих ресурсов среди сельского населения».²

Несмотря на рост обыкновенных доходов в 1907 г. на 70 млн рублей или на 3% (наиболее значительным оказался прирост промыслового налога — 16,7 млн рублей или 20%), общий бюджет был сведен с дефицитом,³ покрытым «свободной наличностью», образованной займом 1906 г. Это побуждало Коковцова продолжать политику сдерживания расходов. В объяснительной записке к росписи на 1908 г., представленной в III Думу, он вновь признавал неудовлетворенность в прошлом «многих важнейших нужд государства» и возникновение новых потребностей, связанных с крупными расходами. Он признавал также распространенность упреков ведомству в намеренном занижении предполагаемых доходов ради образования свободной наличности. Но, доказывая он, «в России слабое развитие промышленности, недостаток удовлетворительных путей сообщения, малая культурность и бедность земледельческого класса, составляющего преобладающий процент населения, — все это значительно усиливает трудность предвидения доходных поступлений. Наше финансовое положение зиждется, главным образом, на урожаях хлебов, которые, в свою очередь, зависят от метеорологических условий». К этому Коковцов добавлял, что и хлебный экспорт уже достиг предела, за которым не может развиваться так быстро, как раньше, ибо ни рост урожаев, ни спрос на зерно за границей не могут гарантировать прежнего темпа увеличения экспорта в 10%

¹ Представление Министерства финансов 17 апреля 1907 г. // РГИА. Ф.560. Оп.26. Д.634. Л.302–312.

² Журнал Государственного совета в Соединенных департаментах... 10 марта 1905 г. // РГИА. Ф.1152. Оп.13. 1905. Д.36. Л.114.

³ Подсчитано по: Объяснительная записка к отчету государственного контролера по исполнению государственной росписи и финансовых смет за 1908 г. СПб., 1909. С.7–9, 42, 61.

в год.¹ Из этого вытекал вывод, сделанный Коковцовым уже непосредственно в думской речи: творить в связи с бюджетом, «в каком состоянии находится экономическое положение страны, достаточно ли развит наш земледельческий промысел, правильно ли стоит наша обрабатывающая промышленность — едва ли своевременно».²

Подчеркнутое стремление Коковцова ограничиться составлением бюджета, уходя от обсуждения общих экономических проблем, вызвало упреки в отсутствии у правительства народнохозяйственной программы, высказанные не только кадетским лидером П. Н. Милюковым, но и представителем октябристов А. В. Еропкиным. Раздосадованный в особенности насюками последнего, еще недавно служившего в Министерстве финансов, Коковцов сформулировал «евангельские истины», составляющие его финансово-политическое кредо: «жить по средствам, подчинять расходы тем доходам, которыми вы располагаете, избегать излишних займов, потому что займы чрезвычайно тяжелы, так как по ним надо платить, и наконец, соблюдать бюджетное равновесие».³

Разумеется, реальная программа Коковцова была шире. Коковцов был последовательным сторонником промышленного развития страны и привлечения в этих целях иностранного капитала. В этом, как и в явно скептическом отношении к продуктивности усиленного привлечения вложений в сельское хозяйство, он продолжал линию Витте. Но Коковцов, во-первых, был против того форсированного индустриального развития, к которому прибегал Витте, создавая для целых отраслей промышленности условия всемерного благоприятствования. Когда в 1911 г. Министерство торговли и промышленности предложило пойти на переплату русским

¹ Проект государственной росписи доходов и расходов на 1908 г. с объяснительною запискою министра финансов. СПб., 1907. С.17, 21, 22, 142.

² Государственная дума. Стенографические отчеты. III созыв. Сессия 1. Ч.1. СПб., 1907. Стб.698.

³ Там же. Ч.III. СПб., 1908. Стб.3588.

заводам за построенные ими суда ради содействия отечественному судостроению, Коковцов возразил: «...всякая отрасль промышленности может создаваться и поддерживаться только естественным путем, как результат спроса. При наличии благоприятных экономических условий соответствующая отрасль промышленности создается сама собой, при отсутствии же их она всегда будет владеть жалкое существование».¹ На этой позиции Коковцова явно сказывался опыт кризиса 1900–1903 гг., в связи с чем он подчеркивал: «...искусственное насаждение промышленности, напр. металлургической, ведет всегда к последующим потрясениям промышленности».² Во-вторых, Коковцов действовал в условиях, когда политика насаждения промышленности изжила себя. С одной стороны, промышленность уже не нуждалась в государстве для привлечения иностранных капиталов, а с другой — достигла такого уровня, когда правительство, тем более оказавшееся в трудных финансовых условиях, и не могло содействовать их привлечению в нужных масштабах.³

В то же время лидеры тяжелой индустрии по-прежнему претендовали на экономические (и не только таможенные) меры покровительства. В мае 1908 г. на совещании о положении металлургической и машиностроительной промышленности металлозаводчики требовали от правительства, чтобы оно разработало долгосрочный план железнодорожного строительства и тем обеспечило их заказами. Обосновывая это требование, Ю. Гужон заявлял: «нас привлекли к металлургической промышленности именно тем, что говорили: стройте, увеличивайте предприятия, вы можете рассчитывать на громадную будущность. Теперь, когда заводы построены, у казны денег нет. Поэтому мы и требуем, чтобы

¹ В. Н. Коковцов — С. И. Тимашеву 5 мая 1911 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.7. Д.83. Л.334.

² Черновая запись заседания Совета министров. Лето 1911 г. // Там же. Л.146.

³ См. подробнее: *Шепелев Л. Е.* Указ. соч. С.118–119, 126–127.

правительство искало и находило деньги, мы требуем этого, а не попрошайничаем».¹

Со своей стороны, некоторые деятели Министерства торговли и промышленности все еще находились в кругу идей, на которых строилось виттевское насаждение промышленности. Об этом свидетельствует и составленная в 1908 г. записка одного из чиновников МТиП В. В. Прилежаева,² и брошюра бывшего директора Департамента железнодорожных дел В. В. Максимова. Максимов предлагал создать специальный банк долговременного промышленного кредита, поскольку, как он считал, прямо в промышленные предприятия России иностранный капитал после кризиса 1900–1903 гг. и революции не пойдет. Максимов явно рассчитывал на особые отношения банка с казной, оговаривая, что представители Министерства финансов будут пользоваться в нем такими же правами, как и в акционерных земельных банках.³ В подготовленном затем управляющим Отделом промышленности МТиП В. П. Литвиновым-Фалинским проекте устава уже прямо говорилось о частичной казенной гарантии облигаций банка или приобретении части их казначейством.⁴ Не возражая в принципе против создания такого банка, Коковцов сразу предупреждал, что по его «твердому убеждению» банк промышленного кредита «должен быть строго частным учреждением без всякого участия казны».⁵ Таким образом, сопротивляясь требованиям увеличить производительные расходы казны, Коковцов имел в виду и старые виттевские формы покровительства промыш-

¹ Стенограмма совещания о положении металлургической и машиностроительной промышленности. Май 1908 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.4. Д.296. Л.59.

² Шепелев Л. Е. Указ. соч. С.136–137.

³ В. В. М. Проект банка промышленного кредита. СПб., 1909. С.1–29. С дарственной надписью В. В. Максимова С. И. Тимашеву.

⁴ В. П. Литвинов-Фалинский — С. И. Тимашеву 5 декабря 1909 г. // РГИА. Ф.23. Оп.1. Д.48. Л.1, 4–5.

⁵ В. Н. Коковцов — В. И. Тимирязеву 25 апреля 1909 г. // Там же. Ф.587. Оп.56. Д.367. Л.1–2.

ленности, хотя, конечно, прежде всего отбивался, как будет показано ниже, от ГУЗиЗ и аграрных кругов.

Представляя бюджет на 1909 г., Коковцов повторил и развил свою проповедь необходимости жить по средствам. Он подчеркивал, что и косвенное обложение предметов массового потребления, и обращение к займам даже на такие производительные цели, как железнодорожное строительство, имеют пределы, за которыми они становятся связанными «с очевидным ущербом для кредита государства». Тем не менее, напоминал он, уже сейчас расходы на строительство железных дорог покрываются за счет займов, а в 1909 г. понадобится внешний займ и на сведение баланса по иным чрезвычайным расходам.¹ «Как бы заманчив, — подводил Коковцов итог своим рассуждениями, — ни был путь быстрого устройства государственной жизни и щедрого отпуска средств на различные нужды культурной жизни страны, — этот путь, не обставленный должной осмотрительностью, грозит всякому государству крайне тяжелыми последствиями и в особенности опасен для страны, только что пережившей невзгоды войны и внутренней смуты. Для нашей родины должен быть избран иной путь — медленного и постепенного развития государственных расходов, строго соразмеренных с наличностью средств, предоставляемых на то населением, без чрезмерного и непосильного обременения платежных его ресурсов».²

На протяжении 1907 — начала 1909 г. доводы Коковцова в целом производили впечатление на правоокутябристское большинство Думы. В феврале 1909 г. председатель бюджетной комиссии октябрист М. М. Алексеенко даже предлагал «приостановиться» с внешними займами, чтобы «заставить на некоторое время денежный рынок забыть о себе, как о просящем должнике».³ Тогда же Н. Е. Марков 2-й,

¹ Подробно история займа 1909 г. рассмотрена Б. В. Ананьичем: *Ананьич Б. В.* Указ. соч. С.233–254.

² Проект государственной росписи доходов и расходов на 1909 г. с объяснительною запискою министра финансов. СПб., 1909. С.142, 145.

³ Государственная дума. III созыв. Сессия II. Ч.II. СПб., 1909. Стб.1646.

внося от имени правых формулу перехода, содержащую призыв к увеличению «производительных расходов», главный упор делал на то, что «в настоящее время говорить о серьезных финансовых и экономических реформах несвоевременно».¹

Понимание этого сказалось и на отношении в 1907–1908 гг. к проектам Мигулина, продолжавшего пропагандировать идею Сельскохозяйственного банка, в создании которого он видел рычаг для решительного перераспределения притока капиталов в различные отрасли народного хозяйства. Следует отметить, что Мигулин не был сторонником исключительно сельскохозяйственного развития страны, и в его критике виттевского курса содержалось немало рационального. В 1907 г. Мигулин издал заключительный третий том своей истории русского государственного кредита. Текст тома носил следы более раннего происхождения. Его главный тезис состоял в критике «несостоятельности развития промышленности не сообразно с уровнем средств потребителя, а за счет увеличения заграничной государственной задолженности». Из этого вытекали упреки по адресу Витте за поощрение исключительно промышленности и призывы направить часть притока иностранных капиталов в сельское хозяйство. Для взглядов Мигулина были характерны, во-первых, убежденность в необходимости «государственного социализма» — широчайшего вмешательства государства в экономику, а во-вторых — вера в наличие в Западной Европе капиталов «необычайного обилия и дешевизны», которых хватит для оплодотворения всех отраслей народного хозяйства России.² Мигулин вряд ли имел твердые политические взгляды, хотя одно время рекламировал себя как конституционалиста и октябриста (может быть, потому, что приходился зятем М. М. Алексеенко). При всей откровенной неприязненности характеристики, данной Мигулину Витте в

¹ Там же. Стб.2021–2022, 2025.

² Мигулин П. П. Русский государственный кредит (1769–1899). Опыт историко-критического разбора. Т. III. Харьков, 1907. С.414, 418, 1108, 1193.

его «Воспоминаниях», Витте скорее всего был прав, когда считал «руководящим мотивом» всего, написанного Мигулиным: «я во что бы то ни стало хочу выплыть наверх».¹

Скорее всего именно поэтому «конституционалист» Мигулин с осени 1905 г. действовал через Д. Трепова и активно участвовал в выработке ряда документов Съезда сельских хозяев. Предложение создать Сельскохозяйственный банк было включено Мигулиным в записку, переданную Николаю в ноябре 1905 г. Там это предложение мотивировалось тем, что после принудительного отчуждения помещичьих земель и наделения ими крестьян последние будут нуждаться в кредите, и нельзя бросать их в экономическом смысле на произвол судьбы, как это было сделано в 1861 г. В таком контексте идея Сельскохозяйственного банка была бы закономерна, если не учитывать, что мигулинский проект 1902 г., который он далее повторял,² был рассчитан вовсе не на интересы крестьян. Это вскоре же выяснилось в ходе Съезда сельских хозяев в феврале 1906 г. В постановлении съезда по земельному вопросу, которое Мигулин редактировал вместе с такими зубрами как С. С. Бехтеев и Н. А. Павлов, уже полностью отрицалось наличие крестьянского малоземелья, а потому и необходимость «перераспределения» земли в пользу крестьян. Вместо этого выдвигалось требование, «чтобы отныне вся государственная экономическая политика прежде всего и немедленно была направлена в сторону покровительства по преимуществу отечественному земледелию и сельскохозяйственной промышленности всех ее видов». Для осуществления же государственного кредита сельскому хозяйству и организации экспортной хлебной торговли предлагалось создать Сельскохозяйственный банк.³ Ставя сразу на две карты, Мигулин вскоре подал новую записку Николаю, в которой опять писал о возможности принудительного отчуждения и предлагал создать некоторое подобие

¹ Витте С. Ю. Указ. соч. С.197.

² Записка П. П. Мигулина «К вопросу о земельном устройстве крестьян» // РГИА. Ф.1276. Оп.1. Д.133. Л.9–21.

³ Аграрный вопрос в Совете министров. С.154–157.

ответственного кабинета или, распустив Думу, изменить избирательный закон в сторону расширения круга пользующихся правом голоса (Мигулин явно рассчитывал, что осуществление его аграрного проекта привлечет голоса на сторону власти). Одним из элементов предлагаемой им аграрной реформы опять было создание Сельскохозяйственного банка.¹

В начале 1907 г. Мигулин обзавелся единомышленником в лице главы ГУЗиЗ Б. А. Васильчикова, который в феврале представил в Совет министров записку, излагавшую план перестройки всей системы аграрного кредита. Автором ее вне сомнения был Мигулин. В записке выражалось сожаление, что ГУЗиЗ все еще не сосредоточивает в своем подчинении все дела, связанные с аграрной политикой государства, в частности инициатива по устройству гражданского быта крестьян остается у МВД, а распределение земельного фонда через Крестьянский банк — у Министерства финансов. Ссориться со Столыпиным ГУЗиЗ не собиралось, поэтому весь удар был направлен против финансового ведомства.

В записке предлагалось слить Дворянский и Крестьянский банки в единый Государственный земельный, предоставляющий ипотечные, мелиоративные и переселенческие ссуды. Стремление заполучить Крестьянский банк в ГУЗиЗ стало с 1905 г. постоянным у всех руководителей сельскохозяйственного ведомства, причем и в их планах, и в предложениях видных аграриев (Бехтеева, Павлова, участников съезда предводителей дворянства в январе 1906 г.) предполагалось, как правило, и слияние его с Дворянским банком. Такая комбинация, с одной стороны, должна была расширить финансовые возможности ГУЗиЗ, а с другой — прикрыть бессловным флером кредитование поместного дворянства. В феврале 1906 г. Кривошеин, временно возглавивший ГУЗиЗ после отставки Кутлера и надеявшийся при покровительстве Николая закрепиться на этом посту, снова предложил соединить оба банка и передать их в ГУЗиЗ, что, одновременно с созданием землеустроительных комис-

¹ Там же. С.172–176.

сии, должно было сосредоточить в руках ведомства «всю земельную политику государства».¹ Несмотря на уже имеющееся согласие Николая, Витте провел через Совет министров отклонение плана, причем кабинет ссылаясь и на финансовые трудности его осуществления, и на неподготовленность самого ГУЗиЗ к объединению под своим руководством всего дела. Согласившись с финансовыми соображениями, но подчеркнув их временный характер, Кривошеин вновь отметил в особом мнении, что считает необходимым условием успеха землеустройства сосредоточение всей связанной с этим деятельности в ГУЗиЗ.²

Учитывая недавние столкновения, проект Васильчикова-Мигулина избегал категорических формулировок в вопросе о подчиненности Государственного земельного банка.³ Говорилось, что он может остаться в Министерстве финансов, а может получить и независимое управление, «будучи переведен в особое кредитное ведомство, если бы таковое было учреждено» (эта идея всплыла затем в 1914 г.). Главным с точки зрения ГУЗиЗ было то, что определять, кому следует выдать ипотечную или мелиоративную ссуду, будут землеустроительные комиссии, и в случае их положительного решения «банк обязан ее выдать». При такой постановке вопроса естественно требовалось указать и на источник, из которого банк будет черпать свои средства. Ответ в записке давался обескураживающе простой: ежегодный прирост средств сберкасс составляет 100–150 млн рублей (в действительности меньше. — *В. Д.*) и все эти деньги «по всей справедливости должны быть целиком употреблены на

¹ Там же. С.108–110.

² Там же. С.120–123. Николай опять согласился с мнением Кривошеина, но, встретив резкое сопротивление Витте, вынужден был на время оставить мысль о назначении Кривошеина министром. См.: *Vitte С. Ю.* Указ. соч. С.204–207, 210–214.

³ Зато вполне четко требование передать банк в ведение ГУЗиЗ было сформулировано в записке Васильчикова, переданной им Николаю. В ней меры по развитию сельскохозяйственного кредита ставились в связь с другими мероприятиями в аграрном вопросе, в том числе с продолжением покупок земли Крестьянским банком: «О ближайших мероприятиях по аграрному вопросу» // ГАРФ. Ф.543. Оп.1. Д.243. Л.2–8.

приобретение бумаг учреждения, занимающегося поддержкой сельского хозяйства страны, исключительно живущей земледельческим промыслом». Намереваясь, таким образом, лишить Министерство финансов возможности использовать средства сберкасс на иные цели, кроме ипотечного кредита, ГУЗиЗ, кроме того, рассчитывало и на выход Земельного банка на денежный рынок, где он опять-таки вступал бы в конкуренцию с государственными и железнодорожными займами.¹

Вторая часть записки ГУЗиЗ была посвящена обоснованию необходимости создать кроме Государственного земельного еще и Сельскохозяйственный банк, занимающийся краткосрочным (в том числе подтоварным) кредитом и посредническими операциями. В записке выражалась уверенность, что банк с первоначальным капиталом в 100 млн рублей мог бы действовать на вклады, которые почему-то потекли бы к нему особенно широкой рекой, и в результате пользующиеся его услугами заемщики «с легкостью перешли бы к улучшенным приемам хозяйничания». В качестве примерного устава Сельскохозяйственного банка к записке был приложен текст, являвшийся дословной перепечаткой мигулинского проекта 1902 г.²

К этому официальному документу примыкала записка «К разрешению аграрного вопроса», составленная Мигулиным в 1907 г. по поручению Васильчикова. В этой записке Мигулин исходил из посылки, что принудительного отчуждения помещичьих земель не требуется, а для дополнительного наделения крестьян кроме казенных и удельных земель достаточно приобрести у помещиков (сверх уже купленных Крестьянским банком) 10–12 млн десятин. Для осуществления этой операции, производства ипотечных, мелиоративных и краткосрочных ссуд опять-таки предлагалось создать Государственный земельный и Сельскохозяйственный банки.

¹ Объяснительная записка к проекту Сельскохозяйственного банка. Февраль 1907 г. // РГИА. Ф.560. Оп.26. Д.639. Л.2–6.

² Там же. Л.7–8; Краткий предварительный проект устава // Там же. Л.9–14.

Но вместо притока вкладов здесь речь шла о выпуске обоими банками облигаций ежегодно на 320–450 млн рублей, что, по мнению Мигулина, было возможно «без всякого потрясения денежных рынков».¹

И в проекте ГУЗиЗ, и в записке Мигулина необходимость создать Сельскохозяйственный банк доказывалась соображениями о важности прочного землеустройства крестьян. В то же время в проекте устава были сохранены статьи, обеспечивавшие явные преимущества помещиков в пользовании его кредитом, а главное — нацеленность банка на сосредоточение в своих руках экспортной торговли. В самой записке ГУЗиЗ тоже отмечалось, что создание банка позволит в будущем наладить при его посредстве сельскохозяйственный экспорт «в размерах грандиозных, которые сейчас трудно даже предвидеть».² Очень похоже, что именно эта цель оставалась главной для Мигулина, выступившего в 1909 г. в числе учредителей несостоявшегося в конечном итоге Хлебного банка.

Несколько иначе была изложена суть проекта в сопроводительном письме Васильчикова Столыпину 3 февраля 1907 г. Здесь Васильчиков писал о создании только Сельскохозяйственного банка, к которому переходили бы и функции Крестьянского банка и который поступал бы в ведение ГУЗиЗ.³ Коковцов не преминул подчеркнуть в ответе Столыпину противоречия между проектом и сопроводительным письмом Васильчикова и подчеркнул, что видит во всей этой затее одну главную цель — вырвать Крестьянский банк из подчинения Министерства финансов. Он также ехидно заметил, что в проекте устава Сельскохозяйственного банка повторяются даже опечатки брошюры Мигулина. Что касается существа дела — изыскания денег на сельскохозяйственный кредит, Коковцов ответил в духе своей общей позиции: «На все и старые, и новые потребности средств хватить

¹ Мигулин П. П. Возрождение России. Экономические этюды и новые проекты. Харьков, 1910. С.97–125.

² РГИА. Ф.560. Оп.26. Д.639. Л.8.

³ Там же. Ф.1276. Оп.3. Д.211. Л.9–10б.

не может. Какие бы не ожидалось барыши в будущем — ближайшее время сулит одни затраты».¹ Столыпин все же предложил Васильчикову обсудить проект в межведомственном совещании, но Коковцов просто отказался послать туда своего представителя, вновь указав, что всеми банками ведаёт Министерство финансов.² Впрочем, судьба банка была все равно предreshена. Даже Земский отдел МВД, отметив желательность и создания Сельскохозяйственного банка, и передачи его в ГУЗиЗ, не мог не признать, что виноград зелен и осуществление этого плана возможно не раньше, чем государство выйдет из затруднительного финансового положения.³

Хотя формально предметом столкновения явился плохо проработанный и во многом утопичный проект, и внешне дело сводилось к проблеме ведомственной подчиненности учреждений ипотечного и сельскохозяйственного кредита, масштаб спора определялся разногласиями по вопросу об общем направлении экономического курса. Не случайно в одной из своих речей в Думе Васильчиков говорил, что его стремления, как и стремления думского большинства, могут быть осуществлены «не только путем соответствующего преобразования ведомства, а скорее столь желанным после долгого промежутка водворением интересов земледелия и сельскохозяйственной промышленности на господствующее в государстве положение». Васильчиков при этом заверял, «что правительство стало на этот путь и с этого пути не намерено отступать».⁴ В той мере, в какой это касалось создания мелиоративного и краткосрочного сельскохозяйственного кредита, Васильчиков явно выдавал желаемое за действительное. Организация такого кредита в случае удачи

¹ В. Н. Коковцов — П. А. Столыпину 15/16 февраля 1907 г. // Там же. Л.69–70.

² П. А. Столыпин — Б. А. Васильчикову 28 февраля 1907 г.; В. Н. Коковцов — Б. А. Васильчикову 29/30 марта 1907 г. // Там же. Л.73, 85–86.

³ Отзыв Земского отдела МВД 4 марта 1907 г. // Там же. Л.79–80.

⁴ Государственная дума. III созыв. Сессия I. Ч.II. СПб., 1908. Стб.1119.

(весьма проблематичной) вела к перенасыщению денежного рынка ипотечными обязательствами и грозила подрывом государственного кредита и устойчивости финансового обращения в стране. Именно это, а не ведомственные амбиции, в первую очередь побуждало Коковцова с такой резкостью отвергать в зародыше идею реорганизации ипотечных и создания Сельскохозяйственного банка. Защищая устойчивость государственных финансов, Коковцов тем самым защищал и условия развития российской промышленности, хотя в данном случае вовсе не это было побудительным мотивом его действий.

Главной экономической задачей царизма с 1907 г. стало финансовое обеспечение столыпинской земельной реформы.

Указ 9 ноября 1906 г. означал коренной поворот в аграрной политике царизма. От насильственного сохранения общинного землевладения царизм окончательно переходил к насильственному разрушению общины ради создания «мелких и средних собственников», которые явились бы оплотом «политического порядка».¹ На первый план при этом выдвигалось решение земельного вопроса за счет перераспределения крестьянского надельного фонда (регулируемое установлением верхней границы концентрации земли в одних руках и нижнего предела дробимости крестьянских хозяйств), переселения части крестьян за Урал и поднятия производительности крестьянского земледелия. Увеличение землевладения с помощью Крестьянского банка рассматривалось отныне лишь как вспомогательная мера и чем дальше, тем больше подвергалось сомнению как угрожающее землевладению помещичьему, но фактически продолжалось.

Столыпинская реформа требовала огромных средств. Наибольшая доля произведенных расходов была связана с мобилизацией земли и попала в руки ее прежних владельцев-помещиков. Стоимость приобретенных у Крестьянского

¹ Дякин В. С. Столыпинская земельная реформа // Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1984. С.349.

банка и при его посредстве земель составила за 1906–1913 гг. 1119,2 млн рублей, из которых 190,2 млн было уплачено непосредственно крестьянами, а 928,9 млн зачтено в качестве ссуд банка.¹ За годы реформы произошло существенное увеличение выпуска ипотечных ценных бумаг. При этом, если в 90-е гг. основную массу составляли обязательства Дворянского и частных земельных банков (т. е. поместье дворянство в основном закладывало свои земли), то в период реформы прирост свидетельств Крестьянского банка (865 млн рублей) был примерно равен приросту листов Дворянского и частных земельных банков, что указывало на значительное ускорение мобилизации дворянских владений.²

Расходы на землеустроительные работы и переселение за Урал ложились на плечи казны и составили за 1907–1913 гг. по сметам ГУЗиЗ: первые — 134,4 млн рублей, вторые — 162 млн (вместе с переселенческими ссудами).³ Часть расходов по землеустройству и агрономической помощи крестьянам приняло на себя земство — 66,2 млн рублей за 1907–1913 гг.⁴ Все эти затраты не касались реального устройства крестьянских хозяйств на хуторских и отрубных участках: переноса построек, рытья колодцев, обзаведения необходимыми сельскохозяйственными орудиями, скотом и семенами, без чего было невозможно создание «крепкого мелкого собственника» и ослабление притязаний на помещичьи земли. Эта проблема вполне осознавалась авторами столыпинской реформы. ГУЗиЗ подчеркивало, что единственной альтернативой «разрешению обострившегося у нас земельного вопроса» путем расширения площади крестьянского землевладения является увеличение «теперешней сред-

¹ Подсчитано по: Отчет Крестьянского банка за 1913 г. Пг., 1914. С.158–159.

² Подсчитано по: Министерство финансов (1904–1913). СПб., 1913. Табл. XXXIII.

³ Подсчитано по росписям доходов и расходов за 1907–1915 гг.

⁴ ГУЗиЗ. Итоги работ за последнее пятилетие (1909–1913). СПб., 1914. С.7; Журнал Сельскохозяйственного совета 10–19 марта 1909 г. // РГИА. Ф.23. Оп.1. Л.73. Л.366.

ней производительности и доходности крестьянского хозяйства не менее, чем в два раза».¹

Но сметные возможности ГУЗиЗ в деле кредитования крестьян были ограничены. За 1907–1915 гг. из бюджета ГУЗиЗ крестьянам в губерниях Европейской России было выдано ссуд всего на 32,9 млн рублей (в среднем по 100 рублей на ссуду при условии, что только на перенос усадебной оседлости требовалось 300–500 рублей) и безвозвратных пособий на 1,3 млн рублей (в среднем по 22 рубля на пособие).² Из фонда земельных улучшений ГУЗиЗ с 1897 по 1913 г. крестьянскими обществами было получено 1,7 млн рублей и какая-то часть средств, выданных земствам в качестве посредников (3,6 млн рублей в целом).³ Кроме ограниченности бюджетных ресурсов казны, особенно в первые годы реформы, размеры ссуд из средств ГУЗиЗ лимитировались боязнью правящей бюрократии, что крестьянство не будет погашать задолженность (как это было с продовольственной помощью в неурожайные годы) и дело выльется в «развращающую филантропию». И ГУЗиЗ, и Министерство финансов стремились организовать крестьянский землеустроительно-мелиоративный кредит на строго коммерческих основаниях, с тем, чтобы расходы на улучшение крестьянского землепользования в конечном итоге ложились «на само крестьянство».⁴ Но для организации такого кредита в широких размерах требовалось найти для него внебюджетный источник.

В поисках такого источника правящие круги вернулись к идее кредита из Крестьянского банка под залог надельных земель. Идея эта, как отмечалось, постоянно присутствовала при обсуждении крестьянского вопроса, но каждый раз упиралась в принцип неотчуждаемости надельных земель.

¹ Краткий обзор сметы Департамента земледелия с отделами на 1907 г. СПб., 1907. С.5.

² Отчетные сведения о деятельности землеустроительных комиссий на 1 января 1916 года. Пг., 1916. С.102–103.

³ *Никольский Б. А.* Мелиоративный кредит в России. СПб., 1914. С.8.

⁴ Доклад управляющего Крестьянским банком министру финансов. Черновик. После сентября 1908 г. // РГИА. Ф.592. Оп.44. Д.521. Л.15.

Манифест 3 ноября 1905 г., провозгласивший предстоящую отмену выкупных платежей, создал экономическую и юридическую основу залога, поскольку надельные земли освобождались от выкупной задолженности и в связи с этим появлялась возможность выделения их в личную собственность. Проекты предоставления крестьянам права закладывать свои наделы разрабатывались весной 1906 г. в МВД (тогда проект был отвергнут Государственным советом как нуждающийся в рассмотрении создаваемой Думой), а затем и ГУЗиЗ. В обоих случаях речь шла в первую очередь о залоге земель крестьян, переселяющихся в Сибирь, т. е. о частном случае поднадельного кредита.

Параллельно в Крестьянском банке был подготовлен более широкий проект, скорее всего относящийся к периоду кабинета Витте.¹ В проекте отмечалось, что слабое развитие промышленности и невозможность для избыточного сельского населения найти иной источник существования, кроме земледелия, делают во многих районах расширение площади крестьянских земель единственным выходом из положения. Но без повышения производительности сельскохозяйственного труда естественный прирост населения сведет на нет увеличение землевладения, и предпринимаемые ныне меры являются лишь «средством отдаления острой необходимости улучшения земледельческой культуры». Однако улучшение способов хозяйствования требует средств, которых нет даже у среднезажиточных крестьян. И вот здесь-то возможность залога надельных земель имеет «величайшее значение как средство для подъема производительности хозяйства на самих наделах и для увеличения хозяйственного инвентаря на вновь приобретаемых землях». Кроме того, как отмечалось в проекте, получаемые ссуды могли бы быть использованы для оплаты «верхов» по ссудам Крестьянского банка за приобретаемые земли (чтобы избежать займов у ростовщиков) и

¹ Законопроект, разрешающий залог надельных земель в Крестьянском банке, упоминается в мемории Совета министров 5 марта 1906 г.: Совет министров Российской империи 1905–1906 гг. Документы и материалы. Л., 1990. С.34.

для развития переселенческого движения. На первый план, однако, и в констатирующей, и в резолютивной части выдвигались ссуды на улучшение существующих условий землепользования и для домообзаводства и устройства хозяйства на вновь приобретаемых землях. Составленный в период, когда судьба общины еще не была окончательно решена, проект предусматривал возможность ссуды под надел, не отведенный к одному месту. Напротив, подчеркивалось, что предъявление подобного требования вело бы к искусственному уничтожению общины. Кроме того, констатировалось, что процесс размежевания наделных земель — дело вообще длительное и, как показывает пример Германии, может занять «десятки, а может быть и сотни лет».¹

Столь широкая постановка кредита не встретила поддержки у вернувшегося в Министерство финансов Коковцова, вообще относившегося к залому наделов с явным сомнением. В предложениях министерства, внесенных в Совет министров в августе 1906 г., в качестве целей кредита были оставлены только ссуды под залог оставляемых переселенцами земель и оплата «верхов» Крестьянскому банку. Получателями кредита могли выступать только общины или крестьянские товарищества, а отдельные крестьяне — лишь в случае, если земля их сведена к одному месту и имеется документ, удостоверяющий права на нее.² При обсуждении проекта в Совете министров Коковцов подчеркивал, что даже в таком усеченном виде разрешение поднадельного кредита подрывает начало неотчуждаемости наделных земель, вернуться к которому будет затем затруднительно. Он поэтому возражал против проведения закона в чрезвычайно указанном порядке по ст. 87 Основных законов, считая нужным внести его в Думу по возобновлению ее работы (возражения против использования ст. 87 были у Коковцова частой формой проявления сомнения по существу).

¹ Записка о выдаче ссуд под залог наделных земель. Б/д. Б/п. // РГИА. Ф.592. Оп.44. Д.490а. Л.4–19.

² Представление Министерства финансов 19 августа 1906 г. // Там же. Л.22–28.

Большинство Совета отвергло позицию Коковцова, настаивая, что скорейшее принятие мер, «подвигающих к решению аграрного вопроса», безусловно необходимо. Кабинет согласился с сосредоточением кредита на содействии переселению и покупке земли (оплата «верхов»), явно думая о ближайших перспективах успокоения деревни. Что касается кредитов на улучшение системы хозяйства, «выходящих собственно из пределов землеустроительных задач», то на эти цели предполагалось использовать лишь скромный фонд земельных улучшений ГУЗиЗ. Совет министров не согласился и с министром торговли и промышленности Д. А. Философовым, опасавшимся дифференциации крестьянства в результате скупки наделов с помощью кредита Крестьянского банка. «Дифференциация крестьян в том смысле, чтобы в деревне оставались лишь лица, желающие и могущие обрабатывать землю, — записано было в проекте журнала, — не представляет в хозяйственном отношении ничего вредного».¹ Эта позиция, однако, была пересмотрена на совещании в сентябре, продолжившем выработку правил о поднадельных ссудах. Там было решено поставить жесткие границы такой скупке и подчеркнуто, что «не экономическая дифференциация крестьянства, а земельное устройство земледельческого населения» предуказано манифестом 3 ноября 1905 г.² Окончательный текст журнала Совета министров, датированный 17 октября, полностью обходил вопрос о дифференциации крестьянства. Все эти зигзаги отражали колебания в правящих верхах в ходе выработки общей земельной реформы.

Совет министров явно считал поднадельный кредит главным путем решения стоявших перед крестьянским землевладением проблем. Констатировав, что без «разумной кредитной помощи» при современных условиях не может развиваться никакая экономическая деятельность, Совет министров видел основу возможного кредита в открывшейся

¹ Проект Особого журнала Совета министров 29 августа 1906 г. // Там же. Л.103–114.

² Журнал совещания 6–15 сентября 1906 г. // Там же. Л.65.

после отмены выкупных платежей «залогоспособности наделного фонда». «Представляемая последним ценность, исчисляемая в 3–4 миллиарда рублей, — говорилось в журнале, — может и должна быть использована для поднятия пошатнувшегося хозяйственного положения крестьян и, в особенности, в целях улучшения условий их землевладения и землепользования». Речь шла по-прежнему в первую очередь о расширении переселенческого движения и доплате «верхов» Крестьянскому банку. С большей определенностью подчеркивалась также необходимость использовать кредит для перехода от общинного владения к подворному. «Коль скоро... Банк призывается ныне служить одним из орудий землеустройства крестьянского населения, — настаивал Совет министров, — представляется вполне последовательным, чтобы помощь его направлялась не на одно количественное увеличение крестьянского земельного фонда, но и на поднятие качественного уровня последнего путем облегчения крестьянам перехода к более совершенным формам владения и пользования землею».¹ В то же время Совет министров разрешал выдачу ссуд и под чересполосные земли,² явно в интересах их скорейшей мобилизации при переселении. Указом 15 ноября 1906 г. решение Совета министров получило силу закона, а выработка конкретных правил о землеустроительных ссудах была поручена совместно Министерству финансов и ГУЗиЗ.

Комитет по землеустроительным делам при ГУЗиЗ немедленно воспользовался этим для того, чтобы расширить круг целевых назначений ссуд, введя в него, кроме непосредственно расходов по межеванию, переносу усадеб и рытью колодцев, «иные затраты, необходимые для улучшения землепользования», что могло быть истолковано и как мелиоративные работы, приобретение инвентаря и семян и т.п. Хотя в первой половине 1906 г. Крестьянский банк именно так и понимал поднаделный кредит, в январе 1907 г. подобное расширительное толкование вызвало его возраже-

¹ Особые журналы Совета министров... 1906. Вып. 3. С.517, 518.

² Там же. С.537.

ния со ссылкой на отсутствие средств.¹ Коковцов вообще предлагал повременить с выработкой правил о залоге надельных земель, ссылаясь на отрицательное отношение II Думы к указу 15 ноября 1906 г.² Это вызвало возмущенный протест Васильчикова. Глава ГУЗиЗ напоминал, что смета его ведомства на землеустроительный кредит в 1907 г. была сокращена с 18,7 до 1 млн рублей под обещание Коковцова обеспечить ссуды через Крестьянский банк, а теперь Коковцов не хочет это обещание выполнять.³ Только после нажима Столыпина Коковцов приказал дать ход правилам,⁴ которые и были утверждены 10 мая 1907 г.

Согласованные Кривошеиным (с 6 октября 1906 г. он стал товарищем министра по управлению Дворянским и Крестьянским банками) от имени Министерства финансов и А. Д. Поленовым от ГУЗиЗ правила не содержали ни отсылки на «иные затраты», ни точного перечисления разрешенных целей кредита, допуская, таким образом, различные толкования.⁵ Еще до их принятия Комитет по землеустроительным делам истолковал сам факт разрешения поднадельных ссуд как возможность переключить средства своего мелиоративного фонда на выдачу ссуд и безвозвратных пособий малоземельным и безземельным крестьянам, которые не могут рассчитывать на кредит Крестьянского банка, а также «инициаторам хуторского расселения».⁶ Однако максимальный размер таких ссуд был установлен правилами 17 марта 1907 г. всего в 165 рублей на семью при перенесении усадьбы на расстояние свыше 30 верст и в половину этой суммы

¹ Справка по Крестьянскому банку. Январь 1907 г. // РГИА. Ф.592. Оп.44. Д.490а. Л. 183–186.

² В. Н. Коковцов — Б. А. Васильчикову 9 апреля 1907 г. // Там же. Л.211–212.

³ Б. А. Васильчиков — В. Н. Коковцову 21 апреля 1907 г. // Там же. Л.213–216.

⁴ П. А. Столыпин — В. Н. Коковцову 26 апреля 1907 г. С пометой Коковцова // Там же. Л.219.

⁵ Известия Главного управления землеустройства и земледелия (далее — Известия ГУЗиЗ). 1907. № 21. С.366.

⁶ Там же. № 10. С.163–164.

при более близком переезде,¹ что заведомо не покрывало расходов.

В первое время после указа 15 ноября 1906 г. развитие поднадельного кредита шло медленно. Это было естественно, ибо и сам процесс укрепления общинных земель в собственность еще только начинался. До 1 апреля 1908 г. от крестьян поступило 1031 заявление о ссудах на 2,4 млн рублей, а реально выдана 71 ссуда на 740 тысяч рублей, главным образом на доплату «верхов» и в меньшей степени на переселение (поскольку для получения такого кредита надо было реально переселиться). На улучшение землепользования были выданы всего 2 ссуды на 1,1 тыс. рублей.² В то же время и в Министерстве финансов, и в Думе сама идея поднадельного кредита по не вполне совпадающим причинам вызвала большие сомнения. Только С. С. Хрипунов, ставший летом 1908 г. управляющим Крестьянским банком после службы в ГУЗиЗ и часто выпадавший из общего для руководства финансового ведомства строя мыслей, писал в августе 1909 г. о предстоящем громадном объеме операций по залогу надельных земель, для чего Крестьянскому банку понадобится усиленно помещать свои свидетельства в фонд сберегательных касс во избежание падения их биржевого курса.³ Идеи Хрипунова явно перекликались с представлениями Земского отдела МВД, который чуть раньше тоже высказывался за сосредоточение усилий Крестьянского банка на поднадельном кредите, поскольку чем больше свидетельств выпустит он ради этих целей, тем меньше места на денежном рынке останется для бумаг под залог частновладельческих земель и «тем сохраннее будут эти последние».⁴

¹ Там же. № 16. С.280.

² Справка по Крестьянскому банку. Апрель 1908 г. // РГИА. Ф.592. Оп.44. Д.490а. Л.287–288.

³ Записка С. С. Хрипунова «Конечные выводы». Август 1909 г. // Там же. Л.355.

⁴ Справка по Земскому отделу МВД. 1 февраля 1909 г. // Там же. Ф.1291. Оп.120. 1908. Д.53. Л.17–18.

Коковцов тянул с обсуждением в III Думе закона, долженствующего заменить временный указ 15 ноября 1906 г., ссылаясь на необходимость учесть в нем поправки, вносимые Думой в указ о столыпинской реформе, и Дума охотно соглашалась с просимыми отсрочками. Когда же летом 1910 г. Министерство финансов внесло в Думу законопроект о поднадельных ссудах Крестьянского банка, объяснения к нему открывались рассуждениями об опасности ипотечного кредита, который крестьяне по своей бедности могут использовать на потребительские цели. «Представляя в совокупности огромную ценность, надельная земля, — напоминало финансовое ведомство, — в действительности при нынешнем уровне крестьянского хозяйства едва достаточна для удовлетворения насущных потребностей владеющего ею сословия». В этих условиях Министерство финансов считало «залоговое обременение надельной земли» «великой жертвой», допустимой только для создания единоличных хозяйств. Поэтому оно предлагало отменить ссуды для крестьянских товариществ, чаще всего вводивших чересполосное пользование, а кредит единоличным хозяевам предоставлять только под земли, отведенные к одному месту. Впрочем, авторы тут же проговаривались, что дело не только в заботе об успехе столыпинской реформы. Чересполосные наделы были незалогоспособны, ибо при несостоятельности должника банк не смог бы их реализовать.¹

Беспокойство в связи с тем, что широкое развитие поднадельных ссуд «может вызвать неблагоприятные для крестьянского землевладения последствия, как это уже случилось по отношению к частному землевладению», выразила и финансовая комиссия Думы. Она поэтому предложила четко оговорить, что ссуды могут выдаваться только на долгосрочные цели типа приобретения земли, но никак не на покупку живого и мертвого инвентаря. В то же время Дума восстановила кредит под землю, не сведенную

¹ Представление Министерства финансов 12 июля 1910 г. // Там же. Ф.408. Оп. 1. Д.1339. Л.46–50.

к одному месту.¹ В таком виде закон 5 июня 1912 г. был утвержден Николаем.

Сомнительная залогоспособность чересполосных наделов, узость разрешенных целей использования ссуд и сложная процедура их получения воспрепятствовали развитию поднадельного кредита. За 1907–1915 гг. было выдано ссуд всего на 10,9 млн рублей, главным образом на покупку земли (особенно — у переселенцев). Только 20% ссуд было употреблено на устройство хуторов и отрубов, причем половина их пришлось на 1913–1914 гг.²

Весной 1908 г., когда надежды на развитие поднадельных ссуд в будущем еще не были утрачены МВД и ГУЗиЗ, но реальное финансовое обеспечение земельной реформы внушало им явную тревогу. Столыпин созвал под председательством своего товарища А. И. Лыкошина совещание по землеустроительному кредиту, целью которого было изыскать, наконец, способ обеспечить крестьян «правильно устроенным и недорогим кредитом для перехода к усовершенствованным приемам сельского хозяйства».³

Совещание прежде всего констатировало политическую важность успеха столыпинской реформы, «каждый промах, каждая неудача» которой «будут использованы революционными партиями». Под этим углом зрения участники совещания уделили особое внимание обеспечению «всевозможными гарантиями успеха» именно первых шагов по проведению реформы, от которых зависит весь ее дальнейший ход. «С этой точки зрения, — отмечалось в журнале совещания, — еще далеко не достаточно обеспечить крестьянам возможность выхода из общины, разверстания чрезполосности и приобретения земель на началах единоличного владения. Создать мелкую земельную собственность, нарезать отрубные и хуторские участки, посадить на них приобретателей-крес-

¹ Государственная дума. Приложения к стенографическим отчетам. Третий созыв. Сессия V. СПб., 1912. № 399. Доклад финансовой Комиссии.

² Отчет Крестьянского поземельного банка за 1915 г. Пг., 1916. С.151–152.

³ П. А. Столыпин — В. Н. Коковцову 11 апреля 1908 г. // РГИА. Ф.1291. Оп.54. 1908. Д.14. Л.1.

тыян и затем бросить их на произвол судьбы значило бы обречь реформу на верную неудачу». На первый план поэтому выдвигалась организация «правильного, приспособленного к целям землеустройства кредита, который давал бы возможность вновь устраивающимся хозяйствам получать достаточные хотя бы лишь для первоначального обзаведения средства, отсутствующие у большинства наших крестьян».¹ При этом общая сумма средств, необходимых для организации такого кредита, была определена совещанием в 500 млн рублей.

Произведя «инвентаризацию» возможных источников кредита, лыкошинское совещание сочло неподходящим для нужд крестьянского землеустройства мелиоративный фонд ГУЗиЗ, поскольку он предназначен для «уже сложившихся» хозяйств. По-видимому, это отражало стремление сохранить ссуды из мелиоративного фонда для помещиков. Резкой критике подверглись ссуды землеустроительных комиссий как носящие филантропический характер и потому оказывающие «развращающее влияние на народ». Подчеркивалась необходимость строго придерживаться коммерческих принципов кредита, поскольку целью реформы было «создать класс земельных собственников, трудолюбивых, предприимчивых, самостоятельных».² С возражениями против столь категорической постановки вопроса выступил директор Департамента земельных имуществ А. А. Риттих. Конечно, говорил он, организация кредита через землеустроительные комиссии требует расходов казны. «Но если государство, — подчеркивал он, — находит для себя возможным тратить гораздо большие суммы в один год на прокормление голодающих, то оно не должно бы останавливаться пред столь производительным расходом, как ссуды на расселение, которые впоследствии сделали бы ненужными продовольственные ссуды».³ Позиция Риттиха не встретила, однако, поддержки со стороны большинства.

¹ Журнал совещания по землеустроительному кредиту 16 апреля–10 мая 1908 г. // Там же. Л.31–32.

² Там же. Л.46.

³ Там же. Л.48.

Большой соблазн вызвала у совещания идея использовать для учреждения мелкого кредита, которым было рекомендовано выдавать среднесрочные (до 5 лет) ссуды. Эта идея встретила недовольство представителя Государственного банка, боявшегося рисковать замораживанием своих средств, предоставляемых учреждениям мелкого кредита, на столь долгий для эмиссионного банка срок.¹

В такой ситуации большинство членов совещания считало естественным рассматривать Крестьянский банк как главный источник средств для землеустроительного кредита. В возражениях, с которыми выступил от имени банка В. С. Кошко, совмещались две разнонаправленные идеи. Одна из них была традиционна для финансового ведомства. Кошко подчеркивал, что Крестьянский банк всегда испытывал трудности с размещением своих свидетельств, ибо денежный рынок рассматривал их не как ипотечные бумаги, а как государственные займы в целях аграрной политики. Поэтому, несмотря на использование фонда сберегательных касс для помещения свидетельств, в 1906 г. пришлось прибегнуть к 6%-ным именованным обязательствам. Но такими обязательствами можно расплачиваться с помещиками, но нельзя выдавать ссуды крестьянам, нуждающимся в наличных деньгах. Кроме того, отмечал Кошко, существующий штат банка не рассчитан на развертывание землеустроительного кредита. Наряду с этими аргументами, всегда входившими в арсенал сотрудников Коковцова, Кошко выдвинул и другие, явно свидетельствовавшие о влиянии Кривошеина, еще возглавлявшего Крестьянский банк, а затем сделавшего Кошко одним из своих ближайших помощников по ГУЗиЗ. Кошко утверждал, что проблема землеустроительного кредита может быть легко решена созданием особого Крестьянского мелиоративного банка, который бы сосредоточил в своих руках все виды мелиоративных ссуд, ныне находящиеся в разных ведомствах. Облигации специального банка, обеспеченные всем фондом надельных земель, будут, полагал Кошко,

¹ Там же. Л.57-58; Особое мнение директора Государственного банка Н. И. Бояновского // Там же. Л.15-16.

пользоваться безусловным спросом, и если внутренний денежный рынок пока скуден, «на дело пойдут с готовностью иностранные капиталы».¹

Предложения Кошко были отклонены совещанием прежде всего потому, что создание нового банка было делом неизбежно длительным, а деньги требовались немедленно. Кроме того, расширить операции уже существующего банка было дешевле, чем создать новый. Совещание справедливо отметило также, что при скудости денежного рынка сколько новых банков ни учреждай, денег они не добудут. Одновременно оно выразило надежду на улучшение финансового положения Крестьянского банка по мере политического успокоения в стране. Землеустройство, рассуждали участники совещания, процесс длительный, требуемые на него 500 млн рублей понадобятся не в один год, и банк сумеет их раздобыть. В то же время совещание подхватило мысль Кошко о желательности обособить финансовые операции по залогоу надельных земель от других займов Крестьянского банка, выпустив под эти земли специальные свидетельства, которые, как оно надеялось, будут встречены денежным рынком с большим доверием.²

Кокцов счел предложения лыкошинского совещания неприемлемыми на практике³ и образовал собственное внутриведомственное совещание под председательством члена Совета министра финансов П. П. Цитовича для выработки контрпрограммы. Главный вопрос, который стоял перед этим совещанием, был сформулирован в выражениях, уже предполагавших определенный ответ: «возможно ли для государства принять на себя финансовую тягость, даже приблизительно невыясненную в ее сумме и продолжительности и притом гадательную в риске удачи и неудачи». Ставились также вопросы о посильности и целесообразности для Крестьянского банка вмешиваться в дела землеустроитель-

¹ Журнал совещания... Л.51.

² Там же. Л.52–56.

³ В. Н. Кокцов — П. А. Столыпину 25 августа 1908 г. // Там же. Ф.592. Оп.1. Д.453. Л.32.

ного кредита. В качестве возможной альтернативы выдвигалась идея привлечь к такому кредиту акционерные земельные банки, которые-де находятся на пути к сокращению своих операций.¹

Совещание собиралось в сентябре и декабре 1908 г. Судя по сохранившейся документации, в сентябре им был рассмотрен и отклонен как недостаточно разработанный план Хрипунова заменить денежный кредит крестьянам «вещным» — продажей им в рассрочку сельскохозяйственных орудий.² Поддержана была идея управляющего Государственным банком С. И. Тимашева ежегодно выпускать дополнительно на нужды землеустроительного кредита 4%-ную ренту на 20 млн номинальных рублей (16 млн при ее курсе в 80%), помещая ее в фонд сберегательных касс. В тот момент это составляло половину ежегодного прироста вкладов. По мнению Тимашева, этого было бы вполне достаточно, ибо установить контроль за использованием ссуд на большую сумму было бы невозможно.³ Предложение Тимашева открывало возможность и для других ведомств просить о выпуске специальных займов для удовлетворения их потребностей, что подрывало принципы формирования бюджета. Поэтому после явно выраженного недовольства Коковцова совещание Цитовича в декабре склонилось к компромиссному варианту — путем выпуска ренты в течение нескольких лет создать специальный фонд и затем выделить его как «отдельное учреждение», стоящее вне всякой связи с бюджетом.⁴

На этой идее и был основан первоначальный проект ответа Министерства финансов, отвергавший приспособление

¹ Заметка по предположениям о землеустроительном кредите, изложенным в журнале совещания при МВД // Там же. Л.35–36.

² Записка С. С. Хрипунова «К вопросу об устройстве землеустроительного кредита». Рассмотрена 20 сентября 1908 г.; Доклад министру финансов членов совещания под председательством П. П. Цитовича // Там же. Л.50–64, 177.

³ Записка С. И. Тимашева. Рассмотрена 20 сентября 1908 г. // Там же. Л.43–45.

⁴ Доклад министру финансов... // Там же. Л.176.

для целей землеустроительного кредита как Крестьянского банка, так и учреждений мелкого кредита. При этом снова подчеркивалась полная неопределенность и возможная непосильность для казны затрат, которые она вынуждена была бы нести на покрытие ссуд, выданных сетью мелкого кредита. Создание специального фонда путем выпуска новых серий 4%-ной ренты, помещаемой в сберегательные кассы, трактовалось в этом проекте как действия, в результате которых «сбережения, полученные от мелких производителей, возвращались бы обратно населению для удовлетворения хозяйственных нужд тех же производителей».¹ Этот проект свидетельствовал о постепенно происходившем в Министерстве финансов отходе от взгляда на ресурсы сберкасс как на средство обеспечения прежде всего государственного кредита. В то же время специальный фонд, выступающий как «отдельное учреждение», стал явной уступкой идее Сельскохозяйственного банка в мигулинско-васильчиковском духе.

Для Коковцова, только недавно отбившегося от этой идеи, такая уступка была неприемлема, что и решило судьбу проекта. Вместо него был составлен другой, в котором, наоборот, доказывалось, что именно потому, что затраты на землеустроительный кредит могут достичь «весьма крупных размеров», наиболее подходящим инструментом для него является Крестьянский банк. При этом, однако, подчеркивалось, что хотя крестьянство в целом, как совокупный владелец надельных земель, вполне кредитоспособно, задача заключается в том, чтобы сделать кредитоспособным и исправным плательщиком каждого отдельного крестьянина. Для этого предлагалось выдавать ссуды только под залог хуторских и отрубных земель и установить сроки платежей по ссудам осенью, в момент реализации урожая (как это практиковалось со взиманием налогов). Мысль о выпуске для поднадельного кредита особых свидетельств, высказанная на совещании Лыкошина, отклонялась и предлагалось

¹ «Первоначальный проект о предоставлении средств путем выпуска ренты» // Там же. Л.260–278.

выпускать обычные бумаги банка, помещая их на первое время в фонд сберкасс. Хотя в обоих проектах подчеркивалось понимание Министерством финансов важности заботы о развитии крестьянских хозяйств, и в них признавалась необходимость «громких средств» для такого развития, финансовое ведомство явно вело к затяжке дела. После десятимесячного составления отзыва на журнал лыкошинского совещания и ссылаясь на то, что землеустроительный кредит требует «глубочайшего исследования того пути, по которому было бы всего целесообразнее направить это мероприятие», Коковцов предлагал провести новое обсуждение своих предложений.¹ Материалы же совещания Цитовича показывали, что высшие чины Министерства финансов по-прежнему считают возможным использовать поднадельный кредит только для содействия самому образованию участкового землевладения, но не для улучшения способов хозяйствования на нем.²

Поскольку позиция финансового ведомства была легко предсказуема, Кривошеин, вставший 21 мая 1908 г. во главе ГУЗиЗ, начал искать другой путь, и уже в сентябре совещанию под председательством Риттиха были предложены проекты Положения о вещных ссудах и правил о выдаче их. На обсуждение же совещания ставился вопрос — не ввести ли новую форму кредита для ускорения дела в чрезвычайном-указном порядке.³ В октябре ГУЗиЗ разослало на отзыв ведомствам проект представления в Совет министров «О выдаче вещных ссуд для улучшения землепользования». В обоснование задуманного плана вновь подчеркивалось, что у крестьян — и выделяющих свои наделы из общины, и покупающих участки у Крестьянского банка, — как правило, нет денег «для каких-либо улучшений в

¹ Проект отзыва Министерства финансов на журнал совещания под председательством А. И. Лыкошина. До 23 марта 1909 г. // Там же. Л.279–304.

² Черновой вариант доклада о совещании под председательством П. П. Цитовича // Там же. Оп.44. Д.521. Л.1–19.

³ В. С. Кошко — А. А. Риттиху 25 сентября 1908 г. // Там же. Оп.1. Д.453. Л.191.

хозяйстве сравнительно с первобытными его приемами, применяемыми всею крестьянскою массою». В таких условиях «все затраты и усилия правительства, направленные к улучшению способов землепользования, окажутся бесполезными». Признав трудности, с какими сталкивается Крестьянский банк при изыскании средств на денежном рынке, и сложность контроля за использованием крестьянами денежных ссуд на производительные, а не потребительские цели, ГУЗиЗ видело выход в том, чтобы ссужать крестьян непосредственно сельскохозяйственным инвентарем.

При этом ГУЗиЗ считало, что «финансовую тяжесть операции» можно будет переложить «на частные капиталы, вложенные в дело сельскохозяйственного машиностроения или особо для сего привлеченные». План предусматривал, что заводы сельскохозяйственных машин будут поставлять свою продукцию земским, а лучше — специально для того созданным складам, которые, в свою очередь, станут продавать их в рассрочку крестьянам, правительство же возьмет на себя платы с должников и гарантию возможных недоимок. На эту последнюю цель ГУЗиЗ просило ассигновать ему из бюджета по 2 млн рублей в год. Кривошеин считал, что на таких условиях капиталы, необходимые для приведения всего этого механизма в действие, обязательно найдутся, «если не русские, то во всяком случае иностранные». Кривошеин при этом явно предпочитал иметь дело с крупной финансовой группировкой, «обладающей достаточными средствами или большим кредитом», которая за собственный счет занималась бы и покупкой сельскохозяйственных машин, и распространением их через единую (а, значит, и монопольную) сеть складов.

По представлениям Кривошеина его план сулил выгоду во всех отношениях — крестьяне приобретали необходимый инвентарь, кровельное железо, удобрения и семена улучшенных сортов, получая, таким образом, возможность интенсификации хозяйства, промышленность начинала развиваться в соответствии с возрастающим спросом, а не вследствие искусственных мер поощрения. «Таким образом, — утверждалось в проекте, — попутно с помощью земледелия может быть достигнут и подъем связанных с ним отраслей

промышленности без прямых на нее пожертвований и без обращения особых на это дело средств».

Вещный кредит предполагалось предоставлять только владельцам участков хозяйств на выделенных и купленных у Крестьянского банка землях (в размере до 200 рублей на хозяйство), причем лишь тем, кто способен оплатить сразу 10% стоимости покупки. Самой сложной для Кривошеина была проблема обеспечения ссуды. Вещный кредит по закону нельзя было предоставлять под залог земли, и изменение этого закона Думой было делом долгим и сомнительным. Выдача же ссуд в порядке личного (необеспеченного) кредита грозила неплатежами. Поэтому ГУЗиЗ просило предоставить ему право получения долгов не в судебном порядке, а в форме беспорных взысканий наподобие податей. Заявляя, что организация помощи сельскому хозяйству является не только правом, но и обязанностью ГУЗиЗ, Кривошеин предлагал провести закон в порядке верховного управления по ст. 11 Основных законов. Это давало бы возможность вообще избежать необходимости спрашивать согласие Думы.¹

План Кривошеина возник не на пустом месте — еще в бытность начальником Переселенческого управления МВД он начал создавать склады сельскохозяйственного инвентаря в Сибири и теперь собирался перенести этот опыт на Европейскую Россию. Но если в Сибири, да еще на начальном этапе переселенческого движения, операции складов велись за казенный счет, то в новых условиях без привлечения частного капитала, действительно, было не обойтись. Хотя даже в окончательном представлении в Совет министров в декабре Кривошеин оговаривал, что до утверждения его плана он не считал возможным входить в соглашения с какими-либо фирмами,² предварительные зондажи, очевидно, производились. Не случайно Хрипунов, предлагая проект вещного кредита совещанию Цитовича (во

¹ Проект представления ГУЗиЗ. Октябрь 1908 г. // Там же. Л.204–237.

² Представление ГУЗиЗ 28 декабря 1908 г. // Там же. Ф.23. Оп.9. Д.117. Л.3.

многим дословно совпадавший с планом ГУЗиЗ),¹ не только утверждал, что по отзывам компетентных лиц участие солидных фирм можно считать обеспеченным, но и торопил с организацией складов, дабы не пропал 1909 сельскохозяйственный год.² Еще до обсуждения кривошеинского плана в Совете министров некий Дункан Стюарт предложил ГУЗиЗ организовать общество для снабжения крестьян инвентарем с рассрочкой на 4 года, утверждая при этом, что действует с согласия «The National Bank of South Africa».³

Столыпин сразу горячо поддержал кривошеинский план, «предрекая» ему успех, но подметил и одно из самых уязвимых мест проекта: трудность соотношения сроков уплаты за товар фирме (которую принимало на себя государство) и получения платежей с крестьян.⁴ Куда более критичен был Коковцов. Кроме неопределенности правительственной гарантии по платежам он отметил монопольный характер предполагаемого особого предприятия по поставке сельскохозяйственного инвентаря, чреватый устранением конкурентов, и отсутствие понимания у составителей проекта, куда, собственно, предлагалось организовывать прилив частных капиталов в промышленность или в торговлю. Коковцова беспокоило также обеспечение ссуд. Он поэтому намеревался для начала ограничить вещный кредит простейшими орудиями (плуг, борона), удобрениями и семенами, сократив сумму кредита на каждое хозяйство и опробовать идею

¹ Хрипунов был переведен из ГУЗиЗ в Крестьянский банк 7 июня 1908 г., а в июле совершил вместе с Кривошеиным и Риттихом поездку по губерниям, в которых было сосредоточено наибольшее количество казенных и банковских земель, для установления единства действий (Известия ГУЗиЗ. 1908. № 24. С.461; № 25. С.481). К этому времени, очевидно, и относится разработка плана вещного кредита. Представление его сначала в форме записки Хрипунова могло быть предварительной разведкой позиции финансового ведомства.

² РГИА. Ф.592. Оп.1. Д.453. Л.61–63.

³ Д. Стюарт — А. В. Кривошеину 29 декабря 1908 г. // Там же. Ф.395. Оп.1. Д.19296. Л.1–2.

⁴ П. А. Столыпин — А. В. Кривошеину 20 октября 1908 г. // Там же. Ф.1571. Оп.1. Д.290. Л.13.

первоначально в небольшом масштабе за счет существующей сметы ГУЗиЗ на пособия по землеустройству.¹

Несмотря на практический отказ Коковцова, Кривошеин 28 декабря 1908 г. внес представление о «предметных ссудах» в Совет министров. Здесь Коковцов подверг проект ГУЗиЗ резкому разносу, подчеркивая, что сельскохозяйственное ведомство собирается фактически ввести государственную гарантию долгов крестьян частным предприятиям, причем эта гарантия может «отразиться на государственном казначействе совершенно непосильными для него расходами». Максимум, на что соглашался Коковцов, это разрешить ГУЗиЗ истратить из его сметы 0,5 млн рублей, чтобы за собственный счет приобрести предметы крестьянского инвентаря и на тех или иных основаниях передать их владельцам участковых хозяйств. В качестве «непременного условия» Коковцов выдвигал требование, чтобы ГУЗиЗ не затрагивало «ресурсов частного кредита — что самое опасное в этом деле». Если, таким образом, финансовое ведомство вновь было обеспокоено попыткой ГУЗиЗ самостоятельно вырваться, хотя бы окольным путем, на мировой денежный рынок и сомневалось в посильности для казны гарантии крестьянских долгов, то министра юстиции И. Г. Щегловитова смутила бесцеремонность, с какой Кривошеин хотел ввести беспорядочный порядок взимания этих долгов без санкции законодательных учреждений. Кривошеин пытался доказать неверность введения новой операции в «малоподвижные рамки закона» и предпочтительность ее осуществления в распорядительном порядке, допускающем большую «гибкость».

Признав, что предложения Кривошеина представляют собой «один из наиболее удачных способов правительственного содействия к поднятию крестьянского хозяйства», о чем свидетельствует и опыт Переселенческого управления, Совет министров все же не решился ввести беспорядочное взимание долгов помимо Думы. В итоге Кривошеину было предложено разработать законопроект, подлежащий прохождению в

¹ В. Н. Коковцов — А. В. Кривошеину 25 октября 1908 г. // Там же. Ф.592. Оп.1. Д.453. Л.194–203.

общем порядке, а пока организовать выдачу предметных ссуд в пределах 0,5 млн рублей в год из сумм, выделяемых на пособия по землеустройству.¹ Поскольку шансов на прохождение бесспорного взыскания долгов через Думу было мало, а судебный порядок был долог и дорог, ГУЗиЗ, по-видимому, не стало разрабатывать законопроект, ограничившись изданием временных правил 20 марта 1909 г. об отпуске предметных ссуд по соглашению с земствами со складов, устроенных последними. Правила допускали также операции через склады фирм, с которыми ГУЗиЗ войдет в соглашение.²

Последняя оговорка свидетельствовала, что Кривошеин еще не оставил надежды в какой-то форме осуществить свой план. При этом быстро выяснилось, что он полностью делал ставку на иностранный капитал. Узнав о существовании правил 20 марта 1909 г., бердянский завод «Джон Гриевз и К^о» предложил ГУЗиЗ свои услуги.³ Ходатайство завода было поддержано Министерством торговли и промышленности. ГУЗиЗ, однако, ответило, что «широкое развитие отечественными заводами» производства сельскохозяйственного инвентаря для крестьян в кредит требует средств, которыми «заводы наши не располагают». Устройство же кредита для этих заводов «не входит в область ведения» ГУЗиЗ.⁴

С тем большим вниманием было встречено в ГУЗиЗ предложение директора-распорядителя Р. О. «Вестингауз» В.-Э. Смита, действовавшего при посредничестве директора Невского судостроительного завода И. И. Гиппиуса. Демонстрируя хорошее знание взглядов Кривошеина и его планов (в частности, проекта реорганизации ГУЗиЗ в Министерство

¹ Особый журнал Совета министров 9 января 1909 г. // Там же. Л.239–246.

² Проект временных правил о порядке выдачи предметных ссуд // Там же. Ф.23. Оп.9. Д.117. Л.32–33.

³ «Джон Гриевз и К^о» — в Министерство торговли и промышленности 27 апреля 1909 г. // Там же. Л.34.

⁴ А. Д. Поленов — В. И. Тимирязеву 10 июня 1909 г. // Там же. Л.41.

земледелия), Смит походя отрицательно отозвался об «искусственной промышленной политике прошедших лет» и выразил уверенность в возможности вернуть в деревню «оторванный от земли... огромный контингент рабочих». Смит предложил создать на иностранные деньги и с помощью «первоклассных заводов Америки» «Общество для производства и продажи сельскохозяйственных машин и орудий», которое построило бы в Европейской России и Сибири заводы по американскому образцу, сохранив при этом существующие в стране мелкие заводы и кустарные мастерские в качестве ремонтных мастерских при складах. Кроме того, Смит упомянул о возможности создать общество, занимающееся строительством элеваторов и выдачей ссуд под сложенный в них хлеб.¹

После встреч с Кривошеиным и Кошко Смит конкретизировал свои предложения, опять пересыпая их аргументацией, взятой из документов ГУЗиЗ. Теперь он предлагал создать две независимые организации — промышленную и кредитную, причем кредитное учреждение выдавало бы и продовольственные ссуды, чтобы внушить крестьянам мысль о необходимости возвращать всякие полученные займы («в сознании крестьян, — повторял он выученный урок, — всякий кредит от казны есть пособие безвозвратное»). Посредниками при продаже крестьянам инвентаря должны были выступать земские сельскохозяйственные склады. Вопрос о крестьянских недоимках был в записке изложен невнятно. С одной стороны, Смит ссылался на порядок, предусмотренный представлением ГУЗиЗ от 28 декабря 1908 г. (т. е. беспорное взыскание), с другой — писал о необходимости для правительства отпускать земствам на покрытие недополученных платежей 2 млн рублей в год. По плану Смита кредитное общество при потребности в сельскохозяйственных орудиях на 20 млн рублей в год и рассрочке на 2–3 года должно было иметь капитал минимум в 50 млн рублей, что при новизне дела требовало казенной гарантии. Такой гарантией

¹ В.-Э. Смит — А. В. Кривошеину 22 мая 1909 г. // Там же. Ф.395. Оп.1. Д.19296. Л.23–31.

должно было служить ассигнование правительством в течение 20 лет 2 млн рублей в год на обеспечение 5%-ного дивиденда по привилегированным акциям на 40 млн рублей (остальные акции предполагались обыкновенными). Смит уверял, что связан с «одной из финансовых групп Англии», а Гиппиус даже писал, что Смит должен встретиться с представителями этой группы в Лондоне «на будущую среду».¹

Трудно сказать, было ли предложение Смита серьезным или представляло собой авантюру свата, который, сговорив жениха, отправился уговаривать дочку Ротшильда. Во всяком случае кампания «Вестингауз» в США и ее европейские филиалы искали в это время самые разные выходы на русский рынок. Однако трудно было рассчитывать, что Министерство финансов согласится на план, принципиально мало отличавшийся от отвергнутого им в начале года. В то же время идея целенаправленного кредита на приобретение в рассрочку сельскохозяйственных машин и орудий была рациональной. Соответствующие ссуды Польского банка способствовали интенсификации крестьянского хозяйства в польских губерниях, широкое развитие приобрела кредитная деятельность сельскохозяйственных складов в Германии. Но в обоих случаях проблема облегчалась возможностью обеспечения ссуды залогом земли, тогда как в России подобное использование поднадельного кредита не допускалось законом.

В 1910 г. в поисках решения ГУЗиЗ обратилось к кредитным кооперативам, чья коллективная ответственность давала большие гарантии возврата ссуды, чем у индивидуального заемщика. По соглашению с рядом машиностроительных заводов оно выработало типовое соглашение о комиссионной продаже сельскохозяйственных машин и орудий через учреждения мелкого кредита. При этом ГУЗиЗ выражало готовность предоставлять кооперативам долгосрочные ссуды до 500 рублей для устройства простейших складов.² В свою очередь, Управление мелкого кредита

¹ И. И. Гиппиус — А. В. Кривошеину 20 июня 1909 г.; В.-Э. Смит — А. В. Кривошеину. Б/д. [Июнь 1909 г.] // Там же. Л.11, 12-22.

² Известия ГУЗиЗ. 1910. № 3. С. 56-59.

Государственного банка стало открывать кооперации кредиты для посреднической деятельности. В результате к 1912 г. собственными складами обзавелись не менее 210 кооперативов, а посреднические закупки сельскохозяйственных машин вели в 1913 г. 2,4 тысячи кооперативов. Объем этих закупок составил в 1912 г. 9,6, а в 1913 г. — 14,2 млн рублей.¹ Кредитная кооперация и сама предоставляла своим членам ссуды на покупку сельскохозяйственных орудий. Составляя 2,2–3,4% всех выданных кооперацией ссуд, кредиты на эти цели в абсолютном выражении выросли с 1908 по 1913 г. с 3,9 до 25,8 млн рублей.² Наибольшего масштаба покупки сельхозорудий достигали в Сибири и губерниях юга Европейской России и Предкавказья.

Обеспечение столыпинской реформы потребовало огромного напряжения финансовых ресурсов России. Внутренний денежный рынок страны был постоянно переобременен ипотечными обязательствами в ущерб промышленности и городскому строительству. По данным, использованным И. Ф. Гиндиным, общий прирост ценных бумаг в России за 1861–1908 гг. составил 8876 млн рублей, из которых на закладные листы ипотечных банков (государственных и частных) приходилось 3279 млн рублей или 37%, в том числе под залог собственно сельскохозяйственных земель — 2130 млн или 24%. Если в 80–90-е гг. увеличение массы ипотечных ценностей все же несколько отставало от прироста акционерных капиталов, то 1900–1908 гг. оказались по тенденции близки, хотя и на другом уровне, к послереформенному двадцатилетию, когда прирост ипотечных бумаг далеко обгонял акционерные капиталы.³ Дело заключалось

¹ Корелин А. П. Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX — начале XX в. М., 1988. С.194–195.

² Подсчитано по: Там же. С.169, 176–177. Эти данные нельзя суммировать, поскольку кооперативы могли выдавать ссуды на приобретение инвентаря при их посредстве.

³ Подсчитано по: Гиндин И. Ф. Русские коммерческие банки. Из истории финансового капитала в России. М., 1948. С.237.

не только в спаде промышленного учредительства, вызванном кризисом, войной и революцией, но и в том, что все эти события потребовали мобилизации средств внутреннего денежного рынка в государственные и ипотечные займы, тем самым делая российскую промышленность притягательным местом приложения сил для иностранного капитала.

Ускоренная мобилизация земли Крестьянским банком в 1906–1908 гг., вызванная сначала стремлением остановить крестьянское движение, а затем потребностями столыпинской земельной реформы, привела к резкому изменению пропорций в эмиссии ипотечных бумаг. Если на 1 января 1904 г. в обращении находилось на 641 млн рублей закладных листов Дворянского банка и на 378 млн рублей свидетельств Крестьянского банка, то к 1 января 1909 г. прирост первых составил всего 47 млн, а вторых — 532 млн рублей.¹ Иными словами, государственный ипотечный кредит почти целиком был переключен на решение аграрного вопроса. При этом полученных средств хватило только на обеспечение того минимального увеличения крестьянского землевладения, без которого механизм столыпинской реформы вообще не мог быть приведен в действие. Однако наладить кредит на улучшение хозяйства крестьян, вышедших из общин, царизму не удалось ни в форме поднадельных ссуд, ни путем продажи сельскохозяйственных орудий в рассрочку в виде «вещных» ссуд.

На этой неудаче сказались три основных фактора. Министерство финансов опасалось широкого привлечения капиталов к поднадельному кредиту (буде таковой оказался бы возможным), поскольку оно означало бы еще большее отвлечение средств денежного рынка к ипотечным ценностям. И в финансовом ведомстве, и в политических кругах разных направлений развитие поднадельного кредита вызвало также беспокойство за сохранность крестьянского надельного фонда, тем более, что пример ипотечного обременения дворянских земель был очень выразителен. «Вещный» же кредит (опять-таки, если бы его вообще удалось создать в массовом

¹ Подсчитано по: Министерство финансов (1904–1913). Табл. XXIII.

масштабе) был чреват из-за малой кредитоспособности крестьянства существенными потерями казны либо требовал таких способов взыскания долга, которые грозили обострением социальной напряженности в деревне. В результате «землерасстроительная» часть столыпинской реформы — борьба с общиной — оказалась в финансовом отношении обеспечена гораздо лучше, чем землеустроительная — устройство участковых хозяйств, а это в перспективе грозило сказаться на всем ходе и окончательных результатах реформы.

Между тем сосредоточение финансовых усилий государства на столыпинской реформе отодвигало на второй план другие потребности экономики страны. И если промышленность могла при этом рассчитывать на приток частных капиталов без посредства государства, то аграрный и сельскохозяйственный кредит были в состоянии развиваться только при правительственном содействии. Оставалась первоочередной задачей обеспечения землеустроительным и иным кредитом крестьянских хозяйств. События 1905–1906 гг. сделали на время неактуальной проблему мелиоративного кредита для частного землевладения, но начавшееся успокоение вновь ставило на повестку дня поиски источников средств и организационных форм такого кредита. Нельзя было надолго откладывать вопрос о краткосрочных и подтоварных ссудах. И, разумеется, поместное дворянство не могло смириться с утратой льготного кредита Дворянского банка. Таким образом, с улучшением общей финансовой и экономической ситуации в стране полемика вокруг аграрного и сельскохозяйственного кредита, а значит и вокруг общей экономической политики правительства должна была неизбежно обостриться.

ГЛАВА 4

Проблема сельскохозяйственного кредита в годы предвоенного подъема

Высокие урожаи 1909 и 1910 гг. значительно ускорили процесс накопления капиталов в России, увеличили спрос на промышленную продукцию, способствовали упрочению государственных финансов. Все это создало предпосылки нового промышленного подъема и притока иностранных капиталов в Россию. В меняющейся экономической ситуации неизбежно приобрели большую остроту разногласия по вопросу о приоритетах дальнейшего народнохозяйственного развития и вытекавшие из этого споры о масштабах сельскохозяйственного кредита и формах его организации.

Начавшийся в 1907 г., после отмены выкупных платежей и обозначившегося подъема мировых хлебных цен, рост крестьянской кредитной кооперации (особенно кредитных товариществ по уставу 1895 г.)¹ сделал, видимо, для правящих кругов менее актуальным дальнейший поиск организационных форм краткосрочного и мелиоративного кредита для крестьян, поскольку кооперация до известной степени взяла эти функции на себя, обнаружив при этом способность самостоятельно привлекать местные ресурсы, хотя и не в объеме, достаточном для полного удовлетворения потребностей деревни в кредите. Поэтому в 1909–1910 гг. полемика вокруг крестьянского сельскохозяйственного кредита в бюрократических сферах смещается в сторону проблемы, в какой форме и до какой степени крестьянская кооперация должна

¹ См.: Корелин А. П. Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX — начале XX в. М., 1988. С.134–135.

контролироваться государством и можно ли допустить ее самостоятельный выход на общероссийский денежный рынок.

Одновременно вновь ставится на повестку дня вопрос о сельскохозяйственном кредите для помещного землевладения. Хорошие урожаи и высокие цены повысили кредитоспособность помещичьих хозяйств и увеличили их спрос на краткосрочный кредит, который и раньше удовлетворялся Государственным банком в недостаточной степени. Создание учреждений, специально приспособленных к нуждам краткосрочного и мелиоративного кредита частным землевладельцам, было, таким образом, объективной необходимостью. Такой кредит рассматривался и как средство предотвратить мобилизацию помещичьих земель, поскольку ипотечных ссуд оказывалось для этого недостаточно. В то же время в обстановке усилившейся борьбы буржуазии и помещного дворянства за власть и доходы, создание банка, занимающегося под контролем государства и «производителей зерна» экспортной хлебной торговлей, все еще рассматривалось в части помещичьих кругов как возможность потеснить хлеботорговцев в своих интересах.

Конкретным воплощением всех этих тенденций явились выдвинутые на рубеже 1909–1910 гг. планы создания Сельскохозяйственного банка в системе ГУЗиЗ и передачи в его же ведение Крестьянского банка.

Очередной проект Сельскохозяйственного банка был выдвинут в ходе обсуждения проблемы реализации урожая 1909 г.

Хлебная торговля России развивалась в третьеиюньский период в противоречивых условиях. Урожайные 1902–1905 гг. привели к абсолютному и относительному увеличению роли России на международном хлебном рынке, чему способствовало временное сокращение участия в мировой торговле США, внутренний рынок которых развивался стремительно. Тем не менее во имя конкуренции с США Россия даже в неурожайном 1906 г. держала экспортные цены ниже внутренних.¹ В 1907 г. неурожай в основных хлебовывозящих

¹ Вестник финансов. 1907. № 16. С.117–126.

торговли с экспорта на внутреннее потребление, направленное на откорм скота. Эти меры, дополненные строительством складов-холодильников и специальных пароходов, а также пополнением подвижного парка железных дорог вагонами-холодильниками должны были, по мнению Щербатова, разом решить две проблемы: рост спроса на кормовой хлеб и увеличение количества навоза в хозяйствах обеспечивали подъем земледелия и тем смягчали остроту крестьянского малоземелья и даже побуждали крестьян перейти к более совершенным формам землепользования, одновременно замена вывоза хлеба экспортом мяса давала бы «при условии обеспеченного рынка и выгодных ценах» до 1 млрд рублей в год.¹ Как справедливо замечает М. С. Симонова, это был «очередной “универсальный” рецепт подъема сельского хозяйства при помощи сугубо технических мер», не учитывающих его общую экономическую слабость.² За планом Щербатова стояла также боязнь нового повышения германских хлебных пошлин при пересмотре русско-германского торгового договора в 1904 г. и стремление заменить германский хлебный рынок английским мясным. В ходе самого Сопещения Щербатов не скрывал помещичьего характера своих предложений и откровенно заявлял, что «большинство хозяев России» интересуется не «техническими улучшениями» животноводства, а только «вопросом о выгодном сбыте».³ При этом Щербатова не останавливала и перспектива роста цен на мясо на внутреннем рынке, и он настаивал, что производители мяса не должны приносить в жертву «свои интересы лишь ради того, чтобы прокормить дешевле городских жителей».⁴

При обсуждении вопроса в общей форме Витте ограничился косвенно выраженным сомнением в осуществимости проектов Щербатова, бросив фразу, что «иностранцы того мяса, которое мы едим, не едят, такого мяса они не будут

¹ Записка А. Г. Щербатова 21 марта 1902 г. // Там же. Д.43. Л.94–100.

² Симонова М. С. Указ. соч. С.105.

³ РГА. Ф.1233. Оп.1. Д.11. Л.120.

⁴ Там же. Д.23. Л.228.

покупать». На этой стадии Витте важно было записать в журнале, что никто не выразил тревоги по поводу возможного падения хлебных цен. Ради этого он готов был включить в журнал рекомендацию о развитии скотоводства и содействии перевозке его продуктов, тут же получив в качестве противовеса помету Николая: «Без излишнего увлечения».¹ Свою действительную позицию Витте сформулировал полгода спустя.

Формально Совещание обсуждало меры по содействию птицеводству, отрасли преимущественно крестьянской. Но все участники полемики переводили разговор на скотоводство вообще. И вот тут Витте жестко объяснил, что планы Щербатова построены на предположении о беспредельности иностранного рынка, тогда как в действительности с его насыщением и падением цен «придется снова подумать о переходе к зерновому экспорту. Тогда... холодильники, специальные пароходы, которые мы заведем, останутся без работы и громадные затраты на них окажутся бесполезными, а тем временем другие страны займут наше место на зерновом рынке». Витте не возражал против определенного содействия экспорту мяса и яиц (основной предмет крестьянского промысла), если необходимое для того оборудование будет оплачено самими экспортерами («для крестьян, — говорил он, — холодильники не нужны»). Но рисковать уже налаженным хлебным вывозом ради проблематичного завоевания европейских мясных рынков Витте не собирался и выговаривал Щербатову, что «в таком важном деле, как переход от системы зернового хозяйства к скотоводческому, деле, глубоко затрагивающем интересы населения, надо действовать с величайшей осторожностью». Пусть, подчеркивал он, «ответственность за результаты расширения вывоза за границу будет лежать не на правительстве».²

Предложения Щербатова показались чересчур «грандиозными» и Ермолову. Дело заключалось отчасти в том, что

¹ Журнал Особого совещания... № 5 // Вестник финансов. 1902. № 27. С.5–6.

² РГИА. Ф.1233. Оп.1. Д.23. Л.235–238.

Ермолов считал более реальной задачу увеличения вывоза молочных продуктов. Речь снова шла именно о вывозе, ибо все участники Совещания считали, что внутренний рынок при его узости уже насыщен «в пределах состояния потребителей». И Витте, и Ермолов доказывали, что развитие маслоделия (перспективы которого Ермолов преувеличивал) не может вредно отразиться на потреблении молока самими крестьянами, ибо оно все равно из-за нужды в деньгах уходит на продажу. В записке МЗиГИ вновь подчеркивалась связь между превращением животноводства в доходную отрасль с интенсификацией земледелия, причем, как это было обычно в документах и литературе того времени, эта интенсификация в значительной мере сводилась к увеличению навозного удобрения почвы. Суммируя предложения МЗиГИ (в основном — государственное покровительство, санитарный надзор и т.п.), Витте отметил, что вопрос, таким образом, сводится не к изысканию новых способов развития молочного хозяйства, а к ассигнованию средств, и этим спровоцировал несколько простодушный ответ Ермолова: «Я всегда это утверждаю».¹

Между тем именно с такой постановкой проблемы Витте всегда был несогласен. В этом был смысл выдвижения им еще одного «общего вопроса» сельскохозяйственной политики — следует ли отдавать предпочтение «правительственному воздействию» или «самодеятельности сельских хозяев». Сформулированный в такой форме вопрос вызвал почти единодушную поддержку «самодеятельности». Речь при этом, естественно, шла о помещиках, поскольку в необходимости правительственного воздействия на крестьянское хозяйство не сомневался никто, и спор возникал лишь из-за способов и направления такого воздействия. Только Плеве, посвятивший всю жизнь борьбе с любыми проявлениями общественной «самодеятельности населения», теперь предупреждал, что в результате и в частном случае — в области сельского хозяйства — «возбудить эту самодеятельность... едва ли возможно в более или менее близком будущем». Но если

¹ Там же. Д.15. Л.142, 144, 153.

Ермолова, Щербатова, Половцова заботило прежде всего сохранение права хозяйственной деятельности за земствами и сельскохозяйственными союзами, то Витте и Коковцов думали в первую очередь под флагом поощрения общественной самодеятельности оградить интересы казны. Особенно отчетливо это прозвучало в выступлении Коковцова, прямо предсказывавшего в случае принятия принципа правительственного воздействия «необъятное море всевозможных просьб и предложений, сущность которых сводится к выдаче казенных воспособлений».¹

В результате Совещание высказалось за развитие частной и общественной инициативы и признало, что «воздействие правительства в области частнохозяйственной деятельности» может иметь место только при решении каких-то ограниченных задач, а в общей форме типа таможенного покровительства к русскому сельскому хозяйству неприменимо.² В дальнейшем ссылки на частную и общественную инициативу постоянно использовались Витте в его сопротивлении предположениям о финансовом участии государства в решении проблем сельского хозяйства.

В полной мере это проявилось и в ходе рассмотрения Особым совещанием вопроса о мелиоративном кредите. После разрешения в мае 1900 г. кредитов на создание предприятий по переработке продукции имений и на выделение хуторов внутри помещичьих хозяйств спрос на ссуды из мелиоративного фонда МЗиГИ начал расти, хотя и оставался в абсолютном выражении небольшим.³ Ермолов, однако, считал доказанным, что впредь мелиоративный кредит «займет видное место в ряду серьезнейших мер в деле поднятия уровня нашего сельского хозяйства и первое место между

¹ Там же. Д.22. Л.61, 72, 198–200. М. С. Симонова почему-то сочла, что Коковцов возражал против финансовой поддержки только крестьянских хозяйств (*Симонова М. С. Указ. соч. С.35*), хотя он, как видно из характера ожидаемых притязаний, боялся помещичьих требований.

² Журнал Особого совещания... № 5 // Вестник финансов. 1902. № 27. С 6–7.

³ *Корелин А. П. Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX — начале XX в. М., 1988. С.37.*

различными видами кредита»¹ и потребует «сотни миллионов рублей».² Конкретные планы МЗиГИ были при этом достаточно скромными. Оно добивалось передачи ему из Государственного банка ссуд на покупку сельскохозяйственных машин и орудий (считая, что банк не развивает эту операцию в нужном размере, а даже свертывает ее), разрешения кредита на приобретение скота и культивирование кормовых растений и расширения посреднических прав земств. Для того, чтобы земства могли при этом выдавать ссуды не только крестьянским обществам и товариществам, но и отдельным крестьянам, предполагалось разрешить организацию для последних личного кредита без ипотечного обеспечения.³ Разъясняя цели мелиоративных ссуд отдельным крестьянам, Ермолов говорил и о содействии хуторскому расселению в пределах наделных земель.⁴

В развитие раздела о земском посредничестве МЗиГИ внесло записки о мерах по распространению сельскохозяйственных машин и орудий⁵ и о правительственном содействии деятельности земств в области сельского хозяйства.⁶ Обе записки содержали ряд вполне резонных идей. Отметим, что сельскохозяйственное машиностроение России не удовлетворяло растущий спрос, и это вело, с одной стороны, к монополистическим тенденциям у фирм, занимавшихся сбытом инвентаря, а с другой — к развитию кустарного производства простейших сельхозмашин. МЗиГИ предлагало наладить изготовление частей таких машин на казенных заводах, предоставив сборку кустарям, и содействовать земствам в их борьбе с торговыми фирмами путем создания посреднических контор и складов. В том виде, в каком эта

¹ Записка МЗиГИ о расширении кредита на сельскохозяйственные улучшения. Март 1903 г. // Вестник финансов. 1903. № 50. Особое приложение.

² РГИА. Ф.1233. Оп.1. Д.15. Л.41.

³ Там же. Д.94. Л.2–12.

⁴ Там же. Д.15. Л.25.

⁵ Там же. Д.114. Л.141–151.

⁶ Там же. Л.216–243.

идея соединения фабричного и кустарного производств была представлена в данном случае, она имела смысл, особенно при существовавшем уровне используемой крестьянами техники. Мысль же о посреднических бюро трансформировалась в 1906 г. в создание Общеземского товарищества для приобретения и продажи необходимых в сельском быту предметов. Была впоследствии реализована и другая идея. Поскольку закон 12 июня 1900 г. ввел предельность земского обложения, МЗиГИ считало необходимым участие казны в расходах земств на сельскохозяйственные цели и предлагало передавать им из бюджета сумму, равную их собственным затратам в этой области.

Признавая справедливость и целесообразность отдельных конкретных предложений МЗиГИ, Министерство финансов и при Витте, и после его отставки не поддерживало планы расширения мелиоративного кредита в целом. Витте вообще предполагал отделаться обсуждением в одном заседании Совещания, попутно высмеяв рекомендации местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности (а тем самым и проекты МЗиГИ), называя их «пожеланиями так сказать дамского свойства, т. е. без соображения об исполнимости» этих советов. Откровенно признаваясь, что он «не сторонник такого кредита», Витте стремился истолковать мелиорацию исключительно как ирригацию и тем самым пресечь просьбы о ссудах на улучшение хозяйства.¹ Удовлетворение спроса на последние за счет государства Витте считал неосуществимым и предлагал содействовать возникновению «союзов или товариществ для производства мелиораций»,² явно имея в виду помещиков. Кроме общих «казначейских» соображений и отмеченного еще в 1-й главе нежелания Витте содействовать «мелиорации имений» (к чему вели предложения МЗиГИ) на государственные деньги, на позиции Министерства финансов отражалась и убежденность в преждевременности развития мелиоративного кредита

¹ Там же. Д.15. Л.23, 40, 42–43.

² Журнал Особого совещания... № 18 // Вестник финансов. 1904. № 9. С.364–365.

в России в существующих условиях. Возглавлявший Отдел торговли старый сотрудник Витте М. М. Федоров в специальной записке доказывал, что мелиоративный кредит становится серьезной потребностью сельского хозяйства лишь тогда, когда выявляется «экономическая необходимость» его интенсификации, а «о серьезном переходе страны к интенсивному хозяйству и речи быть не может, пока переход этот не распространяется на крестьянское хозяйство», что невозможно без изменения системы землепользования.¹

Расхождение взглядов Министерства финансов и других ведомств на мелиоративный кредит стало еще заметнее, когда Витте не удалось ограничить обсуждение вопроса о нем общим заседанием Совещания и пришлось согласиться на создание подготовительной комиссии под председательством Ермолова. В комиссии вновь проявилось стремление поместного дворянства использовать мелиоративные ссуды для облегчения его ипотечной задолженности. Ссылаясь на то, что «отечественное сельское хозяйство при его малоустроенности нуждается главным образом в кредите не на улучшения чисто мелиоративного типа... а вообще на свое поддержание и на развитие своих сил», большинство комиссии (представители МЗиГИ, МВД и Государственного контроля) хотело распространить кредит и на владельцев имений с большой ипотечной задолженностью. При этом Гурко высказывался против контроля за использованием ссуды, заявляя, будто сам факт, что владелец имения обратился за мелиоративным, а не ипотечным кредитом, гарантирует его производительное направление. Одновременно большинство комиссии стремилось максимально расширить целевое назначение ссуд, допуская и употребление на устройство предприятий, перерабатывающих продукцию не только собственного имения, на кирпичные заводы и т. п. В итоге Шванебах, перешедший к тому времени в МЗиГИ, счел все же необходимым выступить против «ошибочного

¹ По поводу записки Отдела сельской экономики о расширении кредита на сельскохозяйственные улучшения. Соображения управляющего Отделом торговли Федорова // РГИА. Ф.1233. Оп.1. Д.94. Л.25–28.

убеждения, что каждое лицо имеет как бы прирожденное право на кредит». Напротив, посредничество земств в организации мелиоративных ссуд для крестьян предполагалось сделать факультативным, что при хлопотности дела и возможности убытков послужило бы заведомым препятствием для его развития.¹

Планируя расширение сферы применения мелиоративных ссуд, комиссия Ермолова не собиралась ограничиваться фондами МЗиГИ и высказывалась за «самостоятельные кредитные операции» помещичьих товариществ и их объединений. Тимашев от имени Государственного банка пытался предупредить, что в условиях переполнения денежного рынка ипотечными ценностями и начавшейся к тому времени русско-японской войны облигации товариществ, даже если их выпуск будет разрешен, «едва ли найдут вообще помещение». Но, рассчитывая на ослабление позиций Витте после его ухода из Министерства финансов, представители МЗиГИ, МВД и Госконтроля выразили «убеждение, что изыскание средств (на мелиоративный кредит. — В. Д.) должно составить задачу всей высшей финансовой политики государства, так как меры поддержания сельского хозяйства стали на очередь и настоятельно требуют осуществления». Ермолов при этом заявлял, что окончательное решение о бюджетных ассигнованиях принадлежит Государственному совету, надеясь, видимо, заручиться его поддержкой против «скарденности» финансового ведомства.²

Реально, однако, русско-японская война привела к сокращению и без того незначительных средств, выделяемых в мелиоративный фонд МЗиГИ. Первоначально назначенная на 1904 г. смета в 0,5 млн рублей была уменьшена до 0,2 млн. В том же размере были оставлены ассигнования на 1905 г.³

¹ Журнал заседаний подготовительной комиссии для разработки вопросов об организации мелиоративного кредита. Июнь 1904 г. // Там же. Л.222–254.

² Там же. Л.244.

³ Представление МЗиГИ 28 октября 1904 г. и журнал Государственного совета в Департаменте экономики 11 ноября 1904 г. // Там же. Ф.1152. Оп.13. 1904. Д.257. Л.2–6, 7–8.

распродажи земель оказывалась убыточной. Это вызывало беспокойство Министерства финансов. К тому же постоянно возникали трения между землеустроительными комиссиями, интересовавшимися в первую очередь поставленными перед ними задачами, и Министерством финансов, обеспокоенным кассовой стороной операции.

В январе 1907 г. решением Комитета по землеустроительным делам было запрещено продавать землю из фонда Крестьянского банка без одновременного перевода покупателей на участковое хозяйство или в крайнем случае размещения их мелкими селениями. Одновременно землеустроительным комиссиям было предоставлено право более широкого участия в ликвидации земель, ранее приобретенных Крестьянским банком, и в оценке вновь приобретаемых. Уже в мае Коковцов обратил внимание Столыпина на то, что требование, чтобы покупатели банковских земель немедленно переходили к улучшенным формам землепользования, затягивает реализацию этих земель и вводит банк в убыток. Сохранять такой порядок, отмечал Коковцов, можно было бы лишь в том случае, если бы за банком был законодательно закреплён источник для покрытия его потерь.¹ В письме к Васильчикову Коковцов обращал внимание и на еще одну сторону дела — ускорение ликвидации банковского фонда важно и с политической точки зрения, поскольку продемонстрирует населению реальную деятельность правительства по уменьшению крестьянского малоземелья.² Аргументы Коковцова были сочтены убедительными, и 12 июня Василь-

¹ В. Н. Коковцов — П. А. Столыпину. Май 1907 г. // РГИА. Ф.592. Оп.44. Д.490а. Л.196–199.

² В. Н. Коковцов — Б. А. Васильчикову 5 июня 1907 г. // Там же. Ф.1276. Оп.3. Д.506. Л.2–9. За всеми этими соображениями, как и за позиций Коковцова в вопросе о поднадельном кредите, стоял не высказываемый прямо основной мотив его поведения: Коковцов был (как, впрочем и Васильчиков) против чрезмерного нажима на общину. Потерпев поражение в попытке воспротивиться ему при выработке указа 9 ноября 1906 г. (см.: *Дякин В. С.* Чрезвычайно-указное законодательство в России. 1906–1914 гг. // *Вспомогательные исторические дисциплины.* Т.VII. Л., 1976. С.254–255), Коковцов тянул с включением его ведомства в этот нажим.

чиков разрешил землеустроительным комиссиям соглашаться на менее совершенные формы хозяйства на банковских землях, так как-де «всякое промедление в распродаже принадлежащих Крестьянскому банку земель одинаково нежелательно как с финансовой точки зрения, так и с точки зрения землеустроительной».¹

Вслед за тем по предложению Коковцова были созданы временные отделения Совета Крестьянского банка, в которые были включены также представители МВД и ГУЗиЗ. Целью отделений была децентрализация операций по ускорению ликвидации банковского фонда. Одобряя предложения Коковцова, Совет министров выражал особую надежду на то, что активность Крестьянского банка произведет хорошее впечатление «ввиду предстоящих новых выборов в Государственную думу».² Создание временных отделений Совета позволило Крестьянскому банку перехватить инициативу в ведомственном соревновании с ГУЗиЗ. Новой инструкцией Комитета по землеустроительным делам от 19 февраля 1908 г. общее заведование фондом возлагалось на ликвидационный отдел во главе с товарищем министра финансов по управлению Крестьянским банком.³ В апреле Совет министров согласился с дальнейшим сокращением прав землеустроительных комиссий, ограничив их возможности вмешиваться в установление Крестьянским банком размеров посреднических ссуд.⁴ Показательно, что тогда же, в апреле, на совещании о землеустроительном кредите предложение поручить его Крестьянскому банку увязывалось с идеей вообще превратить землеустроительные комиссии в уездные органы банка.⁵

¹ Известия ГУЗиЗ. 1907. № 25. С.444.

² Особые журналы Совета министров царской России. 1907 год. Ч.2. М., 1985. С.93.

³ Известия ГУЗиЗ. 1908. № 11. С.199–200.

⁴ Особые журналы Совета министров царской России. 1908 год. М., 1988. С.406–409.

⁵ Журнал совещания по землеустроительному кредиту. Апрель — май 1908 г. // РГИА. Ф.1291. Оп.54. 1908. Д.14. Л.52.

Ситуация изменилась в мае 1908 г., когда Кривошеин, с октября 1906 г. возглавлявший Крестьянский банк и немало способствовавший успехам в защите его самостоятельного статуса в землеустроительных делах, встал во главе сельскохозяйственного ведомства и вновь начал тянуть одеяло на себя. В конце октября группа правых крестьянских депутатов Думы по случайному поводу внесла предложение передать Крестьянский банк в ГУЗиЗ для большего согласования его деятельности с землеустроительными комиссиями.¹ В своем заключении Кривошеин признал, что немедленное осуществление такого шага невозможно по «соображениям финансового характера», вызванным неблагоприятным состоянием денежного рынка. Но он предложил пересмотреть устав банка для приспособления его к целям землеустройства, а уже затем решать вопрос об управлении им.² В полном соответствии с позицией Кривошеина Совет министров также постановил, что вопрос об изменении порядка управления банком (т. е. о его подчиненности) может быть решен «в том или ином направлении» только при общем пересмотре его устава.³ Как отмечалось в 3-й главе, в этот момент Земский отдел МВД решительно выступал за сохранение Крестьянского банка в системе Министерства финансов, считая, что там он будет меньше заниматься скупкой помещичьих земель, чем в ГУЗиЗ.

Проблема подведомственности Крестьянского банка становилась особенно злободневной в связи с тем, что с 1 января 1911 г. истекло его право покупать земли за свой счет и предстояло решать — продлевать ли это право, как того добивалось Министерство финансов, или нет. Самостоятельные операции Крестьянского банка на земельном рынке всегда вызывали резкое недовольство помещного дворянства, став-

¹ Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Созыв III. Сессия II. СПб., 1908. № 21.

² А. В. Кривошеин — П. А. Столыпину 7 декабря 1908 г. // РГИА. Ф.381. Оп.47. Д.530. Л.1-2.

³ Особый журнал Совета министров 16 декабря 1908 г. // Там же. Ф.1276. Оп.20. Д.29. Л.91-92.

шее особенно острым после того, как в 1906–1907 гг. перепуганные помещики сами продали банку заметную часть своих имений. На III съезде объединенного дворянства весной 1907 г. екатеринославский губернский предводитель А. П. Струков называл банк «гидрой, поглощающей землевладение дворянства».¹ В тот момент, однако, на съезде еще сохранялось понимание необходимости расстаться с частью своих земель ради успокоения крестьян, и даже Н. Е. Марков 2-й говорил, что деятельность Крестьянского банка нужно терпеть как неизбежное зло.² Но уже в начале 1908 г. в Думе был возбужден вопрос о прекращении покупок банка хотя бы впредь до продажи уже купленных имений. Банк старался парировать эти требования указанием на то, что его уход с земельного рынка не остановил бы процесс мобилизации помещичьих земель, а лишь способствовал бы оживлению перекупщиков, которые сбивали бы цены, даваемые землевладельцам, и вздували бы цены, взимаемые с крестьян.³

В 1909 г. требования прекратить закупочные операции банка были повторены в Государственном совете (бывшим главой ГУЗиЗ Никольским)⁴ и на V съезде объединенного дворянства. При этом А. Д. Кашкаров называл эту операцию отголоском планов принудительного отчуждения,⁵ а Гурко обвинял банк в ликвидации «культурного элемента» в деревне. «Мы, — заявлял он, — присутствуем при самом энергичном осуществлении на практике социал-революционной земельной программы».⁶ В мае 1909 г. недвусмысленно

¹ Труды 3-го съезда уполномоченных дворянских обществ 32 губерний. СПб., 1907. С.294.

² Там же. С.238.

³ Черкас В. Записка по вопросу о прекращении покупки Банком земель и посреднической его деятельности. Февраль 1908 г. // РГИА. Ф.592. Оп.44. Д.463. Л.292–301.

⁴ Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. 1908–09 годы. СПб., 1909. Стб.1698.

⁵ Труды V съезда уполномоченных дворянских обществ 32 губерний. СПб., 1909. С.167.

⁶ Гурко В. И. Наше государственное и народное хозяйство. СПб., 1909. С.51.

выразил свою позицию и Николай. На полях отчета тамбовского губернатора возле рассуждений последнего о скупке банком помещичьих земель Николай написал: «Не следует ли попридержать эту сторону деятельности банка». ¹ В этих условиях вставал вопрос о дальнейшем направлении операций банка — вернуться ли к чисто кредитной деятельности без выхода на земельный рынок за свой счет или полностью превратиться в землеустроительное учреждение, что вело за собой и обсуждение его отношений с ГУЗиЗ.

Поставленные в повестку дня объективным состоянием хлебной торговли и сельскохозяйственного кредита, с одной стороны, и процессом мобилизации земель в ходе аграрной реформы — с другой, проблемы создания Сельскохозяйственного и реорганизации Крестьянского банков были связаны также с проектом преобразования ГУЗиЗ. В 1905 г. оно было задумано как исполнительный орган при наделенном большими полномочиями Комитете по земельным делам. Создание последнего не состоялось, и ГУЗиЗ осталось в целом при структуре прежнего Министерства земледелия и государственных имуществ, при этом формально понизившись в ранге из министерства в Главное управление. Обстоятельства вынудили ГУЗиЗ сосредоточить усилия на землеустроительных проблемах, оставив на втором плане вопросы собственно сельского хозяйства. Поэтому реформа ГУЗиЗ, восстанавливавшая его статус министерства и, главное, приспособлявшая его структуру к проблемам, стоявшим перед сельским хозяйством, была объективной необходимостью. По поручению, данному еще Васильчиковым, проект такой реформы был подготовлен к весне 1909 г. комиссией во главе с С. С. Бехтеевым. ² Проект предусматривал создание Министерства сельского хозяйства, ведению которого подлежали бы в области кредита «ближайшее

¹ Высочайшие поместы на отчетах губернаторов // РГИА. Ф.592. Оп.44. Д.425. Л.66–67.

² Журнал Сельскохозяйственного совета при ГУЗиЗ. Март 1909 г. // Там же. Ф.23. Оп.1. Д.73. Л.327.

участие» в покупках земли Крестьянским банком за его счет и при его посредстве и «заведование денежным и вещным сельскохозяйственным кредитом и принятие мер к его развитию и правильной постановке».¹ Эти формулировки оставались в общем в рамках прежней компетенции ГУЗиЗ.

В конце 1909 г. был разработан новый план преобразования ГУЗиЗ — в Министерство земледелия. В проект устава была внесена формулировка о возложении на министерство «заведования, на основании подлежащих узаконений, сельскохозяйственным кредитом», которая могла быть при необходимости истолкована как выведение этого кредита в целом (включая изыскание средств на него) из компетенции финансового ведомства. Не выдвигая такого требования в данный момент, ГУЗиЗ настаивало на пересмотре устава Крестьянского банка. Оно считало необходимым, чтобы представители Министерства земледелия были введены в Совет банка и чтобы опротестованные ими решения последнего рассматривались затем в Главном земельном комитете при сельскохозяйственном ведомстве. Это значительно увеличивало влияние ведомства на банк. Кроме того, новый проект возлагал на министерство разработку мероприятий, содействующих не только обеспечению сельской промышленности оборотными средствами, но и «наиболее выгодному сбыту сельскохозяйственных произведений».² Обе формулировки, опять нарочито обтекаемые, явно расширяли прежние функции ГУЗиЗ в области мелиоративных ссуд и были связаны с тем, что параллельно с Учреждением Министерства земледелия ГУЗиЗ не позже января 1910 г. представило и устав Правительственного Сельскохозяйственного банка.

В отличие от прежних мигулинских проектов речь в данном случае шла о чисто государственном кредитном учреждении, что было связано с представлениями Криво-

¹ Учреждение Министерства сельского хозяйства (Проект) // Там же. Ф.592. Оп.1. Д.649. Л.3–31.

² Учреждение Министерства земледелия (Проект) // Там же. Л.133–164. Датируется, исходя из существования замечаний на него Крестьянского банка от 18 января 1910 г. // Там же. Л.75.

шеина о роли государства в регулировании процессов экономического развития земледелия и, возможно, с предвидением бездоходности банка. Первоначальный основной капитал устанавливался всего в 15 млн рублей, но банк, поступающий в ведение ГУЗиЗ, получал право хранения вкладов и выпуска облигаций, общая масса которых ограничивалась лишь размером долга банку его заемщиков. При этом уплата процентов по облигациям гарантировалась «всем достоянием государства». Банк мог выдавать мелиоративные и краткосрочные ссуды, а также открывать кредит на «всякие расходы», возмещение которых было обеспечено наличностью сельскохозяйственных продуктов и кустарных изделий, предназначенных для продажи. За этим, очевидно, скрывались не названные прямо в уставе комиссионные операции. Клиентами могли быть земства и учреждения мелкого кредита (в качестве посредников и для создания собственных складов и предприятий по переработке продукции) и «отдельные хозяева». Учреждения, пользующиеся кредитом банка, были обязаны ему ежегодной и ревизионной отчетностью. В качестве обеспечения ссуд могли служить земля (в том числе надельная, укрепленная в личную собственность), зерно и другая сельскохозяйственная и кустарная продукция (как на складах банка, так и на хранении у заемщика), транспортные и складочные документы под нее и векселя, в том числе с одной подписью.¹ Хотя в объяснительной записке к уставу подчеркивалось, что главнейшей клиентурой банка должны стать крестьяне-собственники, возможность соло-вексельного обеспечения долга и ряд целевых назначений ссуд, особенно лесоразведение, были явно ориентированы на помещиков.

Внося в Совет министров проекты реорганизации ГУЗиЗ и создания Сельскохозяйственного банка, Кривошеин счел необходимым затронуть в объяснительных записках к ним (основные идеи в которых при некоторой разнице в акцентировке повторялись, а ряд положений текстуально

¹ Устав Сельскохозяйственного банка (Проект) // Там же. Ф.395. Оп.1. Д.2116в. Л.142-148. Содержание проекта было изложено в «Известиях ГУЗиЗ» — 1910. № 5 (31 января). С.109-113.

совпадал) те «коренные основы экономической жизни России», обсуждения которых он потребовал в совещании о реализации урожая.

Кривошеин подчеркивал, что в России земледелие не только составляет еще «главнейший род занятий почти для всего сельского населения», но и в обозримом будущем «народный труд может иметь наиболее широкое применение главным образом в сельском хозяйстве». Между тем, говорилось в объяснениях к Учреждению Министерства земледелия, со времен Петра I ни правительство, ни общество не уделяли должного внимания сельскому хозяйству, а промышленный подъем 90-х гг. «был в значительной мере искусственным и совершался в ущерб земледельческому промыслу». Не отрицая необходимость развитой промышленности и транспорта для процветания сельского хозяйства, записка ГУЗиЗ обращала внимание и на обратную зависимость, особенно в России, где промышленность, неконкурентоспособная на мировом рынке, может развиваться, только опираясь на внутренний рынок, т. е. «на сельское хозяйство, прочно и хорошо поставленное». С другой стороны, отмечалось в записке, российская промышленность не может поглотить избыток существующих в стране рабочих рук, что ведет к оскудению крестьянства, а это в 1905–1906 гг. чуть не привело к общему экономическому кризису (о социальном кризисе этих лет в записке почему-то не упоминалось вообще). Если, предупреждало ГУЗиЗ, и дальше значительная часть рабочей силы не будет находить себе применения, «кризис этот неизбежен в более или менее близком будущем», а для предотвращения этого необходимо расширить «область применения народного труда» и увеличить его производительность.

У Кривошеина и его сотрудников не было никакого сомнения в том, что предпринятая Витте «попытка в широких размерах привлечь народный труд к обрабатывающей промышленности не увенчалась успехом. Она показала, что при низком состоянии сельскохозяйственной культуры и бедности земледельческого населения прочное развитие у нас фабрично-заводской промышленности невозможно даже при энергичной поддержке правительства». Поэтому ГУЗиЗ

предлагало «привлечь свободный и пропадающий без пользы излишек рабочей силы населения» к сельскому хозяйству, «чтобы увеличением его производительности и доходности поднять общее благосостояние населения и тем создать прочную основу для успешного развития в будущем и фабрично-заводской промышленности». В записке обращалось внимание и на еще одно обстоятельство — именно сельскохозяйственный, хлебный прежде всего, экспорт покрывает платежи по внешним займам России, но с ростом населения вывоз хлеба может сократиться. Решить проблему можно не дальнейшим расширением посевных площадей, а только путем повышения культуры земледелия, для чего нужно «в короткий срок» поднять сельское хозяйство до уровня, которого западные страны «достигли в течение продолжительного периода времени». Выводом из всего этого служило утверждение, что правительство должно взять сельское хозяйство «под свое особое покровительство и руководство.., не останавливаясь даже перед крупными затратами из средств государственного казначейства».¹

Если, таким образом, записка об организации Министерства земледелия формулировала общие цели экономической политики в понимании ГУЗиЗ, то в записке о Сельскохозяйственном банке, повторявшей тезис о провале виттевского курса, главное внимание сосредоточивалось на пути достижения этих целей — обеспечении притока капиталовложений в сельское хозяйство. В записке напоминалось, что ссуды Дворянского и частных земельных банков лишь в незначительной степени шли на улучшение хозяйства, а Крестьянский банк занят только содействием крестьянам в приобретении земли. Между тем как раз в связи с переходом помещичьих земель к крестьянам производительность земли уменьшается, поскольку из сельского хозяйства уходят накопленный частными владельцами опыт и их оборотные средства. Возникает необходимость «помочь новым владельцам хотя бы поддержать те культурные хозяйства, которые

¹ Объяснительная записка к проекту Учреждения Министерства земледелия // РГИА. Ф.1276. Оп.6. Д.378. Л.81–95.

они приняли от прежних собственников, а другим сравняться с ними». Такая помощь могла бы быть оказана в форме кредита под залог надельных земель, стоимость которых составляла 6–7 млрд рублей, и даже залог 10% этих земель мог бы открыть крестьянам широкий кредит. ГУЗиЗ, таким образом, игнорировало или считало случайной неудачу Крестьянского банка в развертывании поднадельного кредита. Кроме того, подчеркивалось в записке, не исчерпало еще своей кредитоспособности и частное землевладение.

Конкретный путь организации сельскохозяйственного кредита ГУЗиЗ видело, с одной стороны, в децентрализации операций по выдаче ссуд, для чего предполагалось использовать земства и учреждения мелкого кредита, а с другой — в централизации усилий по изысканию средств на кредитование сельского хозяйства в руках правительства, «коему наиболее доступно распределение между различными отраслями промышленности не только средств государственных, но и сбережений народных, а в случае надобности — также и привлечение капиталов с заграничных денежных рынков».

Органом, который привлекал бы к себе народные сбережения и капиталы денежного рынка и распределял бы их между кредитными учреждениями на местах, и предлагалось сделать Сельскохозяйственный банк. При этом подчеркивалось, что Дворянский и Крестьянский банки не могут быть использованы для этой цели, поскольку они не приспособлены для краткосрочных операций, а главное — находятся в ведении Министерства финансов, «между тем как дело сельскохозяйственного кредита естественно должно находиться в руках ведомства, призванного к удовлетворению нужд сельскохозяйственной промышленности». Как и во всех предыдущих случаях, авторы проекта выражали уверенность, что на денежном рынке существует обилие капиталов, ищущих себе применения, а потому спрос на облигации банка обеспечен. Тем не менее они предлагали «на первое время» подстраховать реализацию облигаций за счет фонда сберкасс и запасных капиталов различных кредитных учреждений. Не смущала ГУЗиЗ и перспектива того, что приток

вкладов в Сельскохозяйственный банк уменьшит их поступления в Государственный банк и сберегательные кассы.¹

Экономическую концепцию Кривошеина вряд ли можно оценить однозначно.

Тезис о необходимости сбалансированного развития промышленности и сельского хозяйства был сам по себе бесспорен. Но в общей принципиальной постановке его не отрицал и Витте, чью политику Кривошеин объявлял полностью не оправдавшей себя. В этом отношении Кривошеин явно заходил слишком далеко. Как раз в это время старый оппонент Витте — Гурко гораздо более взвешенно оценивал результаты промышленного подъема 90-х гг. Напоминая, что он принадлежал к числу «открытых противников» Витте и не раскаивается в этом, Гурко на V съезде объединенного дворянства весной 1909 г. выступал против призывов к содействию исключительно сельскому хозяйству и подчеркивал: «...трудно даже определить, насколько наше современное экономическое положение было бы тяжелее и не было ли бы оно даже безысходным, если тому назад 15 лет государство не оказало мощной поддержки делу насаждения и развития у нас фабрик и заводов». Более того, Гурко теперь признавал, что «даже в смысле влияния на наше сельское хозяйство экономическая политика гр. Витте имела не одно отрицательное влияние», увеличив внутренний рынок для его продукции.²

Точно так же в принципе справедливым было положение о необходимости повысить производительность и доходность сельского хозяйства ради обеспечения как экономической, так и социальной устойчивости режима. Но заведомо ошибочным было утверждение, будто в результате интенсификации земледелия в нем расширится «область применения народного труда». Сам же Кривошеин говорил в Думе, защищая столыпинскую реформу, что «мы не можем не

¹ Объяснительная записка к проекту Правительственного Сельскохозяйственного банка // Там же. Ф.1405. Оп.531. Д.917. Листы в деле не пронумерованы.

² Гурко В. И. Указ. соч. С.76–78.

сознавать ясно, что уместить всех и каждого на собственной земле... задача неосуществимая» и в результате реформы с земли уйдут все, «кто не призван быть на ней хозяином». Высказывая в думской речи убеждение, будто «углубление труда в землю даст выгодное приложение труду еще многих и многих крестьянских рук» (видимо, уже в качестве наемных работников?), Кривошеин там одновременно признавал, что проблема «применения освободившихся сил народа» будет решена только с развитием промышленности.¹

Если, однако, категорическое отрицание позитивных результатов экономической политики Витте и излишне оптимистическая оценка возможности приложения труда к сельскому хозяйству могли быть полемическими приемами, призванными придать большую убедительность предложению изменить экономический курс страны (хотя в общем-то Кривошеин был в течение всей жизни последователен в негативной оценке виттевского «насаждения промышленности»), то вера в наличие значительных свободных капиталов, которые можно будет привлечь к сельскохозяйственному кредиту, похоже, была искренним заблуждением, при том, что Кривошеин, в отличие от деятелей дворянского лагеря, понимал необходимость поддерживать золотое обращение.

Поскольку ни золотой стандарт, ни таможенный протекционизм не были затронуты критикой Кривошеина, а меры специального поощрения тех или иных отраслей промышленности, как отмечалось в 3-й главе, не одобрялись самим Коковцовым, министр финансов не счел нужным вступать в программную полемику, тем более, что он и сам признавал необходимость подъема сельского хозяйства. Для Коковцова суть спора заключалась в том, как отразятся меры по усиленному привлечению средств к сельскохозяйственному кредиту на кредите общегосударственном. Кроме того, ему важно было не допустить разделения единой системы кредитных учреждений, а следовательно — создания Сель-

¹ Государственная дума. Стенографические отчеты. Сзъез III. Сессия II. Ч.1. СПб., 1908. Стб.1032, 1041.

скохозяйственного банка в ведении ГУЗиЗ или передачи в него Крестьянского банка.

В подготовленных в феврале возражениях против проекта Сельскохозяйственного банка по сути дела отрицалась сама необходимость сельскохозяйственного кредита. В них утверждалось, что в «той темной и скудной земледельческой среде, которая составляет подавляющую массу населения страны и для которой, между прочим, организуется помощь банка», нет ни потребности в сельскохозяйственных улучшениях, ни «даже самого сознания этой потребности», Поэтому-де неверен исходный тезис ГУЗиЗ о том, что «успех общественного почина в этом деле останавливается только за недостатком денежных средств». Что касается помещичьих хозяйств, то с точки зрения составителей документа новый кредит создал бы лишь «желоб, по которому утекут... последние остатки кредитоспособности крупных и средних землевладельцев». Заведомо перехлестывая в своей аргументации, составители возражений договаривались до того, что сельскохозяйственная культура вообще движется не кредитом, а долгим осуществлением идущих «от самой борозды» начинаний, и приводили в пример Прибалтику, где все, якобы, сделано «местными средствами без единого рубля кредита».¹ Если учесть развитую систему кредитной кооперации в Прибалтике, то смысл записки сводился к отказу в государственной помощи в деле налаживания кредита.

Тезис об отсутствии у крестьян «даже достаточного сознания необходимости изменения условий сельскохозяйственного производства» был повторен представителями финансового и торгово-промышленного ведомств на междуведомственном совещании о Сельскохозяйственном банке, проходившем в течение всего мая. В качестве доказательства справедливости этого тезиса делались ссылки на то, что крестьянская кредитная кооперация во многих районах насаждалась сверху. Кроме того, министерства финансов и торговли и промышленности считали, что и без Сельскохо-

¹ Соображения по проекту устава Сельскохозяйственного банка. 5 февраля 1910 г. // РГИА. Ф.592. Оп.44. Д.245. Л.1-5.

зяйственного банка существует достаточно учреждений, где можно получить необходимый кредит, а создание банка приведет лишь к тому, что «средства будут разобраны, но засим и израсходованы непроизводительно, как все вообще легко полученное». Представители ГУЗиЗ, МВД и Госконтроля, напротив, доказывали явно недостаточную обеспеченность помещиков и крестьян краткосрочным кредитом по сравнению, например, с Привислинским краем и подчеркивали, что если даже у крестьян действительно слабо развито понимание необходимости улучшения хозяйства, то правительству «приличествует... прибегнуть к более активным мерам», подобно тому, как это было сделано в отношении землеустройства.¹

В ходе полемики о том, нужно ли создавать Сельскохозяйственный банк, член Совета министра финансов П. П. Цитович перевел разговор в более широкую плоскость, поставив «принципиальный вопрос» — «насколько желательно искусственное закрепление за страной путем усиленного кредитования преобладающей роли того или иного промысла, в особенности земледельческого».² Заявление Цитовича, глухо изложенное канцелярией ГУЗиЗ в журнале совещания, дало повод Кривошеину еще раз изложить основы своей концепции. Он вновь подверг критике виттевскую политику индустриализации при забвении сельского хозяйства, в результате которой «все пошло прахом: деньги потрачены, но не принесли ни малейшей пользы». Этому курсу он противопоставлял содействие развитию отраслей, перерабатывающих сельскохозяйственную продукцию, чтобы вывести страну из положения производительницы только сырья. В позиции Кривошеина опять было много совершенно справедливого. «Нельзя, — говорил он, например, — строить железные дороги, но не проводить проселочные, создавать

¹ Журнал совещания по обсуждению проекта устройства Государственного Сельскохозяйственного банка. 1–24 мая 1910 г. // Там же. Оп.1. Д.2116в. Л.8–9.

² Отзыв представителей Министерства финансов на журнал совещания по проекту Сельскохозяйственного банка. 11 октября 1910 г. // Там же. Д.1929а. Л.106.

академии и не создавать народных школ, говорить о верхней маленькой пленке русского государства, а не заботиться о его огромных низах».¹ Но логика утверждений представителей ГУЗиЗ, МВД и Госконтроля, будто обрабатывающая промышленность является лишь «венцом» развития сельского хозяйства,² вела к откладыванию содействия индустриальному развитию до осуществления мер по подъему сельского хозяйства или даже к готовности развивать последнее в ущерб промышленности.

Это отчетливо выявилось при обсуждении проблемы финансирования будущего банка. Министерство финансов указывало на затруднительность размещения его облигаций на денежном рынке, ссылаясь на опыт Дворянского и Крестьянского банков. Оно также отмечало, что разрешение Сельскохозяйственному банку вкладной операции подорвет положение и сберкасс, имеющих «огромное значение и для нашего государственного кредита», и той самой кредитной кооперации, на которую банк намерен опираться, поскольку свободные средства населения ограничены. ГУЗиЗ и его союзники отвергали подобные возражения. Они утверждали, что на внутреннем рынке имеются значительные капиталы, «еще не нашедшие себе определенного дела» и потому уходящие на биржевую игру. Эти капиталы могли быть, по их мнению, привлечены к сельскому кредиту «без отвлечения их из других отраслей промышленности». Точно так же, считали они, иностранные капиталы с большей охотой пойдут в займы, обеспеченные «промыслом столь устойчивым, как земледельческий», чем в государственные займы, расходуемые на политические цели, или в промышленность, в которой подъемы перемежаются с «губительными кризисами».³ Но

¹ Стенограмма совещания... 8 мая 1910 г. // Там же. Д.2116в. Л.36–39.

² Журнал совещания... // Там же. Л.8.

³ Такое непонимание ни значения биржи, ни степени притягательности для капитала твердопроцентных облигаций с низким доходом и дивидендных бумаг было достаточно предвидимо у Столыпина, слабо ориентировавшегося в экономических вопросах, но неожиданно у Кривошеина, семейным родством тесно связанного с московскими промышленниками, или у активно участвовавшего в совещании Мигулина.

если бы, говорилось в заключение всего этого оптимистического анализа финансовой ситуации, выяснилось бы, что займы ради сельскохозяйственного кредита все же вызывают напряжение в других отраслях, «другие потребности должны быть поставлены на второй план, ибо... нет такой жертвы, которая была бы слишком велика для удовлетворения насущной потребности земледельческой страны в разумном и полном использовании ее природных богатств и сил сельского населения».¹

Как и в записке ГУЗиЗ о Сельскохозяйственном банке, Кривошеин в речи на майском совещании подчеркивал, что «идея настоящего банка имеет в виду главным образом снабжение крестьян деньгами». При этом он не скрывал политических мотивов такой ориентации. «Мы всегда, — говорил он, — в вопросах экономических и в особенности в вопросах русской деревни запаздывали». Он ссылаясь при этом на затягивание решения о крестьянском землевладении, когда лишь «иллюминации и смута» заставили продать через Крестьянский банк, по его мнению, «земель больше, чем следовало, не останавливаясь перед миллиардной затратой». Он поэтому считал, что «было бы беззаботно» полагаться на наступившее успокоение и опаздывать с осуществлением его предложений, которые он рассматривал как «программу правительства вообще, а министерства земледелия в частности, на многие годы».² Кредит Сельскохозяйственного банка должен был быть направлен не только на интенсификацию крестьянского земледелия, но и на развитие кустарных промыслов, которые Кривошеин все время стремился поддерживать, сознавая, что «на одном земледелии в деревне не уедешь».³ Акцентируя внимание на кредитовании крестьянских хозяйств, Кривошеин в то же время напоминал, что «банк имеет в виду не только владельцев 5–10 десятин, но и землевладельцев более крупных».⁴

¹ Журнал совещания... // Там же. Л.10–14.

² Стенограмма совещания... 8 мая 1910 г. // Там же. Л.39.

³ Стенограмма совещания... 10 мая 1910 г. // Там же. Л.105.

⁴ Там же.

Стремясь добиться согласия Коковцова на создание Сельскохозяйственного банка, Кривошеин легко шел на уступки в существенных для Министерства финансов вопросах. Уже в представленном совещанию новом варианте объяснительной записки к уставу банка ГУЗиЗ согласилось сохранить за финансовым ведомством решающий голос «во всех вопросах, кои соприкасаются с интересами денежного рынка и кредита государственного», оставляя за собой «направление полученных при посредстве банка средств» на те или иные цели.¹ В ходе совещания Кривошеин согласился ограничить эмиссию облигаций банка десятикратным размером его основного капитала и поставить такие же границы для вкладной операции. Правда, при этом устав банка предусматривал право выдавать по бессрочным вкладам билеты на предъявителя. Такого права не имел даже Государственный банк, и союзник Кривошеина П. Л. Барк (еще занимавший пост директора Волжско-Камского банка) объяснял Кривошеину, что такие билеты по сути являются бумажными деньгами.² Возможно, однако, что включение такого права в устав объяснялось недостаточной компетентностью его составителей в банковском деле и терминологии (отмечавшейся в ряде отзывов), а не сознательным намерением. В новом варианте устава были убраны и ссуды под соло-векселя.³ Идя на все эти уступки, Кривошеин откровенно признавал их тактический характер. «Нам лишь бы дело начать, — говорил он, — пойдет хорошо — нам все операции дадут».⁴ Считая, что сделанные уступки удовлетворяют Коковцова, и рассчитывая на поддержку Столыпина, Кривошеин в сентябре через посредников начал зондировать отношение европейского денежного рынка к появлению облигаций Сельскохозяйственного банка.⁵

¹ Объяснительная записка ГУЗиЗ к проекту Правительственного Сельскохозяйственного банка // Там же. Л.131.

² Замечания П. Л. Барка по проекту Сельскохозяйственного банка 31 июля 1910 г. // Там же. Д.1929а. Л.174–180.

³ Там же. Л.8.

⁴ Стенограмма совещания... 10 мая 1910 г. // Там же. Д.2116в. Л.99.

⁵ Банкирский дом «Бр. Лазар и К°» — В. фон Баранову 19 октября 1910 г. // Там же. Д.1929а. Л.117.

Министерство финансов, однако, оставило в силе все свои возражения. В особом мнении представителей министерства к журналу совещания подробно доказывалось, что сельскохозяйственный кредит замышляется на столь льготных основаниях, что это неминуемо сделает банк убыточным и потребует постоянных «безвозвратных ассигнований государственного казначейства» в его мелиоративный фонд и казенных же доплат на проценты по облигациям «для поддержания национального престижа и государственного кредита». Финансовое ведомство по-прежнему считало, что подчинение Сельскохозяйственного банка ГУЗиЗ нарушит единство кредитной политики и будет угрожать золотому обращению. Оно предвидело, что именно в периоды затруднений на кредитном рынке, требующие особенной сдержанности, Сельскохозяйственный банк, не заинтересованный в прибыльности своих операций, будет считать себя обязанным «приходить на помощь» сельским хозяевам, снимая свои вклады со счетов Государственного банка и выбрасывая на рынок новые облигации. «О гибельности последствий такой двойственной политики в сфере денежного обращения едва ли надлежит распространяться». В отзыве повторялся всегдашний тезис Министерства финансов о вреде слишком доступного кредита, уходящего на непроизводительные цели, и подчеркивалось, что ссудами нового банка будут стремиться воспользоваться землевладельцы, уже исчерпавшие возможность прибегнуть к нормальному ипотечному кредиту, в результате чего банк вскоре окажется обременен трудно реализуемыми разоренными имениями.¹

Позиция Министерства финансов определялась не желанием заполучить вновь учреждаемый банк в свое ведение, а стремлением вообще не допустить расширения обязательств казны по гарантиям «производительных займов». В отзыве подчеркивалась опасность «распространенного у нас заблуждения о безусловной дозволительности и неоспоримой полезности займов, раз они предназначены на производительные цели». Финансовое ведомство напоминало, что существ-

¹ Там же. Ф.583. Оп.5. Д.206. Л.59–100.

вующая задолженность России кладет предел возможности ее дальнейшего увеличения, но тем не менее предсказывало «вероятную необходимость для России дальнейшего выпуска займов на общегосударственные потребности». В такой ситуации оно хотело ограничить появление на международном денежном рынке новых гарантированных бумаг, тем более таких, к которым он еще не приучен.¹ Исходя из этого, ведомство предполагало ограничиться усовершенствованием уже существующих учреждений ипотечного и мелкого кредита. Иными словами, тяжесть долгового бремени царизма, вызванного в основном его военными расходами, и необходимость новых займов на перевооружение и стратегическое железнодорожное строительство заставляли Министерство финансов сдерживать ГУЗиЗ в его попытках найти на международном денежном рынке средства для сельскохозяйственного кредита.

Кроме этой постоянно действующей причины жесткость позиции Коковцова в вопросе о Сельскохозяйственном банке определялась и обострением спора вокруг Крестьянского банка. Еще в мае, защищая свое право иметь в составе ведомства кредитные учреждения, ГУЗиЗ утверждало, что имеет в виду «лишь принципиальную постановку сельскохозяйственного кредита в будущем» и не покушается на уже существующие банки.² В сентябре, когда Совет министров начал обсуждать проект преобразования ГУЗиЗ, Кривошеин усилил нажим с целью передачи Крестьянского банка в новое министерство. Это было и действительной целью Кривошеина, и средством давления на Коковцова в параллельно развивавшемся конфликте вокруг Сельскохозяйственного банка. При этом Кривошеин, как это он часто делал, предпочел действовать из-за спины другого. Он ограничился лишь указанием на необходимость согласовать деятельность Крестьянского банка и Министерства земледелия. Предложение же обсудить вопрос о передаче банка в ведение этого

¹ Там же. Л.72–73, 76.

² Справка о разногласиях при обсуждении законопроекта о преобразовании ГУЗиЗ // Там же. Ф.592. Оп.1. Д.649. Л.212.

министерства, поскольку банк «справедливо может считаться ныне не столько кредитным, сколько землеустроительным учреждением», внес Столыпин. Премьер отмечал, что кабинету, не предпрешая вопрос немедленно, необходимо его обдумать, тем более, что при внесении закона об учреждении министерства в Думу правительству «придется высказать свой взгляд на этот предмет».

Практически весь журнал Совета министров, особенно в его первой редакции, предрешал передачу Крестьянского банка в новое ведомство. В качестве мнения большинства в него была вставлена ссылка на историю попытки Кривошеина добиться включения банка в систему ГУЗиЗ в 1906 г., получившую одобрение Николая. Соглашаясь еще раз обсудить в междоветовенном совещании, что правильнее — влить Крестьянский банк в Министерство земледелия или вернуть его к чисто кредитной деятельности (т. е. лишить права покупки земли за свой счет) — большинство министров сразу отметило предпочтительность первого варианта, не грозящего, на их взгляд, нежелательными последствиями для государственного кредита. Тем самым отвергалось возражение Коковцова, доказывавшего, что не только передача Крестьянского банка из Министерства финансов, но даже обсуждение такой возможности в каком-либо совещании может отрицательно сказаться на кредите.¹

Министерство финансов немедленно перешло в контратаку, стремясь обратить против ГУЗиЗ те обвинения, которые обычно предъявлялись Крестьянскому банку помещичьим дворянством. Банк срочно подготовил обзор своей деятельности по покупке и продаже земли в 1906 — первой половине 1910 г. Обзор был опубликован явно в связи с законопроектом о продлении его права на такие операции. Но в не вошедшем в окончательный текст варианте введения издание связывалось и с существующим «в общественных и правительственных кругах» желанием передать банк в

¹ Проект Особого журнала Совета министров 28 сентября 1910 г. // Там же. Ф.1276. Оп.6. Д.378. Л.437-454.

ГУЗиЗ.¹ В другом документе, отложившемся в ходе работы над обзором, отмечалось, что проводимое ГУЗиЗ землеустройство натывается на нехватку земли «в отдельных селениях». Если, утверждалось при этом, Крестьянский банк будет передан в Министерство земледелия, его земельный фонд может быть использован в целях землеустройства на надельных землях, а это «неминуемо повело бы к оживлению мобилизации средней и крупной земельной собственности и напряженной скупке земель за счет банка, а в будущем могло бы повести к необходимости принудительного отчуждения».²

Утверждение, будто в руках Министерства земледелия Крестьянский банк станет орудием уничтожения помещичьих имений ради наделения землей крестьян, стало основой и нескольких вариантов записки, окончательный текст которой был подписан управляющим банком С. С. Хрипуновым 26 января 1911 г.³ Один из промежуточных вариантов, наиболее краткий и резкий, датированный 5 ноября 1910 г., представляет собой, на мой взгляд, черновик всеподданнейшего доклада, который Коковцов представил или грозил представить Николаю. В нем говорилось, что предложение передать Крестьянский банк ГУЗиЗ или его преемнику явится «опаснейшим уклонением» от политики, начатой указом 9 ноября 1906 г. Пока банк находится в системе Министерства финансов, существует грань между его землеустроительными операциями и землеустройством на надельных землях. Передача банка в ГУЗиЗ уничтожит эту грань. Поскольку же политика правительства «слишком долго была проникнута тяготением к расширению крестьянского землевладения» и ее отголоски все еще сказываются в среде местного чиновничества, переход банка в ГУЗиЗ толкнет его деятель-

¹ Там же. Ф.592. Оп.1. Д.862. Л.40.

² Там же. Л.59.

³ По вопросу о передаче Крестьянского банка в ведомство проектируемого Министерства земледелия. 26 января 1911 г. // РГИА. Ф.592. Оп.1. Д.223. Л.58–76.

ность «на старые осужденные пути дополнительного наделения, равнения по слабому».¹

Апелляция к классовым интересам помещика не могла не сказаться на ходе обсуждения судьбы Крестьянского банка. В представлении ГУЗиЗ в Думу 4 ноября о его преобразовании в Министерство земледелия Кривошеин решил не форсировать события. В представлении говорилось, что преждевременно ставить попутно с реорганизацией ГУЗиЗ вопрос о банке, поскольку еще не ясен круг полномочий будущего Сельскохозяйственного банка, который может и перенять часть функций Крестьянского, и поскольку, если последний с 1 января 1911 г. лишится права покупать землю за свой счет, отпадет «и самая необходимость объединения» его и сельскохозяйственного ведомства.² Кривошеин был явно заинтересован получить банк в свое подчинение, так что последний аргумент, может быть, был сигналом его единомышленникам в Думе не топить внесенный Коковцовым законопроект о продлении самостоятельных покупок банка. Настаивая на том, что основной сферой деятельности банка является кредитно-ипотечная, Министерство финансов держалось и за его самостоятельные операции на земельном рынке, доказывая, что с их помощью государство может «поддерживать нормальный уровень цен на землю» и пресекать спекуляцию ею. Считая значение банковских покупок «бессрочным и дрящимся», Министерство финансов думало о получении бессрочного права на них,³ а затем выразило готовность удовлетвориться очередным десятилетним сроком. Дума, однако, ограничила этот срок 5 годами,⁴ а Государственный совет хотел было даже свести его к двум годам.

После того как голосование Думы в общем предрешило сохранение прежних функций Крестьянского банка, в Совете

¹ Машинописная записка с карандашной пометой: 5 ноября 1910 г. // Там же. Л.40–42.

² Там же. Ф.23. Оп.1. Д.23. Л.102.

³ Представление Министерства финансов в Государственную думу 7 июля 1910 г. // Там же. Ф.592. Оп.1. Д.345. Л.17.

⁴ Государственная дума. Созыв III. Сессия IV. Ч.1. СПб., 1910. Стб.2744.

министров продолжилась борьба вокруг его подведомственности. С одной стороны, Кривошеин внес в изложение своей позиции в Особом журнале требование «сделать последний шаг по пути слияния Крестьянского банка» с его ведомством.¹ С другой стороны, Коковцов не только переделал собственную аргументацию, но и добился существенных корректив в изложении позиции большинства. Теперь он сам высказывался за перенесение дальнейшей дискуссии в междоветовое совещание, но не по «частному вопросу» о передаче банка в Министерство земледелия, а о том, надо ли навсегда закреплять за банком землеустроительные функции, что может вызвать у помещиков мысль, не будет ли правительство и впредь «следовать по пути ускоренной передачи» их земель крестьянам, «пользуясь для этого не ограниченными по существу бюджетными средствами, а мощным орудием государственного кредита».² С помощью такой демагогической дубинки Коковцов добился устранения из Особого журнала формулировок, в наиболее категорической форме выражавших согласие большинства на передачу Крестьянского банка в Министерство земледелия. Право министерства заведовать «сельскохозяйственным кредитом» было заменено на заведование учреждениями этого кредита, что укрепляло позиции Коковцова в вопросе о масштабе операций на денежном рынке. Наконец, именно Коковцову было поручено возглавить междоветовое совещание и тем самым влиять на сроки его созыва и определение круга обсуждаемых на нем вопросов.³

Поскольку, однако, было ясно, что в таком совещании Кривошеину будет обеспечена поддержка большинства,

¹ Вставка появилась впервые на экземпляре журнала, посланного на вторичный просмотр 17 декабря 1910 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.6. Д.378. Л.620.

² Трудно сказать, действительно ли Коковцов готов был отказаться от самостоятельных операций банка ради сохранения его в своем ведомстве или, получив право продлить эти операции на 5 лет, рассчитывал на изменение ситуации вокруг банка за этот срок.

³ Особый журнал Совета министров 29 сентября 1910 г. Высочайше утвержден 21 января 1911 г. // Там же. Л.633–652.

Коковцов предпочел прямые переговоры двух ведомств, поручив их управляющему Крестьянским банком Хрипунову. Министерство финансов соглашалось включить в круг операций банка ссуды на покрытие расходов по переходу к участковому землевладению и первоначальному обустройству единоличных хозяйств, но возражало против передачи в ведение ГУЗиЗ операций по ликвидации банковского фонда, снова подчеркивая опасность, грозящую помещикам в случае соединения в одних руках землеустройства и дополнительного наделения крестьян землей. Министерство соглашалось в будущем создать особый банк краткосрочного кредита для мелких, средних и крупных землевладельцев, предоставив в управлении им «подобающее участие» представителям ГУЗиЗ. Пока же оно обещало расширить сельскохозяйственный кредит Государственного банка.¹

Кривошеин настаивал, чтобы земли, купленные Крестьянским банком, передавались для ликвидации в ГУЗиЗ, а сам банк был бы превращен в бессловный Государственный земельный банк долгосрочного (в том числе мелиоративного) кредита, обходя вопрос о его подведомственности. Для краткосрочного (до 5 лет) кредита ГУЗиЗ предлагало использовать кооперацию, снабжаемую средствами сберкасс. Распределением этих средств должен был бы заниматься либо Земельный банк, либо Управление по делам мелкого кредита, причем и в том, и в другом представители ГУЗиЗ должны были иметь право решающего голоса во всех вопросах, кроме определения обеспеченности ссуды. В предположениях ГУЗиЗ специально подчеркивалось, что Министерство финансов может сдерживать развитие ссудных операций «исключительно по невозможности изыскать для сего средства в достаточном количестве».² В ходе дальнейших переговоров Кривошеин соглашался на уступки в вопросе о подведомственности реорганизованного Крестьянского банка, но наста-

¹ Первоначальное предположение С. С. Хрипунова, доложенное министру финансов. Февраль 1911 г. // Там же. Ф.592. Оп.1. Д.221. Л.98-100.

² Первое ответное предположение А. В. Кривошеина. Март 1911 г. // Там же. Л.101-104.

ивал на превращении Управления по делам мелкого кредита в банк краткосрочных ссуд, распространяющий свою деятельность не только на крестьян. При этом отказ от претензий на Крестьянский банк и от создания Сельскохозяйственного банка подавался как временный — пока сама жизнь «не сделает разрешение этого вопроса настоятельно необходимым».¹

Достигнутый компромисс, формально сохранявший статус-кво в разделении сфер влияния министерств в области кредита и тем удовлетворявший Коковцова, был в действительности успехом Кривошеина. Это нашло свое отражение в самой форме результативной части их совместного представления 28 мая 1911 г., сформулированной как изложение мнения Кривошеина, против которого Коковцов не возражает, «оставаясь при прежнем убеждении, что кредитные операции... никоим образом не могут быть изъяты из предметов ведения финансового ведомства». Главной уступкой Кривошеина было сохранение Крестьянского банка в системе Министерства финансов и отказ от создания Сельскохозяйственного банка до тех пор, пока на основании опыта «формы, в которые выльется законченная кредитная организация, наметятся сами собой».²

Причина уступчивости Кривошеина была проста — он и сам понимал необходимость сохранить единство системы кредитных учреждений под руководством Министерства финансов. Позднее В. С. Кошко, один из ближайших сотрудников Кривошеина, откровенно признавал, что борьба за передачу банков в ГУЗиЗ была затеяна в пику Коковцову, уклонявшемуся от широкой организации сельскохозяйственного кредита.³ Идя на эту «уступку», Кривошеин напоминал, что в принципе сосредоточение всех операций по сельско-

¹ Третье ответное предположение А. В. Кривошеина. Первый вариант — 30 апреля 1911 г. Второй вариант — 3 мая 1911 г. // Там же. Л.118–124, 128–133.

² Представление ГУЗиЗ и Министерства финансов в Совет министров 28 мая 1911 г. // Там же. Л.143–147.

³ Записка В. С. Кошко. Июнь 1914 г. // Там же. Ф.1571. Оп.1. Д.64. Л.20.

хозяйственному кредиту в ГУЗиЗ уже высочайше одобрено в 1906 г., и он, следовательно, вправе в любой момент возобновить свои претензии. Кривошеин снял также требование передать в ГУЗиЗ ликвидацию земельного фонда Крестьянского банка, поскольку-де этот фонд все равно будет постепенно сокращен, но зато настаивал, чтобы для согласованного руководства деятельностью всех учреждений Министерства финансов, причастных к сельскохозяйственному кредиту, общее направление их работы обсуждалось бы в Главном земельном комитете, который предполагалось создать при реорганизации ГУЗиЗ в Министерство земледелия. Наказы и правила по ссудным операциям должны были согласовываться с ГУЗиЗ.

В общем итоге соглашение Кривошеина и Коковцова предусматривало: 1) Превращение Крестьянского банка в бессловный Государственный земельный банк, выдающий долгосрочные ипотечные и мелиоративные ссуды. При этом Дворянский банк сохранял свой сословный характер. 2) Краткосрочные (до 5 лет) ссуды из учреждений мелкого кредита не только крестьянам, но и другим землевладельцам. Средства для расширения деятельности этих учреждений предоставлялись из отчислений из фонда сберкасс (уже предусмотренных законом 21 апреля 1910 г.), «а при недостаточности их подлежат изысканию на особых, имеющих быть выработанными основаниях». 3) Включение представителей ГУЗиЗ с правом решающего голоса (кроме чисто финансовой стороны ссуд) в советы всех учреждений, причастных к сельскохозяйственному кредиту, и обсуждение деятельности последних в Главном земельном комитете.¹ 6 июня Совет министров утвердил представление двух ведомств, дополнительно возложив на учреждения мелкого кредита ссуды кустарям и предложив обдумать возможность выдачи мелиоративных ссуд не только частным лицам, но и земствам, и изыскать способы увеличить приток средств

¹ Представление ГУЗиЗ и Министерства финансов 28 мая 1911 // Там же. Ф.592. Оп.1. Д.221. Л.143-147.

в кредитную кооперацию.¹ Хотя принятое решение явно пробивало брешь в системе обороны Министерства финансов, там, видимо, ожидали еще большего давления в Совете министров со стороны Кривошеина и Столыпина. На сохранившемся в Крестьянском банке экземпляре представления 28 мая имеется карандашная помета на полях: «Принято (слава тебе, господи!) 6/V1».

Еще до подписания соглашения Кривошеина и Коковцова Министерство финансов вынуждено было начать частичный пересмотр своих позиций в некоторых вопросах, связанных с сельскохозяйственным кредитом.

Прежде всего это касалось элеваторов и подтоварных ссуд. В 1905–1909 гг. большая часть ведомств предпочитала, чтобы элеваторным делом и кредитом под сложенное в зернохранилища зерно занимались хлеботорговцы. В 1905 г. вновь созданное Министерство торговли и промышленности, продолжая линию, ранее проводимую Витте, доказывало, что «элеваторы как средство для размещения рыночных запасов зерна являются механизмом торговли, а не сельского хозяйства», почему и устройство их следует предоставить «естественному ходу развития нашей отечественной хлебной торговли».² Исходя из этого, МТП выработало новый проект правил о товарных складах, разрешавший им ссудную операцию. В 1910 г. после утверждения этих правил обеими палатами и Николаем ссудная операция с опозданием на 32 года была, наконец, позволена всем частным элеваторным обществам. За разделение складочной и перевозочной операций ратовали и железные дороги. Соглашаясь хранить на своих складах грузы, предназначенные к отправке в ближайшие 48 часов, они предлагали освободить их от обязанности строить складские помещения более долгосроч-

¹ Особый журнал Совета министров 6 июня 1911 // Там же. Л.154–157.

² В. И. Тимирязев — П. Х. Швансбаху 15 июля 1905 // Там же. Ф.23. Оп.9. Д.8. Л.40, 42.

ного назначения. По их мнению, строительством и эксплуатацией элеваторов и зернохранилищ должны были заниматься торговые, кооперативные и общественные организации и частные лица.¹

Но кампании по реализации урожаев 1909 и 1910 гг. показали финансовому и торгово-промышленному ведомству необходимость их более активного вмешательства в дело складирования зерна. С одной стороны, местные отделения Государственного банка, занявшись ссудами под хлеб и почувствовав их прибыльность, внезапно для себя обнаружили, что частные банки и железные дороги, связанные со складами, обходят их, оставляя без наиболее выгодной клиентуры.² С другой стороны, помещики продавали хлеб, хранившийся в их амбарах, до погашения ссуды, создавая угрозу финансовым интересам банка и выбрасывая на рынок зерно, которое выданной под него ссудой предполагалось придержать.³ В июне 1910 г. Совет Государственного банка пришел к выводу, что раз уж банк все равно нарушает свой устав, занявшись кредитом под хлеб, то нужно сделать и следующий шаг, начав строить собственную сеть элеваторов. При этом Министерство финансов говорило теперь, что русский частный капитал не пойдет в элеваторное дело, не сулящее привычные для него доходы, а потому, чтобы сдвинуть дело с мертвой точки, почин Государственного банка необходим.⁴

План Кокцовца вызвал определенное беспокойство МТП, увидевшего в нем покушение на прерогативы ведомства в области хлебной торговли. МТП предлагало, чтобы Государственный банк, построив элеваторы, передавал их в эксплуатацию земствам или тем или иным общественным

¹ Свод заключений V съезда членов порайонных комитетов МПС. 18–23 мая 1910 г. // Там же. Ф.395. Оп.1. Д.2084. Л.9–11.

² Записки о ходе операций в конторах и отделениях Государственного банка // Там же. Ф.587. Оп.33. Д.29. Л.18, 131, 179.

³ Представление Министерства финансов в Совет министров 28 сентября 1910 г. // Там же. Ф.1276. Оп.5. Д.458. Л.109.

⁴ Там же. Л.113.

группам, «в руках которых наиболее желательно сосредоточение хлебоскладочной операции на началах общего пользования». Руководство же делом при этом перешло бы в торгово-промышленное ведомство, «которое только потому и не объединяет в своих руках этого существенного фактора хлебной торговли, что не владеет источниками средств на оборудование страны зернохранилищами».¹ Однако Совет министров счел, что элеваторы Государственного банка составят лишь небольшую часть необходимой стране сети, выработка общего плана которой остается за МТП, а потому его ведомственная ревность необоснованна.²

На деле, еще не приступив к строительству элеваторов Государственного банка, Министерство финансов замахнулось на создание общегосударственной сети. По версии Коковцова, одновременно с обсуждением элеваторного вопроса в Совете министров в ноябре 1910 г. группа американских финансистов и строителей во главе с Дж. Гаммондом предложила свое участие в деле. После переговоров с группой Гаммонда Коковцов в апреле 1911 г. представил Столыпину проект предполагаемого соглашения. Как отмечал Коковцов, общая емкость существующих в стране элеваторов и зернохранилищ составляла 159 млн пудов (главным образом — частные склады, приписанные к железным дорогам), причем емкость собственно элеваторов равнялась всего 17 млн пудов. Для нормального же функционирования торговли требовались зернохранилища на 300 млн пудов, из них элеваторы на 150–175 млн. На доведение сети до таких размеров необходимо было 75 млн рублей. Коковцов не рассчитывал привлечь в таком объеме русский частный капитал или средства местного самоуправления и не хотел полностью брать дело в руки государства, которое не сумеет ни создать достаточно гибкую систему, приспособленную к условиям рынка, ни эксплуатировать ее безубыточно для

¹ Справка по Отделу торговли МТП. До 25 ноября 1910 г. // Там же. Ф.23. Оп.9. Д.207. Л.85–86.

² Особый журнал Совета министров 25 ноября 1910 г. // Там же. Ф.1276. Оп.5. Д.458. Л.131–133.

бюджета. В то же время Министерство финансов опасалось передавать будущую элеваторную сеть в руки иностранного капитала, тем более американского — основного конкурента России в торговле хлебом.

Следствием всех этих соображений стала схема: группа Гаммонда строит элеваторы по плану, выработанному русским правительством, и передает их в собственность акционерного общества с капиталом в 10–12 млн рублей, из которых не менее 55% остается у казны, до 20% поступает в свободную подписку и до 25% выдается группе Гаммонда в уплату за работу. Основной расчет производится облигациями общества на 75 млн рублей, гарантированными по типу железнодорожных. Считая невозможным оплачивать помощь хлебной торговле за счет общих налогов, Коковцов предлагал собрать средства для оплаты причитающихся казне акций путем введения попудного сбора с хлебных грузов (одновременно отменив такой же сбор, установленный на устройство складов при железных дорогах). План Коковцова предусматривал и сооружение сети мелких зернохранилищ, управляемых земствами и учреждениями мелкого кредита.¹ При этом предполагались ссуды Государственного банка, но помощник управляющего Отделом торговли МТП С. В. Бородаевский вынес из инспекционной поездки впечатление, что земства не склонны строить зернохранилища даже на ссуженные средства, предпочитая казенное строительство.²

На этот раз расстановка сил при обсуждении плана Коковцова оказалась необычной. Традиционный его союзник — торгово-промышленное ведомство высказалось за создание элеваторной сети силами правительства, земств и кооперации, не ожидая частного почина.³ Возможно, дело было в том, что ответ МТП, как и цитированная выше

¹ «Изложение дела». Приложено к письму В. Н. Коковцова П. А. Столыпину 7 апреля 1911 г. // Там же. Л.156–166.

² Докладная записка С. В. Бородаевского 7 мая 1911 г. // Там же. Ф.23. Оп.9. Д.207. Л.264.

³ Записка МТП 19 августа 1911 г. // Там же. Ф.1276. Оп.5. Д.458. Л.181–209.

справка Отдела торговли, был скорее всего подготовлен ведущим работником Отдела Бородаевским,¹ активным сторонником кооперативного движения. Напротив, Управление местного хозяйства МВД в принципе поддержало соглашение Коковцова — Гаммонда, справедливо отметив, однако, что все выгоды от него достанутся хлеботорговцам и небольшой части крупных землевладельцев, тогда как крестьяне без сооружения мелких зернохранилищ не выиграют ничего. Резонным был и вопрос — из каких средств будет создаваемое общество выплачивать ссуды, если весь его капитал невелик, а 25% его к тому же уйдут Гаммонду.² Впрочем, тут скорее всего предполагалось, что при надежном хранении Государственный и частные банки охотно пойдут на расширение варрантного кредита.

По неизвестной причине соглашение не состоялось.³ В ноябре Гаммонд запрашивал, как обстоят дела, и сетовал, что его группа, не получая ответа, держит без применения капитала и технические средства.⁴ Судя по позиции Министерства финансов в 1912 г., не оно было виновно в срыве переговоров. Видимо, еще до провала соглашения с Гаммондом Государственный банк разработал план строительства к концу 1916 г. 84 элеваторов на 58,8 млн пудов общей стоимостью около 40 млн рублей,⁵ из которых 3 были введены в строй в 1912 г. и 6 в 1913 г.⁶ Строительная программа банка осуществлялась и в годы войны, но, естественно, не в полном объеме. К началу 1917 г. силами банка было

¹ См.: С. В. Бородаевский — И. Н. Лодыженскому // Там же. Л.214.

² С. Н. Гербель — Н. В. Плеве 19 мая 1911 г. // Там же. Л.176–179.

³ М. Я. Гефтер считает, что дело было в обострении русско-американских отношений в связи с попыткой американского капитала проникнуть в Манчжурию. — *Гефтер М. Я.* Проникновение американского капитала в царскую Россию до 1914 г. // Исторические записки. Т.35. М., 1950. С.78.

⁴ Экспедиция канцелярии министра финансов — В. Н. Коковцову. Ноябрь 1911 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.5. Д.458. Л.259.

⁵ Государственная дума. Созыв IV. Сессия I. Ч. II. Стб. 1263.

⁶ Операции Государственного банка. 1910–1913 гг. // РГИА. Ф.395. Оп.1. Д.2960. Л.33.

сооружено 47 элеваторов на 29,2 млн пудов.¹ В элеваторы банка принималось и крестьянское зерно (партиями не меньше 25 пудов), и среди клиентуры банка крестьяне составляли 73%, но доля крестьянского хлеба в общей массе хранимого зерна в отчете банка предусмотрительно не указывалась.² Параллельно Министерство финансов 1 марта 1911 г. разрешило Управлению мелкого кредита выдавать кредитным товариществам ссуды на устройство зернохранилищ (до 20 тысяч рублей на 20 лет),³ а Столыпин обязал губернаторов содействовать строительству таких зернохранилищ по плану Государственного банка, в том числе помогая приобретать нужные для этого земельные участки.⁴ Однако строительство кооперативных зернохранилищ не приобрело широкого характера, поскольку большинство крестьян не имело возможности выжидать более выгодных цен и реализовало урожай сразу. К 1 января 1913 г. ссудами Государственного банка воспользовалось всего 171 кредитное товарищество.⁵

Элеваторные операции Государственного банка вызывали возражения в Думе. Бюджетная комиссия высказывала сомнения в соответствии долгосрочных вложений в строительство элеваторов и статуса банка как эмиссионного учреждения. Правые обвиняли банк в том, что он проявляет «презрение к сельскому хозяйству», настаивая на помещении хлеба, под который выдается кредит, в собственные зернохранилища.⁶ В ответ Коковцов в очередной раз объяснял, что «без системы элеваторов Государственный банк не может

¹ Китанина Т. М. Хлебная торговля России в 1875–1914 гг. Очерки правительственной политики. Л., 1978. С.148.

² Операции Государственного банка. 1910–1914 гг. // РГИА. Ф.395. Оп.1. Д.2960. Л.34.

³ Известия ГУЗиЗ. 1911. № 27. С.674.

⁴ Циркуляр по Земскому отделу МВД 6 мая 1911 г. // РГИА. Ф.582. Оп.4. Д.12865. Л.20.

⁵ Корелин А. П. Указ. соч. С.200.

⁶ Государственная дума. Созыв IV. Сессия I. Ч.II. СПб., 1913. Стб.1036.

взять на себя... широкого кредитования земледельческого промысла».¹

Тем временем продолжалась полемика о путях создания более широкой элеваторной сети. На состоявшемся в мае 1912 г. междуведомственном совещании при МТП представители этого министерства, МВД и ГУЗиЗ предложили создать особое частное общество, которое выпускало бы гарантированные правительством займы, передавая вырученные суммы на особый счет Государственного банка, с которого они затем перечислялись бы организациям, строящим зернохранилища. Комбинация была задумана явно в связи с тем, что в качестве основных строителей предполагались железные дороги, а те по уставам не имели права выпускать облигации ради развития элеваторной сети. Товарищ министра финансов Н. Н. Покровский отверг эту идею, подчеркнув неэкономичность задуманной громоздкой конструкции и предпочтительность того, чтобы сооружением элеваторов занимались чисто коммерческие предприниматели или один предприниматель (очевидный намек на лопнувшее соглашение с Гаммондом).²

Уже в отзывах ведомств на решения совещания, неспешно присылавшихся на протяжении всего 1913 г., чувствовалось охлаждение к проектам форсированного создания элеваторной системы. Дезавуируя своих представителей на совещании, главы МПС и МВД утверждали теперь, что проблема элеваторов в стране стоит не так уж остро, а с расширением сети Государственного банка первоочередные потребности вообще будут удовлетворены, возлагать же строительство на железные дороги нельзя, ибо во многих случаях это будет дорогам невыгодно.³ В результате в марте 1914 г. Совет министров МПС, МВД и Министерство финансов выступили единым фронтом, доказывая, что существующие при железных дорогах зернохранилища и начатое Госу-

¹ Там же. Стб.1262.

² Журнал междуведомственного совещания при МТП. 5 и 12 мая. 1912 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.5. Д.458. Л.272–283.

³ С. В. Рухлов — Н. В. Плеве 24 марта 1913 г.; Н. А. Маклаков — Н. В. Плеве 16 декабря 1913 г. // Там же. Л.338–341, 448.

дарственным банком строительство уже решили элеваторную проблему. Только ГУЗиЗ продолжало настаивать на необходимости иметь сеть зернохранилищ, построенных по единому плану и руководимых из одного центра, предпочитая возложить дело на железные дороги. Против этого решительно возражало МПС. В итоге Совет министров лишь поручил МТП подготовить проект создания при нем Элеваторного комитета, который руководил бы как строительством элеваторной сети, так и наведением единообразия в ее деятельности. Вопрос об источниках средств для такого строительства остался открытым, причем Министерство финансов указывало и на ограниченность ресурсов, которые может затратить на эти цели Государственный банк, и на неприемлемость специального займа.¹

Таким образом, продемонстрировав в момент наибольшего обострения проблемы подтоварного кредита готовность частично решить ее силами и средствами Государственного банка, Министерство финансов по-прежнему считало нужным переложить дальнейшее развитие дела на частный капитал, не обременяя казну новым государственным долгом. Когда же по неясным причинам соглашение с Гаммондом оказалось расстроено, финансовое ведомство сохранило негативное отношение к устройству элеваторов за государственный счет. В этих условиях остальные причастные к делу министерства могли только стараться переложить ответственность за него на чужие плечи или делать вид, что и разговаривать, в сущности, не о чем.

Более существенные сдвиги произошли в отношении Министерства финансов к мелкому кредиту.

Еще в 1906 г. Коковцов, продолжая линию Витте, выражал сомнение в целесообразности значительного привлечения государством или с его помощью средств в учреждения мелкого кредита. Выступая против ассигнований на эти цели по бюджету 1907 г., Коковцов не просто указал на дефицит росписи, но и привел «некоторые общие соображения» против преувеличения роли кредита для крестьянского хозяйства и

¹ Особый журнал Совета министров 13 марта 1914 г. // Там же. Л.521–526.

ремесла. Коковцов утверждал, что большая часть вложенных в мелкий кредит 100 млн рублей дала в народнохозяйственном отношении скорее отрицательный результат, став «бесплезным и тяжким бременем для заемщиков». Поэтому он считал, что главным является не увеличение сумм, оказывающихся закрепощенными «в неподвижных и мало надежных долгах сельского населения», а правильное устройство учреждений мелкого кредита, ведущее к «экономическому воспитанию масс». Из всего этого делался вывод, что быстрого развития мелкого кредита без ущерба для его правильности невозможно ни ожидать, ни требовать.¹ Исходя из таких установок, Управление мелкого кредита в неурожайном 1907 г. тормозило развитие сети кредитной кооперации, считая, что предоставленные ей деньги пойдут на продовольственные нужды и превратятся в невозвращаемый долг.²

Но как раз с 1907 г. начался все ускоряющийся рост кредитной кооперации, толчком к которому послужили отмена выкупных платежей и повышение хлебных цен. При этом число кредитных товариществ, получающих основной капитал займы у Государственного банка, впервые превысило число ссудо-сберегательных товариществ. К началу мировой войны кредитные товарищества стали основной формой учреждений мелкого кредита.³ Такой темп забеспокоил Государственный банк, поскольку означал перспективу долгосрочного помещения в основные капиталы кредитных товариществ его средств, что противоречило его эмиссионным задачам. В конце 1908 г. Совет банка высказался за подыскание для кредитных товариществ другого источника снабжения основными капиталами, подразумевая при этом государственный бюджет.⁴

¹ В. Н. Коковцов — в Совет министров 15 декабря 1906 г. // Там же. Ф.395. Оп.1. Д.1152а. Л.340–343.

² См.: Там же. Ф.582. Оп.4. Д.13296. Л.83 и др.

³ *Корелин А. П.* Указ. соч. С.134–135.

⁴ Управление по делам мелкого кредита — в Совет Государственного банка. [1908 г.] // РГИА. Ф.582. Оп.4. Д.13302. Л.99–100; Журнал Совета Государственного банка 12 и 26 ноября 1908 г. // Там же. Ф.587. Оп.60. Д.20. Л.53.

В 1908 г. Коковцов не поддержал руководство банка, подчеркнув затруднительность подобных ассигнований из бюджета (хотя конкретно речь шла всего о 1,2 млн рублей на 1909 г.) и неудобство их для Управления мелкого кредита, которое будет ограничено строго фиксированной суммой. Столыпин же вообще считал второстепенным вопрос, из банка или из казны будут выделяться деньги на учреждения мелкого кредита, перед которыми он хотел поставить задачу содействовать «землеустроительным мероприятиям правительства».¹ В итоге было решено оставить снабжение кредитных товариществ за Государственным банком, «пока не будут изысканы для этого иные источники».² Но уже в проекте росписи на 1910 г. Коковцов заговорил о несоответствии долгосрочных вложений Государственного банка в мелкий кредит его основным задачам и о необходимости найти для этих целей «наиболее надежный и доступный источник», сохранив за банком лишь снабжение кооперации оборотными средствами.³

В качестве такого «надежного и доступного» источника Коковцов, изменяя всей прежней традиции Министерства финансов, решил использовать фонд сберегательных касс. В проекте представления в Думу, посланном Коковцовым Столыпину, по-прежнему доказывалась выгодность использования этого фонда для размещения государственных займов, чем «уменьшился бы рост внешней задолженности государства». Но, уступая постоянным призывам к «производительному использованию народных сбережений», он теперь выражал согласие выделить из фонда сберкасс Управлению мелкого кредита одновременно 20 млн рублей на ссуды в основные капиталы кредитных товариществ и отчислять на те же цели 5% ежегодного прироста вкладов

¹ Особый журнал Совета министров 9 сентября 1908 г. // Особые журналы Совета министров царской России. 1908 г. М., 1988. С.671–674.

² Проект государственной росписи доходов и расходов на 1909 г. с объяснительною запискою министра финансов. СПб., 1908. С.134.

³ Проект государственной росписи доходов и расходов на 1910 г. с объяснительною запискою министра финансов. СПб., 1909. С.155.

в сберкассы (по его подсчетам — 2,5–3 млн рублей).¹ Для Государственного банка это означало по сути лишь изменение юридической стороны дела — перестав отпускать долгосрочные ссуды кредитной кооперации, он сэкономил на этом в общем столько же, сколько терял на недополучении резервных сумм сберегательных касс. Но для Коковцова это было трудное решение, поскольку он согласился на нелюбимую им фиксацию будущих обязательных расходов. По просьбе Столыпина ежегодные отчисления были затем увеличены до 10% прироста вкладов.

Обсуждая проект в феврале 1910 г., Совет министров считал нужным усилить аргументацию, доказывающую, что прежние опасения за судьбу фонда сберкасс и государственного бюджета в случае отвлечения средств на другие цели утратили силу в результате укрепления положения сберкасс и удачности Положения 1904 г. о мелком кредите. Одновременно Совет министров высказался за то, чтобы порядок надзора за учреждениями мелкого кредита, становящийся-де обременительным для Государственного банка, был изменен. В феврале 1910 г., в разгар споров о Сельскохозяйственном банке, это было явно отражением какого-то маневра Кривошеина.² Кривошеин предложил, кроме того, но остался в Совете министров в одиночестве, сохранить и кредит Государственного банка на основные капиталы. Эта идея была затем поддержана Думой.³ Но на практике после издания закона 21 июня 1910 г. банк выдавал учреждениям мелкого кредита только ссуды на оборотные средства.

Закон 21 июня создал действительно достаточно большой фонд для кредитных кооперативов. Кроме единовременных 20 млн рублей в него за 1909–1912 гг. было отчислено еще 38,7 млн рублей из прироста вкладов (отчисления были

¹ Проект представления Министерства финансов. Сопроводительное письмо В. Н. Коковцова 22 декабря 1909 г. // РГИА. Ф.1291. Оп.54. 1909. Д.36. Л.1, 2–19.

² Особый журнал Совета министров 16 февраля 1910 г. // Там же. Ф.395. Оп.1. Д.1152а. Л.663–670.

³ Государственная дума. Созыв III. Сессия III. Ч.IV. СПб., 1910. Стб.3014, 3193–3196.

произведены задним числом и за 1909 г.). Реально же к маю 1913 г. было ссужено в основные капиталы вновь созданных кооперативов только 20,2 млн рублей, тогда как остальные числились в свободном остатке.¹ Правда, этот остаток образовался лишь благодаря крайней сдержанности при определении размеров ссужаемых основных капиталов.

Идя навстречу практическим нуждам крестьянской кредитной кооперации, Министерство финансов в то же время не собиралось поступаться своими взглядами на организацию мелкого кредита. Весной 1911 г. состоялось совещание высших чинов министерства под председательством Н. Н. Покровского.² Хотя целью совещания было объявлено найти способ удовлетворить претензии ГУЗиЗ в области сельскохозяйственного кредита вообще и мелкого в частности, совещание пошло по пути отклонения этих претензий.

С самого начала оно решило не заниматься проблемами долгосрочного кредита, который-де будет делом Крестьянского или Государственного земельного банка. Оно сочло также невозможным пожелание Кривошеина приспособить кредитную кооперацию для выдачи краткосрочных ссуд не только крестьянам. Совещание справедливо отметило, что разница в масштабах потребностей в таких ссудах делает для крестьян невозможным участие в общих с помещиками кооперативах. Поэтому руководители Министерства финансов считали, что кратковременными ссудами для помещиков могли бы заниматься их общества взаимного кредита, если дать им право выдавать такие ссуды не под векселя третьих лиц, а под прямые обязательства (т. е. под соло-векселя!). Точно так же предполагалось разрешить коммерческим банкам кредитовать сами эти общества по их прямым

¹ Справка по Государственному банку. После 8 мая 1913 г. // РГИА. Ф.582. Оп.4. Д.13355. Л.14.

² Сохранившиеся два черновых варианта обзора его работы не датированы. Но в более позднем документе имеется ссылка на «совещание весной 1911 г.». В то же время в самом тексте обзора упоминается представление 28 мая 1911 г. Однако совещание могло пройти и до конца мая, а ссылка на это представление лишь вставлена в позднее подготовленный текст.

обязательствам, а не только по переучету векселей, и тем-де открыть помещицкой кооперации доступ к широкому денежному рынку, не трогая для помощи ей фонд сберегательных касс. Что касается мелиоративного кредита, то разговоры о нем совещание по-прежнему считало «ширмой для получения денег под переобремененное долгами хозяйство или для целей, совершенно посторонних хозяйству».

Исходя из таких позиций, финансовое ведомство не видело нужды в проектах центрального банка для руководства мелким кредитом, а приспособление Управления мелкого кредита к выдаче краткосрочных ссуд всем землевладельцам прямо рассматривало как шаг к созданию Сельскохозяйственного банка. ««Вся основа взгляда на вопрос о сельскохозяйственном кредите, — говорилось в материалах совещания, — заключается в том, что нет никакой надобности централизовать и монополизировать его в одних руках» и заменять «систему самодеятельности и обращения к свободному денежному рынку новым правительственным кредитным учреждением».¹

Выводы совещания Покровского вступали в противоречие с соглашением Кривошеина—Коковцова 28 мая 1911 г., предусматривавшим предоставление учреждениями мелкого кредита краткосрочных ссуд владельцам помещицких хозяйств. Это предвещало затяжной характер реализации соглашения, тем более, что с сентября 1911 г. Кривошеин лишился поддержки Столыпина, а позиции Коковцова были укреплены получением им поста премьер-министра. В то же время вскоре выявилось, что внутри самого Министерства финансов существует оппозиция его официальной линии.

Официальную позицию министерства в общем выражала записка Управления мелкого кредита, составленная к сентябрю 1911 г. В ней утверждалось, что «сельскохозяйственная промышленность у нас пользуется всеми видами и формами

¹ Черновик изложения суждений совещания под председательством Н. Н. Покровского. Без названия. Б/д. // РГИА. Ф.592. Оп.1. Д.351. Л.19–44. Атрибутируется по особому мнению П. Н. Яхонтова: Там же. Л.54–58.

кредита, существующими одинаково для всех отраслей промышленной и торговой деятельности населения», и подробно перечислялись формы краткосрочного кредита, существующие для поместного землевладения. Отмечалась также выявившаяся тенденция создавать общества взаимного кредита в сельской местности и с преобладанием в их составе землевладельцев, свидетельствуя-де о такой ««степени сознания» потребности в кредите, которая уже побуждает помещиков самим «организовывать таковой». Все эти рассуждения служили преамбулой к тезису, что учреждения мелкого кредита призваны обслуживать только крестьян и именно потому пользуются попечительством государственной власти, а если правом кредитоваться в этих учреждениях воспользуются и средние землевладельцы, то все ресурсы учреждений уйдут к последним, Если же сохранить кредитную кооперацию в качестве только крестьянской, то в не слишком отдаленном будущем, «с которым возможно вообще считаться», она была бы обеспечена отчислениями из фонда сберегательных касс, и надобности превращать Управление мелкого кредита в банк нет.

Кроме того, в записке подчеркивалось, что «широко и целесообразно развитой сельскохозяйственный кредит» должен быть построен «на началах самодеятельности и самопомощи» и на «доверии со стороны денежного рынка». В этой связи выражалась надежда на постепенное образование союзов кредитной кооперации и на сближение с нею земских кредитных касс, причем эти союзы и кассы могли бы выступить посредниками между отдельными кооперативами и коммерческими банками, включая, таким образом, кооперацию в единый денежный рынок без особой государственной организации сельскохозяйственного кредита. Нормальное функционирование такой системы могло быть обеспечено, как указывалось в записке, только гарантиями ответственности по долгам заемщиков кооперативов, а такие гарантии давало только право залога надельной земли. При этом выражалась уверенность, что залог ее в кооперативах безопаснее, чем в Крестьянском банке, так как кооперативами руководят сами крестьяне, и они не станут без крайней необходимости обезземеливать своих односельчан. Выдвину-

тое Кривошеиным требование реорганизовать Управление мелкого кредита его руководители поворачивали в свою пользу — они предлагали сократить представительство других ведомств в Комитете по делам мелкого кредита и лишить их права вето, а также заменить губернские комитеты при губернаторах совещательными органами при отделениях Государственного банка, чтобы таким путем избавиться от «исключительного положения», которым пользовались представители МВД.¹

Очевидно к следующему междуведомственному совещанию, состоявшемуся в ноябре 1912 г.,² Управление мелкого кредита представило «Дополнительные соображения к списку о краткосрочном кредите на нужды сельского хозяйства». Ввиду быстрого развития кредитной кооперации Управление считало теперь нужным выделиться из Государственного банка в самостоятельное «административно-финансовое учреждение», действующее на казенные средства и само обращающееся к денежному рынку. «Дополнительные соображения» обосновывали два тезиса. Во-первых, доказывалась недопустимость объединять в одном учреждении мелкий кредит и сберегательные кассы. Поскольку это говорилось уже в записке 1911 г., видимо, такая идея кем-то выдвигалась всерьез. Управление мелкого кредита в ответ подчеркивало, что такое объединение подорвет доверие к сберегательным кассам как орудию государственного кредита, ибо будет давать повод предполагать, что между фондами сберкасс и мелкого кредита нет четкой границы. Во-вторых, в «Дополнительных соображениях» очень настойчиво проводилась мысль о четком отграничении мелкого кредита и краткосрочных ссуд среднепоместным землевладельцам. Поскольку, как выяснилось, земские кассы обнаружили склонность составлять свою клиентуру именно из этой последней группы, Управление предлагало вывести кассы из его ведения.³

¹ Там же. Л.132–184.

² Л. С. Биркин — С. С. Хрипунову 19 ноября 1912 г. // Там же. Л.443.

³ Там же. Л.198–217.

Наконец, к совещанию 1913 г. Управлением была представлена записка «По пересмотру положения о мелком кредите», являвшая собой своеобразный гимн кредитной кооперации. В записке подчеркивалась ненужность ближайшего участия государства в заведовании делами кооперативных кредитных учреждений (при сохранении контроля за их деятельностью) и необходимость, напротив, привлекать деятелей по мелкому кредиту в состав ведающих им коллегий. Записка отстаивала также право кредитных кооперативов объединяться в союзы и союзы союзов вплоть до создания своих центральных касс, настаивая, что эти действия «решительно не касаются вопросов общего административного управления».¹

Запальчивость тона записки объяснялась обострившимся спором Министерства финансов и МВД из-за союзов кредитных кооперативов.

Первые такие союзы начали возникать с 1896 г., но не получили широкого распространения, несмотря на то, что финансовое ведомство в известной мере даже пробовало насаждать их сверху.² В 1910 г., когда выявилось уже и стремление к созданию союзов снизу, министерство четко сформулировало причины своей заинтересованности в них. Оно рассчитывало, что союзы возьмут на себя инспекцию дел входящих в них товариществ, производимую пока за казенный счет, дадут кооперативам возможность маневрировать своими свободными средствами, а главное — весом своих объединенных ресурсов и возможностью привлечь к руководству более квалифицированных специалистов вызовут большее доверие держателей капиталов, которые вложат их в учреждения мелкого кредита.³ Соображение о желательности того, чтобы кредитная кооперация сама, без посредничества и гарантии государства, искала нужные ей капиталы на денежном рынке, объясняли и поддержку

¹ Там же. Оп.44. Д.649. Л.78–129.

² Корелин А. П. Указ. соч. С.143–144.

³ Представление Министерства финансов в Совет министров 6 февраля 1910 г. // РГИА. Ф.395. Оп.1. Д.1152а. Л.573–574.

Министерством финансов учреждения в 1909 г. Варшавского банка кооперативных товариществ и в 1911 г. Московского Народного банка.

МВД, напротив, боялось образования кооперативных союзов, видя в них путь проникновения в деревню оппозиционной и революционной интеллигенции. Сетования на опасность захвата кредитной кооперации противоправительственными элементами содержались в отчетах за 1911 г. московского и нижегородского губернаторов. При этом нижегородский губернатор, известный черносотенный деятель А. Н. Хвостов, выражал особую тревогу в связи с планами предоставить кредитным товариществам право выдавать ссуды под залог надельных земель. В таком случае, считал он, товарищества «легко обратятся в те местные комитеты, которым, по проекту социал-революционеров, должно быть передано распоряжение земельным фондом». Хвостов предлагал вообще отказаться от бессловных товариществ, вернувшись к сословным сельским кассам, контролируемым МВД, и осуществлять лишь государственное финансирование деревенской кооперации, чтобы сохранить в руках государства «самое острое оружие настоящего времени — кредит».¹ Рассуждения Хвостова были одобрительно отчеркнуты Николаем.

Протесты МВД вызвало и создание Московского Народного банка. МВД передало Коковцову сообщения своих осведомителей о том, что среди учредителей банка значительную часть составляют-де «полуинтеллигенты ярко выраженного левого направления». «Забыв» о своих постоянных покушениях на фонд сберкасс, МВД ставило в вину Народному банку стремление привлечь к себе вкладчиков сберкасс и тем нанести ущерб казне. Главное же, оно опасалось, что, приобретя финансовую независимость от казны, Народный банк, а с ним и кооперативное движение станут «легализованной организацией для поддержания оппозиции в стране».²

¹ Извлечения из всеподданнейших отчетов нижегородского и московского губернаторов за 1911 г. // Там же. Ф.582. Оп.4. Д.13293. Л.188–190, 200.

² Корелин А. П. Указ. соч. С.154–155.

В итоге 1 марта 1913 г. Совет министров подчеркнул, что «широкий простор» удовлетворению «насущных потребностей народных масс» может быть открыт лишь «по путям естественного совершенствования наших народных начал и с решительным устранением влияния на простой народ революционного меньшинства».¹ Постановление Совета министров не остановило попытки Министерства финансов поддержать создающиеся союзы кредитных кооперативов, снова натолкнувшиеся на сопротивление МВД.

Но и внутри самого Министерства финансов существовала позиция, близкая к занимаемой МВД и ГУЗиЗ. Ее отстаивал управляющий Крестьянским банком С. С. Хрипунов. Документы, в которых изложена эта позиция, сохранились лишь в черновиках и недатированных копиях. Поэтому установить их последовательность можно лишь по другим документам или иным основаниям.

Наиболее ранней из сохранившихся является записка «Государственный земельный, сельскохозяйственный и трудовой кредит», готовившаяся к ноябрьскому совещанию 1912 г. В проекте сопроводительного письма к ней подчеркивалось, что «государственная власть должна принять деятельное участие» в обеспечении кредитом сельского хозяйства, потому что «иначе руководство ее в этой области заменится посторонними влияниями». С этих позиций подвергались критике предложения Управления мелкого кредита (в его записке 1911 г.), которые-де «направлены к устранению государственной власти от финансирования земледельческого промысла и к установлению в нем господства частных капиталов и кредитных предприятий». Черновик записки сохранял еще общую для Министерства финансов позитивную оценку кредитной кооперации, но весь этот раздел был вычеркнут (скорее всего членом Совета банка Д. Г. Варесом, непосредственно руководившим выработкой этих документов), а на полях было проставлено замечание: «отсюда идет апология кооперативам, что не согласно с

¹ Н. В. Плехе — В. Н. Коковцову 29 апреля 1913 г. // РГИА. Ф.582. Оп.4. Д.13293. Л.192.

новым курсом». Но уже в этом варианте говорилось о невозможности возложить координацию мелкого кредита на местах на земства, поскольку-де те даже при правоуктябристском составе «почитают долгом находиться в оппозиции». Имелись также рассуждения о необходимости противодействовать противоправительственным элементам, которые могли бы нанести вред «артельному кредиту». Против подобных рассуждений на полях стояли пометы: «в записку».

Первоначальный набросок содержал план создания уездных и губернских паевых банков, вступление в которые было обязательно для кредитных кооперативов и разрешалось для частных землевладельцев. Система этих банков должна была замыкаться на центральном правительственном учреждении мелкого кредита и на междуведомственном Комитете по делам мелкого и сельскохозяйственного кредита. Записка завершалась пассажем, полностью повторявшим аргументацию Кривошеина и Столыпина в 1910 г. при обсуждении плана Сельскохозяйственного банка. Автор ее выражал уверенность, что создание системы банков мелкого кредита, несмотря на неизбежный отлив в них средств из сберкасс, не повредит государственному кредиту, «но если даже и возникали бы в первое время некоторые замешательства в области государственного кредита», то ради поддержки мелкого землевладения, «переживающего глубокий хозяйственный и правовой переворот», следует «примириться с преходящими затруднениями».¹

По-видимому на основе этой записки была выработана другая, озаглавленная «Об организации заведования мелким кредитом». Вместо уездных и губернских банков в ней фигурировали отделения вновь создаваемого Управления краткосрочного сельскохозяйственного кредита. Вместе с Государственным земельным банком, образуемым на базе Крестьянского, они должны были поставить снабжение сельского хозяйства средствами «превыше всяких частных кредитных влияний». Основной пафос записки был направлен именно на необходимость государственного руководства

¹ Там же. Ф.592. Оп.1. Д.351. Л.379-423.

сельскохозяйственным кредитом. Объединение кредитной кооперации в союзы и союзы союзов, предостерегало руководство Крестьянского банка, «сделает ее осязательною для всей сельской России. Когда затем по завершении всей организации представительство ее... станет лицом к лицу с правительственной властью, и в нем распознается сила, чуждая историческим заветам развития России, то в этом может быть усмотрено все, кроме неожиданности».¹

К совещанию 1913 г. Хрипунов подготовил новую записку «Об основаниях организации мелкого кредита». В ней подчеркивалась обязанность власти взять дело краткосрочного кредита в свои руки, дабы «повести его по... пути согласования с общими задачами землеустройства», и снова повторялось, что «предоставленная самой себе организация кредитной взаимопомощи может подпасть под влияние чуждых деревне лиц, которые по видам политическим давно этого домогаются и не упустят удобного случая воспользоваться нарождающейся силою для целей противогосударственных». В записке с большей, чем раньше, отчетливостью проводилась мысль о необходимости единой системы краткосрочного кредита для крестьян и частных землевладельцев и о строгом соблюдении принципа, когда ссуды крестьянам даются «не на уравнительное снабжение земель неимущих», но на «упрочение и развитие отдельных хозяйственных единиц»; причем условия займов должны были бы «укреплять в населении сознание ответственности за свои долговые обязательства». Для организации краткосрочного кредита предлагалось создать в системе Министерства финансов Сельский банк с губернскими отделениями. Средства для своих операций банк должен был получать путем выпуска специальных займов, как это ранее предлагал Кривошеин для Сельскохозяйственного банка. Это настолько противоречило позиции Министерства финансов, что на полях записки кто-то, скорее всего Хрипунов, приписал: «Как ни трудно на это решиться, а надо. Если дело пойдет,

¹ Там же. Оп.44. Д.649. Л.31–34.

потребуется крупные суммы, без выпуска не обойтись; надо это предвидеть и укрепить на рынке новые свидетельства».¹

Возможно, сходство названий Сельский и Сельскохозяйственный банк побудило Хрипунова в окончательном варианте записки, представленной на совещание 1913 г., заменить его название на Рабочий банк, аргументируя это тем, что выдаваемые им ссуды должны быть только «рабочими» деньгами, а не уходить на потребительские нужды. Рассуждения о необходимости приучить публику к новому типу ипотечных свидетельств были введены в основной текст, но объем предстоящих операций на денежном рынке был при этом затушеван. Теперь подчеркивалось, что краткосрочные ссуды «без сомнения будут развиваться сдержанно», а, следовательно, и обеспечивающие их бумаги выпускаться постепенно.²

Наконец, 7 октября 1913 г. Хрипунов направил Покровскому записку, в которой его позиция излагалась от первого лица. В ней он вновь критиковал линию Управления мелкого кредита на организацию «народного кредита», а не «государственного», и подчеркивал: «нельзя забывать, что кредит — это громадное оружие в политической жизни и отказываться от него в такие исключительные по трудности периоды государственной жизни, как ныне переживаемый Россией, едва ли было бы правильно». Зная нелюбовь бюрократии к ломке существующих учреждений, он теперь предлагал создать на базе Умелкредита Главное управление сельских и ремесленных банков с подчиненными непосредственно ему уездными управлениями, которым, в свою очередь, подчинялись бы Сельские банки для операций в деревне и Ремесленные — для городских. Целью их создания было подчинить их контролю и руководству кредитную кооперацию и тем не допустить ее объединения в союзе. Если, предупреждал Хрипунов, правительство этого не сделает — «Россия будет покрыта сетью частных сельских банков».³

¹ Там же. Л.5–18.

² Там же. Л.218–226.

³ Там же. Л.35–40. Атрибутируется по: С. С. Хрипунов — Н. Н. Покровскому 7 октября 1913 г. // Там же. Л.24.

Предложения Хрипунова были по смыслу очень близки к тем, которые проповедовал некий В. Ульбрих в изданной в 1913 г. брошюре, поддерживавшей идею Сельскохозяйственного банка и злобно критиковавшей Министерство финансов за его готовность подчинить весь ипотечный кредит «еврейскому кагалу». В качестве меры, предотвращающей проникновение частного капитала в руководство кредитной кооперацией, Ульбрих рекомендовал установить всеобщее обязательное участие крестьян в кооперативных союзах, замыкающихся на Сельскохозяйственном банке ГУЗиЗ.¹

10 октября 1913 г., почти два с половиной года спустя после соглашения Кривошеина и Коковцова, под председательством Покровского началось внутриведомственное совещание узкого круга высших чинов Министерства финансов «по вопросу о кредите для сельского хозяйства и вообще производительных классов населения», которое должно было обсудить проблемы как краткосрочного, так и долгосрочного кредита.² На решениях совещания сказались, с одной стороны, позиция Государственного банка, а с другой — общая обстановка критики правыми финансового курса Коковцова.

В июне 1913 г. Совет Государственного банка выразил беспокойство, «что если не содействовать всемерно сближению учреждений мелкого кредита с общим денежным рынком, то действительная потребность их в средствах может далеко превзойти допустимый размер затрат на это со стороны Государственного банка».³ Из этого вытекали готовность

¹ Ульбрих В. Организация сельскохозяйственного кредита в России неотложна! СПб., 1913. С.25, 57, 61–63.

² Примерный перечень вопросов, подлежащих обсуждению совещания. С сопроводительным письмом С. С. Хрипунову 9 октября 1913 г. // РГИА. Ф.592. Оп.1. Д.222. Л.109–112. Покровский созывал на совещание тех, кто участвовал в «весеннем заседании», следов которого мне, однако, найти не удалось. Первоначально «в виду спешности реформы кредита» он собирался начать совещание в первых числах сентября (Там же. Л.92–93). Неожиданно возникшая «спешность» была связана с групповой борьбой в правящих кругах, сопровождавшаяся интенсивным давлением Кривошеина на Коковцова.

³ Справка по Государственному банку // Там же. Ф.582. Оп.4. Д.13355. Л.10.

поощрить связь кредитной кооперации с Московским Народным банком и стремление обсудить возможные пределы кредитования кооперации Государственным банком, сосредоточив при этом такое кредитование в одном учреждении.¹ Это означало готовность пойти на отделение Управления мелкого кредита от банка, но одновременно и нежелание создавать особую систему для краткосрочных ссуд помещикам, от которых Умелкредит хотело отмежеваться.

Реакция на критику финансового курса министерства была зафиксирована прямо в журнале совещания Покровского. Не отрицая ни нужды сельского хозяйства в кредите в данный момент, ни предстоящего увеличения его потребности в средствах в будущем, совещание по-прежнему считало, «что действительное положение дела далеко не оправдывает остроты, которую получил вопрос о сельскохозяйственном кредите за последние годы». «К сожалению, — признавали, однако, участники совещания, — не принять в учет той конъюнктуры, при которой в свое время возник проект... Сельскохозяйственного банка и которая, несомненно, имеется налицо и в данное время, при разработке настоящих предположений, было бы неосторожно». Этими соображениями определялась организационная часть выводов совещания, которая сводилась к преобразованию Управления мелкого кредита в Управление сельскохозяйственного кредита, занимающееся делами как крестьянской кооперации, так и помещичьих обществ взаимного кредита, и опирающееся на их союзы. Управление отделялось от Государственного банка, и при нем создавалась Центральная касса, получавшая в свое распоряжение отчисления от сберкасс по закону 21 июня 1910 г. и другие источники финансирования Управления мелкого кредита, а также дополнительный фонд в 100 млн рублей, создаваемый постепенными отчислениями из бюджета. Права на самостоятельный выход на денежный рынок касса не получала. Большинство совещания надеялось, что создаваемая конструкция, с одной стороны, «явится

¹ Журнал Совета Государственного банка 5 июня 1913 г. // Там же. Л.18.

средством для предупреждения... в будущем самой мысли об устройстве Сельскохозяйственного банка», а с другой — позволит правительству не потерять бразды руководства сельскохозяйственным кредитом, несмотря на появление Варшавского кооперативного и Московского Народного банков.

Совещание с самого начала признало, что оно не сможет изыскать средства на все нужды сельского хозяйства и потому нужно выделить и удовлетворить лишь «наиболее настоятельные» из них. В этой связи Хрипунов подчеркивал, что «если правительство желает довести до конца начатое им дело земельного преобразования», следует отдавать предпочтение ссудам для крестьян, переходящих к единоличному землевладению. Совещание, однако, сочло, что при равной кредитоспособности нельзя отказывать и общинникам. В целом совещание считало, что в крестьянской кооперации принцип взаимопомощи удачно сочетается с правительственным надзором, и предлагаемая Хрипуновым сеть местных государственных учреждений мелкого кредита не вызывается необходимостью и лишь удорожит кредит. Для обеспечения краткосрочными ссудами помещиков совещание тоже стремилось использовать существующие общества взаимного кредита, содействуя объединению их в союзы, а также поощрять образование земских банков. На эти цели совещание готово было единовременно отпустить из бюджета 10–15 млн рублей. Заранее предвидя упрек, что «вопрос громадной экономической важности оно пытается разрешить совершенно не соответствующими его значению средствами», совещание ссылалось на опыт кредитных товариществ, которые, получив в общем небольшую поддержку из фонда сберкасс, сумели затем самостоятельно мобилизовать значительные местные капиталы. Оно выражало надежду, «что такое же явление повторится и в области сельскохозяйственного кредита в случае данного этому делу толчка» в виде казенной дотации. Предшествовавший опыт дворянских касс взаимопомощи говорил, однако, о том, что этот расчет может не оправдаться.

Самым больным оставался по-прежнему вопрос об источнике средств для сельскохозяйственного кредита. После категорического предупреждения Государственного банка о

необходимости оградить его от долгосрочного помещения капиталов в этот кредит и после констатации невозможности увеличить отчисления из фонда сберегательных касс, и так перегруженного труднореализуемыми бумагами (прежде всего свидетельствами Крестьянского банка), совещание поневоле обратилось к идее специального займа. Но и здесь опыт созданной в 1911 г. Кассы для земств и городов, облигации которой тоже осели в фонде сберкасс, не предвещал успеха. Не отказавшись безусловно от выпуска специальных облигаций (что было сдвигом в позиции Министерства финансов) в скромных размерах, совещание большие надежды возлагало на выпуски государственной ренты. Но в рекомендации о средствах Кассы сельскохозяйственного кредита, кроме прежних источников снабжения деньгами Умелкредит, были включены лишь единовременное ассигнование из казны в 20 млн рублей и ежегодные бюджетные отчисления по 5 млн рублей впредь до образования фонда в 100 млн. Основная часть этого фонда предназначалась помещичьим обществам взаимного кредита.¹

Журнал совещания свидетельствовал о том, что в конце 1913 г. Министерство финансов сделало некоторые шаги навстречу ГУЗиЗ. Оно согласилось создать на базе Управления мелкого кредита независимое от Государственного банка учреждение, ведающее краткосрочным кредитом как для крестьян, так и для помещиков, правда, не в единой, а в двух параллельных системах. Оно согласилось расширить круг действий кредитной кооперации, введя в него ссуды на строительство зернохранилищ и посреднические операции (фактически уже разрешенные частными постановлениями) и включило в сферу краткосрочного кредита ссуды до 5 лет. Оно также сочло возможным выделить некоторые дополнительные ассигнования из бюджета и не отвергло уже с порога идею специального займа, хотя и выражало сомнение в ее реальной осуществимости. Но все эти шаги были

¹ Черновик журнала без заголовка и даты. Судя по карандашной помете, он был послан на просмотр директору Кредитной канцелярии Л. Ф. Давыдову // Там же. Оп.6. Д.457. Л.36-85.

предопределены самим ходом развития мелкого кредита и непосильностью для Государственного банка и впредь сосредоточивать правительственное руководство им в своих руках. В то же время Министерство финансов решительно отвергло, не вступая в общую полемику и ссылаясь на соображения практической целесообразности, предложения МВД и ГУЗиЗ создать сверхцентрализованную систему государственных органов краткосрочного кредита, которая подмяла бы под себя кредитную кооперацию и заблокировала бы ее самостоятельные отношения с денежным рынком.

Параллельно с проблемой мелкого кредита в Министерстве финансов обсуждался и вопрос о реформе Крестьянского банка. На весеннем совещании 1911 г., когда руководство министерства под давлением обстоятельств готово было в наибольшей степени идти навстречу Кривошеину, о будущем Государственном земельном банке говорилось как о чем-то уже предрешенном. Но осенью того же года, после гибели Столыпина, Хрипунов, явно стремившийся реализовать заключенное с ГУЗиЗ соглашение, уже счел нужным развернуть подробную аргументацию за необходимость такой реформы. Отметив, что первоначальной задачей Крестьянского банка было содействие увеличению крестьянского землепользования, Хрипунов утверждал, будто «последующий опыт, в связи с ближайшим исследованием основ народного хозяйства, привел, однако, и правительство, и население к сознанию, что испытываемые затруднения вызываются не столько недостатком земли, сколько нестроением в пользовании ею». Подчеркнув в этой связи задачи банка в области землеустройства и подъема производительности хозяйства, Хрипунов резко менял направление рассуждений и заявлял — «экономические интересы государства вызывают надобность в упорядочении, подъеме и упрочении всякого земельного хозяйства, каков бы ни был его размер и к какому бы сословию и званию ни принадлежал его владелец». Из этого делался вывод о необходимости распространить операции Крестьянского банка на все сословия и переименовать его в Государственный земельный банк. При этом, как предусматривалось и подготовленным при активнейшем участии Хрипунова соглашении двух ведомств,

сохранялся в неприкосновенности Дворянский банк, задачей которого оставалось поддерживать на льготных условиях дворянское землевладение, ибо оно «вследствие совокупности пережитых событий... уже подверглось значительному уменьшению». Как имел в виду и Кривошеин, будущий Государственный земельный банк должен был взять под свое крыло не латифундиальное, а среднепоместное хозяйство. С этой целью предложения Хрипунова предусматривали ограничение нецелевых ссуд помещикам «определенным размером» (правда, не определенным в записке), а займы для выплаты доли сонаследникам предоставлялись лишь при образовании поместья площадью не свыше двойного земского ценза. Условия предоставления ссуд крестьянам реализовывали установку соглашения двух ведомств на преимущественное содействие банка устройству единоличных хозяйств.¹

Предложения Хрипунова были критически встречены Покровским. Он отметил, что установка на «упрочение» всякого землевладения и двусмысленная ссылка на интересы государства могут быть истолкованы как стремление «препятствовать переходу частновладельческих земель в руки крестьян» («правильно понято» — заметил Хрипунов на полях письма Покровского). Между тем, настаивал Покровский, Совет министров не снял с банка задачу содействовать расширению крестьянского землепользования. Точно так же возражения Покровского вызвали бесцелевые ссуды Земельного банка, которые по проекту Хрипунова предполагалось выдавать только помещикам. Покровский, прямо сославшись на пример Дворянского банка, предсказывал, что такие ссуды «окажутся большею частью чисто потребительскими».² Хрипунов пытался настоять на своем, утверждая, что «не уклонился от духа и конечной цели намеченного Советом министров преобразования»,³ и особенно подчеркивая, что

¹ Записка «По вопросу о пересмотре устава Крестьянского поземельного банка». Ноябрь 1911 г. // Там же. Д.222. Л.11–20.

² Н. Н. Покровский — С. С. Хрипунову. Штамп регистрации письма 3 января 1912 г. // Там же. Л.24–28.

³ С. С. Хрипунов — Н. Н. Покровскому 2 сентября 1912 г. // Там же. Л.29–30.

ставить по-прежнему задачей Земельного банка «содействие к скупке частновладельческих земель крестьянами» значило бы «явно обречь все частное землевладение на скорое исчезновение».¹

В упоминавшейся выше записке «Государственный земельный, сельскохозяйственный и трудовой кредит», готовившейся примерно в то же время, что и ответ Хрипунова Покровскому, также подчеркивалась обязанность Земельного банка и в операциях за свой счет содействовать «правильному распределению земельной собственности». Для этого предлагалось выделять из состава купленных имений участки для среднего землевладения, а уже потом разбивать остальную площадь для участковых хозяйств. Средние поместья, приобретенные банком, предлагалось вообще не дробить.² Это прямо соответствовало пожеланиям объединенного дворянства возложить на Земельный банк задачу «направлять... перемещение земельной собственности сообразно с общегосударственными потребностями», к числу которых относится «процветание среднего и крупного земельного владения».³ В канцелярии Министерства финансов сохранилась не подписанная и не датированная (но составленная после 1 января 1911 г.) записка «Основы государственного и сельскохозяйственного кредита в России» с разметкой для типографского набора. Записка текстологически и по кругу идей очень близка к предыдущей, отличаясь от нее только допущением того, что в будущем Государственный земельный и Дворянский банки могли бы быть слиты в один.⁴ Последовательность составления этих двух записок неопределима.

К весне 1913 г. Хрипунов отчасти уступил Покровскому и составил новый проект реформы Крестьянского банка. Он убрал из задач банка «упрочение землевладения» и согла-

¹ Свод замечаний Н. Н. Покровского с объяснениями по содержанию этих замечаний // Там же. Л.31–34.

² Там же. Д.531. Л.407–408.

³ Доклад члена особой комиссии Совета объединенного дворянства Р. А. Дистерло // Там же. Д.248. Л.304–307.

⁴ Там же. Ф.560. Оп.26. Д.541. Л.194–219.

сился на то, чтобы Земельный банк выдавал ссуды на покупку земли только земледельцам (крестьянам и мещанам). Но он настаивал на сохранении за помещиками права получать бесцелевые ссуды. Земельный банк, откровенно объяснял он, будет пользоваться преимущественным правом взыскания ссуд и потому не сможет открывать предметный кредит под вторую закладную помещикам, уже обремененным долгами.¹ Именно это продолжало беспокоить Покровского, понимавшего, что дело сведется просто к перезалогу в Государственном земельном банке имений, уже заложенных в другом месте, и никакого кредита на улучшение хозяйства из этой операции не получится.²

Вопрос о реформе Крестьянского банка был вынесен и на осеннее совещание 1913 г. Сама его формулировка, предложенная к обсуждению, выдавала сомнения руководства Министерства финансов в целесообразности и осуществимости реформы.³ Совещанию было предложено решить: «Следует ли стремиться к монополизации ипотечного кредита в тесном смысле слова в государственных банках. Возможно ли привлечь для этого необходимые средства? Должен ли быть сохранен за государственными кредитными учреждениями их сословный или, вернее, классовый характер?» На случай преобразования Крестьянского банка в Государственный земельный (может быть, даже путем слияния с Дворянским) предстояло обсудить, не приведет ли это к затруднениям в деятельности частных земельных банков.⁴ Как и по отношению к мелкому и краткосрочному кредиту, Министерство финансов явно не хотело брать непосильные

¹ Записка «По вопросу о пересмотре устава Крестьянского поземельного банка». С сопроводительным письмом 9 апреля 1913 г. // Там же. Ф.592. Оп.1. Д.222. Л.46–56.

² Н. Н. Покровский — С. С. Хрипунову 11 апреля 1913 г. // Там же. Л.57–58.

³ Помощник управляющего Крестьянским банком П. Н. Яхонтов писал в августе 1913 г., что из-за сложности работы трудно сказать, когда новый устав банка будет внесен в Совет министров // Там же. Л.98.

⁴ Примерный перечень вопросов, подлежащих обсуждению Совещания // Там же. Л.112.

для государства обязательства. А ущемление интересов частных земельных банков, основные пакеты акций которых принадлежали ведущим банковым монополиям страны, грозило финансовому ведомству серьезными сложностями на денежном рынке.

Вторая часть журнала совещания 1913 г., очевидно посвященная долгосрочному кредиту, была составлена к 22 января 1914 г.¹ Но обнаружить ее мне не удалось. Однако смысл принятых решений может быть с большой долей вероятности выведен из содержания справки, представленной совещанию, скорее всего, Кредитной канцелярией. В справке отмечалось, что многолетний опыт показал невозможность свободной реализации свидетельств Крестьянского банка на денежном рынке, из-за чего они надолго оседали в фонде сберегательных касс. В условиях промышленного подъема прилив средств в акционерные предприятия, приносящие больший доход, чем вклады в сберкассах, уменьшает приток денег в последние. Одновременно средства сберкасс отвлекаются на проведение земельной реформы. Поэтому рост фонда сберкасс идет медленнее, чем выпуск различных ипотечных обязательств. Не имея, таким образом, возможности впредь рассчитывать на поддержку сберкасс, Крестьянский банк не добьется успеха и на денежном рынке в конкуренции с более высокодоходными бумагами. Что касается попыток разместить его обязательства на внешнем рынке, то кроме их безнадежности, увеличение внешней задолженности «не оправдывалось бы даже самую настоятельную необходимостью расширения деятельности Крестьянского банка». Из всего этого следовал вполне однозначный вывод: «опасение, что рынок в ближайшем времени не сможет поглотить свидетельства Крестьянского банка в той мере, которая будет определяться новой деятельностью банка вследствие преобразования его во всесословное учреждение и расширения современных его операций указывает, что проектированная реформа, как бы она ни была желательна

¹ Н. Н. Покровский — С. С. Хрипунову 22 января 1914 г. // Там же. Оп.44. Д.649. Л.241.

для большего согласования действий банка с общим направлением земельной политики правительства, едва ли теперь осуществима».¹ Косвенным признаком того, что реформа Крестьянского банка была признана совещанием невозможной, может служить и последовавший вскоре перевод Хрипунова с поста управляющего Дворянским и Крестьянскими банками на должность директора Департамента неокладных сборов.

Министерство финансов, таким образом, не только тянуло с выполнением соглашения 1911 г. о реформе сельскохозяйственного кредита, но и вообще стремилось уклониться от реализации ряда намеченных мер. В складывавшихся в предвоенные годы условиях всякая реорганизация учреждений такого кредита означала бы усиление государственного регулирования. И хотя Министерство финансов само было не чуждо набиравшей силу тенденции к — увеличению государственного вмешательства в частнопредпринимательскую деятельность, оно крайне настороженно относилось к проявлениям этой тенденции в области сельского хозяйства. Объяснением причин того может служить отзыв министерства от 22 апреля 1913 г. на предложение группы членов Думы (правые крестьяне во главе с епископом Никоном) об установлении государственной монополии внешней и внутренней торговли хлебом. «В России, где реализация урожая является подведением итогов годичной деятельности 80% населения, — подчеркивалось в отзыве, — монополизация государством внутренней хлебной торговли была бы равносильна учреждению правительственной опеки над всем частным хозяйством в стране».² Столь же грандиозной и потому непосильной была и задача установить правительственную опеку над всем сельскохозяйственным кредитом, к чему клонили предложения ГУЗиЗ и МВД. Финансовое ведомство противилось этим предложениям не вследствие какого-либо политического либерализма, а в результате лучшего понимания закономерностей экономи-

¹ «Материалы V» (Записка без даты и подписи) // Там же. Л.178–187.

² Там же. Ф.1276. Оп.8. Д.1256. Л.71–72.

ческого развития России и из-за опасения возложить чрезмерные обязательства на плечи казны. В частности, как уже отмечалось, оно не могло не соизмерять масштабы средств, которые пришлось бы искать для сельскохозяйственного кредита, с общей кредитоспособностью страны.

В то же время ликвидация диспропорции промышленного и сельскохозяйственного развития страны становилась все более актуальной как в экономическом, так и в политическом отношении, а сохранение и увеличение этой диспропорции вело к усилению недовольства общей финансовой политикой правительства. Буржуазные и дворянско-помещичьи организации при этом, естественно, критиковали финансовое ведомство с разных позиций, но ряд мотивов в их выступлениях перекликались между собой.

Позиция съездов представителей промышленности и торговли была изложена в докладах управляющего делами Совета съездов А. А. Вольского в 1908 и 1909 гг. Подчеркивая, что «земля все более и более становится неспособной давать пропитание народным массам», и потому необходимо принимать «все меры к прочной постановке фабрично-заводских и горных промыслов», Вольский на 3-м съезде промышленности и торговли в марте 1908 г. отмечал и взаимосвязь обеих важнейших отраслей народного хозяйства и предлагал намечать пути промышленного развития «в том предположении, что сельское хозяйство не будет забыто так, как было забыто в девяностых годах прошлого столетия».¹ При этом Вольский отмечал ненормальность такого положения, когда «мы экспортируем пищевые продукты, отнимая их у нашего полуголодного населения».² На 4-м съезде в ноябре 1909 г. Вольский снова подчеркивал, что без поднятия

¹ Шепелев Л. Е. Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. Проблемы торговопромышленной политики. Л., 1987. С.129–130.

² Основы торгово-промышленной политики России. Доклад А. А. Вольского. С.30 // Третий очередной съезд представителей промышленности и торговли. Доклады и записки. СПб., 1908.

благосостояния деревни «внутренний рынок России для продуктов фабрично-заводской и горной промышленности представляется крайне ненадежным», и говорил о необходимости технического прогресса сельского хозяйства.¹ Съезды промышленников поддержали курс на переход от общинного землевладения к участковому и потребовали от правительства выработать общий план развития производительных сил страны, в котором предусматривались бы и меры «для скорейшего поднятия культуры земледелия».²

Связывая с экономическим подъемом страны усиление своего влияния в ней, съезды промышленников при всей их афишируемой аполитичности не могли не настаивать и на создании условий, «благоприятствующих самодеятельности, свободной инициативе, организованности торгово-промышленного класса и кооперации»,³ а Вольский говорил и о необходимости организации всех вообще «более уравновешенных и спокойных элементов», в том числе в профессиональных союзах, и развития в населении чувства законности, в частности «путем строгого соблюдения законов представителями власти».⁴

Если, таким образом, даже умеренные лидеры буржуазии рассматривали экономическое развитие как один из элементов политической трансформации страны, то выразители интересов поместного дворянства, напротив, противопоставляли подъем экономического благосостояния народных масс политическим реформам. «Масса населения едва ли не исключительно интересуется вопросами экономическими, вопросами обеспечения своего насущного питания», — говорил в феврале 1909 г. Гурко в докладе 5-му съезду объединенного дворянства, объявляя «пагубным заблуждением» поиски «устроения светлого будущего нашей страны» «в

¹ Вольский А. А. Экономико-финансовая политика России. С.11, 13 // Труды четвертого очередного съезда представителей промышленности и торговли. СПб., 1909.

² Шепелев Л. Е. Указ. соч. С.143.

³ Там же. С.131.

⁴ Вольский А. А. Экономико-финансовая политика... С.28–29.

политических перестроениях, в изменении внешних форм нашей государственности».¹ Муссируемые в правых кругах постоянно, сходные идеи были затем, уже в 1913 г., сформулированы в поданной Николаю записке, в которой утверждалось, что принятый с 1905 г. курс на политические реформы ошибочен и «единение власти с народом» возможно лишь на основе «активных консервативно-народных и национально-русских реформ», связанных с подъемом уровня жизни обедневших масс,² причем на первое место среди таких реформ выдвигалось создание дешевого кредита.

Отличие Гурко от многих деятелей объединенного дворянства, не поднимавшихся выше жалоб на то, что деятельность Министерства финансов представляет собой «покушение на наш карман»,³ заключалось в стремлении представить от имени сословия экономическую программу, охватывающую все стороны народного хозяйства. Именно поэтому давний и упорный критик системы Витте понимал необходимость «возвысить наш голос не только за всемерное покровительство сельскому хозяйству, но и за поощрение всех других отраслей народного труда», «ибо без них не разовьется сельское хозяйство». Как и Вольский, Гурко был обеспокоен состоянием хлебного экспорта России. Но если Вольский думал о замене его промышленным и сохранении в стране «пищевых продуктов, коим подобает оставаться дома и идти на нормальное питание населения», то Гурко тревожила перспектива противоположного свойства. «Если, — предсказывал он, — мы не примем самых энергичных мер для подъема нашего народного производства вообще и сельскохозяйственного в особенности, то не пройдет и десяти лет, как мы — страна искони вывозящая хлеб,

¹ Гурко В. И. Указ. соч. С.35, 239.

² Дякин В. С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Разложение третьеиюньской системы. Л., 1988. С.164.

³ Труды VI съезда уполномоченных дворянских обществ 33 губерний. СПб., 1910. С.60.

вынуждены будем ввозить его. Но чем мы будем оплачивать этот ввоз, едва ли кто-либо сумеет сказать».¹

У съезде объединенных дворян не хватило ни терпения дослушать доклад Гурко, ни сознания важности для представляемого ими класса предложенной Гурко программы действий² (при всей ее объективной обреченности). Но даже такой ярый защитник помещичьих интересов, как Н. Е. Марков, согласился с мыслью о необходимости «самой активной помощи» правительства не только сельскому хозяйству, но и промышленности, выделив из аргументации Гурко довод о том, что «экономические и финансовые вопросы несравненно важнее» реформ государственного управления.³

Требование поднять производительные силы страны неизбежно ставило вопрос об источниках финансирования направленных на это мероприятий. Только для редяущих сторонников бумажного обращения ответ не составлял никаких затруднений. Н. А. Павлов предлагал объединенному дворянству сказать правительству: «занимайте, выпускайте бумажный знак, куйте фальшивую монету, но доставайте денег».⁴ Не оспаривая важность поддержания золотой валюты во внешнеторговых операциях, Гурко тоже считал возможным увеличение бумажной эмиссии внутри страны для развития краткосрочного кредита. В области долгосрочных вложений он также выступал против призыва Коковцова «жить по средствам». Если, настаивал он, не пойти вовремя на необходимые расходы и на подъем производительных сил, «то в результате получается не бюджетное равновесие, а его потеря». Для покрытия же бюджетного и платежного дефицита Гурко рекомендовал прибегнуть к новым иностранным займам, вкладываемым в сельское хозяйство, ибо именно оно «может всего легче избавить нас от уплаты той огромной

¹ Гурко В. И. Указ. соч. С.176, 79.

² См. подробнее: Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1907–1914 гг. Л., 1990. С.87–132.

³ Труды V съезда уполномоченных дворянских обществ 32 губерний. СПб., 1909. С.225.

⁴ Там же. С.77.

золотой дани, которую представляют проценты по нашей внешней задолженности». При этом Гурко настаивал, что меры по развитию сельского хозяйства ввиду их общегосударственного значения должны «исходить от самого государства, а не основываться исключительно на частной предприимчивости». Кроме сельскохозяйственных целей Гурко допускал также привлечение иностранных капиталов к железнодорожному строительству.¹ Со своей стороны съезды промышленности и торговли, тоже доказывавшие, «что приобретение средств путем займов, совершаемых непосредственно государством или при его содействии», необходимо для укрепления благосостояния страны и государственных финансов,² в первую очередь имели в виду именно строительство «экономически необходимых и коммерчески выгодных» железных дорог, разумеется, частных.³

Таким образом, преследуя разные политические и экономические цели, и буржуазные, и дворянско-помещичьи деятели выступали за увеличение «производительных расходов» государства, обеспечиваемое иностранными займами.

Как уже отмечалось в 3-й главе, в 1907–1909 гг. Дума соглашалась с призывами Коковцова к сдержанности. Первые признаки изменения ее позиции начали появляться в 1910 г. Внесенный Министерством финансов бюджет на 1910 г. предусматривал дефицит в 84 млн рублей. Бюджетная комиссия Думы свела его к бездефицитному, и председатель комиссии М. М. Алексеенко с гордостью напоминал, что впервые с 1888 г. роспись составлена без превышения доходов над расходами и притом без займов и повышения налогов. Он отмечал также повышение курса государственных ценных бумаг, наличие неиспользованного эмиссионного права Государственного банка на 565 млн рублей и значащиеся на счету банка средства казначейства на 256 млн рублей. «Это, — заключал он, — показывает, что государственное

¹ Гурко В. И. Указ. соч. С.31, 173, 195.

² Шепелев Л. Е. Указ. соч. С.143.

³ Вольский А. А. Основы торгово-промышленной политики России. С.13, 15.

казначейство очень свободно в выполнении всяких обязательств, которые к нему могут быть предъявлены, и в выдаче всяких расходов, которые от него потребуются». Правда, Алексеенко еще напоминал, что достигнутое бюджетное благополучие вызвано сочетанием хорошего урожая и высоких цен, которое может больше и не повториться, а потому предлагал не покушаться на свободную наличность, оставив ее Министерству финансов в качестве резерва.¹ Этот призыв был поддержан и правыми.

Но в ходе прений и справа, и со скамей оппозиции усиливались требования увеличить производительные расходы, причем Кутлер подчеркивал, что сама же бюджетная комиссия в своем докладе указывала на существование «задержанных потребностей» страны на 2 млрд рублей.² И право-октябристское большинство, и кадеты главный упор делали на производительные расходы в области сельского хозяйства, а один из лидеров националистов Л. В. Половцов, настаивая на необходимости таких расходов, упомянул и создание Сельскохозяйственного банка. Подводя итоги бюджетных прений, Алексеенко высказался за заключение производительных займов на нужды сельского хозяйства, железнодорожное строительство, сооружение портов и т.п., а в качестве гарантии разумности их использования — за выработку «плана сооружений» «на то ближайшее время, которое имеется в нашем предвидении».³

Подсчеты «задержанных потребностей», включенные в доклад бюджетной комиссии, были основаны на записке, составленной Мигулиным еще в 1908 г. В 1910 г. Мигулин опубликовал ее в несколько переработанном виде в ходе развернутой им кампании за изменение финансовой политики правительства. Он призывал вступить на путь экономического и политического обновления России, «не останавливаясь пред крупными кредитными операциями и расходами, имею-

¹ Государственная дума. Созыв III. Сессия III. Ч. II. СПб., 1910. Стб. 1165–1169.

² Там же. Стб. 1202.

³ Там же. Стб. 1472–1473.

щими целью поднятие производительных сил населения».¹ Забыв собственные критические выпады против экономического курса Витте, Мигулин писал о необходимости «хотя бы и несколько искусственного и идущего сверху содействия подъему производительных сил страны».² В 1913 г. Мигулин уже прямо объявлял политику Витте правильной и утверждал, что к промышленному кризису начала века привели лишь «приостановка энергетического развития рельсовой сети» и маньчжурская авантюра.³

Довольно близок к позиции Мигулина был член Государственного совета В. И. Денисов, которого, если верить газетам, Столыпин незадолго до своей гибели прочил на пост министра торговли и промышленности.⁴ Денисов сосредоточивал огонь на налоговой политике Коковцова, доказывая, что «нарастание налогового бремени... не соответствует накоплению свободной денежной наличности у главного плательщика, у населения», и что главной целью действий Коковцова является «выкачивание из населения средств, необходимых для поддержания... равновесия государственного бюджета». Подобно Мигулину, Денисов особо подчеркивал необходимость организации сбыта сельскохозяйственной продукции. При этом, критикуя ход земельной реформы и подчеркивая, что она пока не повлияла серьезно на положение крестьянских хозяйств, Денисов в своих конкретных предложениях в первую очередь заботился о доходах помещичьих экономий и рвущихся к казенным землям предпринимателей. Именно на них были рассчитаны его предложения расширить, «не стесняясь широкими затратами», площади под интенсивными культурами, в том числе хлопком, и допустить в этой области частную предприим-

¹ Мигулин П. П. Возрождение России. Экономические этюды и новые проекты. Харьков, 1910. С.64.

² Экономист России. 1911. № 1. С.4.

³ Новый экономист. 1913. № 51–52. С.7.

⁴ Голос земли. 1912. 1 декабря.

чивость, а также создать условия для развития предприятий, перерабатывающих продукцию сельского хозяйства.¹

В 1911 г. бюджетная комиссия Думы стала уже выражать недовольство ростом свободной наличности «при условиях сдержанного удовлетворения насущных потребностей государства».² В ее докладе предлагалось использовать средства из свободной наличности на нужды земств и городов. В думской речи Алексеенко говорил о желательности не распылять эти деньги ради мелких целей, а направить их на поднятие экономического положения населения, имея в виду прежде всего «улучшение обстановки земледельческого труда».³ И снова при всех отличиях мотивов и формулировок подавляющее большинство Думы высказалось за государственную поддержку сельского хозяйства. Правый С. В. Киндяков предлагал превратить свободную наличность в особый фонд Государственного банка, используемый для поддержания мелкого кредита.⁴ Все рекорды, однако, побил главный бюджетный оратор октябристов А. В. Еропкин. Доказывая необходимость направить капиталы преимущественно в земледелие, он, ссылаясь на пример Финляндии, утверждал... будто «и без обрабатывающей промышленности может жить и даже может хорошо жить сельское население» и страна в целом.⁵

Критика накопления свободной наличности была продолжена, и в 1912 г. Алексеенко снова призывал правительство составить план использования части свободных средств на поднятие хозяйства крестьян и ремесленников, на развитие сети проселочных дорог и т. п., подчеркивая, что это должен быть именно правительственный план, ибо

¹ Денисов В. И. 1) К проекту государственной росписи на 1913 год. СПб., 1912. С.2, 7, 31; 2) К оценке экономического положения России (По поводу последнего обсуждения бюджета в Государственной думе). СПб., 1913. С.24.

² Государственная дума. Доклады бюджетной комиссии. Созыв III. Сессия IV. СПб., 1911. № 49. С.33.

³ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия IV. Ч.II. СПб., 1911. Стб.2365.

⁴ Там же. Стб.2559.

⁵ Там же. Стб.2473.

инициатива Думы будет заведомо провалена Государственным советом.¹ Осторожное подталкивание финансового ведомства к увеличению производительных расходов уже не удовлетворяло правых, особенно в обстановке приближавшихся выборов в IV Думу. Но, не решаясь еще на общую критику Коковцова, правые делали вид, что свободная наличность образовалась не в результате сознательного курса Министерства финансов, поддержанного бюджетной комиссией, а вследствие неумелого занижения доходной сметы этой комиссией, пошедшей в своем скопидомстве дальше оправданной сдержанности ведомства. Соглашаясь с необходимостью иметь определенный резервный фонд на случай чрезвычайных обстоятельств, Марков выступал против накопления излишков, которые «не работают в народе, не производят никакого дела, не приносят процентов». Казначейство, говорил он, «это покойницкая, это мертвецкая для денег».²

То, что нападая на комиссию, Марков на деле имел в виду Коковцова, было продемонстрировано уже осенью 1912 г., когда Марков прямо обвинил министра финансов в «дурной политике» «бесполезного накопления денег».³ Но наиболее яростно напал Марков на Коковцова весной 1913 г. во время общего наступления правых на премьера. Обвинив Коковцова в систематическом преуменьшении предполагаемых доходов ради накопления «свободно болтающейся наличности», Марков заявил, что экономический рост в стране происходил не благодаря, а вопреки политике Министерства финансов. Он повторил традиционные обвинения против Государственного банка, сетуя на то, что лишь 3% его учетно-ссудного оборота шло в сельское хозяйство (это было следствием характера учетной операции), а заодно обвинил банк в захвате элеваторного дела. Здесь суть претензий состояла в недовольстве помещиков требованиями банка о гарантиях возврата подтоварных ссуд. Марков припомнил Коковцову и его сопротивление проектам Сельскохозяйственного

¹ Там же. Сессия V. Ч. II. СПб., 1912. Стб. 3219–3221.

² Там же. Стб. 3600.

³ Там же. Созыв IV. Сессия I. Ч. I. СПб., 1913. Стб. 398.

банка, резко напал на практику хранения значительного золотого запаса за границей (что требовалось для покрытия иностранных платежей казны) и на неполное использование эмиссионного права Государственного банка. Марков считал нежелание использовать возможный в этом случае выпуск дополнительного количества денежных знаков для сельского хозяйства «экономическим преступлением» Коковцова, который «слишком мал для того места», какое он занимает.¹

Стараниями правых в 1913 г. была развернута кампания против заграничного золотого запаса казначейства, носившая, кроме того, антисемитский характер, поскольку значительная часть этого запаса помещалась в банкирских домах Блейхредера и Мендельсона — традиционных партнерах финансового ведомства. Аноним из «Нового времени», выпустивший затем свои статьи отдельной брошюрой, обвинял Министерство финансов в том, что оно держит сотни миллионов рублей без употребления, тем самым оказывая «высокое покровительство в России завоеваниям иностранного капитала», в то время как «трудовая Россия страшно нуждается в кредите». Автор требовал изменить «явно антинациональный и антигосударственный курс нашей финансовой политики», почти в открытую предлагая удалить находящегося «не на своем месте» Коковцова.²

С иных позиций, но более жестко, чем в III Думе, критиковала политику Коковцова и бюджетная комиссия, тон в которой по-прежнему задавали Алексеенко и другие октябристы. Комиссия стала выражать беспокойство в связи с тем, что Министерство финансов, пользуясь существованием свободной наличности, начало широко практиковать сверхсметные расходы, в том числе неутвержденные Думой или даже неизвестные ей. За 1902–1912 гг. Министерство финансов истратило таким образом 455 млн рублей, причем расходы на 144 млн, главным образом разные дотации военным ведомствам, через Думу не проходили. Как сетовал

¹ Там же. Ч.II. СПб., 1913. Стб.1017, 1032–1035, 1046–1047.

² «Ъ». Русский золотой запас за границей. СПб., 1913. С.87, 107, 109. См. также: *Ананьич Б. В.* Россия и международный капитал 1897–1914. Очерки истории финансовых отношений. Л., 1970. С.288–290.

Алексеев, в России кроме обычного и чрезвычайного бюджета появился «еще особый бюджет, бюджет свободной наличности». Отметив, что существование внесметных средств создает постоянный соблазн употребить их на покрытие перерасходов разных ведомств, Алексеев вновь призывал предназначить часть свободной наличности «на такие обширные дела, которые затрагивали бы интересы массы населения».¹ Беспокойство комиссии вызывало и еще одно обстоятельство. С 1912 г. рост промышленного производства в стране не поспевал за спросом. Это вело к увеличению промышленного импорта и значительному сокращению положительного сальдо торгового баланса, что грозило подорвать всю финансовую систему страны. Единственный способ сохранить равновесие бюджетная комиссия видела в «усиленном вывозе... продуктов сельского хозяйства» и, следовательно, в увеличении их производства, для чего считала необходимым расширение сельскохозяйственного кредита.² Это опять вело к выводу о необходимости увеличить производительные расходы, покрываемые как свободной наличностью, так и займами.

Эту общественную атмосферу Кривошеин старался использовать в своей борьбе за привлечение капиталов к сельскому хозяйству. Как уже отмечалось, выдвигая проекты реорганизации сельскохозяйственного кредита, ГУЗиЗ заботилось в частности о непосредственных интересах помещного дворянства. С этой целью оно выступало за сохранение Дворянского банка в качестве источника «свободного ипотечного кредита» на «зависящие исключительно от заемщика расходы» и за возложение на Государственный земельный банк мелиоративных ссуд, которые хотя и предназначались бы преимущественно крестьянам, но могли бы «явиться подспорьем и землевладельцам других сословий».³ Но в

¹ Государственная дума. Созыв IV. Сессия I. Ч. II. Стб. 901–917.

² Государственная дума. Доклады бюджетной комиссии. Созыв IV. Сессия II. СПб., 1914. № 50. С. 5.

³ В. С. Кошко — П. П. Зубовскому 21 августа 1912 г. // РГИА. Ф. 395. Оп. 1. Д. 2429. Л. 2–5.

качестве основной народнохозяйственной задачи ГУЗиЗ рассматривало укрепление крестьянских единоличных хозяйств, тем более, что, как оно вынуждено было публично констатировать, «частное землевладение неуклонно продолжает идти к уничтожению».¹

В течение примерно года после выработки соглашения двух ведомств о реформе кредита Кривошеин выжидал, предоставляя действовать на авансцене думским защитникам сельскохозяйственных интересов. Летом 1912 г. Коковцов запросил коллег по кабинету, какие подготовленные ими законопроекты он мог бы назвать в своем первом выступлении перед IV Думой. Кривошеин сразу же напомнил о сельскохозяйственном кредите, закон о котором должно было представить Министерство финансов. «Скорейшее проведение в жизнь законопроекта по этому вопросу, — писал он, — я считаю едва ли не важнейшим для вверенного мне ведомства пунктом правительственной законодательной программы». При этом Кривошеин особенно подчеркивал значение такого кредита для интенсификации хуторского и отрубного хозяйства. «Только при этом условии, — вновь настаивал он, — земельная реформа будет иметь то важное государственное и экономическое значение, на которое она рассчитана».² Параллельно выступил и постоянный союзник Кривошеина государственный контролер П. А. Харитонов. В отчете за 1911 г., продолжая свои напоминания о необходимости изыскать для сельского хозяйства больше денег, он особо отметил, что, с его точки зрения, самые основы организации мелиоративного кредита в стране не отвечают требованиям жизни и нуждаются в коренном преобразовании.³

Предельно обтекаемые формулировки декларации Коковцова, говорившего 5 декабря 1912 г. в Думе, естественно,

¹ ГУЗиЗ. Итоги работ за последнее пятилетие (1909–1913 гг.). СПб., 1914. С.41.

² А. В. Кривошеин — В. Н. Коковцову 30 августа 1912 г. // РГИА. Ф.560. Оп.26. Д.987. Л.49.

³ Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1911 г. СПб., 1912. С.109.

об «особых заботах» правительства о сельском хозяйстве и быте сельского населения и об «особом внимании» к сельскохозяйственному и мелкому кредиту, но пообещавшего лишь «пересмотреть и обсудить во всей его совокупности вопрос о кредите» в неопределенном будущем и симптоматично оговорившего, что мелкий кредит, собственно, «даже при нынешнем положении» быстро и широко развивается,¹ не удовлетворили ни Кривошеина, ни его союзников. В январе 1913 г. группа членов Думы, преимущественно октябристов, выступила с законодательным предположением об изыскании средств для мелиоративного кредита. В нем напоминалось о проектах создания Сельскохозяйственного и реформы Крестьянского банков и выдвигалась постоянно разваливавшаяся Кривошеиным идея, будто в случае преобразования Крестьянского банка в Государственный земельный, он сможет быстро найти средства на денежном рынке.² Нельзя категорически утверждать, что демарш октябристов был предпринят по подсказке или даже с ведома Кривошеина, но учитывая их постоянные контакты с министром земледелия, особенно активизировавшиеся в начале 1913 г., и близость Мигулина как к октябристским лидерам, так и к ГУЗиЗ, такое допущение вполне правдоподобно.

В марте уже само ГУЗиЗ, солидаризуясь с замечаниями Харитонова, напомнило и о своем проекте Сельскохозяйственного банка, и о соглашении 1911 г., подчеркнув, что «до настоящего времени» никаких законопроектов в развитие этого соглашения финансовое ведомство не представило.³ Одновременно недавно созданная стараниями ГУЗиЗ Всероссийская сельскохозяйственная палата предложила образовать Центральный сельскохозяйственный банк с передачей ему и мелиоративного кредита из ГУЗиЗ, и элеваторного

¹ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия I. Ч.I. СПб., 1913. Стб.271, 275.

² Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Созыв IV. Сессия I. СПб., 1913. № 67. С.1.

³ Представление ГУЗиЗ в Совет министров 8 марта 1913 г. // РГИА. Ф.395. Оп.1. Д.1929а. Л.167. Помета: «слушалось в СМ 16 июня».

дела и мелкого кредита из Министерства финансов.¹ Это было явным напоминанием, что в случае затяжки дела Кривошеин может вернуться к своим посягательствам на сферу влияния финансового ведомства. Вскоре и сам Кривошеин напомнил о том же, прислав Коковцову проект устава Российского сельскохозяйственного банка. Речь шла о частном банке с небольшим капиталом в 5 млн рублей, но с правом заниматься хранением, страхованием и транспортировкой грузов. Средства на это предполагалось получить выпуском облигаций, а это могло в будущем поставить вопрос об их гарантии. Коковцов, естественно, ответил, что после отклонения плана создать государственный банк на таких же основаниях «вопрос может считаться исчерпанным».²

Наиболее полно позиция ГУЗиЗ была изложена в очерках, посвященных пятилетию его деятельности под руководством Кривошеина и 75-летию существования сельскохозяйственного ведомства в России. Оба издания вышли в свет уже в 1914 г. (первое — накануне отставки Коковцова), но готовились в 1913 г. в разгар борьбы двух министров, что нашло отражение в их содержании. В истории ведомства всей финансовой политике России с 1861 г. ставилось в упрек, что «сельское хозяйство было предоставлено самому себе, как бы в расчете на то, что оно... могло развиваться, ...не требуя помощи со стороны». Подчеркивая, что землеустроительная деятельность ГУЗиЗ до сих пор была лишь подготовкой будущей его работы по поднятию уровня сельского хозяйства, авторы издания указывали на необходимость для этой работы увеличения сметных ассигнований самому ведомству и создания Сельскохозяйственного банка, «могущего дать стране широкий мелиоративный кредит».³ В обзоре деятельности ГУЗиЗ за 1909–1913 гг. содержалась жалоба на то, что «ведомство далеко еще не располагает

¹ Дякин В. С. Указ. соч. С.163.

² В. Н. Коковцов — А. В. Кривошеину 31 августа 1913 г. // РГИА. Ф.395. Оп.1. Д.1929а. Л.183.

³ Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет его деятельности (1837–1912 гг.). Пг., 1914. С.217, 389, 397.

ни нужными средствами, ни достаточными личными силами», и что разработанный ГУЗиЗ проект реорганизации сельскохозяйственного кредита «остаётся неосуществленным». В обзоре также признавалось, что на первом плане в действиях ГУЗиЗ был перевод крестьян на единоличное хозяйствование, тогда как «собственно сельскохозяйственные мероприятия» развивались «пока ещё слабо и неполно». И в этом обзоре подчеркивалась обязанность правительства «обеспечить возможно широкий прилив денежных средств, людей, технических знаний на службу сельскому хозяйству» и создать для него «возможно благоприятную экономическую обстановку».¹

Говоря о широком приливе денежных средств к сельскому хозяйству, Кривошеин имел в виду не только развитие сельскохозяйственного кредита, но и увеличение бюджетных ассигнований на государственные мелиоративные работы. Как уже отмечалось, ещё на рубеже XIX–XX вв. Витте пресек попытки Ермолова начать оросительные работы на юге и юго-востоке Европейской России, предложив сосредоточить все усилия на подготовке площадей под хлопок в Туркестане. Но и там практическая деятельность МЗиГИ не приняла значительного размаха, как из-за неразработанности проектов, так и из-за отсутствия средств. Уже в 1906 г. в связи с составлением перечня законопроектов, которые правительство могло бы внести во II Думу, ГУЗиЗ подняло вопрос о расширении мелиоративной деятельности ведомства, особенно в Туркестане и Закавказье. Отмечая быстрый рост хлопчатобумажной промышленности в стране, вызвавший большой ввоз хлопка-сырца из США, ГУЗиЗ подчеркивало необходимость «развития хлопководства внутри империи». В то же время оно понимало, что в ближайшем будущем не может рассчитывать на крупные ассигнования ради орошения казенных земель и предлагало подготовить закон о привлечении для этих целей частного капитала.² Одновременно

¹ ГУЗиЗ. Итоги работ за последнее пятилетие. С.4, 6, 18, 20.

² Черновик записки ГУЗиЗ о ближайших мероприятиях ведомства. 1906 г. // РГИА. Ф.381. Оп. 47. Д.527. Л.9.

«Известия ГУЗиЗ», также сетуя на отсутствие средств и крайнюю нехватку технического персонала (в штате ГУЗиЗ имелось 58 гидротехников на всю Россию), призывали к созданию на местах мелиоративных товариществ,¹ имея в виду уже Европейскую Россию. Но российские помещики, лишь в предвоенные годы раскачавшиеся на создание отдельных обществ взаимного кредита и холодно встречавшие призывы к экономическому объединению в каких-либо формах, не были готовы к созданию мелиоративных товариществ, привлечение же частного капитала к орошению казенных земель встречало серьезные юридические препятствия, особенно когда речь шла о Туркестане и Закавказье, управлявшихся на особых основаниях. Поэтому наиболее реальным оставался путь казенных работ, хотя бы и в ограниченных масштабах.

В феврале 1907 г. ГУЗиЗ предложило вернуться к принятому еще в 1899 г. плану орошения 45 тысяч десятин в Голодной степи. Развернув широкую картину возможностей орошения земель в крае, которое позволило бы развить не только хлопководство, но и хлебопашество, причем последнее силами русских переселенцев, что уменьшило бы их наплыв в Сибирь и укрепило бы «политическую и экономическую связь» Туркестана с метрополией, ГУЗиЗ реально претендовало на немного. Оно напоминало, что в 1899 г. Государственный совет ассигновал на работы в Голодной степи 2,25 млн рублей, из которых в действительности ведомством было получено 1,36 млн. На завершение намеченных работ теперь в связи с вздорожанием рабочих рук требовалось 1,9 млн рублей, причем ГУЗиЗ подчеркивало, что если оно и дальше будет получать средства мелкими дозами, стоимость работ снова возрастет. Поэтому оно просило внести всю сумму в сметы 1907–1909 гг.² Просьба ГУЗиЗ натолкнулась на отрицательную реакцию Коковцова и занимавшего в тот момент пост государственного контро-

¹ Известия ГУЗиЗ. 1906. № 7. С.103.

² Представление ГУЗиЗ в Совет министров 12 февраля 1907 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.3. Д.478. Л.8–12.

лера П. Х. Шванебаха. Последний писал, что освоение Голодной степи «есть дело отдаленного будущего», и прежде, чем казна начнет получать от него доход, она долго еще должна будет жертвовать «значительными средствами, столь необходимыми ей теперь».¹

Получив отказ, ГУЗиЗ попросило хотя бы 317 тысяч рублей на 1908 г. Одновременно оно представило план орошения Муганской степи в Закавказье. Из общего проекта орошения 143 тысяч десятин, предполагаемой стоимостью в 5 млн рублей, ГУЗиЗ при поддержке наместника на Кавказе И. И. Воронцова-Дашкова выделяло как первоочередное мероприятие орошение 8 тысяч десятин. Оно подчеркивало, что в данном случае речь идет прежде всего о русской колонизации территории на персидской границе, что соответствует «политическим интересам края».² И снова Совет министров, ограничив смету на работы в Голодной степи всего 117 тысячами рублей, решил вообще ничего не давать на орошение Мугани, «следуя усвоенному взгляду о необходимости воздерживаться ввиду затруднительного положения государственного казначейства от приступа к допускающим отсрочку новым работам».³ На практике некоторые работы в 1907–1910 гг. были осуществлены на средства наместничества.

В феврале 1910 г. одновременно с выдвижением требования расширить сельскохозяйственный кредит Кривошеин вернулся к планам орошения Голодной и Муганской степей, подчеркивая, что теперь уже нельзя ссылаться на бюджетные затруднения. Речь шла по-прежнему о не очень крупных суммах — 4,17 млн рублей для Закавказья (142 тысячи десятин) и 5,14 млн рублей для Туркестана (65 тысяч десятин). Но Кривошеин хотел, чтобы эти ассигнования были сразу зафиксированы на 1910–1914 гг. В представле-

¹ Отзыв П. Х. Шванебаха 22 февраля 1907 г. // Там же. Л.16–17.

² Представления ГУЗиЗ в Совет министров 12/15 сентября 1907 г. // Там же. Л.33–34, 50–52.

³ Особый журнал Совета министров 25 сентября 1907 г. // Там же. Л.64.

ниях подчеркивалось, что орошаемые земли предназначаются для русской колонизации.¹ Коковцов, на этот раз поддержанный и Харитоновым, выступил против фиксации расходов на весь срок. По их настоянию Совет министров высказался за ежегодное выделение средств в сметном порядке, что могло, как это уже бывало, привести к затяжке дела на неопределенное время.

Понимая, что просимые им средства недостаточны для широкого развития ирригационного дела, Кривошеин вернулся на время к идее привлечь частный капитал. Его проект орошения Мугани предполагал и отвод участков земли акционерным компаниям при их обязательстве нанимать только русских рабочих. Но Воронцов-Дашков даже в этом увидел угрозу его планам создания на орошаемой территории «сплошной русской провинции», и Кривошеин уступил. С 1911 г. он стал придерживаться точки зрения, что в Закавказье по существующим политическим и экономическим условиям не следует привлекать частный капитал к орошению казенных земель, тогда как в Средней Азии использование частного, в том числе иностранного капитала вполне целесообразно. Производство работ только за казенный счет, признавал он, непосильно, да и вообще для государства затруднительно осуществление «дорогих и сложных, а тем более новых у нас технических предприятий». При этом Кривошеин предлагал допускать иностранных концессионеров не в Голодную степь, а в менее благоприятные и привлекательные для частного капитала районы, например в Каракумы.²

Результатом обсуждения вопроса об оросительных сооружениях явился более общий законопроект ГУЗиЗ «О привлечении частной предприимчивости к разработке впусе лежащих казенных земель в малонаселенных местностях».

¹ Представления ГУЗиЗ в Совет министров 16 и 22 февраля 1910 г. // Там же. Л.119–135, 142–163.

² А. В. Кривошеин — И. Г. Щегловитову 25 июля 1911 г.; Проект представления ГУЗиЗ о частных оросительных предприятиях в Туркестанском генерал-губернаторстве. Июнь 1911 г. // Там же. Ф.1405. Оп.531. Д.806. Л.101–103; 106.

В нем подчеркивалось, что освоение окраин страны нельзя сводить лишь к крестьянскому переселению, а необходимо создавать наряду с крестьянским хозяйством и «более культурное, прилагающее к земле лучшие технические приемы и большой капитал». При этом имелись в виду не только сельскохозяйственные, но и горные и промышленные предприятия. В условиях усиливавшихся националистических тенденций во внутренней политике страны в проекте оговаривались ограничения для лиц нерусского происхождения — запрет на приобретение земли иностранцами и инородцами, в том числе выходцами из сопредельных азиатских стран, принявшими российское подданство.¹ Вероятно, именно этот поворот повлек за собой срыв соглашения с Дж. Гаммондом,² который кроме элеваторного дела присматривался и к хлопковому.³ С конца 1911 г. ГУЗиЗ взяло курс на предоставление льгот русским предпринимателям, претендовавшим на отвод земли в Голодной степи. Особое покровительство оказывалось группе московских текстильщиков во главе с А. И. Кузнецовым,⁴ связанным с родней Кривошеина по материнской линии.

Одной из причин, вызвавших значительную активизацию и ГУЗиЗ, и московских ситцевых фабрикантов в обсуждении проблемы орошения Голодной степи, была денонсация США в 1912 г. торгового договора с Россией, поставившая под сомнение дальнейший импорт заокеанского хлопка. В этой связи на 7-м съезде промышленности и торговли Кузнецов настаивал на ускорении предоставления концессий частным предпринимателям еще до выработки общего плана ирригационных работ. ГУЗиЗ вынуждено было осаживать заторо-

¹ Там же. Ф.1276. Оп.8. Д.300. Л.2–9.

² Там же. Ф.1405. Оп.531. Д.806. Л.101–103.

³ Летом 1911 г., сочтя рискованным свой первоначальный план орошения земель по левому берегу Аму-Дарьи, Гаммонд просил концессию на южную часть Голодной степи. ГУЗиЗ, однако, отказало под предлогом, что этот район будет осваиваться силами казны // См.: Там же. Ф.426. Оп.1. Д.804.

⁴ Представление ГУЗиЗ в Совет министров 29 ноября 1912 г. // Там же. Ф.1276. Оп. 8. Д.342. Л.2–10.

пившихся претендентов. Отвечая Кузнецову, управляющий Отделом земельных улучшений В. И. Масальский подчеркивал, что до проведения соответствующих изысканий «ни у кого из нас не поднимется рука дать воду для оживления земель в верхнем течении Аму-Дарьи и этим погубить или привести в запустение существующий старый оазис в низовьях этой реки».¹

Важной целью орошения Голодной степи оставалась и все более выдвигалась на первый план «колонизация края крепкими русскими людьми». При этом предполагалось, что если отводить участки самовольным переселенцам, уже несколько освоившимся в Средней Азии, они смогут заниматься и хлопководством.² На деле колонизационные цели вступали в противоречие с экономическими, а это, вместе с чрезмерной торопливостью претендентов на концессии, вновь вело ГУЗиЗ к предпочтению работ за счет казны. Одновременно становилось все более необходимым распространение мелиоративных работ на казенные земли и земли Крестьянского банка по всей стране в целях землеустройства. Общая сумма ассигнований на земельные улучшения, державшаяся в сметах 1905-1909 гг. в пределах 800–900 тысяч рублей, с 1910 г. стала расти, достигнув в 1913 г. 9,8 млн.³ В дворянских кругах мелиорация казенных земель (под которой подразумевались простейшие сооружения) противопоставлялась покупке помещичьих имений Крестьянским банком как более дешевая и отвечающая интересам помещиков альтернатива. Таким образом, создавались объективные предпосылки для выдвижения широкого плана деятельности ГУЗиЗ в области земельных улучшений.

Формально такой план был выдвинут группой членов Думы в составе мероприятий в ознаменование 300-летия

¹ Журналы заседаний Седьмого очередного съезда представителей промышленности и торговли. СПб., 1913. С.28, 29.

² Представление ГУЗиЗ в Государственную думу 29 марта 1913 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.9. Д.440. Л.2–31.

³ Проект представления ГУЗиЗ в Совет министров. Август 1913 г. // Там же. Ф.426. Оп.3. Д.525. Л.39.

дома Романовых. Но автором этого плана даже номинально считался В. В. Мусин-Пушкин,¹ бывший управляющий Дворянским и Крестьянским банками, очень близкий к Кривошеину человек, получавший материалы из Отдела земельных улучшений.² План предусматривал строительство магистральных осушительных и оросительных каналов, лесонасаждения, борьбу с песками и оврагами, устройство водохранилищ, приобретение в казну земель для приведения их в культурное состояние, осуществление полевых исследований и создание гидротехнических учебных заведений. Общая сумма необходимых расходов называлась в 2,5 млрд рублей, в том числе в Европейской России — 810 млн, в Сибири — 750, в Туркестане — 560, в Закавказье — 150 и т. п. Все работы должны были производиться за государственный счет, а возведенным сооружениям предлагалось присвоить название «романовских». Конкретными расчетами план не был подкреплен и по сути представлял собой декларацию о намерениях. На ближайшие 5 лет предполагалось выделить 150 млн рублей, причем здесь уже самая большая часть ассигнований приходилась на Туркестан и Кавказ.³ Излагая этот план, докладчик думской комиссии херсонский помещик С. Т. Варун-Секрет не забыл добавить пожелание, чтобы все эти мероприятия «не заслоняли собою текущих потребностей мелиорации для целей частного землевладения».⁴

В быстро подготовленном официальном представлении ГУЗиЗ в Совет министров подчеркивалось, что широкая мелиоративная программа становится необходимой в условиях, «когда вопрос о повышении производительности страны... впервые ставится во всем его объеме». Точно так же подчеркивалась и политическая сторона дела — важность заселения окраин «русскими людьми». Отметив уже начав-

¹ Государственная дума. Созыв IV. Сессия I. Ч. I. Стб. 1644.

² В. И. Масальский — В. В. Мусину-Пушкину 10 сентября 1913 г. // РГИА. Ф. 426. Оп. 3. Д. 525. Л. 56.

³ Соображения по вопросу об образовании романовского фонда земельных улучшений // Там же. Л. 6–8.

⁴ Государственная дума. Созыв IV. Сессия I. Ч. I. Стб. 1651–1654.

шийся рост ассигнований на мелиоративные работы, ГУЗиЗ, однако, указывало, что до сих пор «затруднялось предъявить в этом отношении требования... отвечающие неотложнейшим запросам жизни», поскольку не располагало необходимыми для развертывания работ «техническими силами». Из этого и вытекали предложения о подготовке кадров гидротехников различной квалификации. Осуществление мелиоративной программы полностью возлагалось на казну. Ирригационные работы, говорилось в этой связи в представлении ГУЗиЗ, окупаются медленно и это служит препятствием для вложения частных капиталов. Государство же «может и должно учитывать не только ближайшую, но и более отдаленную выгодность мелиоративного предприятия и притом не в узком смысле непосредственной его доходности, а с более широкой точки зрения».

План работ на 1915–1919 гг. включал в себя оросительные сооружения в Голодной степи, в верховьях Сыр-Дарьи и реки Чу в Средней Азии, в Муганской и Мильской степях в Закавказье, устройство лиманного орошения в Нижнем Поволжье, осушение земель в Верхнем Поволжье, в низовьях Днестра и Дуная, в Томской и Тобольской губерниях и на Дальнем Востоке и т. п., а также полевые изыскания в разных районах. Все это опять-таки говорилось в общих словах без подкрепления конкретными планами и расчетами. Понимая, что требование по меньшей мере устроить на ближайшие 5 лет смету на земельные улучшения по сравнению с 1913 г. (в действительности — увеличить еще больше, ибо вне рамок программы оставалась текущая землеустроительная деятельность) встретит возражения, Кривошеин предлагал проводить эти средства не по обычновенному, а по чрезвычайному бюджету, приравняв мелиоративные работы по их статусу к железнодорожному строительству.¹ Это означало, что покрываться расходы на мелиорацию также должны будут в чрезвычайном порядке — путем займов.

¹ Проект представления ГУЗиЗ в Совет министров. Август 1913 г. // РГИА. Ф.426. Оп.3. Д.525. Л.32, 37, 42, 43, 49–50, 53.

Коковцов, естественно, запротестовал против отнесения мелиоративных работ на счет чрезвычайного бюджета, что противоречило и закону о составлении росписи доходов и расходов. Он оспаривал также «необходимость и целесообразность» мелиорации «средствами и распоряжением казны», поскольку уже выявился интерес к хлопководству частных предпринимателей. Кроме того, он подчеркивал декларативность заявки ГУЗиЗ и отсутствие разработанных проектов, которые еще предстояло затем проводить в законодательном порядке. Из этого Коковцов заключал, что выполнить намеченные Кривошеиным мероприятия в течение 1915–1919 гг. нереально.¹ Высказал сомнения в возможности фиксации расходов вперед из-за «главным образом нужд государственной обороны» и Харитонов. Он предлагал ассигновать деньги в сметном порядке, напоминая при этом, что и выдвинутый Кривошеиным путь возможен лишь в нормальных условиях.² Кривошеин отверг все возражения. Он подчеркивал, что в мелиоративном деле понадобятся, разумеется, и частные капиталы, но пока думская судьба законопроектов об их допуске к орошению в Туркестане сомнительна. Кроме того — и здесь в его ответе звучали откровенно демагогические ноты — юбилейный характер программы требует ее осуществления за государственный счет и в чрезвычайном порядке. Основываясь на этих доводах, Кривошеин настаивал на принятии его программы и фиксации ассигнований на нее на все пятилетие.³

Вера в возможность получить займы на «производительные расходы» отличала все проекты Кривошеина. Но трудно себе представить, чтобы опытный бюрократ не понимал, что при всем благожелательном отношении к нему и к проблемам сельского хозяйства Дума и Государственный совет, тем

¹ В. Н. Коковцов — А. В. Кривошеину 18 ноября 1913 г. // Там же. Л.60–68. Показательно, что отзыв Министерства финансов был отослан в ГУЗиЗ лишь после дополнительного напоминания.

² П. А. Харитонов — А. В. Кривошеину 25 сентября 1913 // Там же. Л.57–58.

³ Представление ГУЗиЗ в Совет министров 14 декабря 1913 г. // Там же. Л.79–111.

более в существовавшей острой политической ситуации, не смогут быстро пропустить законопроекты, связанные с финансовыми тратами, даже если ГУЗиЗ успеет их подготовить в короткий срок. Поэтому настоятельное требование зафиксировать расходы уже с 1915 г. было скорее всего ходом в политической борьбе Кривошеина против премьера, которому можно было бы затем предъявить обвинение в отказе финансировать программу, приуроченную к юбилею царствующей династии.

Но для Коковцова увеличение государственного долга и расходование свободной наличности представлялись чрезвычайно опасными. Удар, нанесенный российским финансам русско-японской войной и революцией, был настолько силен, что царское правительство было вынуждено ограничивать даже расходы на перевооружение армии и флота. Летом 1909 г. Совет министров признал «явно непосильным» для государства существующий темп увеличения военных статей бюджета.¹ Хотя в последующие годы ассигнования на военные нужды непрерывно росли, как за счет обыкновенного бюджета, так и за счет сверхсметных ассигнований из свободной наличности, казна действительно не могла полностью обеспечить потребности армии в технической подготовке к войне. В этой ситуации Коковцов категорически не соглашался с утверждениями, будто «не следует вообще бояться займов, если только они заключаются на производительные цели». Подчеркивая, что государственный долг России рос слишком быстро и несоразмерно с подъемом благосостояния страны, Коковцов в записке в Совет министров в январе 1910 г. настаивал: «Понятие расходов производительных и непроизводительных слишком растяжимо и условно и, повторяю, заключение займов, хотя бы на самые бесспорно производительные нужды, все же приведет в конце концов к тому же результату, как и займы, совершенные для покрытия расходов, не признаваемых производительными, т. е. к расстройству государственного

¹ Сидоров А. Л. Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914–1917). М., 1960. С.63.

кредита и всего финансового положения страны».¹ Это заявление, связанное непосредственно с обсуждением проблемы финансирования военной программы, несло на себе явный отпечаток полемики вокруг вопроса о привлечении средств к сельскому хозяйству, обострившегося, как было показано выше, как раз в это время. Последнее обстоятельство особенно подчеркивалось тем, что с 1908 г. был возобновлен выпуск железнодорожных займов.

В октябре 1910 г. в ответ на подсчеты бюджетной комиссии Думы, доказывавшей возможность увеличить производительные расходы, Министерство финансов представило «Предположительное исчисление государственных доходов и расходов на 1911–1920 гг.». Министерский подсчет основывался на чисто механическом прибавлении на будущее среднегодового прироста доходов в 1907–1909 гг., а также на увеличении ежегодно на одну и ту же сумму расходных статей. Министерство утверждало, что наиболее быстро увеличиваются производительные ассигнования на начальное обучение и на землеустройство и содействие сельскому хозяйству, которые за 1911–1920 гг. вырастут соответственно на 156 и 150 млн рублей. Финансовое ведомство, однако, тут же оговаривало, что не следует проявлять излишний оптимизм в исчислении расходов в расчете на постоянное повторение урожайных годов и благоразумнее «основывать политику государства... на допущении возможности или вовсе не располагать новыми источниками доходов или же располагать ими в меньших размерах и в более поздние сроки». Главное же, Министерство финансов предупреждало о предстоящих чрезвычайных военных расходах, которые за невозможностью займов надо будет покрывать новыми налогами. Без увеличения налогов, предупреждало ведомство, уже с 1912 г. не может быть и речи о «дальнейших добавках на культурные потребности страны».²

Последующее развитие опровергло заниженные Министерством финансов прогнозы роста доходов. Тем не менее

¹ Ананьич Б. В. Указ. соч. С.266.

² РГИА. Ф.565. Оп.10. Д.39058.

Коковцов продолжал доказывать обязательность умеренности в расходах и предупреждать, что свободную наличность нельзя никуда «пристраивать», а следует держать на «черный день».¹ С конца 1912 г. Коковцов стал предупреждать о надвигающемся длительном удорожании капиталов на мировом денежном рынке». Отмечая резкое увеличение массы ипотечных бумаг (более, чем на 1 млрд рублей только за 1908–1911 гг.), Коковцов указывал, что нужно сохранять должное соответствие между предложением свободных средств на фондовом рынке и спросом со стороны ипотечного кредита», поглощающего слишком значительные суммы, на которые претендуют и другие отрасли народного хозяйства».²

Одновременно в выступлениях Коковцова более настойчиво стала звучать мысль о необходимости содействия развитию промышленности. Если в 1910–1911 гг. Министерство финансов еще повторяло расхожий тезис о прямой зависимости бюджетного благополучия от урожаев, то в объяснительной записке к бюджету на 1913 г. оно уже подчеркивало, что «не одни только урожаи, но и общее оживление торговли и промышленности создали благоприятное положение бюджетного хозяйства».³ На содержании публичных выступлений Коковцова сказывались и его постоянный взгляд на промышленное развитие как на «необходимое условие жизни страны»,⁴ и его полемика с противниками из правого лагеря, и стремление удержать буржуазию от перехода на сторону либеральной оппозиции. Начиная с выборов в IV Думу, Коковцов особенно настойчиво демонстрировал готовность правительства сотрудничать с торгово-промышленными кругами. Выступая в мае 1912 г. на 6-м съезде промышленности и торговли, Коковцов подчеркивал, что «от периода земледельческого Россия давно отошла, и было бы преувеличением и притом односторонним

¹ Государственная дума. Созыв IV. Сессия I. Ч. II. Стб. 941.

² Объяснительная записка министра финансов к проекту государственной росписи доходов и расходов на 1913 г. Ч. II. СПб., 1912. С. 154, 165.

³ Там же. С. 244.

⁴ Шепелев Л. Е. Указ. соч. С. 126.

говорить, что не следует развивать и поощрять промышленность, а следует заботиться об одном земледелии».¹

В правительственной декларации перед IV Думой Коковцов, продолжая называть, как отмечалось выше, сельское хозяйство предметом «особых забот» правительства, тут же добавлял, что «область торгово-промышленной деятельности, развитие которой идет вперед, привлекая к себе все большее количество рабочих рук, капиталов и предприимчивости, требует ныне со стороны государства не меньшего внимания, чем сельское хозяйство». Он подчеркивал свою приверженность принципам протекционизма и говорил о необходимости развить отечественное производство в соответствии с запросами страны, обещая полное содействие правительства расширению существующих предприятий и насаждению новых».² Хотя при этом он не вкладывал в слово «насаждение» тот специфический смысл, который оно имело во времена Витте, декларация Коковцова немедленно вызвала возражения правых, устами Маркова повторивших, что «русское государство есть государство народа, живущего преимущественно сельским хозяйством», а правительство не принимает достаточных мер для его развития.³ Тем не менее спустя полгода Коковцов вновь подчеркнул необходимость «стремиться к тому, чтобы повышалась наша трудовая и в особенности промышленная инициатива». Он призывал при этом «не смотреть на капитал и на его организацию как на врага», относиться «к сосредоточению у нас капитала, как явлению глубоко желательному», и не забывать, «что без организации капитала и его управления страна жить не может, в особенности теперь, когда наши соседи так сильны своею организацией, что разрозненная, неорганизованная сила всегда будет побита».⁴ Это была уже прямая отповедь антикапиталистической демагогии правых.

¹ Экономист России. 1912. № 19–20. С.12,

² Государственная дума. Созыв IV. Сессия I. Ч.I. Стб.272–274.

³ Там же. Стб.395.

⁴ Там же. Ч.II. Стб.942–943.

Таким образом, параллельно тому, как разворачивался и обострялся конфликт Коковцова и представителей крайней реакции, позиция Коковцова в экономических вопросах тоже становилась все более неприемлемой для всех групп, которые по разным причинам отдавали предпочтение развитию сельского хозяйства.

30 января 1914 г. Коковцов был смещен И. Л. Горемыкиным на посту Председателя Совета министров и П. Л. Барком в качестве министра финансов. Отставка Коковцова явилась результатом сложных маневров, в которых разногласия в правящих кругах из-за определения пути экономического развития сочетались с противоречиями вокруг дальнейшего политического курса. Поскольку последние не афишировались, на первый план в официальных документах выдвигались экономические соображения. В рескрипте на имя Барка (написанном Кривошеиным) провозглашалась необходимость «коренных преобразований» в «заведовании государственными финансами и экономическими задачами страны». В вину Коковцову ставился недостаток «правильно поставленного и доступного кредита» для «народного труда». Перед Министерством финансов выдвигалась задача изыскать новые государственные доходы на основе «увеличения производительных сил государства» и «удовлетворения народных нужд».¹

Экономическую программу политики Горемыкина — Кривошеина (получившей название «нового курса») можно условно поделить на три части.

Первую из них составляли националистические лозунги, обусловленные прежде всего тем, что борьбу против Коковцова Кривошеин вел в союзе с крайне правыми и националистами. Эти лозунги были отброшены сразу после образования кабинета. Такая судьба постигла требование «национализации кредита», согласно которому Государственный

¹ Дякин В. С. Указ. соч. С.178.

банк должен был прекратить операции с «инородцами» и «еврейскими банками». Уже 10 февраля Барк созвал представителей крупнейших банков и разъяснил, что Государственный банк и впредь будет предоставлять широкий кредит частным банкам, не делая каких-либо ограничений по национальному признаку. Барк назвал идею «национализации кредита» не выдерживающей критики и объявил о своем стремлении к «демократизации» кредита, но тоже не за счет крупной промышленности и торговли.¹ Характерной была и перемотивировка требования ГУЗиЗ об ограничении акционерного землевладения. Боясь появления на земельном рынке акционерных обществ как «новой экономической силы», способной повлиять в нежелательном направлении на «существующее землевладение и сельскохозяйственный труд», ГУЗиЗ в обстановке нарастающих националистических тенденций во внутренней политике предвоенных лет не побрезговало заявлением, будто скупка земли акционерными обществами может привести к созданию в стране крупного еврейского землевладения. Но добившись, несмотря на сопротивление Коквцова и министра торговли и промышленности Тимашева, того, что акционерным компаниям было запрещено владеть на общих основаниях более, чем 200 десятин земли, ГУЗиЗ в марте 1914 г. сняло антисемитское обоснование своих требований и внесло в журнал Совета министров их подлинные мотивы — землеустроительные нужды и опасение, как бы скупка земли лесными предприятиями не ускорила бы еще больше рост земельных цен.²

Другой составной частью экономической программы «нового курса» была попытка усилить казенное предпринимательство (в особенности железнодорожное) и государственное вмешательство в частнокапиталистическую торгово-промышленную деятельность, проводившаяся под антисиндикатскими и антибанковскими лозунгами. Это тоже отражало обстановку дворянской реакции предвоенных лет.

¹ Там же. С.185.

² Там же. С.180; Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1984. С.443.

Однако сопротивление буржуазии заставило правительство уже к лету 1914 г. отказаться и от дополнительных ограничений прав евреев и иностранцев в акционерных предприятиях, введенных правилами об акционерном землевладении, и от расследования деятельности синдикатов «Продамета» и «Продуголь».¹

Наибольшее значение, как в экономическом, так и в политическом плане имела сельскохозяйственная сторона «нового курса», по-прежнему преследовавшая три цели: решить объективно назревшие народнохозяйственные проблемы, вызванные отставанием сельского хозяйства, удовлетворить по возможности требования помещного дворянства о его поддержке и, главное, заручиться опорой в «крепком» крестьянстве, которое еще предстояло создать.

Смена Коковцова привела к значительному усилению позиций Кривошеина, рекомендовавшего Горемыкина и Барка на их посты. Это прежде всего сказалось на судьбе мелиоративной программы ГУЗиЗ. 9 января большинство Совета министров по настоянию Коковцова отвергло фиксацию расходов на мелиоративные работы на пять лет. 28 января, подготовив падение Коковцова и уезжая в Италию на лечение, Кривошеин специальной запиской попросил Николая утвердить программу вопреки мнению Коковцова или отложить решение «до появления свежих людей».² Сразу после прихода к власти «свежих людей» Николай утвердил мнение меньшинства старого кабинета,³ и 4 марта представление ГУЗиЗ «О развитии работ по земельным улучшениям государственного значения» было внесено в Думу. План ГУЗиЗ предусматривал на 1915–1919 гг. орошение или осушение 200 тысяч десятин в Европейской России, меры по борьбе с песками и оврагами, а прежде всего — изыскания и работы по орошению под хлопок в Закавказье и Средней

¹ Кризис самодержавия в России. С.445–446.

² Дякин В. С. Указ. соч. С.172–173.

³ Н. В. Плеве — в ГУЗиЗ 19 февраля 1914 г. // РГИА. Ф.426. Оп.3. Д.525. Л.133.

Азии.¹ Не только осуществление, но и обсуждение этого плана в Думе было сорвано войной.

Постепенно наметилось сближение позиций Министерства финансов и ГУЗиЗ в вопросе о реорганизации учреждений сельскохозяйственного кредита.

Позиция Барка по отношению к общему финансовому курсу была довольно противоречива. В речи при вступлении в должность он заявил, что охрана равновесия бюджета не должна препятствовать производительным, хотя бы и крупным затратам, поскольку они «сторицей вернутся в государственную казну».² В бюджетной декларации в Думе Барк был уже менее категоричен. Он полностью присоединился к политике Коковцова в вопросе о свободной наличности, повторив, что «к ее расходованию надлежит относиться с большою осмотрительностью», сохраняя ее «для нужд обороны». Пообещав создать «особое банковое учреждение, которое придет на помощь сельскохозяйственной России», для того, чтобы заняться подъемом сельскохозяйственной культуры и упорядочением хлебной торговли, интенсивным развитием промышленности ради избавления от иностранной зависимости, возобновить широкое казенное и частное железнодорожное строительство, Барк назвал лишь два источника, из которых можно было бы покрыть возникающие расходы — «некоторое расширение» эмиссионного права Государственного банка и строительство железных дорог не за бюджетный счет, а посредством займов, что высвободило бы бюджетные средства на другие цели. При этом он сразу оговорился, что возможности получения займов не безграничны, а дорожное строительство на бюджетные ассигнования имеет и преимущества, ибо «побуждает к более бережливому отношению к другим расходам».³

Барк оговорил также трудности создания Сельскохозяйственного банка и координации его деятельности с Дворян-

¹ Там же. Л.149–174.

² Новый экономист. 1914. № 6. С.143.

³ Государственная дума. Созыв IV. Сессия II. Ч.III. СПб., 1914. Стб.808–821.

ским и Крестьянским банками и заявил, что, «быть может, правильное будет» ограничиться выделением Управления мелкого кредита из Государственного банка и превращением его в учреждение, ведающее кредитованием сельскохозяйственного труда,¹ т.е. предложил по сути дела вариант, разработанный Министерством финансов в конце 1913 г.

Как видно из позднейшего документа Управления мелкого кредита, вопрос об организации в системе Министерства финансов «специального учреждения, в котором сосредоточивались бы все виды кредита, оказываемого в настоящее время сельскому хозяйству из правительственных источников», обсуждался на нескольких внутриведомственных совещаниях в 1914 г.² К сожалению, материалы этих совещаний найти не удалось. В ходе их, судя по имеющимся пометам, использовались материалы совещания Покровского. Вообще Министерство финансов явно старалось сохранить преемственность своих проектов. Это видно, в частности, из подготовленного в мае и представленного в Совет министров 9 июня проекта учреждения банков для кредитования кооперативов. Финансовое ведомство по-прежнему исходило из желательности привлечь к мелкому кредиту частный капитал, специально подчеркивая, что в связи с осуществлением рескрипта 30 января 1914 г. о более полном удовлетворении «народных нужд» средств Государственного банка или «какого-либо вновь образуемого государственного учреждения» все равно не хватит. По-прежнему отвергались и опасения МВД, боявшегося создания банков кредитной кооперации, находящихся вне государственного контроля. Напротив, авторы проекта доказывали, что поскольку кооперативные банки не смогут обойтись без учета векселей в Государственном банке, это «дает в руки правительственной власти надежные средства для направления кооперативной

¹ Там же. Стб.818.

² Справка Управления мелкого кредита в связи с всеподданнейшим отчетом государственного контролера за 1913 г. 26 января 1915 г. // РГИА. Ф.582. Оп.2. Д.13293. Л.271.

деятельности в желаемую сторону».¹ В то же время упоминание о «вновь образуемом» учреждении и о предстоящем «коренном преобразовании» заведования народным кредитом свидетельствовало, что Министерство финансов решило дать ход подготовленным в конце 1913 г. проектам, а, может быть, уже было готово и на большие шаги навстречу ГУЗиЗ.²

Со своей стороны ГУЗиЗ шло на сближение с Министерством финансов. Если в 1911 г. Кривошеин оговаривал, что его согласие оставить Крестьянский банк в системе финансового ведомства носит временный характер, то теперь ГУЗиЗ снимало претензии на полное руководство делом сельскохозяйственного кредита. Обнаруженные мною документы ГУЗиЗ, относящиеся к реорганизации системы этого кредита, датированы июнем 1914 г. и свидетельствуют, на мой взгляд, о том, что Барк и Кривошеин в принципе договорились о совместном обсуждении вопроса.

Один из этих документов был подготовлен управляющим Отделом сельской экономики Кошко. Признавая, что требование передать учреждения сельскохозяйственного кредита в полное подчинение ГУЗиЗ было вызвано лишь тактическими соображениями борьбы с Коковцовым, Кошко теперь выдвигал фактически план кондоминиума двух ведомств над этими учреждениями. «Намечать цели и задачи в области сельскохозяйственной жизни страны не дело финансового ведомства, — писал он. — Для этого существует особое ведомство, к услугам которого и должен быть предоставлен сельскохозяйственный кредит». При этом, по мнению Кошко, Министерство финансов «должно проникнуться сознанием, что вся кредитная организация есть только орудие и средство для достижения тех задач, которые ставятся и преследуются

¹ В октябре 1914 г. Барк направил Горемыкину специальную справку, в которой утверждалось, что участие и кооперативном движении может как раз отвлечь деревенскую интеллигенцию от деятельности «в противоправительственном направлении» — Там же. Ф.1276. Оп.9. Д.233. Л.114.

² Представление Министерства финансов в Совет министров 9 июня 1914 г. // Там же. Оп.10. Д.205. Л.2–8. Проект представления см.: Там же. Ф.583. Оп.5. Д.117. Л.6–23.

сельскохозяйственным ведомством», и должно поэтому «заранее и сознательно идти на чисто служебную роль» и дать возможность ГУЗиЗ «направлять и использовать деятельность кредитного учреждения так, как это ведомство признает нужным». Однако за этой декларацией следовала оговорка, сразу ставившая жесткие границы намерениям ГУЗиЗ намечать цели и задачи в области сельскохозяйственной жизни страны. «За финансовым ведомством, — признавал Кошко, — конечно, всегда останется решающим голос в вопросе: как много в каждое данное время по соображению с общими нуждами государства и положением государственного кредита может оно уделить средств и платежных сил на сельское хозяйство». По сути это означало признание, что претензии ГУЗиЗ на приоритет сельскохозяйственных расходов неосуществимы.

Конкретная схема организации сельскохозяйственного кредита, предлагаемая Кошко, предусматривала выдачу мелиоративных ссуд под залог земли из Дворянского и Крестьянского банков и создание специального банка для краткосрочного (до 5 лет) кредита. Этот банк должен был бы снабжать средствами крестьянскую кредитную кооперацию (но лишь в той мере, в какой ее деятельность отвечает его задачам — это открывало путь для воздействия на кредитные товарищества) и поддерживать помещичьи хозяйства через общества взаимного кредита. Кошко при этом делал особый упор именно на организации кредита помещикам, поскольку-де потребность в оборотных средствах в их хозяйствах, основанных на наемном труде, «гораздо чувствительнее», чем у крестьян. Кошко не придавал особого значения форме, какая будет придана банку краткосрочного кредита, считая самым важным создать управление, которое сосредоточило бы в своих руках общее руководство всеми ссудными операциями в области сельского хозяйства, производимыми пока ГУЗиЗ, сберегательными кассами, Государственным и Крестьянским банками и т. п. «Такое сосредоточение, — полагал он, — и должно завершить собою устройство сельскохозяйственного кредита». Что касается источников средств, то Кошко не предлагал ничего нового —

выпуск облигаций для долгосрочных операций, использование государственных дотаций и вкладов для краткосрочных.¹

Параллельно с Кошко Кривошеин поручил разработать предложения о реорганизации сельскохозяйственного кредита Мигулину (назначенному после прихода Барка членом Совета министра финансов). В присланных 26 июня «Основаниях устава Сельскохозяйственного банка» Мигулин также исходил из того, что после устранения ведомственных трений с Коковцовым такой банк можно учредить в системе Министерства финансов в форме Кассы сельскохозяйственного и кооперативного кредита при Государственном банке с последующим отделением от него при развитии операций. В отличие от Кошко Мигулин не оговаривал специально краткосрочный кредит помещикам, хотя, конечно, имел его в виду, а подчеркивал, напротив, срочность мер по подъему крестьянского хозяйства, ибо оно идет на смену тающим на глазах помещичьим экономиям. Кроме того, он опять выдвигал в качестве особо важной задачи Кассы организацию комиссионной торговли хлебом.

В предложениях об источниках средств для операций Кассы Мигулин, как всегда, проявлял неумный оптимизм. Он предлагал дать Кассе право принимать вклады частных лиц, установив пределом вкладной операции двадцатикратное превышение основного капитала, который создавался за счет бюджетных средств первоначально в размере 15 млн рублей и постепенно доводился до 100 млн. Поскольку, утверждал Мигулин, таким способом впервые после 1859 г. в стране появится казенный вкладной банк, частные сбережения при существующем доверии к государству устремятся именно в него, отливая от частных банков, сберкасс и твердопроцентных бумаг, и у Кассы образуется капитал в 2 млрд рублей. Отвлечение вкладов от других банков Мигулин считал не только не опасным, но даже желательным,

¹ Окончательный вариант записки В. С. Кошко находится в фонде А. В. Кривошеина (Там же. Ф.1571. Оп.1. Д.64. Л.20-42), а ее черновые варианты в фонде Отдела сельской экономики (Там же. Ф.395. Оп.1. Д.1929а. Л.232-255).

ибо в результате «народные сбережения... будут направлены на развитие важнейшей национальной отрасли промышленности». Одновременно Мигулин, как и Кошко, предлагал поручить Дворянскому и Крестьянскому банкам выдавать мелиоративные ссуды. При этом он отрицал опасность связанного с этим увеличения помещичьих ипотечных долгов. Поскольку, писал он, за последнее десятилетие цены на землю удвоились, вполне можно допустить и «удвоение нынешней ипотечной задолженности».¹

Судя по сохранившейся переписке, совещание «по выяснению основных вопросов об организации сельскохозяйственного кредита» состоялось в Министерстве финансов 10 и 14 июля, причем финансовое ведомство было представлено руководителями Государственного, Дворянского и Крестьянского банков, Кредитной канцелярии, управлений сберкасс и мелкого кредита, а также Мигулиным. От ГУЗиЗ же присутствовали сам Кривошеин, его товарищ П. Н. Игнатьев и Кошко. На совещании обсуждались проект главных оснований Банка для краткосрочного сельскохозяйственного кредита и записка С. Бородаевского «Подъем производительных сил и народный кредит». К середине августа был составлен проект журнала совещания.² Ни одного из этих документов разыскать не удалось.

Единственным следом материалов совещания является машинописный текст без даты и подписи, частично совпадающий с предложениями записки Кошко и находящийся вместе с нею и запиской Мигулина в фонде Кривошеина. Текст представляет собой схему организации сельскохозяйственного кредита, учитывающую идеи Кошко и Мигулина и в то же время, возможно, и поправки представителей Министерства финансов (понижены по сравнению с запиской

¹ Там же. Ф.1571. Оп.1. Д.64. Л.1-12.

² Список членов совещания по выяснению основных вопросов об организации сельскохозяйственного кредита; Д. И. Никифоров — В. С. Кошко 11 июля 1914 г.; П. Л. Барк — А. В. Кривошеину 8 июля 1914 г.; Д. И. Никифоров — П. Л. Барку 13 июля 1914 г.; Ф. К. Радецкий — Г. Р. Шмидту 16 августа 1914 г. // Там же. Ф.583. Оп.5. Д.206. Л.238, 239, 241, 247, 257.

Кошко нормы мелиоративных ссуд). Против пункта о создании советов для долгосрочного и краткосрочного кредита имеется карандашная помета: «приостановка», также дающая основания считать, что изложенная схема согласовывалась обоими ведомствами. Согласно схеме для объединения деятельности Дворянского и Крестьянского банков и Банка краткосрочного сельскохозяйственного кредита создавалось Управление по делам сельскохозяйственного кредита во главе с товарищем министра финансов и Совет по делам государственного сельскохозяйственного кредита. Дворянский и Крестьянский банки наряду с прежними операциями должны были выдавать также мелиоративные ссуды: Дворянский — потомственным дворянам, а Крестьянский — всем прочим землевладельцам (в том числе юридическим лицам), при этом крестьянам ссуды давались только под залог участков, отведенных к одному месту. В духе записки Мигулина указывалось, что существование ипотечного долга не является препятствием к получению ссуды на сельскохозяйственные улучшения. Банк краткосрочного кредита выдавал ссуды на срок до 5 лет, действовал преимущественно через учреждения мелкого кредита, но постепенно, в порядке, устанавливаемом соглашением двух министров, перенимал все операции Государственного банка, включая элеваторы. Средства банка составлялись из специальных бюджетных ассигнований, на первое время в сумме 25 млн рублей, капиталов Управления мелкого кредита, отчислений из фонда сберкасс по закону 1910 г. и принимаемых банком вкладов.¹

Отсутствие более конкретных документов не дает возможности установить, насколько Министерство финансов пошло дальше решений 1913 г. Намеченная тогда система Управления сельскохозяйственного кредита и Центральной кассы при нем была по структуре и источникам финансирования близка к Банку краткосрочного кредита. Существенным различием была обещанная передача банку элеваторного дела и, следовательно, подтоварных ссуд, приближавшая его к первоначальным мигулинским идеям Сельско-

¹ Там же. Ф.1571. Оп.1. Д.64. Л.13–18.

хозяйственного банка. Но эта передача еще требовала дополнительного соглашения ведомств. Неясно, имело ли совещание июля 1914 г. в виду личные вклады населения, как предлагал Мигулин, или только вклады местных кредитных учреждений, предусмотренные совещанием Покровского в 1913 г. Неясно, в какой мере банк получал возможность контролировать деятельность кредитных товариществ и получали ли мелкие и средние помещики доступ в них или должны были обращаться в общества взаимного кредита. Тем не менее сближение позиций ведомств произошло за счет уступок Министерства финансов. Особенно ощутимо это было в вопросе о мелиоративном кредите и связанной с ним реорганизацией Крестьянского банка, в конце 1913 г. вызвавшей резкие возражения Кредитной канцелярии.

Министерство финансов сообщило о соглашении с ГУЗиЗ в проекте росписи на 1915 г., объявив о предстоящем создании Банка краткосрочного кредита и о привлечении Дворянского и Крестьянского банков к выдаче мелиоративных ссуд, а также о возложении общего руководства «всем сельскохозяйственным и народным трудовым кредитом» на особый правительственный орган. Внесение соответствующих законопроектов было отложено до окончания военных действий.¹ В конце 1915 г., подводя в частном письме итоги своей деятельности в ГУЗиЗ, Кривошеин выделял вопрос о сельскохозяйственном кредите как «единственный, но б[ыть] м[ожет] важнейший», который ему «не пришлось поставить на правильные основания». «Много лет, — писал он, — я вынужден был вести на этой почве упорную борьбу с Коковцовым, одержал верх, в рескрипте при назначении Барка Государь твердо указал на необходимость реорганизации этого кредита, в июле [19]14 года я добился соглашения с М. Ф., но тут грянула война».² Похоже, однако,

¹ Объяснительная записка министра финансов к проекту государственной росписи доходов и расходов на 1915 г. Ч. II. Пг., 1914. С. 105.

² А. В. Кривошеин — Б. Л. Вяземскому 29 декабря 1915 г. // РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 679. Л. 4.

что соглашение 1914 г. носило не окончательный характер. Во всяком случае в августе 1915 г., задумав было приступить к его практическому осуществлению, Кривошеин еще писал Барку о желании свести воедино материалы двух ведомств, для чего устроить в ближайшие дни совещание под председательством Мусина-Пушкина,¹ только что сделанного им своим товарищем. Развитие политического кризиса 1915 г. и последовавшая затем отставка Кривошеина сорвали это совещание, да и вообще оно не могло бы иметь реальных последствий во время войны.

К последнему предвоенному пятилетию создание системы сельскохозяйственного кредита стало для царизма насущно необходимым в экономическом и политическом отношении.

На первом месте при этом оставалось финансовое обеспечение земельной реформы. Однако по сравнению с первыми годами ее проведения произошло определенное смещение акцентов. После того, как попытки наладить кредитование единоличных крестьянских хозяйств путем залога земли в государственном Крестьянском банке или с помощью гарантированного государством «вещного» кредита потерпели неудачу, выявилась способность кредитной кооперации самостоятельно до известной степени привлекать местные ресурсы. Это вызвало в правящих кругах неоднозначную реакцию. Министерство финансов увидело в способности кооперации к самофинансированию позитивный итог своих предыдущих усилий, снимающий с него часть забот об источниках средств для мелкого кредита. При этом оно не воспринимало активизацию оппозиционной интеллигенции, устремившейся в кооперативное дело, как угрозу существующему режиму. Оно, напротив, считало, что практическая работа в кооперативах отвлечет деревенскую интеллигенцию от активной политической деятельности. МВД было, наоборот, обеспокоено ростом кредитной кооперации как организма, не укладывающегося в общую структуру учреждений, действующих в деревне, и потенциально

¹ А. В. Кривошеин — П. Л. Барку 10 августа 1915 г. // Там же. Ф.583. Оп.5. Д.206. Л.258.

опасного для власти. Состояние сохранившихся документов затрудняет определение позиции ГУЗиЗ в этом вопросе. Но, судя по его стремлению подчинить кооперацию жесткому контролю Сельскохозяйственного банка (в разных его вариантах), ГУЗиЗ в общем разделяло опасения МВД. В результате к прежним ведомственным разногласиям из-за финансовой стороны организации мелкого кредита прибавились и трения из-за допустимой степени самостоятельности его учреждений.

После кратковременного перерыва, когда царизм вынужден был почти полностью отставить в сторону заботу о сельскохозяйственном кредите для помещиков, поскольку в повестке дня стояла судьба поместного землевладения как такового, в годы экономического подъема проблемы этого кредита вновь попадают в поле зрения правительства. Это отражало и реальные потребности помещичьего хозяйства, и общую обстановку дворянского контрнаступления в экономической и политической жизни, характерную для предвоенных лет. Все же в отличие от конца XIX в. обеспечение интересов поместного дворянства оказывалось среди других целей сельскохозяйственного кредита на втором плане. Это диктовалось прежде всего социально-политической ситуацией в стране, а также сложностью организации системы помещичьего краткосрочного кредита.

Несмотря на признаваемую всеми необходимость сельскохозяйственного кредита, к началу мировой войны была завершена лишь выработка общей схемы ведающих ими государственных учреждений, но сами эти учреждения так и не были созданы. Такая же судьба постигла программы создания сети казенных элеваторов и государственных мелиоративных работ. На таком исходе событий сказались разногласия Министерства финансов и ГУЗиЗ, которые в форме ведомственных трений отражали различие взглядов в верхах на приоритеты экономического развития и на общее направление внутренней политики. Решающее значение, однако, имели финансовые трудности, с которыми сталкивался царизм.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Интенсификация сельского хозяйства, что в условиях XIX — начала XX в. было равнозначно развитию в нем капиталистических отношений, возможна и при сохранении помещичьего землевладения. При юридическом равноправии крестьянства, свободного в распоряжении землей как своей собственностью, из его среды выделяется достаточно широкий слой хозяйств, капиталистически организованных, технически оснащенных и доходных. Одновременно капиталистически перестраиваются на основе применения наемного труда помещичьи латифундии. Хотя такой — прусский — путь развития капитализма в сельском хозяйстве болезненнее для крестьянства и является экономической основой сохранения политического влияния поместного дворянства, он в конкретной ситуации Германии XIX в. оказался достаточно эффективным. Этому способствовало и то обстоятельство, что Германия, как промышленно развитая и ввозящая хлеб страна, могла проводить политику аграрного протекционизма, повышавшего доходы сельских хозяев.

В ином положении оказалось сельское хозяйство России. Общинное землепользование и различные правоограничения крестьян замедляли выделение зажиточной верхушки деревни, ведущей хозяйство современными методами. Искусственно закрепляемое аграрное перенаселение позволяло помещикам либо вообще не вести собственное хозяйство, сдавая землю в аренду, либо обрабатывать землю крестьянским инвентарем по традиционной агротехнологии. Свежая память о крепостном праве становилась психологическим препятствием для перехода на новые формы хозяйствования и для помещиков, и для крестьян. Возможность экстенсивного освоения юга и юго-востока Европейской России оказывала консервирующее воздействие на архаичные способы земле-

деля в центральных губерниях. Аграрный кризис подрывал стимулы к инвестициям в сельскохозяйственное производство. Государство не только не могло прийти на помощь сельскому хозяйству таможенным или иным покровительством, но именно из земледелия все усиливающимися темпами черпало средства на удовлетворение своих великодержавных амбиций и на развитие промышленности.

Капиталистические отношения все равно вторгались в деревню, но в условиях низкой производительности и доходности сельского хозяйства. Как уже отмечалось, это было признано сначала по отношению к помещичьему дворянству, потребовавшему принять меры против его «оскудения», и только затем по отношению к крестьянству, в момент, когда кризис крестьянского хозяйства стал непосредственно угрожать финансовым и политическим устоям самодержавия. Из признания этого вытекал вывод о необходимости государственного вмешательства, которое обеспечило бы приток в сельское хозяйство капиталов в форме прямых бюджетных ассигнований и, главным образом, гарантированного государством кредита.

В 90-х — начале 900-х гг. Витте ставил под сомнение целесообразность направления в сельское хозяйство значительных средств, мотивируя свою позицию опасностью перепроизводства зерна и сопряженного с ним чрезмерного падения хлебных цен, а также препятствиями, которые общинное землепользование ставило на пути продуктивного использования этих средств в крестьянском хозяйстве. Оба мотива, особенно второй из них, действительно имели значение для Витте, но решающим соображением для него было стремление сосредоточить финансовые усилия на развитии промышленности. После того, как экономическая политика Витте при всей ее односторонности создала определенные предпосылки для дальнейшего саморазвития промышленности за счет притока частных капиталов, в качестве главной народнохозяйственной задачи, стоявшей перед Россией, выдвинулась ликвидация диспропорции между уровнем развития и темпами роста промышленности и сельского хозяйства, требовавшая для своего решения усиленных инвестиций в последнее. Эта народнохозяйственная

задача по своей направленности совпадала с основной социально-политической целью, которую поставил перед собой царизм в ходе и после революции 1905–1907 гг. — осуществлением земельной реформы и созданием многочисленного класса мелких земельных собственников.

Поскольку столыпинская реформа открывала, хотя и непоследовательно, более широкий путь к капиталистической перестройке хозяйства, она тем самым создавала и отсутствовавшие ранее условия для продуктивного использования сельскохозяйственного кредита. Выработанное к началу мировой войны принципиальное соглашение Министерства финансов и ГУЗиЗ решало организационную сторону этого кредита, оставив открытой проблему его источников. Решить эту проблему царизм не смог.

Возможности прямого финансирования сельского хозяйства за счет бюджета были ограничены. Основная масса бюджетных расходов царизма приходилась во все увеличивающемся объеме на подготовку к мировой войне, содержание административно-карательного аппарата и на выплату процентов по внешнему долгу. Быстро возраставшая смена ГУЗиЗ не удовлетворяла даже чисто землеустроительных нужд. В бюджетном порядке государство брало из сельского хозяйства в виде налогов больше, чем вкладывало в него.

Возможности государства привлечь в сельское хозяйство ссудный капитал также были недостаточны. Систематические превышения с 1909 г. реальных доходов над исчисленными по росписи и общий рост вкладов в Государственный и частные банки подтверждали, казалось бы, мнение ГУЗиЗ о возможности найти для сельского хозяйства свободные капиталы. Но анализ фондового рынка показывал обоснованность скептицизма Министерства финансов. Русский и международный денежный рынки были переобременены государственными и гарантированными государством бумагами. По подсчетам И. Ф. Гиндина, в Германии к 1914 г. государственные займы составляли 29,6% всех бумаг, а ипотечные закладные листы — 29% (из них 20,2% под залог городских недвижимостей), в России же государственные займы поглощали 38,4% всех ценных бумаг, а ипотечные — 37,7% (в том числе 25,5% под залог земли). В

третьеиюньский период ускорившийся процесс мобилизации дворянских и использование казенных и удельных земель для проведения столыпинской реформы еще более увеличили эмиссию ипотечных обязательств, на которые в 1908–1914 гг. приходилось около 40% общего прироста русских ценных бумаг.¹ Ухудшение торгового и расчетного баланса в предвоенные годы и планируемое расширение железнодорожного строительства означали, что Россия стоит перед периодом нового увеличения внешнего и внутреннего государственного долга, что ограничивало возможность обращения к денежному рынку для целей ипотечных и сельскохозяйственных.

И ипотечный, и сельскохозяйственный кредиты основывались на одном и том же источнике — залоге земли. Поэтому чем больше средств отвлекалось на поддержку дворянского землевладения и на мобилизацию земли, тем меньше их оставалось на собственно сельское хозяйство. Это наглядно демонстрирует сопоставление общего объема ссуд, выданных на ипотечные и мелиоративные цели. Ипотечные ссуды государственных и частных земельных банков на 1 января 1915 г. составили 3,54 млрд рублей.² К тому же сроку, как уже отмечалось, землеустроительные ссуды и безвозвратные пособия ГУЗиЗ составили в Европейской России 34,2 млн рублей (и примерно столько же в азиатской части страны), а поднадельный кредит Крестьянского банка — 10,9 млн рублей. Общий размер ссуд, выданных за 1897–1914 гг. из фонда земельных улучшений ГУЗиЗ, достиг всего 11,5 млн рублей. Даже если иметь в виду, что какая-то часть сумм, полученных по ипотечному кредиту, шла на мелиоративные цели, следует констатировать, что системы мелиоративного кредита как такового в России не существовало и, по справедливому замечанию А. П. Корели-

¹ Гиндин И. Ф. Русские коммерческие банки. Из истории финансового капитала в России. М., 1948. С.239.

² Материалы по истории аграрных отношений в России в конце XIX — начале XX в. Статистика долгосрочного кредита в России. М., 1980. С.29, 31.

на, влияние его на развитие сельского хозяйства не могло быть сколько-нибудь значительным.¹ К тому же за исключением поднадельного кредита все эти средства получались из бюджетных ассигнований. Только в последние предвоенные годы более или менее значительное развитие получили ссуды Государственного банка на покупку сельскохозяйственных машин — 46,6 млн рублей за 1911–1914 гг.²

Несколько лучше обстояло дело с краткосрочным кредитом. Подсчетов, суммирующих все его источники, не производилось. До 1906 г. главными формами такого кредита были соло-вексельные и подтоварные ссуды Государственного банка. С 1906 г. частные коммерческие банки опередили Государственный банк в субсидировании хлебной торговли. Но основная масса этих средств, в 1911–1912 гг. превышавших 1 млрд рублей, шла именно в торговлю, а не в сельское хозяйство. По подсчетам А. П. Корелина, круг клиентов Государственного банка по подтоварному кредиту не превышал 4–5 тысяч помещиков и 10 тысяч крестьян, а общая сумма полученных ими ссуд колебалась в 1903–1909 гг. между 10,6 и 29,2 млн рублей. При этом, способствуя вовлечению части помещиков в сферу торговли, подтоварный кредит не только не использовался целиком в сельскохозяйственном производстве, но, напротив, отвлекал помещичьи капиталы от производительного приложения.³

Специально помещичьим был соло-вексельный кредит, главным образом из Государственного и в меньшей мере из частных коммерческих банков. Общее число заемщиков, пользовавшихся этим кредитом, не превышало в предвоенные годы 5–6 тысяч человек, в том числе в Государственном банке — 2–3 тысячи человек, а среднегодовой объем соло-вексельной операции за время существования составил в Государственном банке 16,8 млн рублей, а вместе с

¹ Корелин А. П. Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX — начале XX в. М., 1988. С.37, 43.

² Государственный банк. Отчет за 1915 г. Пг., 1915. С.15.

³ Корелин А. П. Указ. соч. С.68–69, 74–75.

частными банками — 22,3 млн. При этом 1/3 ссуд использовалась вообще на непроизводительные цели, а из производительно затраченных 30% уходило на долгосрочные вложения.¹ В результате значительная часть полученных средств не возвращалась, а лишь переписывалась в качестве нового долга. Именно поэтому я уже выражал в рецензии на книгу А. П. Корелина сомнение в правомерности суммирования выданных за все годы ссуд.²

Единственной формой сельскохозяйственного кредита, получившей значительное развитие, был мелкий кредит. В его развитии сыграли роль и удачно найденная Битте организация — кредитное товарищество, и поддержка Министерством финансов стремления кредитной кооперации к самостоятельному выходу на денежный рынок, и субсидии из Государственного банка, а с 1910 г. — также из фонда сберегательных касс (к 1 мая 1913 г. ссуды из казны в основные капиталы кредитных товариществ составили 28,15 млн рублей, из них из отчислений сберкасс — 20 млн).³ Но главным образом учреждения мелкого кредита функционировали на местные средства, и сумма вкладов в них к 1 января 1915 г. достигла 531 млн рублей.⁴

В то же время продолжалось перекачивание местных средств, в том числе крестьянских сбережений, в систему общегосударственного кредита. Общая сумма вкладов в сберегательные кассы увеличилась с 1 января 1910 г. по 1 января 1914 г. на 410,5 млн рублей, из них вкладов земледельцев — на 134,87 млн.⁵ Иными словами, субсидии из фонда сберкасс в основные капиталы кредитных товариществ составили лишь около 15%, прироста крестьянских

¹ Там же. С.47, 54–55, 57.

² Дякин В. С. Рец.: А. П. Корелин. Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX — начале XX в. М., 1988 // История СССР. 1989. № 2. С.161–164.

³ Сведения о положении мелкого кредита в Империи на 1 мая 1913 г. // РГИА. Ф.582. Оп.4. Д.13355. Л.15–16.

⁴ Корелин А. П. Указ. соч. С.163.

⁵ Подсчитано по: Там же. С.161.

или 5% всех вкладов в сберегательные кассы.¹ Основная же часть средств касс по-прежнему уходила на общегосударственные нужды.

Наличие полуфеодалных элементов в политическом и экономическом строе России и вызванный в конечном счете этим обстоятельством затрудненный приток капиталов в сельское хозяйство привели к тому, что в третьеиюньский период диспропорция между промышленным и сельскохозяйственным производством увеличилась. По подсчетам С. Н. Прокоповича, чистый прирост производства (без влияния изменения цен) составил с 1900 по 1913 г. в промышленности 62,7%, а в сельском хозяйстве 33,8%.² В обоих случаях этот прирост почти целиком падает на 1907–1913 гг. При этом рост производства в сельском хозяйстве происходил в значительной мере за счет экстенсивных факторов — увеличения посевных площадей за Уралом и на юго-востоке Европейской России и серии урожайных лет. Наименьшую роль в некотором подъеме сельского хозяйства сыграла земельная реформа, влияние которой только начинало сказываться, причем на первых порах в результате дезорганизации хозяйства могло быть и отрицательным. Растущее отставание сельского хозяйства вносило элемент неопределенности и в процесс развития промышленности, особенно ее отраслей, ориентированных на внутренний потребительский рынок.

Таким образом, борьба вокруг выбора пути экономического развития России как в 90-е гг., так и в начале XX в. отражала реально стоявшие перед народным хозяйством страны задачи — создание современной крупной индустрии и подтягивание сельского хозяйства до уровня, обеспечивающего в экономике — устранение диспропорции обеих этих

¹ Результат будет большим, если сопоставлять рост вкладов в сберкассы и суммы, формально перечисленные в распоряжение Управления мелкого кредита, но реально кредитным товариществам не выданные. Но деньги, числившиеся в «свободном остатке» Управления — 38,5 млн рублей — никак не влияли на деятельность кооперации.

² Опыт исчисления народного дохода 50 губерний Европейской России в 1900–1913 гг. / Под. ред. С. Н. Прокоповича. М., 1916. С.69.

отраслей, а в политическом отношении — создание массовой социальной опоры власти. Эти задачи, однако, оказывались неразрешимы без коренных изменений в социально-экономическом и политическом строе страны. Половинчатость и непоследовательность мероприятий, намечавшихся правящими кругами для решения выдвигавшихся экономическим развитием задач, были следствием общего кризиса существовавшего строя и, в свою очередь, подчеркивали и усугубляли этот кризис.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

- Алексеевко М. М. 198, 199, 305, 307, 309, 310
Ананьич Б. В. 6, 18, 31, 107, 157–160, 189, 191, 193, 198, 309, 324

Б

- Бадмаев П. А. 101
Баранов фон В. 259
Барк П. Л. 259, 327–330, 332, 334, 335, 338
Бехтеев С. С. 57, 84, 106, 110, 159, 200, 201, 247
Биркин Л. С. 283
Бородаевский С. В. 273, 335
Бояновский Н. И. 218
Брянчанинов А. С. 186
Бунге Н. Х. 33, 50, 57, 86
Бутми Г. В. 99–102

В

- Валуев П. А. 35, 43
Варес Д. Г. 286
Варун-Секрет С. Т. 320
Васильчиков Б. А. 184, 201–205, 213, 243
Вессель Н. Х. 62
Витте С. Ю. 4, 6, 7, 9, 12, 13, 15–32, 34, 35, 37–46, 48–50, 52–54, 56, 60–64, 67, 68, 71–75, 77–82, 85–91, 93–109, 112–121, 123, 125–134, 136–141, 143–147, 149–152, 155, 156, 158–161, 164, 166–168, 170–172, 174–176, 179–183, 191, 193, 199, 202, 209, 250, 253, 276, 302, 306, 326, 341, 345

Вольский А. А.	300–302, 304
Воронцов-Дашков И. И.	73, 74, 81, 316, 317
Высокович Э. К.	237
Вышнеградский И. А.	16, 18, 103, 148
Вяземский Б. Л.	337

Г

Гаммонд Дж.	271–273, 275, 276, 318
Ганелин Р. Ш.	100
Герард Н. Н.	126
Гербель С. Н.	273
Гефтер М. Я.	64, 273
Гиацинтов Н. Е.	108
Гиддин И. Ф.	6, 64, 230, 343
Гиппиус И. И.	227, 229
Глинка Г. В.	178, 186
Голенищев-Кутузов А. А.	71–74
Головин К. Ф.	64, 98, 101, 105, 110
Горемыкин И. Л.	48, 169, 170, 172, 174, 183, 186, 327, 329, 332
Гужон Ю. П.	196
Гурко В. И.	22, 55, 56, 98, 106, 114, 137, 179, 181, 246, 253, 301–304

Д

Давыдов Л. Ф.	293
Дейч Г. М.	169, 172
Денисов В. И.	306
Дистерло Р. А.	296
Дихтяр Г. А.	237
Дубровский С. М.	10
Дурново И. Н.	25, 55, 56, 63, 86, 88
Дурново П. Н.	181
Дякин В. С.	23, 206, 243, 302, 313, 327, 329, 345

Е

Ермолов А. С.	13, 15, 26, 27, 33–35, 37–43, 45–49, 62, 77, 98, 109, 118, 125, 127–129, 132–135, 138–140, 143, 168, 172
Еропкин А. В.	195, 307

Ж

Жилинский И. И.	36
-----------------	----

З

Завойко В. С.	155, 160, 161, 164
Зубовский П. П.	310

И

Иващенко А. П.	42
Игнатьев П. Н.	335

К

Карцов Ю. С.	67
Карякин В. А.	238
Кауфман И. И.	46, 125
Кашкаров А. Д.	247
Киндяков С. В.	307
Китанина Т. М.	7, 60–62, 106, 274
Клопов А. А.	109
Ковалевский В. И.	113
Коковцов В. Н.	40–42, 108, 116, 119, 134, 152, 153, 162, 163, 174, 185, 191, 192, 194–198, 204, 205, 211, 213, 215, 216, 219, 225, 226, 236, 241, 243, 244, 254, 259, 261–265, 267–274, 276–279, 281, 285, 286, 290, 303, 306, 308, 309, 311, 313, 317, 322, 323, 326–330, 332, 334, 337
Корелин А. П.	7, 10, 11, 43, 44, 46, 49–52, 54, 55, 59, 63, 83, 84, 134, 152, 230, 233, 274, 277, 284, 285, 344, 345
Кошелев	73, 81
Кошко В. С.	218, 219, 223, 228, 267, 311, 332–335

Крестовников Г. А.	155, 164
Кривошеин А. В.	170, 172, 178, 182, 186, 201, 203, 213, 218, 222–229, 236, 238, 239, 241, 245, 248–250, 253, 254, 256–259, 261, 262, 264–269, 280, 281, 288, 290, 294, 295, 310–314, 316–318, 320–323, 327, 329, 332, 334, 335, 337, 338
Кривошеин К. А.	10, 60, 170
Крупенский Г. Д.	184
Кузнецов А. И.	318
Куломзин А. Н.	35, 98, 119
Кутлер Н. Н.	119, 148, 165, 173, 176, 178–181, 201, 305

Л

Лауэ фон Т.	6
Ливен А. А.	82
Лилиенфельд В. К.	20, 65
Литвинов-Фалинский В. П.	197
Лобко П. Л.	101, 102, 108, 142, 152, 153
Лодыженский И. Н.	273
Лыкошин А. И.	216, 221
Лященко П. И.	235

М

Маклаков Н. А.	275
Максимов В. В.	197
Марков Н. Е.	198, 246, 303, 308, 309, 326
Масальский В. И.	319, 320
Менделеев Д. И.	108, 110–112
Мещерский В. П.	21, 107
Мигулин П. П.	124, 125, 160, 174, 179, 180, 199–202, 203, 204, 239, 240, 257, 305, 306, 312, 334–337
Миклашевский А. Н.	235
Миллер П. И.	108
Милюков П. Н.	195
Муравьев Н. В.	77
Муромцев Л. М.	63
Мусин-Пушкин В. В.	155, 162, 164, 320, 338
Мясоседов-Иванов В. А.	118

Н

Нардов В. К.	181, 182
Никифоров Д. И.	335
Никольский А. П.	148, 183, 246
Никольский Б. А.	209
Никон еп.	299

О

Оболенский Александр Д.	84
Оболенский Алекссй Д.	25, 156–158, 161, 164–166, 173, 174

П

Павлов Н. А	164, 200, 201, 303
Плеше В. К.	26, 35, 60, 77, 88, 113, 118, 126, 127, 133, 147, 150, 151, 156, 158–162, 164, 167, 168, 171
Плеше Н. В.	275, 277, 329
Плеске Э. Д.	148, 149
Пихно Д. И.	89
Погрузов А. Д.	109
Покровский Н. Н.	275, 280, 281, 289–291, 295–298, 331
Поленов А. Д.	213, 227
Половцов А. А.	134, 150, 305
Половцов Л. В.	128
Прилежаев В. В.	197
Прокопович С. Н.	346
Путилов А. И.	72, 164, 165, 177, 178, 181–184, 186, 188

Р

Радецкий Ф. К.	335
Рейнбот А. Е.	129
Рикардо Д.	235
Риттих А. А.	217, 222, 225
Роколов	25
Романов Б. А.	6
Романовы:	
Александр III	20, 28, 50, 57, 73

Александр Михайлович, вел. кн.	31, 32, 108–110, 142
Николай II	19, 20, 30, 31, 46, 55, 68, 76, 79, 80, 95, 107, 128, 132, 140, 153, 156, 159, 160, 162, 169, 172, 174, 175, 179, 180, 182, 188, 200–202, 216, 247, 262, 263, 286, 302, 329
Николай Константинович, вел. кн.	41
Рухлов С. В.	236–238, 275

С

Сабуров П. А.	51, 141
Сазонов Г. П.	58, 240
Салов В. В.	117, 118, 120
Семенов-Тянь-Шанский П. П.	119, 147
Сидельников С. М.	10
Сидоров А. Л.	323
Симонова М. С.	8, 9, 23, 29, 71, 79, 113, 126, 127, 131, 134, 145, 155, 158, 169, 170, 172, 175, 179
Сипягин Д. С.	112, 115
Смит В.. Э.	228, 229
Соловьев Ю. Б.	7, 8, 19, 24, 26, 27, 55, 78, 179, 180, 303
Сольский Д. М.	53, 96, 161
Стишинский А. С.	126, 183, 189
Столыпин П. А.	10, 192, 205, 213, 216, 219, 225, 238, 241, 243, 245, 257, 262, 272, 274, 278, 281, 287, 306
Стюарт Д.	225
Сухомлинов Н. Ф.	25

Т

Тернер Ф. Г.	71, 148, 149
Тимашев С. И.	125, 196, 197, 220, 238, 241, 328
Тимирязев В. И.	197, 227, 269
Тимирязев Д. А.	109
Трепов В. Ф.	169, 170, 174, 175, 186, 200

У

Ульбрих В.	290
------------	-----

Ф

- Федоров М. М. 31, 121–123, 137
Филиппов Т. И. 30, 77
Философов Д. А. 152, 211

Х

- Харитонов П. А. 311, 312, 317, 322
Хвостов А. Н. 285
Хрипунов С. С. 214, 220, 224, 263, 286, 288, 289, 290, 292, 294–299

Ц

- Цитович П. П. 219, 220, 222, 224, 256

Ч

- Черкас В. К. 246
Чихачев Н. М. 142

Ш

- Шарапов С. Ф. 100
Шепелев Л. Е. 6, 31, 128, 193, 196, 300, 301, 304, 325
Шванебах П. Х. 101, 103, 104, 137, 172, 269, 316
Шидловский Н. В. 54
Шипов И. П. 163, 176, 181
Шмидт Г. Р. 335
Штанге А. Г. 110
Шульце-Геверниц Г. 41, 106

Щ

- Щегловитов И. Г. 318, 327
Щербатов А. Г. 116, 130–132, 134

Я

- Яхонтов П. Н. 281, 297

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Аграрный кризис и сельскохозяйственная политика С. Ю. Витте.	12
Глава 2. Промышленный кризис и Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности	95
Глава 3. Революция 1905–1907 гг. и проблема финансового обеспечения столыпинской земельной реформы	169
Глава 4. Проблема сельскохозяйственного кредита в годы предвоенного подъема.	233
Заключение	340
Указатель имен	348

Научное издание
Валентин Семенович Дякин
ДЕНЬГИ ДЛЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА
1892–1914 гг.

(Аграрный кредит в экономической политике царизма)

Художественный редактор *Е. И. Егорова*
Технический редактор *А. В. Борщева*
Корректор *С. К. Школьникова*

Лицензия ЛР № 040050 от 15.08.96 г.

Подписано в печать 18.11.97. Формат 60 × 84¹/₁₆. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 21,62. Усл. кр. отт. 21,79. Уч.-изд. л. 18,91.
Тираж 500. Заказ № 353.

Издательство Санкт-Петербургского университета
199034, С.-Петербург, Университетская наб., 7/9.
Участок оперативной полиграфии Издательства СПбГУ.
199061, С.-Петербург, Средний пр., 41.